

ЛБМАЖАХ
саамской литературы

АЛМАЖАХ
СААМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Идея Андрея Кирпичникова
Иллюстрации Лидии Куршук

Москва
Издательский дом «Живая классика»
2019

УДК 821.51
ББК 84(2Рос=Саам)
Авторский знак

Альманах саамской литературы [Текст] / Д. С. Балакина, Н. П. Большакова — Москва :
Издательский дом «Живая классика», 2019. — 552 с., ил.

ISBN 978-5-4489-0229-1

Настоящий «Альманах саамской литературы» открывает широкому кругу читателей прозаические и поэтические произведения саамских авторов, проживающих на территории Кольского Севера и в северных областях Норвегии и Финляндии. Задача Альманаха — представить особенности художественного языка и жанровое своеобразие саамской литературы, а также познакомить читателя с культурой кольских саамов, характер которой отражается в произведениях авторов. Тексты большинства авторов представлены на русском и кильдинском саамском, йоканьгско-саамском или северо-саамском (северосаамском или северносаамском) языках. Переводы некоторых произведений на русский язык даны в двух или трех вариантах — авторский подстрочный перевод и один или два варианта художественного перевода.

Альманах саамской литературы будет интересен специалистам в области филологии, литературы, лингвистики и этнографии, носителям языка, начинающим изучать саамский язык, а также всем интересующимся культурой и литературой саамов и коренных малочисленных народов Севера.

Исключительно для некоммерческого использования

Издание «Альманаха саамской литературы» организовано Фондом «Живая классика» при поддержке компании «Норникель»

УДК 821.51
ББК 84(2Рос=Саам)

ISBN 978-5-4489-0229-1

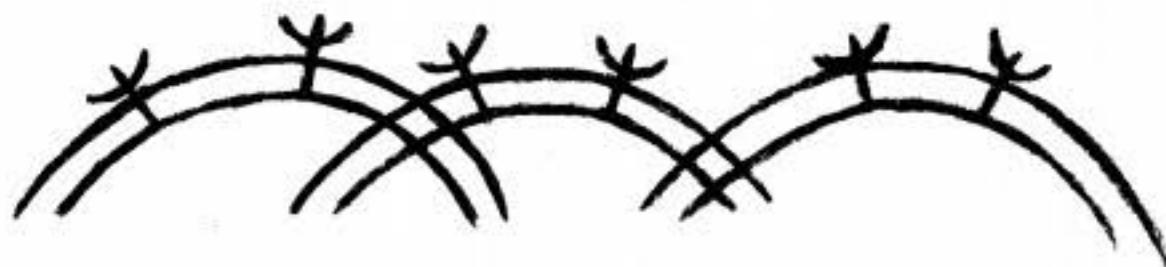
© Некоммерческое партнерство содействия изучению
современной культуры и литературы «Живая классика», 2019
© Авторы статей
© Авторы текстов
© Авторы переводов текстов

«Одуржавиле»

Предисловие к изданию	6
Литература российских саамов	14
Анфиса Агеева	26
Антонина Антонова (Юрьева)	42
Надежда Большакова	58
Эльвира Галкина	90
Светлана Заборщикова	114
Екатерина Коркина	120
Геннадий Лукин	146
Иван Матрехин	166
Мария Медведева	190
Полина Медведева (Данилова)	206
Ольга Перепелица	210
Анна Сапельникова	220
Домна Хомюк	224
Марина Юрьева	228
Павел Юрьев	229
Надя Фенина	268

Нина Миронова	278
Мемориал саамских писателей	286
Октябрина Воронова	288
Александра Антонова	328
Аскольд Бажанов	364
Софья Якимович	390
Ираида Виноградова	416
Лазарь Дмитриевич Яковлев	432
Михаил Филиппов	446
Виктор Чернышихин	456
Матриархальность саамской литературы	472
Саамская литература Скандинавии	488
Саамская литература в Европе. Краткое введение	489
Карэн Аннэ Бульйо	496
Лене Е. Вестерос	510
Кирси-Марет Палтто	518
Инга Мари Рисвик	528
Авторы	532
Библиография	534

Предисловие к изданию

Нет нужды рассказывать читателю этой книги о том, кто такие саамы. О том, что это древний северный народ, рассеянный по территории Лапландии, по одному из своих основных промыслов называемый саамскими писателями «оленный». О том, что чувство народного самосознания, гордости за свое происхождение и ощущение общности у саамов развито так, как, может быть, ни у одного другого народа Севера. О том, что их самобытная культура — будь то литературное, музыкальное творчество или декоративно-прикладное искусство — продолжает жить и развиваться по сей день, несмотря на малочисленность народа и, как отмечают некоторые исследователи, «возрастной» характер этой культуры. Об этом мы рассказывать не будем, поскольку все это читатель знает и сам, а если не знает, то точно захочет изучить вопросы саам-

ской этнографии, истории, культуры и языка, ознакомившись с текстами, представленными в Альманахе.

Здесь речь пойдет лишь о структуре книги, которую читатель держит в руках, и о тех людях, без которых эта работа не состоялась бы или, как минимум, потеряла бы очень многое.

С 2016 года фонд «Живая классика» при поддержке компании «Норникель» проводит в Мончегорске международный поэтический фестиваль «Табуретка», на который ежегодно приезжают саамские поэты из центров саамской культуры в России (Ловозера, Ревды, Мурманска) и из скандинавских стран. Идея опубликовать произведения саамских авторов окончательно оформилась во время третьего Фестиваля, прошедшего в августе 2018 года, после которого мы и начали работать над ее реализацией.

Нельзя сказать, что саамские

авторы не публикуются. Напротив, познакомившись с основными представителями саамского сообщества, сохраняющими и продвигающими саамскую культуру и литературу, мы узнали о том, насколько активно они занимаются публикацией саамских авторов¹. Однако саамское книгоиздание имеет свои особенности. Большинство книг выходят небольшими тиражами и не всегда доступны даже в крупнейших библиотеках страны, являющихся центрами книгообмена с другими библиотеками России и мира. Поэтому у заинтересованного читателя часто нет возможности познакомиться с произведениями того или иного саамского автора. Кроме того, книги саамских авторов зачастую представлены только на одном языке — саамском или русском, что также ограничивает круг читателей. Конечно, среди современных саамских книг есть и билингвальные издания, однако их очень мало. Из бесед с авторами мы

узнали, что это создает проблему, в частности, для тех, кто только начинает знакомиться с родным саамским языком, поскольку в случае чтения исключительно саамского текста может пропасть мотивация к дальнейшему изучению языка ввиду его сложности и невозможности самостоятельно сделать подходящий перевод, а в случае представления текста только на русском языке теряется необходимая «коренная» составляющая.

По этим причинам Альманах саамской литературы изначально задумывался как билингвальное издание, благодаря которому читатели, не владеющие саамским языком, могли бы познакомиться с литературой этого народа; знающие саамский язык — специалисты и носители языка — впервые или вновь увидеть на страницах книги знакомые имена писателей и сравнить специфику переводов того или иного автора; а начинающие изучать саамский язык, мы надеемся,

¹ В конце книги представлена библиография саамских авторов, чьи произведения вошли в Альманах.

смогут использовать эту книгу в качестве подспорья в трудном деле освоения нового языка.

Тексты всех авторов (за некоторым исключением) представлены на русском и кильдинском саамском, йоканьгско-саамском или северосаамском (северосаамском или северно-саамском)² языках. Переводы некоторых произведений на русский язык даются в двух или трех вариантах — авторский подстрочный перевод и один или два варианта художественного перевода. Это связано с тем, что поэтические переводы не всегда дают отчетливое представление о ритме и характерных особенностях авторского текста. Нам бы хотелось, чтобы у читателя была возможность составить собственное впечатление о поэтическом языке саамских авторов.

Альманах саамской литературы разделен на две части — русскую и скандинавскую. В каждой из них представлены произведения

саамских писателей, которые, помимо саамской традиции, соотносят себя также и с культурой тех государств, в которых они проживают. Каждую из этих частей предваряют тексты, написанные ведущими специалистами в вопросах саамского языка и литературы. Перед произведениями русскоязычных саамов мы поместили статью Виктории Борисовны Бакулы — кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и массовых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета и одного из главных специалистов по литературе кольских саамов, которая, помимо написания этого текста, оказывала нам консультативную поддержку на протяжении всего проекта. Перед работами саамских авторов Скандинавии читатель найдет статью Лилль Товэ Фредриксэн (Lill Tove Fredriksen) — доцента кафедры саамской литературы департамента культуры и языка Университета

Тромсё (Арктического университета Норвегии). Лилль Товэ также внесла необходимые правки в тексты авторов, написанные на северо-саамском языке.

Составителем «отечественной» части Альманаха является известная саамская писательница, переводчица, общественный деятель, создатель и хранитель Музея саамской литературы и письменности им. О. Вороновой — Надежда Павловна Большакова. Во многом эта книга стала возможной именно благодаря знакомству с этим увлеченным человеком, «болеющим» идеей сохранения и развития саамской литературы и культуры.

Начиная работать над проектом, мы не предполагали, что окажемся на территории особого общественного конфликта, связанного с определением нормативности алфавита, орфографии и грамматики кильдинского саамского языка. В ситуации, в которой нахо-

дится в данный момент саамский язык в России, очень трудно разобраться. Мы попытались это сделать для того, чтобы читателю было понятно, по какой причине орфография и грамматика в текстах разных авторов отличаются.

В 1930-е годы для советских саамов был создан латинизированный саамский алфавит. В том же десятилетии его перевели на кириллическую основу, а затем в конце 30-х годов дальнейшая работа над ним была прекращена, поскольку большая часть носителей языка подверглась репрессиям. Новый виток разработки саамского алфавита берет начало в 1979 году, когда был создан алфавит А. А. Антоновой, на котором в 1986 году вышел словарь под ред. Г. М. Керта, где использовался вариант алфавита, состоящий из кириллических символов. Однако по ряду причин вплоть до 1982 года велась дальнейшая работа над усовершенствованием алфавита,

в который были вставлены два латинских символа — «h» и «j». На этом варианте алфавита в 1985 году был издан «Саамско-русский словарь» под ред. Р. Д. Куруч.

В 1987 году Мурманский областной Совет народных депутатов рекомендовал к использованию вариант алфавита, уже без «h» и «j» — эти буквы заменили на «'» и «й». В том же 1987 году было принято решение о создании научно-исследовательской лаборатории, в которой до августа 1987 года должны были разработать правила орфографии и грамматики с учетом нового алфавита. Эти правила были опубликованы в 1995 году, в них был использован вариант алфавита с «'» и «й», однако издание литературы на нем продолжалось только до 2003 года.

А уже в конце 1990-х-2000-х гг. издавались пособия, буквари и методические рекомендации для преподавания и изучения саамского языка на разных вариантах алфа-

вита. В 2014 году вышел в свет словарь под ред. А. А. Антоновой. Ключевой момент в этой истории — отсутствие федеральных постановлений, принятых государственными органами уже Российской Федерации, которые свидетельствовали бы о легитимации хотя бы одного из вариантов алфавита. Поэтому ни одна из существующих его редакций не была утверждена, то есть не является с правовой точки зрения нормативной. В конечном счете это привело к тому, что внутри саамского сообщества возникла ситуация размежевания на основе того, каким алфавитом все же стоит пользоваться.

Язык — очень подвижная структура, изменяющаяся в соответствии с требованиями носителей, исторических, политических и других условий, поэтому мы считаем необходимым зафиксировать то состояние языка, в котором он находится в настоящее время, а также попытаться показать на основании

авторских текстов, какие этапы на пути развития были им пройдены. Неправильным было бы с нашей, внешней, стороны принимать ту или иную позицию в конфликте вокруг саамского алфавита. В связи с этим мы хотим подчеркнуть, что каждый автор произведения предоставлял нам тексты на саамском языке на том варианте алфавита, который для него является наиболее приемлемым. В некоторых случаях мы приняли решение поместить в текст книги авторские произведения, ранее опубликованные в одной из письменных версий кильдинского саамского языка, то есть: с буквами «h» и «j»³, со знаками «'» и «й»⁴ (сейчас практически не используемой) и исключительно с использованием букв кириллического алфавита, без включения дополнительных вышеперечисленных символов⁵. Мы уверены, что в ситуации, когда язык находится на стадии развития и укрепления норм орфографии и грамматики,

наиболее корректным будет такой вариант ознакомления с этим языком, который даст возможность читателю, не только специалисту, увидеть его изменения в динамике и разницу между его разновременными вариациями. Мы же, в свою очередь, надеемся на то, что эта книга сможет стать одной из отправных точек для примирения и разрешения многолетней конфликтной ситуации.

Итак, «русская» часть Альманаха представлена произведениями двадцати шести авторов. Тексты «пионеров» русской саамской литературы вынесены в раздел под названием «Мемориал». Все тексты авторов предваряют краткие биографические сведения, составленные Н. П. Большаковой. Ею также написана небольшая литературоведческая статья, закрывающая блок текстов русских саамских авторов. Мы хотели бы выразить особую благодарность Элизабет Шеллер — лингвисту,

³ Тексты на этом варианте алфавита представлены в корректуре Н. Е. Афанасьевой.

⁴ Тексты на этом варианте алфавита представлены в корректуре Р. Д. Куруч.

⁵ Тексты на этом варианте алфавита представлены в корректуре А. А. Антоновой, Е. Н. Корзиной, М. Г. Медведевой, О. А. Перелелицы и Э. Шеллер.

специалисту по кильдинскому саамскому языку, исследователю языкового сдвига и ревитализации языка, научному сотруднику Кафедры языков и культуры Университета Тромсё (Арктического университета Норвегии), которая внесла необходимую корректуру в часть текстов, представленных на кильдинском саамском языке в ред. А. А. Антоновой, а также оказывала нам консультативную поддержку на финальных этапах работы над книгой⁶.

Тексты четырех скандинавских саамских поэтов также снабжены небольшими биографическими справками, составленными по нашей просьбе ими самими. За помощь в распространении информации о нашем проекте среди зарубежных авторов мы благодарим Международную общественную организацию Союз Саамов (Sámiráđđi) и Совет саамских деятелей искусств (Sámi Dáiddárráđđi). Кроме того, мы бы хотели поблагодарить пере-

водчиков, работавших с авторскими текстами на шведском, норвежском и северо-саамском языках, и отдельно — переводчицу с финского языка, одного из участников проекта «Живой язык», комиксы на малых финно-угорских языках, Анну Воронкову, которая оказывала нам помощь в поисках поддержки скандинавских саамских организаций.

Авторы и куратор проекта выражают благодарность ГОБУ «Центр народов Севера» и лично его руководителю — Чупровой Надежде Ивановне и Министерству по внутренней политике Мурманской области, в частности Алене Ивановне Мартыновой, за поддержку проекта на региональном уровне.

И, конечно, особую признательность мы выражаем компании «Норникель», ставшей одним из организаторов проекта, поддерживавшей его на всех этапах реализации.

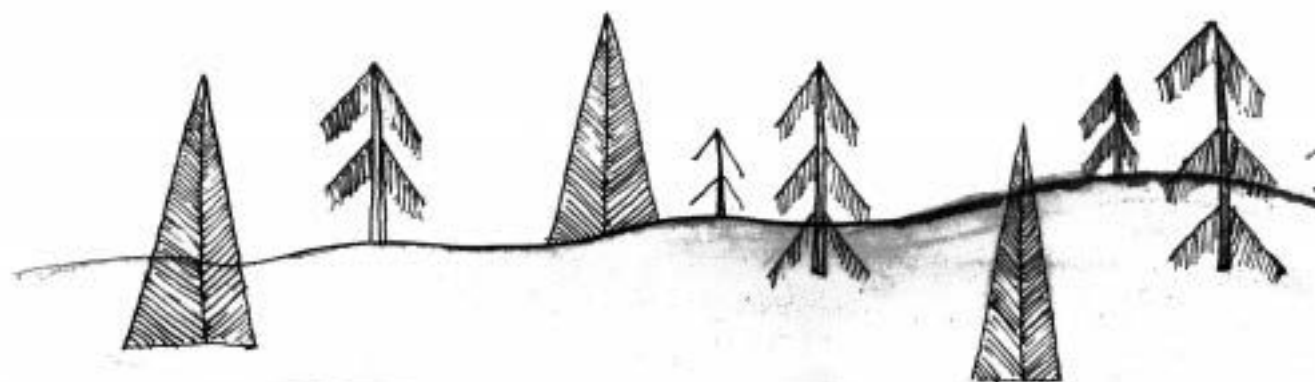
В заключение хочется также добавить: начиная работать над

⁶ Э. Шеллер выполнила корректуру, основываясь на принципах орфографии А. А. Антоновой и используя саамско-русский словарь «Самь-Русш Санныэххьк» 2014 года, под ред. А. А. Антоновой. Тексты на саамском языке, предоставленные нам авторами на алфавите под ред. Р. Д. Куруч и Н. Е. Афанасьевой, были оставлены без изменений.

проектом, мы не знали, что 2019 год будет объявлен Организацией объединенных наций Годом коренных языков, носителями которых являются всего 4% населения мира, поэтому нам особенно приятно, что

и мы, как будто бы так своевременно, смогли внести свой скромный вклад в дело сохранения одного из них.

*Дарья Балакина,
Куратор проекта, автор-составитель
«Альманаха саамской литературы»*

Литература российских саамов

Литература российских саамов — важная составляющая литературного пространства Кольского Севера. Феномен литературы российских саамов еще не получил достаточного освещения в научных исследованиях как российских, так и зарубежных ученых, между тем ее уникальность, которая определяется самобытной культурой народа и органической связью с историческими судьбами своей страны, не вызывает сомнений.

История становления литературы восточных саамов неразделима с историей саамской письменности, попытки создания которой предпринимались не раз, начиная с конца XIX века. Но о появлении саамской литературы на Кольском Севере на родном языке мы можем говорить,

начиная с последней трети XX века, когда была создана письменность. Это дало основание отнести литературу российских саамов к новописьменным литературам.

Печатное слово к саамам пришло в 1982 году вместе с выходом в свет саамского букваря А. А. Антоновой⁷, которая в 70-х гг. стала преподавать родной язык в школе и работала саамский алфавит. Букварь А. А. Антоновой был издан на кириллице и получил положительную оценку ведущих специалистов саамского языка: З. Е. Чернякова, Г. М. Керта⁸, З. Е. Черняков писал: «Саамский язык сегодня — это письменный язык, основой которого служит «Саамский букварь» А. А. Антоновой, изданный в 1982 г.»⁹.

Печатное саамское слово дало

⁷ Антонова А. А. Букварь для подготовительного класса саамской школы. Ленинград: Просвещение, Ленинградское отделение, 1982. 127 с.

⁸ Георгий Мартынович Керт (1923-2009) — известный ученый-лингвист, специалист по прибалтийско-финским и саамскому языку. На основании монографии «Саамский язык» (Л., 1971) защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук (1972). С 1954 года участвовал в экспедициях по Кольскому полуострову, изучал кильдинский и бабинский диалекты саамов, собрал значительный материал по их языку и фольклору. Часть диалектологического материала опубликована в двух томах «Образцов саамской речи» (1961, 1988). Принимал активное участие в разработке саамской письменности, подготовил и опубликовал «Саамско-русский, русско-саамский словарь» для школ (Л., 1986), учебник саамского языка [в соавторстве с А. Антоновой для педучилищ (1981)]. Читал курсы саамского языка в ЛГПИ и Петрозаводском госуниверситете, курсы финского языка — в Карельском государственном институте (ныне КГПА). Автор более 200 работ по финно-угорским языкам, истории и культуре народов-носителей этих языков. Член-корреспондент трех научных обществ Финляндии.

⁹ Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi: Университет Лалландии, 1998.С. 74.

возможность появлению печатной литературы на саамском языке.

Сегодня литература российских саамов существует на саамском и русском языках. В основу письменного языка саамов положен кильдинский диалект в силу определенных причин.

До недавнего времени на территории Кольского полуострова язык восточных саамов был представлен четырьмя диалектами: кильдинским, йоканьгским, бабинским и нотозерским, степень сохранности и статус которых неоднородны. По данным исследователя восточных диалектов Э. Шеллер (Норвегия) на 2010 год, носителей бабинского диалекта саамского языка оставалось 1-2 человека, йоканьгским диалектом владели около 20 носителей, нотозерским — около 20, кильдинским — около 700. Не все из них являлись активными носителями языка, т.е. «свободно говорили на саамском языке как на первом или втором языке,

использовали саамский язык естественно, в быту на всех уровнях общения»¹⁰. Активных носителей кильдинского диалекта было менее 100 человек, йоканьгского — 1-2, активных носителей нотозерского и бабинского не оставалось вообще¹¹. Более свежей информации о состоянии диалектов на территории Кольского полуострова не имеется. Таким образом, основная часть кольских саамов сегодня пользуется кильдинским диалектом, который сохранился в большей степени, поэтому положен в основу письменного языка российских саамов.

Саамская литература на русском языке заявила о себе намного раньше, чем на родном.

Основателем литературы российских саамов на русском языке является Аскольд Бажанов (1934-2012), его первый сборник стихов — «Солнце над тундрой» — вышел в 1983 году, на саамском языке — Октябрина Воронова (1934-1990),

¹⁰ Шеллер Э. Ситуация саамских языков в России // Наука и бизнес на Мурмане. 2010. № 2. С. 18-20; Scheller E. Kola Sami language revitalization — opportunities and challenges, 2013. С. 396.

¹¹ Там же.

чей сборник стихов «Ялла» (в переводе — «Жизнь») на йоканьгском диалекте увидел свет в 1989 году. Сегодня на йоканьгском диалекте литературы не существует.

Аскольд Бажанов стал печататься с 1965 года на страницах районной газеты «Ловозерская правда». Он автор пяти книг: сборника стихов «Солнце над тундрой» (1983), повести «Белый олень» на саамском и северо-саамском (1996), на русском языке (2007), сборника стихов «Стихи и поэмы о саамском крае» (2009) на английском и русском языках, «Букет из солнечных лучей: Избранное» (2015).

Октябрина Воронова — первая саамская женщина в Союзе писателей СССР, первая саамская поэтесса, автор десяти книг: трех книг «Ялла» (1989, 1993, 1996) на саамском и русском, коми и саамском, ненецком и русском; сборников стихов на русском языке «Снежница» (1986), «Вольная птица» (1987), «Чаккли» (1989),

«Тайна Бабьего озера» (1995), «Поле жизни» (1995), «Хочу остаться на земле» (1995), «Чем ты притягиваешь, Родина» (1999).

О. Воронова и А. Бажанов — участники первого саамского литературного объединения, которое было организовано в 1986 году в Ловозере. В его состав также вошли Александра Антонова, Лариса Авдеева, Екатерина Коркина, Павла Конькова, Мария Медведева и Фекла Клещеева. Объединение получило символическое название «Кяййн», что значит «Путь»¹².

В 2012 году в издательстве «Опимах» (Мурманск) вышла в свет «Антология саамской литературы», в которой представлено творчество восемнадцати саамских прозаиков и поэтов разных поколений. Это первая книга, в которой, кроме произведений самих литераторов, каждый раздел предваряется статьей об их творчестве.

Литература российских саамов представлена в Антологии разными

жанрами: литературными сказками (С. Якимович, Н. Большакова), рассказами (М. Медведева, Н. Большакова), стихами (Э. Галкина, И. Матрехин, О. Перепелица), публицистикой (Н. Большакова, И. Виноградова).

Вклад писателей в саамскую литературу различен: есть авторы одного стихотворения — Николай Кузнецов (Матрехин) и Гавриил Юшков. Самым плодовитым саамским литератором является Надежда Большакова — член Союза писателей России, творчество которой представлено сказками, рассказами, повестями, публицистикой, научно-популярной литературой, работами по культуре края. Ее перу принадлежит первый в литературе восточных саамов роман — «Алхалалалай» (2003). В 2016 вышел второй ее роман — «Письма в школьных тетрадках». Н. Большакова — создатель и хранитель уникального литературного музея — Музея саамской литературы и письменности имени Октябрины

Вороновой (1994 г., п. Ревда).

Большой вклад в становление саамской литературы внесла Александра Антонова (1932–2014), поэтесса, переводчик как художественной, так и духовной литературы.

В переводах А. Антоновой на саамском языке появляются книги русскоязычных авторов А. Бажанова, Н. Большаковой, И. Матрехина и др., произведения русской и мировой литературы. Она один из авторов книги «Сергей Есенин на саамском» (2008). А. Антонова единственная, кто переводил на саамский язык духовную литературу: в 1996 году в Финляндии вышла в свет Библия для детей — «Йисус Пяррнэ кәннъц» на кильдинском диалекте саамского языка, в 2009 году она перевела Евангелие от Матфея, в рукописи хранится переведенное ею «Житие Трифона Печенгского». На 82 году жизни А. Антонова перевела на кильдинский саамский книгу А. Линдгрена

«Пеппи Длинный чулок» (2013).

Литература российских саамов имеет ряд особенностей: матриархальную направленность (писатели в основном женщины), отсутствие драматургических жанров, для произведений восточных саамов свойственен автобиографизм, сочетание фольклорности и приемов собственно литературного повествования, философичность и тонкий юмор. Большое влияние на саамскую литературу оказала русская литература.

По мнению исследователей финно-угорских литератур, «этническим» и «младописьменным» литературам свойствен лирический настрой, окрашенный местным колоритом¹³. Не стала исключением и литература кольских саамов, одной из главных тем которой является тема родной природы, особенно ярко прослеживаемая в поэтическом творчестве. С этой темой тесно связана тема утраты родного дома, тема детства.

Частью саамского литературного процесса является детская литература, ее путь во многом повторяет путь развития взрослой литературы саамов Кольского полуострова: она существует как на русском, так и на саамском языках. Основоположниками детской литературы можно назвать классиков саамской литературы — А. Бажанова и О. Воронову. Детские стихи писали также А. Антонова, К. Коркина, И. Виноградова, Э. Галкина, П. Данилова, О. Перепелица, С. Якимович.

Темами детских стихов являются родная природа, традиционные народные занятия, школьная жизнь. Любимые образы саамских поэтов — образы животных и родной природы, поэтому стихотворения зачастую так и называются: «Большой медведь», «Гагара» (И. Виноградовой), «Олененок», «Морошка» (Э. Галкиной), «Медвежонок», «Забывтый пес» (П. Даниловой), «Сосна», «Ручеек» (А. Антоновой), «Котенок», «Собачка»

(О. Перепелицы).

Прозаические произведения для детей представлены жанрами рассказа и сказки (Н. Большакова, Э. Галкина, С. Якимович). Произведения писателей автобиографичны — это воспоминания прежде всего о собственном детстве (сборник «Тиррв по-саамски — здравствуй! (Рассказы о ловозерском детстве)», «Правдинки» В. Селиванова, Н. Большаковой, рассказы М. Медведевой). Есть в саамской литературе и повесть, героем которой является саамский подросток («Белый олень» А. Бажанова).

Таким образом, литература кольских саамов зародилась на русском языке почти на двадцать лет раньше, чем на саамском. Причиной этого было не только отсутствие письменности, но и определенные политические условия, которые привели к парадоксу в истории восточно-саамской литературы: ее рождение произошло на русском языке, первое произведение

вышло на йоканьгском диалекте, а сегодня литература кольских саамов существует на кильдинском диалекте и русском языке.

Однако путь литературы на родном саамском языке сегодня не менее тернист, чем в начале создания письменности. Причиной этого является состояние саамского языка, который находится на грани исчезновения.

Саамский язык составляет отдельную группу финно-угорской ветви уральской языковой семьи. В саамском языке имеется ряд диалектов с фонетическими, грамматическими и лексическими общностями, наряду с этим наблюдаются и значительные различия как в области фонетики, так и в лексике. Диалекты саамского языка на территории России относятся к восточной группе диалектов: колттский-нотозерский на северо-западе Кольского полуострова; бабинский в окрестностях озера Имандра; кильдинский диалект

в центральной части Кольского полуострова; йоканьгский диалект на восточной оконечности Кольского полуострова¹⁴. Диалекты, в свою очередь, подразделяются на говоры, имеющие фонетические отличия, так, например, в кильдинский диалект входят воронинский, ловозерский и варзинский говоры. Диалектное членение саамского языка на территории Кольского полуострова всегда создавало трудности для написания букварей, внедрения письменности.

Язык российских саамов сегодня находится на грани исчезновения, и одной из причин такого положения дел является открытый вопрос алфавита.

В 1979 году А. А. Антоновой, выпускницей Института народов Севера, младшим научным сотрудником НИИ национальных проблем образования Академии педагогических наук СССР, членом авторской группы по сохранению и развитию саамского языка, создан алфавит

саамского языка на основе русской графики с использованием специальных знаков для обозначения специфических саамских звуков. Он содержал 43 буквы. Алфавит 1979 года утвердили Карельский филиал ИЯЛИ РАН (заключение от 04.05.1979 г.) и Мурманский облисполком (решение №518 от 19.12.79 г.).

На алфавите 1979 года вышло первое издание саамского букваря А. Антоновой, в 1986 году — «Словарь саамско-русский и русско-саамский: Пособие для учащихся начальной школы»¹⁵. На модифицированном алфавите 1979 года в 2004 году — «Букварь. Учебник для 1 класса саамских школ» А. А. Антоновой «Ай сәннь»¹⁶.

В школе-интернате Ловозера началось преподавание родного языка. Для «Букваря» перевели стихи и прозу русских и советских писателей. Высоко оценил Букварь Антоновой З. Е. Черняков: «В руках носителя языка саамский букварь Антоновой, как было сказано,

¹⁴ Керт Г. М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов // Наука и бизнес на Мурмане. 2007. № 5. С. 49.

¹⁵ Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для уч-ся нач. шк. — Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1986. 247 с.

¹⁶ Антонова А. А. Букварь: Уч-к для 1 кл. саам. шк. — СПб.: «Издательство «Дрофа» Санкт-Петербург», 2004. 119 с.

является средством для овладения письменностью и могучим орудием развития мышления»¹⁷. Казалось бы, все условия для литературного языка были созданы, однако вопрос его существования до сих пор не решен, что связано с рядом причин. Одна из них — модификация алфавита А. Антоновой.

Самый большой объем художественной литературы на саамском языке издан на модифицированном стандарте 1979 года. Список включает как одноязычные оригинальные произведения разных жанров для детей и взрослых, так и переводы классиков русской и мировой литературы (С. А. Есенин, А. Линдгрэн).

Художественная литература на других вариантах письменности в основном состоит из стихов и сказок для детей и издана на двух или трех языках, поэтому объем собственно саамских текстов довольно маленький.

Каждый из представленных

вариантов имеет разную практическую значимость и, как следствие, разную возможность для применения в обучении и издании литературы, методических и дидактических материалов на саамском языке. Однако надо учитывать тот факт, что на модифицированном алфавите 1979 года издан довольно внушительный объем оригинальной художественной литературы для детей и взрослых, переведены произведения классиков финно-угорской и мировой литературы, а также духовная литература: Евангелие от Матфея, Символ веры, издана Библия для детей, написано Житие Трифона Печенгского. Важным вкладом в развитие саамского языка и письменности на сегодняшний день является перевод книги «Пеппи Длинный чулок» А. Линдгрэн на саамский язык, выполненный А. А. Антоновой. Книга содержит огромный словарный запас живой современной саамской речи, а также ценную грамматическую, семанти-

¹⁷ Черняков З. Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi: Университет Лапландии, 1998. С. 76

ческую и стилистическую информацию. Большое значение играет тот факт, что на алфавите А. Антоновой в 2014 году вышел «Саамско-русский словарь»¹⁸, который зафиксировал современное состояние саамского языка.

Все это является серьезной базой для развития саамского литературного языка.

* * *

В настоящий Альманах саамской литературы наряду с известными уже именами вошли новые: Г. Лукин, А. Агеева, А. Антонова (Юрьева), А. Сапельникова, Д. Хомюк, М. Юрьева, С. Заборщикова. Всего в книге двадцать пять саамских российских авторов. Некоторые из них впервые представляют свое творчество широкому кругу читателей (Г. Лукин, А. Сапельникова, Д. Хомюк), другие поделились новыми произведениями.

Отдельным разделом «Мемориал» представлены имена ушедших авторов саамской литературы:

О. Вороновой, А. Бажанова, С. Якимович, А. Антоновой, И. Виноградовой, Л. Яковлева. М. Филлипова и В. Чернышихина.

Достоинством Альманаха является то, что произведения саамских литераторов даны на саамском языке и в переводах на русский, сделанных разными авторами и в разное время. Исключение составляют произведения М. Филлипова, В. Чернышихина, Н. Фениной (Ляшенко) и Н. Мироновой – авторов, которые писали и продолжают писать на русском, и переводов на саамский у них пока нет. В творчестве Н. Фениной (Ляшенко) и Н. Мироновой в сказках и публицистике ярко выражено саамское мировоззрение. В представленном рассказе Виктора Чернышихина повествование идет от имени матери — саами; у Михаила Филиппова в поэзии запечатлено непривычное видение мира и нетрадиционное для саамской поэзии воплощение этого видения.

Далеко не все саамские авторы

владеют изначально материнским языком, однако их произведения представлены в переводах на саамский язык носителями кильдинского диалекта, учителями саамского языка, людьми, прекрасно знающими родной язык, причем часть текстов переведена специально для этого издания. Иногда количество переводов превышает количество саамских текстов от одного и того же автора. Большое количество переводов вызвано острым интересом к саамской поэзии, стремлением прикоснуться к загадочному миру коренного народа Севера. Хочется назвать всех этих переводчиков: мурманчан — Владимира Смирнова, Александра Миланова, Юрия Кудинова, Викдана Сеницына, Евгения Алексева, Ирину Ядринцеву, Надежду Большакову, Екатерину Коркину, Татьяну Гильмитдинову, а также переводчиков из других регионов: Николая Голя (Санкт-Петербург), Ивана Егорова (Великий

Новгород), Ирину Ермакову (Крым), Николая Почтовалова (Петрозаводск).

Впервые стихи О. Вороновой, классика и зачинателя саамской литературы на родном языке йоканьгском диалекте), представлены на кильдинском диалекте саамского языка. Авторами переводов являются Александра Антонова и Софья Якимович.

Каждый раздел, посвященный тому или иному автору, предваряется библиографическими сведениями о нем, а в разделе «Мемориал» еще и стихами-посвящениями Софьи Якимович, Ивана Матрехина, Алексея Назарова, Евгения Алексева и синквейнами¹⁹ Надежды Большаковой.

В ситуации разногласий относительно саамского алфавита произведения авторов даны как на алфавите А. Антоновой, так и на его варианте с h и j. Расширилось и жанровое своеобразие саамской литературы, которое представляют песни, быль, публицистика, загадки.

¹⁹ Синквейн (от фр. *cinquains*, англ. *cinquain*) — это творческая работа, которая имеет короткую форму стихотворения, состоящего из пяти нерифмованных строк.

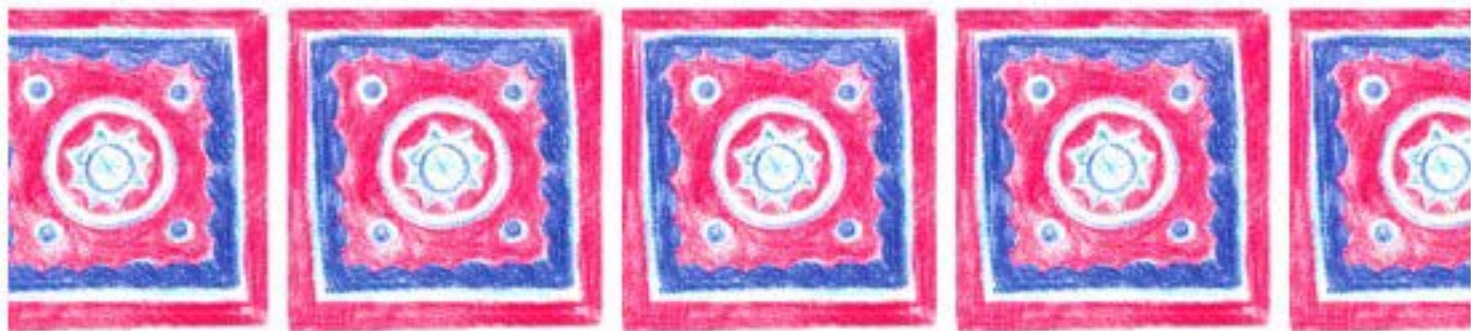
Произведения, собранные в Альманахе, говорят о богатстве художественного мира саамского народа, открывают новые возможности для изучения саамской литературы. На сегодняшний день это самое полное и единственное собрание произведений российских саамских писателей на саамском и русском языках.

2019 год стал для многих саамских авторов юбилейным: 85-летие — Октябрины Вороновой, Аскольда Бажанова, Екатерины Мечкиной; 75-летие — Светланы Заборщиковой, 70-летие — Геннадия

Лукина и Марии Медведевой, 65-летие — Домны Хомюк, 60-летие — Анны Сапельниковой. 15 лет исполняется со дня кончины Ираиды Виноградовой и 15 лет — Александры Антоновой. В 2019 году отмечает свое 25-летие Музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой. И потому отрадно, что издание Альманаха саамской литературы станет неоценимым подарком всем саамским юбилярам и увидит свет в Международный год языков коренных народов.

*Виктория Бакула,
кандидат филологических наук,
Мурманский арктический государственный
университет*

Анфиса Агеева

Исполнительница традиционной саамской песни (луввът).

Родилась 12.02.1952 в поселке Канёвка Мурманской области. Работала в колхозе «Тундра» села Ловозеро, оператором Мурманского вычислительного Центра машинно-счетной станции города Оленегорска, секретарем ГОУП «Оленегорск-водоканал».

С 1995 года принимает активное участие в саамских концертах, фестивалях, конкурсах. В 2001 и 2003 годах стала обладательницей главного приза конкурса «Саамский Гран-При» в номинации традиционная саамская песня (Норвегия). Участница многочисленных фестивалей в России, Эстонии, Финляндии, Швеции, Чехии, Италии. Основатель и руко-

водитель саамской фольклорной группы «Соайв пйнкк». Инициатор и организатор проектов «Саамский лагерь для детей», «Фестиваль саамской музыки». Член редакторской группы по редактированию словаря А. А. Антоновой «Сәмь-Рӯш сәнннэххьк». Автор переводов на саамский язык стихов И. Я. Матрехина, детских сказок «Курочка Ряба», «Репка», др. Создала родословную саамских фамилий «Захаровы-Юшковы-Пелькины-Дмитриевы», пишет очерки о членах семьи рода Захаровых. В 2015 году вышел на саамском языке диск «Саамские сказки».

Живет в городе Оленегорск Мурманской области.

Мāлець цāга*

Мāлець цāга я «гуляма» —
соāррнэ удцьха мунн.
Выльшэхьт янна:
«Кōз тōнн ёадах?
Оаллкэнь шўрр лй пйнук».
Кясстэдтэ мунн кāртмэ,
виййтэ укснэг эл.
Оаллкэнь пйнук вэзэнь сйрант,
рыйххфэль мāльцэсьт мун.
Пўдэ аввта пэрърэтэ.
Янна кэджель муст:
«Мэйт эгк сйррма оаллкэнь?
Мэйт шэ моāххьцэхь тōнн?»
Мйлкнесьт якса мāлець,
сафькса янная:
«Модче ветер «дуетца»,
Оаллкэнь шўрр лй пйнук».

Малицу надену...

«Я гулять!», — сказала маме,
Малицу надев.
«Ветер сильный за дверями,
Не ходи», — сказала мама,
В окна поглядев.
Выскользнула в сени быстро,
Вышла на крыльцо.
Ветерок снежок пушистый
Бросил мне в лицо,
Малицу на мне подергал.
Я домой пошла.
Мама смотрит удивленно:
«Что ж ты, дочка, так недолго
На дворе была?»
Тихо малицу сниму я,
Прошепчу в ответ:
«Ну, такой там ветер дует,
Что спасенья нет!»

Перевод Т. Н. Гильмитдиновой

Йлленъ с̄амь*

Йлленъ ёррка м̄йн с̄амь ѓллмэ,
во̄аррьдэнь ёммьне, во̄аррьдэнь ч̄ар,
во̄аррьдэнь йжесь п̄йррас,
во̄аррьдэнь ёллем-н̄аль.

Эллий к̄еххьпэсь с̄йнэнь яллмушш –
йлленъ к̄оввсэсьт я коажь куэдэсьт,
ев с̄ыйй п̄эджькна, ев с̄ыйй ро̄аннтма
п̄эллма ев нимасьт.

Суаунал куадта в̄азьмэннэй олма,
ыштхэв, портэв я в̄аллэв чай,
я тэль к̄эджьлэв: «К̄оз т̄онн ёадах,
м̄й т̄он пыдтэ м̄йнэ райя?».

Адть мыйй ёлlepь мудта-налла —
ш̄урр я м̄оджесь п̄эртэнь
п̄уллев ло̄аг вульн чуввесь т̄олэнч
я к̄оллкэв п̄эррьтэ ч̄азь.

Эбэ юррьтэ м̄урэтъ т̄ёррпэ,
эбэ юррьтэ к̄унн̄ьтэ ч̄азь...
ёлле ко̄аллэш, ёлле п̄эря,
ёлlepь эфт вуэр ёммьне альн.

Элля с̄ядта нымьпэшьт
ёлле аллькэпъ во̄аррьдэ мыйй к̄аньц к̄аньц
аллькэпъ юррьтэ: к̄оххт пуадт ёлле
эвтэсьт парнатъ ёммьне альн.

Жили саамы

Издrevле саамы жили —
Землю берегли свою,
Трепетно всегда хранили
Уклад жизни и семью.

Жизнь у них была особой —
Вежа дымная — зимой,
Кувакса — в сезон кочевки.
Но был в радость труд любой.

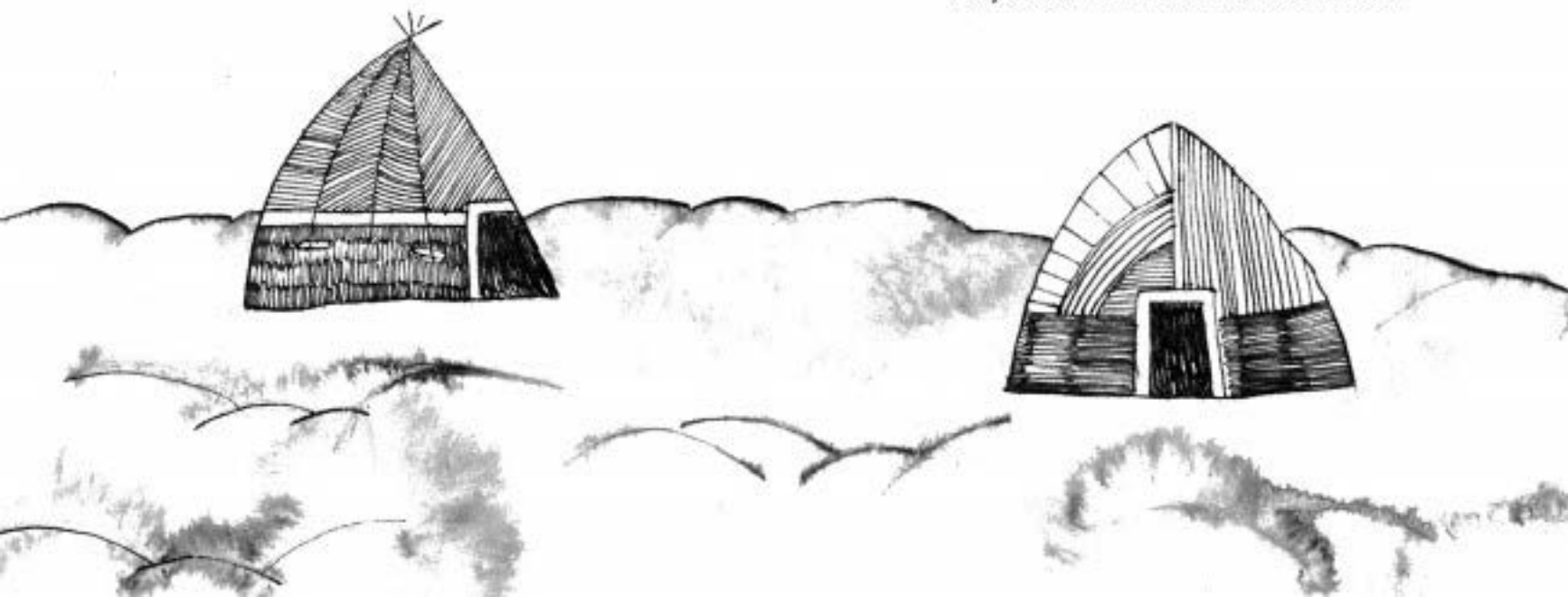
Коль зайдет проезжий гость к ним —
Пригласят, чайку нальют.
И потом лишь только спросят:
«Кто ты? И откуда тут?»

А сейчас все по-другому —
Быт уже совсем не тот.
В каждом современном доме —
Свет, плита, водопровод.

Удивительно, насколько
Все прогресс облегчил нам.
Радуйтесь, живите долго —
Жизнь у нас всего одна.

Каждый миг сегодня важен —
Думать мы должны сейчас:
Каково потомкам нашим
Жить придется после нас?

Перевод Т. Н. Гильмитдиновой

Вэдз я вәррь...*

Вэдз я вәррь...
Нике эйй айинма —
Пүдэ лөссесь соагк.
Мэйт шэ выйтэ мугка рэсс?
Эллий поалльтэ каннъц?
Ев лий поалльтэ тоавас кид —
Цаввьцэ пуэдтэй рэз.
Кадтэль эллманнт,
Вуйнас тэххпэсьт...
Пөтткэнь ёллем агкь
Кыдт пёйв мәнънэв, пудтэв
Виджълэв милльтэ мән
Аллькэв мәннэ, чөннэ ыгь...
Лышшэ тōнн эгк коаввэсьт моа́ст,
Яннсант укс эгк авведь,
Я эгк цөдьк: «Янна, тйррв,
Көххт тōнн ялах, коаллэш йнук?»

Снег и лес...

Снег и лес...
Никто не знает,
Что дано судьбой.
Почему все так случилось?
Почему с тобой?
Почему не оказался
Рядом верный друг?
От беды спасти могла бы
Пара сильных рук...
Свет померк,
Жизнь оборвалась...
Пустота в душе —
Новая весна наступит
Без тебя уже...
Будет мама тихо плакать —
В дверь ты не войдешь
И не спросишь: «Как, родная,
Без меня живешь?»

Перевод Т. Н. Гильмитдиновой

«Коалль кйлл»
(Антонова Сāндрэя Вуэннѳтре ниййта)*

Тāрьм гу тīрьмэсь альмэсьт чāркэньт...
Кāдтэль чуввесь пеййв.
Гудэль тāстэнч кэдчэ альмэсьт...
Севвнэ шэнтэ пырр.
Кудтъенѳ туй, койт тоāххтэхь кйркхэ.
Пэллехь — ев вуал вйг,
Выгкэ дова оāлкха туеть
Пядцлэнь соāррнэхь:
«Кōххт лй лōссэ мањьмусс пеййв».
Йнхуввехь тōнн.
Вай ю ебль кудст тōн мыйй йн?
Чуввесь пеййв лййй рўххкэм пāль.
Ныдтъшэ чуввэ лййенѳ тōн юрт
Пырр сāмь ял я пырр сāмь оллмэ,
Шурьмусс пядцал — мйн сāмь кйлл.
Йле, ялл я аллк пай ёлле тōн шўвв соāгк
Сāррнма, кырьйха ённэ вуэррэ
Сыйй ев уйт, ев ямь никуэссь
Мйнэгуэйм ёлле аллькэв пай.
Оāсскэпь мыйй, штэ тамьпэ, альмэсьт
Йммель прймм тōн чйллкьэсь йѳѳк.

Золотой язык (Александре Андреевне Антоновой)

Сегодня как будто гром в небе грянул...
Затмило ясный день.
Как будто звездочка с неба упала...
Потемнело все вокруг.
Остались дела, которые завершить хотелось,
Боялась — не хватит сил
Довести начатые дела до конца.
С тревогой говорила:
«Как тяжел последний день».
Осталась без голоса ты.
Неужели не услышим твой мы голос?
Ясным был тот день прощания,
Такими же светлыми были мысли твои
О саамской жизни и о саамах.
Большая забота — наш саамский язык.
Жило, живет и будет жить твое верное слово,
Сказанное, написанное много раз.
Они не исчезнут, не умрут никогда,
С нами жить будут всегда.
Верим мы, что на небесах
Бог примет твою чистую душу.

Авторский подстрочный перевод

Кӧллм километр, лышшэ...*

Тӧллв. Пӧрркманн. Касът кӱххт ёг Кица я Кола эфтнэв лӱйй удць сыйта Канёвка, эйй — элля Каневка, кӱ Поной ёгенъ пӧалльтэ лӱйй, ноа мун шӧаннтъеммьне.

Айтмесь мун вӧрр. Канёвкасът Лопарскэ райя лӱ кӧллм километр. Коӧшштадт элля шӱрр кӧсск. Нӱрр я тӱрвас ӧллмэ гуэйкэ вӧдз пӧдлътвэ мӱлльтэ сӧвххе альн чӱйксэ — эххътэшьт чӧллькье, вӱл выйем пӱдзэгуэйм выйсэ — тӧдт лӱххч тыгквэннъ. Ноа тӧдт эллий тӧдт тӧввн.

Мунн кыртэ, оӧанндэдтэ Эллмант уйнсэ. Тоӧгктэдтэ я тавве янна, аннътэ мыннэ удла уйнсэ Эллмант. Мунн эмм вуайя тӱдтэ, манътэ ённэ поӧвчсэмуж я пӧдтэз пыххътэ йжян янная. Аджя удлэнченъ кӱссэхът пӱдзэтъ, ышштэдъ янна соӧанэе эл я сыйй мӱлкнесът выййлэнъ. Эвтэсът кӧллм километр.

Лышшэ кӧллм километр. Янна гуэйкэ тӧдт лӱйй чофта кукуесь кӧсск. Сӧнн оарэ ажа сӧльк тӱгкенъ я кӧжнэ вуэр, куэссъ мунн тоӧгктэдтэ я муштсэлле йжян баяс, янна кульхенъ тӧгэ ажа сӧльк, штэбэ сӧнн ёсскаххч. Кӧллм километр сыйй вӱйххтэнъ колмэ часэ байя я быдт юррьтэ, го сыйй мауннэнъ шӱрр рӱввът выйемярка, кӱ выгаххч янна Мӱрман ланна. Аджя я янна моӧххьцэнъ моӧз Канёвкая, авта тэйт шэ кӧллм километр вӧдз пӧдлътвэ мӱлльтэ. Вӧкхэ янная мун шӧаннтхэ кӧххченъ Шӧршинэ Фӧкла Увван нӱйт я сӧнн авътмусс тӱллей мун йжесь кӱдэ альн. Шӧннътэ мунн пӧйвкэскэсът, куэссъ час чӱйенъ кӱххтэмплоагант вуэр. Мун кӱсслэнъ нюзатъ, кӧйт пӱдцлэнне воӧлмэшьт янна я пӱйенъ поӧххк пӧдэшк эл. Мыннэ эллий руэняс лӧшшэ пӧдэшк альн, мунн оӧлкхэ судтнэ, йннённе рӱгкэ. Лышшэ вӧлльтэв мун кӱдэ эл – мунн суана. Ныдтъ лӱйй рӱдт вуэр. Я лышшэ кӱссклэ янна ранът, мӱлльк нюмсэ, штэб лажьхэ мӧнна йжянт вӱгэтъ. Мунн танна эмм пӱдцлушшма янна баяс, штэ сӧнн лӱйй лоӧтткна, вӱгхуввма — мун гуэйкэ

Три километра, всего-то...

Зима. Февраль. На слиянии рек Кица и Кола стоит деревушка Канёвка, нет, не Каневка, что на реке Поной, а моя родина Канёвка. Мое первое путешествие. От Канёвки до станции Лопарская три километра. Казалось бы, всего три километра. Для молодого энергичного здорового человека по снежным сугробам на лыжах — раз плюнуть, или на оленьей упряжке — одно удовольствие прокатиться. Но это не тот случай! Я просилась на Свет. Стучалась и поторапливала маму дать мне возможность увидеть этот Свет. Я и понятия не имела, что доставляю столько мук и страданий своей маме. Папа скоренько запряг оленей, усадил маму в сани, и они отправились в путь. Впереди три километра.

Всего три километра, но для мамы они казались бесконечно долгой дорогой. Она сидела за спиной папы и каждый раз, когда я давала о себе знать, кулачком стучала папе по спине, чтобы тот остановил упряжку. Три километра они преодолели, не без моей помощи, за три часа и в итоге опоздали на поезд, который следовал в Мурманск. Родители были вынуждены вернуться назад в Канёвку. Снова те же три километра по бездорожью, по снежным сугробам. Повитухой пригласили Фёклу Ивановну Шаршину. Она помогала маме, и она — Фёкла — первая держала меня на руках. Родилась я в полдень, когда часы пробили двенадцать раз. Меня запеленали в пеленки, заботливо приготовленные мамой, и положили на теплую подушку. Но мне очень не понравилось лежать на подушке, и по этому случаю я подняла крик. Чтобы успокоить маленькую крикунью, которая живет на этом Свете всего-то лишь несколько минут, меня взяли на руки — я успокоилась. Так продолжалось довольно долго. Когда меня приложили к материнской груди, чтобы я могла восстановить свои силы,

ялл лйй пэре мѳджесь!

Вѳджьлэнь мун вѳллт ял пѳйв я янна пѳдцлэгуэйм пѳррас баяс. Пѳдѳ пѳййв мун рыстхэ. Сыйтэсьт эйй лйййма курка, тэнн гуэйкэ рыстхэнь мун пэртэсьт. Рысстадженъ кѳххченъ Шаршин Владимир, Фѳкла Увван нййт алык, кѳ лоѳле мун шѳннтэмпаль, я сѳн пѳдцлэнь я вѳххьквудэнь мунн уйнсэ тэнна Эллмант. Владимир шйтэ шѳннтэ рысстадженъ. Рысстеннѳнь кѳххченъ Собакина Мѳрьй Антип нййт. Сѳнн кугкь эйй вуайя шйххтэ. Мѳррьй сѳрнэ, штэ соннѳ лй ю ѳннэ ыгке шѳннтэ рысстеннѳнь. Маѳна сѳнн пайшэ шйтэ, ноа рѳдѳхэлеть цйлькэ, анъ сыйй оѳшшьтѳев, штэ куэссь пуадт соннѳ уййтэ мудта аллма — мун рысстеннѳнь ляннч сѳнн нѳрмусс нйййт Роза. Розая танна лййй кѳххц ыгке.

Мун тйдтэ я мушшьтэ тэнн баяс агкь бай. Куэссь эйй шѳннтма поѳлльтэ рысстьянна Мѳррьй Антип нйййт я мун рѳдѳхэль, мыйй воѳррдэмь Яковлева Розанъ Увван нййтэнь куркая я сѳнн шэнтэ мун рысстеннѳнь.

Пугк лѳххч пэ шйг! Ноа пѳдтэнь лѳссесь пѳйв пѳррсэ. Мѳдт пѳдѳ пѳррьтэ. Аджя элькэ юлсэллэ. Кѳ тѳдт мй сѳнэнь шэнтэ, маньтэ лййй рѳсс, мй лййй сост кѳтѳкэсьт. Вѳйваш лййй яллмушш, ѳннэ мѳнн бѳдахч. Вѳххьквудт пѳдѳ аввта Фѳкласьт. Сѳнн коадчесьт ажя йджясь пѳррьтэ. Мѳнн баяс сыйй моѳйнсэнь, я маньтэ сѳнн коѳвнэ соѳгэтѳ, кѳххт сѳнн сѳннѳдѳ, аджя, куэссь пѳдѳ моѳст, кугкь оарэ йнха, луэшшта вуэйв раньт эл. Маѳна сѳнн янная цйлькэ, штэ аллькэв вѳдлѳтэдтэ Канѳвкасьт Коардэгк сыййта.

Куалмант мѳнэсьт мунн выммѳдувве йжян нымьп воѳррэ пѳдзэ альн. Коардэгка мыйй пѳдѳмь ѳннспаррнэй пѳррсэнь. Мунн лѳ пѳррсэсть выдант.

Лышшэ пѳрас пѳдѳ Коардэгка — мунн кѳбптувве. Я ныдтѳ лѳсстѳнне, штэ рѳдѳхэль ев тѳдта мѳнн лыххкэ, кѳххт лыххцэ. Аджя, куэссь ѳадтэй чѳрра, проашшьедэ мунэнь, сонн ю юррьтэ, штэ мун эйй ѳтѳсьт. Куэссь аджя уйтэ, янна коадче Пѳввэл Мѳрьй, кѳнн баяс соѳрнънэнь, гудэль

потраченные по пути к Рождению, я поняла — жизнь прекрасна! Меня мало волновало тогда, что мама устала еще больше, нежели я, только что заявившая о своем рождении.

Побежали дни моей беспечности и мамины, наполненные заботой и хлопотами о семье. Наступил день моего крещения. Крестили меня дома, так как не было возможности окрестить в церкви. Крестным отцом родители просили стать Шаршина Владимира, сына той самой Фёклы Ивановны, благодаря которой я благополучно появилась на этот Свет, он дал согласие и стал моим Крестным отцом. Крестной матерью, после долгих переговоров, стала Собакина Мария Антиповна, сестра моей бабушки по маме, но с одним условием: Мария Антипова посчитала, что ее возраст не подходит для того, чтобы стать крестной матерью, и она взяла слово у моих родителей, что в случае ее кончины моей крестной станет ее младшая восьмилетняя дочь Роза. Я знала и помнила об этом условии, и когда не стало рядом Марии Антиповны и моих родителей, я приняла крещение в церкви и моей крестной стала Роза Ивановна Яковлева.

Все бы хорошо, но... Наступили нелегкие дни для семьи. Беда пришла в дом. Отец пристрастился к спиртному. Кто знает, что повлияло на это, что творилось у него в душе. Трудностей в жизни было больше, чем надо. На помощь пришла опять же Фёкла Ивановна. Она пригласила папу к себе. О чем они беседовали и какие она нашла слова, но, вернувшись от нее, отец долго сидел молча, опустив голову. Наконец, он оповестил маму о принятом решении переехать из Канёвки в Воронье.

Я отправилась во второе свое путешествие на оленях в возрасте трех месяцев от роду. В Воронье мы приехали многодетной семьей. Я в семье пятый ребенок.

По приезду в Воронье я заболела, да так, что родители были

сѡнн мѡххт лыххцэ я сѡннѣдэ.

Пѡввэл Мѡррьѣ сѡннѣдѣ мун ѣннэ вуэррэ я цѣлькэ ѣнная, штэ ѣнная быдт «мѣгкэ» мун соннѣ, мудта-налла эѣй вуанч вѣкхэ спроѡввдэдтэ тѣнн кѣбѣнѣ. Мѣгкэ — элля вѣйк юррт, штэ Мѡррьѣ «вѣсѣтэ» мун, мугка лыххцѣм-нѡлль лѣй, я «вѣсѣтэ» сѡнн мун кѣххтлоагкѣ копѣйкатѣ.

Ныдтѣ муст очтѣдэ вѣл эххт «ѣннѣ» я аввта Мѡррьѣ. Ённа, кѣ лѣйхэ мыннѣ Ёл — Мѡррьѣ, рысстянна — Мѡррьѣ я вѣл эххт, кѣ вѣкехѣт мыннѣ пѣссэ кѣбѣсѣт — Мѡррьѣ. Пѡввэл Мѡрьѣсѣт лѣйѣ чофта лѡссѣсѣ вуѣссѣ.

Йлемѣ мѣйѣ рѡххксѣнне. Лѡссэ лѣйѣ мѣн рѡдѣхѣлетѣ. Адѣя чофта ѣннэ лыгкэ колхозѣсѣт «Доброволец» пуазпыннѣнѣ, тѣйѣшѣт соѡнѣтѣ, кѡзэ сѣйнѣтѣ, ѣнна рѡбхужэ, куѣссѣ эллий пѣнѣнѣ. Ноа мѣйѣ парнатѣ лѣйѣ вуѣссѣ ѣллмушш.

Авѣтмусс клѡссе мун вѡннѣцлэ 1959 ыгѣсѣт. Тѣннгуѣйкэ ѣнна куарэ мыннѣ тѣммѣсѣ-алѣхѣ платѣя я сѡн альн лѣйѣнѣ шѣрр чуввѣсѣ рѡзѣ, ноа вѣл муст лѣйѣ пуаз куѣжѣсѣт сумѣк шѣрр чуѣрѣвѣсѣт лыххкма пуалѣнѣ.

Мунн чофта кѣфка, кѡххт ѣнна пугквѣсѣ кѣрркнѣнтэ. Мѣнѣнѣ пукѣнѣ лѣйѣнѣ кѣссѣ я тѡлльв оѡссэ, куѣшшѣ коѡммэ, тобѣрк.

Лѡссэ лѣйѣ ѣлле, чофта коѡцкчѣдтѣнѣ ѡрв, я вѣл тѣнн гуѣйкэ, штэ рѡдѣхѣль тѣйѣшѣнѣ ѣджѣсѣсѣ пѣрт.

Авѣтмусс пальта я ѣлльк вѡннѣнѣ мѣйѣ вѣсѣсѣтѣнѣ, куѣссѣ пуаррса вуѣррѣпѣнѣ Валя оѡлкѣхѣт рѡбхушшэ колхознэ фѣрмасѣт. Мыннѣ вѣсѣсѣтѣнѣ тѡлльв рѣппѣсѣсѣ пальта! Кѡххт мунн роѡммшѣдтѣ!

Кыдт! Кыдта пѣйѣв шѣгктѣнне пѡшшт, вѣдз вѣххтѣнне суннт, я кѣсск сѣйтѣсѣт очтѣдѣтѣнѣ шѣрр чѡдзѣ лѡнт. Мѣйѣ вуѣррѣпнѣгуѣйм воѡльтѣмѣ пѣссѣм, нюамѣмѣ я элькѣмѣ сугкэ гу мѣр мѣлльтэ, пѣссѣм коаммѣнѣ сѡккѣсѣ чѡдзѣ лѡннта. Эѣй, мѣйѣ ебѣ сѣрркна, штэ рѡдѣхѣль аллькѣв оѡффкэ, лѣйѣ пѣдѣжѣ, штэ ѡдт оѡссѣтѣ мѣйкѣмѣ.

в полном отчаянии. Папа, собравшись на работу в тундру, попрощался с семьей, а со мной уже прощался навсегда. Но когда папа уехал, мама пригласила Марию Павловну, которая слыла своими способностями во врачевании и умении творить заговоры. Мария Павловна «поколдовала» надо мной несколько раз и объявила маме, что мама должна «продать» меня ей, иначе у меня не было никаких шансов справиться с недугом и вернуться к жизни. Продать — это вовсе не значило, что она меня покупает, это был один из моментов «лечения». Мария Павловна «купила» меня за 20 копеек. Так у меня появилась еще одна «мать» и опять Мария. Мама, подарившая мне жизнь — Мария, крестная мать — Мария и вот еще одна, спасшая меня от гибели — Мария. Мария Павловна одна из саамских женщин с удивительной и трудной судьбой.

Жили мы дружно. Может быть, в силу своих детских лет весь мир казался в розовом цвете. Нелегко, конечно, было нашим родителям. Отец работал в колхозе «Доброволец», как и другие жители села Воронье. Мама тоже работала, когда подрастал младший ребенок, а следующий еще не родился.

Но мы, дети, были счастливы. Детство — счастливая и беззаботная пора.

В первый класс я пошла в 1959 году. Мама сшила мне для школы темно-синее платье с огромными яркими розами и портфель с большой костяной пуговицей-застежкой. Тогда я обладала портфелем из натуральной оленьей кожи!

Удивляюсь, как мама везде успевала. Мы были одеты, обуты и сыты. Покупать одежду в магазине не было возможности, родители строили дом. Впервые пальто и обувь нам купили, когда старшая сестра Валя начала работать на колхозной ферме. Мне купили зимнее красное пальто! Какое это было счастье! Запах, который исходил от пальто, не забыть никогда! Он казался самым замечательным, хотелось еще и еще раз уткнуться носом

Пальтатъ кѡшштэнъ, пушшътлэнъ, чисстлэнъ я ѡннъюввенъ сый
ю тѡрркъюввма кавън.

Мыйе Коардэгк сыйта пѣдѣ нѣрр уххцэй Антэшьк Педар нийт. Соннѣ
эллий лѣшшьк вуайпнэдтѣ мйнэгуэйм, сѣмь парнагуэйм, кѣгк ев мѣххта
сѣррнѣ рѣшас. Тѣлльва сѡнн мйнэгуэйм пылѣ мѣрэтѣ колхознѣ конторая,
я мыйе тѣнн вуэсста моѣккьсэнъ тѣнъкэтѣ. Антэшьк Педар нийт копче аххц
пѣррнэтѣ я ѣадтэй мйнэугэйм Мѣрмнѣ.

Тѣдт лѣйй мун куалмант вѣрр.

Перевод Д. М. Хомюк

в пальто, чтобы уловить этот запах!

Весна. Яркое ласковое солнце! Установились теплые дни. Снег уже растаял, а посреди села стояла большая лужа. Мы с сестрами вытащили корыто для стирки белья, забрались в него и, отталкиваясь палкой, пытались плыть по этой море-луже. Но надо было случиться неприятности — корыто перевернулось, и мы в своих новых пальто оказались в грязной луже. Нет, мы не испугались гнева родителей, но было страшно обидно испортить красивые, только что купленные вещи. Пальтишки высушили, отряхнули от грязи, почистили, и мы носили уже испорченные, но все еще новые вещи.

Тяжело, очень тяжело вспоминать родную деревню, которой уже нет на земле. Мы помним каждый дом, тропинку, речку, все, что связано с ней. Мы и сейчас часто вспоминаем наше Воронье и тех, кто жил там. Не только своих друзей, но и старшее поколение. Помним соседей, а в деревне все соседи!

Приехала к нам в Воронье из Мурманска молодая учительница Антонина Петровна. Ей не лениво было возиться с нами, саамской ребятней, плохо говорящими по-русски.

Зимой мы с Антониной Петровной пилили дрова в колхозной конторе, и нам за работу заплатили — много ли, мало ли, не знаю, но на эти деньги, а, может, и еще на какие-то, она повезла нас — девятерых детей — в Мурманск.

Раньше мы с родителями выезжали только в тундру. Мама уложила наши вещи в деревянный чемоданчик, собрала продукты в дорогу. Все повзрослому! Мы самостоятельно, без родительского контроля отправляемся в столь дальнее путешествие. До Ловозера мы добирались на тракторе. Нас усадили на тракторные сани, дали нам последние наставления, и мы отправились в путешествие.

Это было мое третье путешествие.

Антонина Антонова (Юрьева)

Саамская поэтесса.

Родилась 11.05.1972 в селе Ловозеро Мурманской области. Училась саамскому языку у своей бабушки, Карповой Ульяны Антиповны, и родителей, Юрьевых Анисьи Антоновны и Михаила Андреевича, а также в общении с оленеводами бригады №5 совхоза «Тундра» в селе Ловозеро. Работала швеей в СХПК «Тундра», аккомпаниатором саамского фольклорного ансамбля «Ойяр», в настоящее время — методист по саамс-

кому языку в Ловозерском районном национальном культурном центре. В 1998 году возобновила творческую деятельность саамского семейного коллектива Юрьевых «Пйрас». С 2010 года стала активно писать стихи на родном саамском языке, переводить с русского на саамский. Первые стихи вошли в Антологию современной литературы народов России «Поэзия» (2017).

Живет в селе Ловозеро Мурманской области.

Ённь вуэссь*

Янан вуэссь лй,
Куэссь асктэллэв парна.
Ыбэ лоайхээзэть мыннэ,
Шоабша тйнэть мунн чофта.
Мй лй мунэсьт
Тыйе чинндэда анньтэ.
Лышшэ уййнлэдтэ тоайвса,
Я тйнэть асктассьтэ вял!

Счастье матери

Мамино счастье,
Когда обнимают дети.
Подарков не надо,
Я вас сильно люблю.
Все, что есть у меня,
Я готова отдать.
Лишь бы видеть почаще
Да к себе прижимать!

Авторский подстрочный перевод

Дети обнимут,
Подарков не надо...
Мать так любит детей,
Что готова отдать всю себя.
Ей бы видеть почаще их,
Прижимать к себе, обнимая...

Перевод Н. П. Большаковой

Йнцэ, кӯххт кїдя альк...*

Йнцэ, кӯххт кїдя альк
Пырр чāпэх мун асктэнї.
Мїлкнесът сафьксах тōнн: «Янна»,
Вузхът тўгкенї пеййв ыдэ.
Лāллсэнне аскта, я пукэ вузйкэ мунн кāта тōн.
Мыйй пай лїннчепь эфтэсът
Шуря шэнт, коāллэш алльк!

С утра две ручонки сыночка
Сомкнулись в кольцо вокруг шеи.
Тихо шепчешь ты: «Мама»,
И сквозь тучи солнце пробилось.
Обниму тебя нежно, закрою от всех.
Мы всегда будем вместе,
Подрастай, мой сынок!

Авторский подстрочный перевод

С утра ручонки сыночка
Сомкнутся в кольцо на шее,
Слово «мама» шепнут тихонько,
Пробивая солнце во тьме...

Обниму его нежно руками,
Закрою от всех любовью,
Знаю, будем всегда мы вместе,
Только ты подрастай, мой сынок...

Перевод Н. П. Большаковой

Мэ́нн-ля́ннч тоассы́к мы́ннэ́ вы́рр...*

Мэ́нн-ля́ннч тоассы́к мы́ннэ́ вы́рр
Я ё́ммьне ю́лькэ́ ву́ллън уййт.
Вуэ́хът альмэ́ альн, я аббь́р ёадт,
Вуайй ы́гкь мугка́ пуадт.
Ю́гке-налшэм́ ю́рт пуэ́дтэ́в вуаййва́
Пай ли́ лосстэ́нне ку́тъкэ́сьт.
Мунн гу́ тэ́ль я́нна ля́
Никуэ́сьсэ мунн э́мм жоа́ллдэд
Лышшэ́ ы́гкэ подэ́шькэ́ луй́хкса,
Чтобэ́ парна́ мун кэ́ннълэ́тъ е́в уйй́нма.
Никуэ́сьсэ э́мм цё́дьк, кэ́нн шоабшэ́
Й́нха алка́ мунн кй́рршэ́,
Проашы́я пугк а́бьетъ́ я ну́бьетъ́,
Я подэ́шькэ́ й́нха луй́хкса.
Вуайй ы́гкь мугка́ пуадт?
Эйй! Та́рьм вуэ́ххътлувэ́ аллы́м я аббь́р пай ёадт.
Тэ́ль э́ луй́хкче́да мунн.

Почему-то так грустно бывает,
И земля из под ног уползает.
Тучи на небе, и дождь поливает,
Может, возраст такой наступает.
Разные мысли приходят,
Все тревожнее в сердце моем.
А характер достался от мамы.
Никому никогда не скажу.
Только ночью в подушку поплачу,
Чтобы дети не видели слез.
Никогда не скажу, что любила,
Только молча я буду терпеть,
И прощу все обиды, упреки,
И в подушку молча реветь.
Может, возраст такой наступает?
Да просто тучи на небе,
и дождь поливает.
Вот и хочется просто реветь.

Авторский подстрочный перевод

Отчего так грустно бывает
И земля из-под ног уползает.
Небо в тучах... Дождь поливает...
Возраст, может, такой наступил?

Мысли разные в голову лезут,
Наполняют сердце тревогой.
А скрытный мамин характер
Заставляет молчать о любви...

Я терплю и прощаю обиды,
Собирая в соленые слезы,
Ночь взойдет на порог квартиры,
И отдам их подушке своей.

Это возраст такой плаксивый,
Тучи темные дождь рождают...

Перевод Н. П. Большаковой

Чāрр — моāнтарайян... *

Чāрр — моāнтарайян,
Куэттка кōаллэш лях ёмьне.
Пастэх тэнн ёмьнесьт,
Чūdзэ кōппченъ я пынненъ.
Чūdзэ шūrр лийенъ танна.
Кёсса, вāннъцлэнне нуздэнъ,
Тāлльва, вийемтуэръв альн
Пугк чār вуйенъ вийе я вāннъца.
Чāрра нюэссъ кырьтэ соāгк —
Оāлкхувэ туаррмушш.
Нюэссъ соāгк, кырьтэ пугк ёмьне.
Ляшшкэм нūrетъ я харьетъ
Пэртэсьт кūdтэнъ пугк пастэх.
Пыссэтъ кйдтэ сыйй воāлльтэнъ,
Уййтэнъ лушшэ нūrр пāррнэ.
Лōссэ лыххк кūdтэй пугк
Вūлькэ альн пуаррса ъллмэтъ,
Я удць пāррнэ альн.
Пūdзэ пāлленъ, ёмьне пāй кырьтэ.
Вūrрьтэв рōд соалтхэтъ моāст.
Тйдэ эххт āка, нагкрэсьт сōнн уйнэ,
Пуэдтэв пāррнэ, ёлльмэнъ ев пугк.
Яллмушш эвтэс пай ёадтай
Аллькэв муштсэллэ сйнэтъ я
лūйххкэ пай.

Тундра — предков родная земля.
Пастухи там оленей пасли,
Тогда большими были стада.
Летом пешком, зимой на упряжке
Всю местность объездить могли.
В тундру, как и везде,
Весть плохая пришла —
Началась война.
Пришлось на ружья сменить
Свои арканы, хореи.
Уходили служить пастухи молодые.
Все тяготы жизни на плечи легли
Стариков и совсем еще юных ребят.
Боялись олени, дрожала земля.
Родня их ждала возвращенья.
Бабушка знала, видала во сне,
Вернутся ребята, живыми не все.
Жизнь, как и прежде, пойдет.
Будут помнить их вечно
И вспоминать.

Авторский подстрочный перевод

Тундра — земля родная.
Пастухи в ней пасли оленей,
Были большими стада.
Летом пешком, зимой на упряжке
Пастбища они объезжали.
В тундру, как и повсюду,
Страшная весть пришла —
Началась война.
Пришлось им на ружья сменить
Арканы свои и хореи.
На войну уходили
Пастухи молодые.
Все тяготы жизни
Легли на плечи
Стариков и подростков.
Боялись олени,
Земля дрожала.
Близкие ждали
Их возвращенья.
Бабушка знала, ей приснилось:
Не все живыми домой вернуться.
Жизнь продолжается.
Наших погибших
Вечно будут помнить, всегда вспоминать.

*Перевод И. Ермаковой**

В тундре кажется родным
Все: олени, ветры...
Сопки, снег, туман видны
И зимой, и летом...
На санях, а то пешком —
В тундре тропок нету...
Кто с войною незнаком,
На вопрос ответа
Не найдет. Пора пришла
Все менять — до сути...
У войны надежда зла —
В узелочек скрутит...
На плечах у стариков
И юнцов держава.
Так Победа далеко,
Но любовь держала!
Хоть кому-то не дойти
К дому — путь так сложен...
Память вечную нести
С честью жизнь поможет!

Перевод Н. П. Почтовалова

* Публикуется по изданию: Современная литература народов России. Поэзия [Текст] : антология / [Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации]. Москва : Объединенное гуманитарное изд-во, 2016. С. 192.

Куххькэнь, таввял ёмьнесьт...*

Куххькэнь, таввял ёмьнесьт,
Нёллькэсь чэръ ли рёвнха.
Тамьпэ ёллев — сáмь.
Пыннев ёрркъя ёллем-нáль.
Табь луннь коаммрэллэв сыйй.
«Ань ёррк ляннч поахк,
Поабпахт сáйймэ кўль,
Шувв мёххьц пáль пуадт,
Пйррсэ — тйрвасвудт,
Пўдзэ чáрэсьт, ев кáдтма никуэсьсь».
Тэ́нн баяс коаммралл — сáмь.

Далеко, на Северной земле
Ровная тундра без края.
Там живут — саамы.
Живут по старым обычаям.
У каменного знака молятся они:
«Олени в тундре не пропадут никогда».
Вот о чем кланяется (*молится*) саам.

Авторский подстрочный перевод

Там, на краешке Земли,
За Полярным Кругом прямо,
В счастье, в вере и в любви
Жили гордые саамы.
Поклоняясь небесам
У святых камней, однако,
Только и просил саам
Рыбы, дичи и не страха
За здоровье, чтобы труд
Был на пользу, ведь олени
Никуда не пропадут —
Есть молитвы, есть терпенье!

Перевод Н. П. Почтовалова

Далеко, на севере,
Бескрайняя тундра.
Живут там саамы
По старым обычаям,
Молят камень знаковый.
«Дай нам погоды,
Улова обильного,
Счастливой охоты,
Здоровья семье,
Пусть олени в тундре не пропадают» —
Вот о чем молится саам.

*Перевод И. Ермаковой**

* Публикуется по изданию: Современная литература народов России. Поэзия [Текст] : антология / [Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации]. Москва : Объединенное гуманитарное изд-во, 2016. С. 193

Мунн кѣдѣк луз пуада*

Мунн кѣдѣк луз пуада,
Йнха оарса, кѣдѣк луннѣ
Лышшэ алка кѣтѣкэнь сѣррнэ.
Мушштѣя йжян ѣллмуж пугк,
Кѣххт сѣрре ѣян, ѣка моѣййнас.
Мушштѣя пукэтѣ, йжян рѣд.
Тыйй мѣтѣхэтѣ ѣлле чѣрэсѣт мун.
Кѣххт кѣххче чѣгкар — тѣлльва,
Касѣт кѣсса шылле кѣль.
Оарса вуэуса, лѣйп мунн порса
Вѣннѣцла эвтэс, ѣлле быдт.

Подойду к большому камню,
Возле камня молча сяду.
Только сердцем говоря,
Вспомню детство я свое.
Как играли с дедом мы,
Бабушкины сказки.
Вспомню всех своих родных.
Как учили в тундре жить,
Как пасти зимой стада,
Летом — рыбу где ловить.
Посижу и отдохну,
помолюсь тихонько.
В память хлеба съем кусочек.
И вперед по жизни смело
Снова я пойду.

Авторский подстрочный перевод

У большого камня
Присяду молча,
Вспомню сердцем детство,
Бабушки сказки, игры с дедом,
Всех родных вспомню.
Как выживать учили в тундре:
Как стада под снегом пасти,
Где ловить летом рыбу.
Посижу, помолюсь тихо,
Хлеба кусочек съем в память
И пойду по жизни вперед смело.

*Перевод И. Ермаковой**

Приду, присяду, помолчу
У камня. Есть дорога —
Она сегодня по плечу —
К себе и даже... к Богу!
Припомню детство: с дедом мы
Играли в сказки — даже
Уже на подступах зимы
Их бабушка расскажет...
Учили сказки жить в добре
К своей земле. Все было...
Все надо в памяти сберечь,
Чтоб память не остыла.
Молюсь за всех: и тех, кто жив,
Кого земля согрела...
Нет — нелюбви, вражде и лжи...
Вперед по жизни смело!

Перевод Н. П. Почтовалова

Лоанньт пай кыррт, пӯрэтъ оадз...*

Лоанньт пай кыррт, пӯрэтъ оадз
Порт сйнэтъ, кыррьтэ пай мātāхт.
Яллмушш нышше муст мәнэ
Шәннътәнъ пәррнэ, юлькэ эл пәййнәнъ
Ёллев адтъ мунха, кōххт мātъхэ.
Пуаррсамусс пәррьн, рōбхушшэ уйтэ
Мйллътэ вуэпъсуввэ копчнэдэ ниййт.
Кōххт ёллем-нāль коāввсассьтэ моāст,
Пэртэсьт пугк пйрас, сэгэсьт я поāкэсьт,
Лышшэ эйй вуэй оāлкхэ оdt ёллем-нāль.

Птица все летает, птенцов ищет,
Кормит их, летать все учит.
Жизнь так же моя прошла:
Выросли дети, на ноги встали,
Живут сейчас без меня, как учила.
Старший сын работать уехал,
Следом учиться собралась дочь.
Как же жизнь повернуть обратно,
Дома вся семья, спокойно и тепло,
Только нельзя начать новую жизнь
(только нельзя все сначала начать).

Авторский подстрочный перевод

Летает птица, птенцов ищет,
Кормит их и летать учит.
Так и моя жизнь прошла.
Выросли дети, на ноги встали,
Живут сами, как я их учила.
Работать старший сын уехал,
Следом дочь собралась учиться.
Как же мне жизнь
повернуть обратно?
Семья вся дома, тепло, спокойно,
Только нельзя все сначала начать.

*Перевод И. Ермаковой**

Мы, как птицы, у которых
Все птенцы довольно скоро
Улетят... Куда?.. Не знаю...
Далеко... Страна большая...
Были детками, выросли...
Сын теперь уже при деле,
Дочка следом — в институт...
Годы не идут — бегут...
Из зимы не впрыгнуть в лето —
Мы детьми зимой согреты.

Перевод Н. П. Почтовалова

* Публикуется по изданию: Современная литература народов России. Поэзия [Текст] : антология / [Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации]. Москва : Объединенное гуманитарное изд-во, 2016. С. 193.

Нызнэ¹

Шэнтэ пйррсэсьт нйта.
Шуря шаннт: садькэ вәннъцал,
Школне воаррад,
Ёадтай кōз-не вуэпсьсуввэ.
Кыррлаххт куйе выйтэ.
Шэнтахт парнать — сōнн лй ённъ.
Нурр палль мэнэ — кадэ.
Агкь пай удлэнне пай ёадт.
Коабкэнъ шэннътэхъ тōнн.
Парнасьт — шэннътэнъ парна.
Аканъ кавьсэнъ тōн.
Аххквэнъ пядцал ённэ:
Чиннэ пэртэсьт пōррмуж,
Сугкэтъ, воацэтъ коадтэ быдт.
Ыгкь пай ялах сунътрях.
Амшуввехъ — пузресь пеййв
Пудэ эгк ля аййнма.
Племнэгкь — вуэнненъ коаххчев,
Коаххчев я ев коадч.
На янна, яннэнч аллькэв лэункэ пай.

Женщине

Родилась на свет девчонка.
Подрастает: садик, школа, институт.
Выйти замуж поспешила,
Родила детей — молодая мама.
Незаметно юность мимо пролетела.
Время мчится все быстрее,
Зрелость наступила.
У детей уж дети — бабушкой стала.
И с внучатами забот
Еще больше стало.
Дома кушать приготовить,
Всем связать носочки,
Рукавички тоже.
Так и жизни колесо
Закрутило, понесло.
Не успела оглянуться —
Старость наступает,
Могут тетей не назвать
Взрослые племянники.
Но мамулей, мамочкой
Будешь ты всегда.

Авторский подстрочный перевод

Женщина

Родилась девочка, растет:
Садик, школа, институт,
Поспешила замуж,
Родила детей —
Вот уже молодая мама.
Пролетела юность,
Все быстрее время,
Наступила зрелость.
У детей — дети,
Бабушкой стала.
Окружили внуки,
Хлопот все больше:
На всех приготовить,
Всем носки связать,
Всем — рукавички.
Колесо жизни
Понесло — закрутило,
Вот уже и старость.
Тетей племянники зовут,
Но всегда ты будешь мамочка-мама.

*Перевод И. Ермаковой**

* Публикуется по изданию: Современная литература народов России. Поэзия [Текст] : антология / [Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации]. Москва : Объединенное гуманитарное изд-во, 2016. С. 193.

Надежда Большакова

Прозаик, член Союза писателей России.

Родилась 18.04.1957 в поселке Ревда Мурманской области. Автор более двадцати книг. В 1994 году основала Музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой в поселке Ревда Мурманской области, ставший с 1998 года филиалом Ловозерской ЦГБ, где и работает по настоящее время. Участник Славянского хода «Мурман-Черногория»–1997. Участник Вселенского Поместного Собора–2009. Организатор и руководитель духовно-просветительских и патриотических экспедиций «Мурманск–Великий Новгород–Валдай»–2002, «Славянский ход»–2006, к «Ушако-

вский ход»–2007, «На звон колоколов»–2009, «На Северный Кавказ»–2010.

Участник Балашовских, Масловских, Рубцовских, Романовских, Ключевских, Чарнолуских, Феодоровских, Беловских чтений, конгрессов финно-угорских писателей. Сказки, рассказы, очерки Большаковой вошли в сборники «Морошковая поляна» (1997), «Последнее пришествие» (1998), «Проза народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России» (2002), «Здесь начинаются дороги» (2001), «Литература Кольской земли» (2004), «Современная литература народов России. Том 4. Проза» (2005), в несколько альманахов «Площадь первоучителей»

(2000, 2003, 2004, 2006), в книгу Николая Коняева «Дмитрий Балашов. На плахе» (2008), в сборник мурманских писателей «Свет слова в Заполярье» (2008), в Антологию современной литературы народов России «Детская литература» (2018). В 2009 году Мурманская областная государственная библиотека для слепых выпустила в свет аудиокнигу сказок

и рассказов Н. П. Большаковой. Ее произведения переведены на саамский язык (кильдинский диалект), эрзянский, мокшанский, горномарийский, белорусский, кабардино-балкарский, карельский, норвежский, шведский, финский, северо-саамский, венгерский, английский.

Живет в поселке Ревда.

Мйгкма п̄рр̄н

Удць нййтнен̄ янна о̄ххкан̄ мйгкен̄ мун вйресь кйдэть, вйресь пйррсэ, пыннем гуэйкэ мун ёлльмэн̄, эмм ямче, к̄ххт мун пуаррса вйльенч Мышкэнч.

Ныдть лйй пййма со̄мен̄. Кёсьт пйррсэсьт п̄ррнэ ё̄амнэв, танна парнат̄ мйгкэ быдт, пынне йнук сыйе. Пййма лйй мйгкэ авьтма о̄ллмне, кё пуадт вуэсста, лубэ ш̄урр пйррсэ, касьт нике п̄ррнэн̄ эй ё̄амна. Тэдт, кё вуасст парна выдтэ копейкасьт, соннэ быдт т̄лльяссьтэ парна кйдэ альн, я анн̄тэ мо̄аст род̄хэлеть, а л̄гкьювв, го парна ш̄эннтэй р̄д̄хэль во̄алльтэн̄ лышшэ вуэп̄сэ с̄н. Кыджемь ыгке тэнн п̄лесьт никез ев с̄рн парна мйгкэм баяс.

Ныдть лйй пййма. Ныдть со̄мен̄ пуллдэгэсьт пуллдэгка манн: мйгкма п̄ррнэ мйгнэв йжесь парнат̄, т̄йн гудэль вуэссьтэв с̄дэсьт ял я тйрвасвуд йжесь парнат̄.

П̄ллмушш лйй вай мудта мй, ноа э мунн, ш̄эннта нййт я п̄ррн, к̄ххтэ лййе мйгкма выдт сыллпэ вуэсста йжян школа п̄ллса к̄аннца, кёсьт тэнн п̄лла лйй ё̄ выдт йжесь парн̄недтэ.

*Перевод А. А. Антоновой**

Проданный ребенок

В младенчестве мама с бабушкой продали меня в чужую семью, чтобы сохранить жизнь, чтобы я не умерла, как мой старший братик Миша.

Есть у саамов такой обычай. Если дети в семье умирают — надо совершить обряд продажи. Продают за пятак первому встречному или в большую семью, где никто из детей не умирал. Тот, кто покупает ребенка, должен подержать его на руках и возвратит родителям. Считается, что настоящие родители его теперь взяли как бы на воспитание. Семь лет при этом надо хранить обет молчания. Таков обряд...

Так у саамов из поколения в поколение и ведется: проданные дети продают своих, чтобы тем самым выкупить у судьбы им жизнь и здоровье.

Суеверие это или еще что, но и я, родив дочку и сына, продала обоих за пятак в семью школьной подружки, у которой к тому времени своих было уже пятеро.

Сāммь я рӯшшла

Суаңэ Юрьев Ефьме кōввсэ рӯшшла я поабпэхьт пōррэм пāлла. Туэль альн кӯлль лймм я кārрь эллбоарра вӯйй шāбпэ, чāйй тōл альн туэллт. Ефемь кāллса ыштхалл кӯссь туэль туэгка, кӯленъ кӯссяхт.

Оаррэв, пōррэв. Рӯшшла э эфт тафта вуэллькэдъ шаллта, э нымьп — шаллта.

Кāллса каджь:

— Тōнн мāйт ньдтъ, коāллэш олма, тафтатъ-дэдт шаллта?

Тыве рӯшшла — касьт тэдт шалльт, куэссь юлькэ вӯлленъ ёммьне лй?

Э цйлькэ соннэ Ефемь кāллса эйй тōлдъкъей куэсса:

— Чальмхэмь вай тōнн лях? Уйнах лувьт юлькэ вӯлленъ, мāнн альн туэлль чуэннч? Тэдт э лй туэлль. Сōнн шальт э вэзхалл.

Сягкэнъ рӯшшла.

— Лӯшьт мун рёкъ, эвтэс тёдт пӯдэ.

Ньдтъ э лйй, сāмь вӯйенъ эфтэнъ луэвтанъ шальт тйххтэ.

*Перевод А. А. Антоновой**

Саам и русский

Зашел к Ефиму Юрьеву в чум русский, как раз к обеду попал. На столе уха наваристая, полная миска жирных сига, чай кипит. Дед Ефим гостя за стол сажает, рыбой потчует.

Сидят, едят. Русский одну кость на пол кинул, другую...

Спрашивает дед:

— Ты чего это, мил человек, кости-то на пол кидаешь?

Удивился русский — где пол, когда под ногами земля?

И объяснил дед Ефим непонятливому гостю:

— Слепой ты, что ль? Видишь — доска лежит, на которой стол стоит? Она пол и означила.

Смутился русский.

— Прости, отец, вперед наука.

Так и было: могли лопари одной доской пол обозначить.

Мэйн ёатдсэлах йу вўлленъ шылле?

Чузкас Мўрмнэсьт Ревда сыйт райя элля алытэсь, мэйн баяс лышшэ эй пўдтэль сārрнэ. Мун рысст ённъ каджь:

— Цёдык, мэйн тōнн ёадтьеххчехь йу вўлленъ шылле?

— Тōнн мэйн, рысст янна? Мунн э вофьсэ эмм ёадтьеххче, маньтэ мунэсьт кўль шыллей?

— Вай мунн пāка тоннэ вāннъцэ? Мунн кэжя, мэйн тōнн вāлтчехь, го пуадаххч ёадтэ йу вўлленъ шылле? — пашшэнь рысст янна.

— Эмм тйдь, вāлтче йу тёррпэй кāвьн, поāххкса тōрк, вёрц кўль вуэлла, вўнк...

Вārрнмэнь, мунн вуэмшэ рысст ёнъ сыйнэй чильмэть. Кэжя:

— Ну-э шйг, а мэйн тōнн вуэлкчехь?

— Мунн! ? — гудэль вўрьтэ мунэсьт тэнн кэжьнэг, вуэсстэль рысст янна, — оāкшэнь!

— Кōххт! ?

— Ныдть, вāлта оāкш я вāннъцла,

— Э мэйн, кўль оāкшэнь алках шылле?

— Ныдть, — вўййкэсьт, шўрр тёдэнь вуэссталл сōнн. — Я тёдах, соāга.

— Кōххт?

— Тāгкла оāкшань вэсьт вуэйивэ я соāга.

Мунн, юрта, рысст ённъ мун вызахт (сйрхалл), туаррьйлэссьтэ.

— Соāгах. Кўль лй выпьсай, сōнн тоннэ надта тāгхэм гуэйкэ вўяст.

— Вўяст, рысст нййт, — кадцэсьт мун сārрнэм йн рысст ённъ. Вўшенъ кёсся поанъ мйллэть вўянт, ныдть? А го яввьр лышшэ кальмаст, сōн вуэлла кясстадт? Оарр, йу нюалл я мун вуэррт. Тэль мунн э сōн э тāгкла вэсьт вуэйивэ. Оāкшань кэлмэшкта я кяза йу эл.

С чем пойдешь на подледный клев?

Дорога от Мурманска до Ревды неблизкая, о чем только ни переговоришь.

Меня крестная спрашивает:

— Скажи, с чем бы ты пошла на подледный клев?

— Ты что, крестная. Я бы вообще не пошла, какой из меня рыбак?

— Разве я заставляю тебя идти? Я спрашиваю, что бы взяла, случись на подледный клев пойти, — настаивала крестная.

— Не знаю, взяла бы ледоруб, тулуп потеплее, мешок под рыбу, удочку...

Перечисляя, я наткнулась на смеющиеся глаза крестной. Спрашиваю:

— Ну хорошо, а с чем бы ты пошла?

— Я!? — словно ожидая этого вопроса, ответила крестная. — С топором!

— Как!?

— Так, возьму топор и пойду.

— И что, рыбу топором ловить будешь?

— Конечно, — уверенно отвечает она. — И, знаешь, поймаю.

— Как?

— Тюкну топориком по голове и поймаю.

Я, думая, что крестная меня разыгрывает, поддакнула:

— Конечно, поймаешь. Рыба — дура, она к тебе специально для удара подплывет.

— Подплывет, крестница, — подхватывает мой тон крестная. — Налим летом по дну плавает, так? А как только лед скует озеро, под него выползает. Сидит, лед лижет и меня ждет. Вот я его и тюкну по голове. Оглушу топориком и вытащу.

Мне не верилось:

— Лед ведь тонкий. Ты к нему на животе подползать будешь? Выс-

Мыннэ эй оаскха:

— Йѳу годть сѳѳѳ лй. Тѳнн соннэ чужйв альн нюаммэ алках? Кйчнэ, касьт сѳнн оарр, тѳн вуэррт?

— Ныдть, ныдть, — вѳйвэнь лыгкхалл, мѳдт рысст ѳннь. — Парна пѳлесьт мыйй ныдть э нѳмнэмь, оѳкшань шылемь. Ѳдт йѳу куэсст, сѳн вѳллень пугк куэсст.

— Ныдть вуайй э калльмэ чужйв альн?

— А мыйй мѳльцегуэйм. Тыгквэннь паййла кѳллмсэдтѳ лй.

Авьтмуссе лй, кѳххт лоѳччклуввэ (шйххтлуввэ) я соѳгкэ.

— Э ѳннэ тѳнн ныдть кѳлле соѳгкехь (соѳгнэхь)? – сѳгкхэла сѳн.

— Вай тэсьт лй тѳйй «ѳннэ»? — Тоннэ эфт тѳввт. Пугк тѳйй тэсьт — сѳагкэ кѳль оѳкшань. Кѳсся вѳшень нике эйй шыль, сѳн кйдькэ вѳллень луэмант. Тѳлльва — ѳадт.

*Перевод А. А. Антоновой**

матривать, где он сидит, тебя ждет?

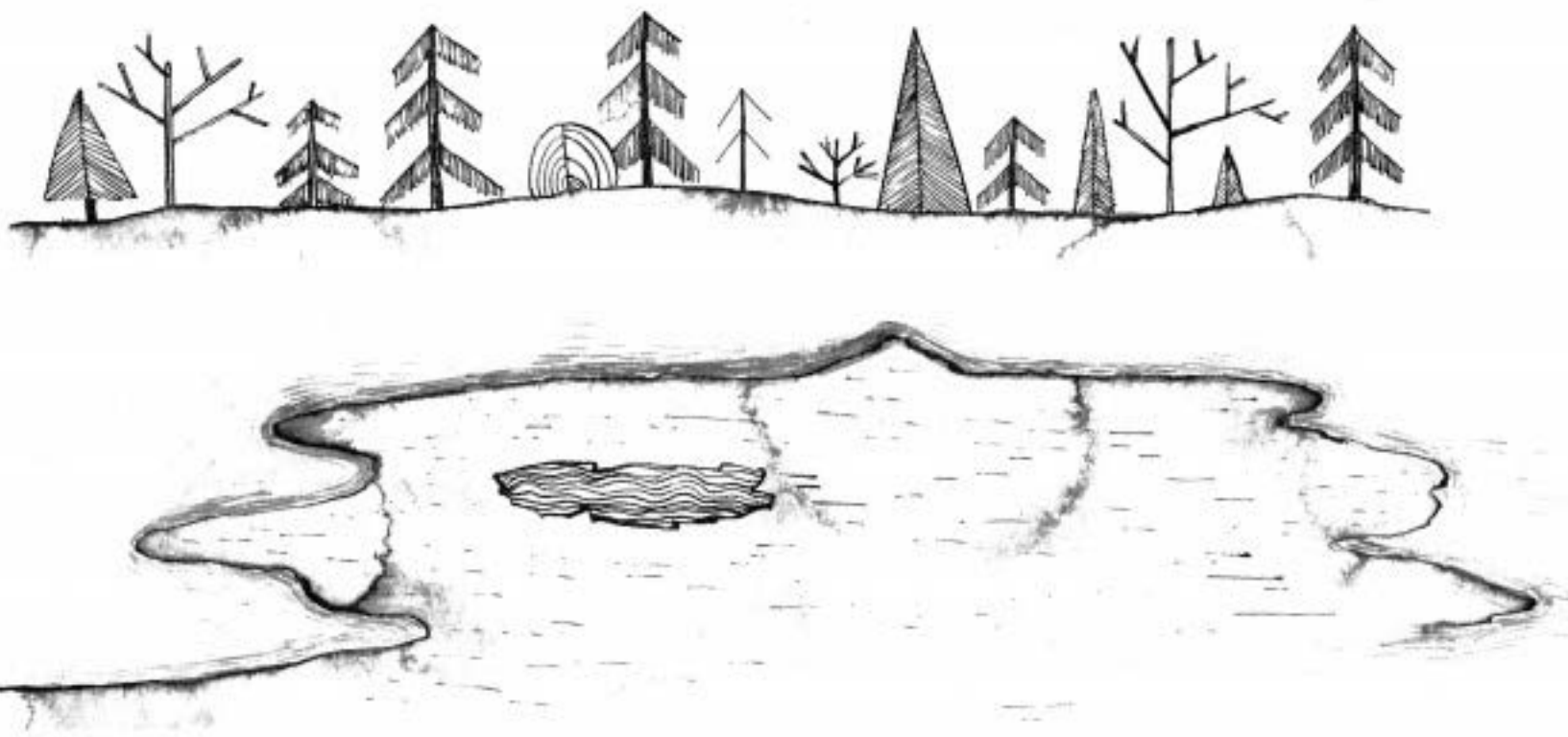
— Да, да, — согласно кивает головой крестная. — В детстве мы так и ползали, топориком рыбачили. Молодой лед, прозрачный, под ним все видать.

— Так ведь и замерзнуть можно на животе?

— А мы в малицах. Интерес выше холода. Главное — словчиться и поймать.

— И много ты так рыбы наловила? — перебиваю я.

— Разве дело в количестве? Тебе и одной достаточно. Главное, чтоб ты рыбину топориком поймала. Летом-то налима никто не ловит, он под камнями прячется. Зимой — в ходу!

Явьр чуэвант

Мйн айкэсыт шэнтэ кѣххьпэсь воӱррдассьтэ пѣйель поӱке Сѣййтъяввра. Кѣ ёадт мѣджесь сѣйит сзетъ снимье, кѣ куэла шыльсэ, кѣ вуэңнэ ёадт. Мыннэ ныдтьшэ поӱххкэнь эйй эфт вуэр вѣл, мыннэ пай эллий асст. Э ныдть э мѣнэ ыгесыт ыгка.

Эххьтэшыт мыннэ пѣдэ ёадтэ кѣлль шыллье эвтэсыт моӱинсэ йжян кырьихэм тѣе баяс.

Ёадтэпъ явьр мѣлльтэ, я авта сылп чӱдзь роасс мыннэ кӱсва. Эфт саесыт мунн моӱинсэ, нымьп саесыт, э — чӱдзькудэ мун кѣттѣк. Кѣлль шыллей пуэллхэнь тѣл, кѣлль вѣр кыппьтэв, туэль ёммьне альн кӱххьтэв, а мунн вӱнца явьр рыннта, воӱнца рынт мѣлльтэ.

Маңна ышта кѣдѣк эл — пѣссьмурр суга асктэллэв мун, гу оӱххкан кѣд. Яввра кѣча — уйна оӱххкан. Лоанѣт чӱзь альн рѣгкэв, — соӱнэть кула: «Мушьт, ӱххквням, ёммьне лѣ йннѣнят» — Ёммьне шоӱлшастах — шэнтах мѣллава». Чӱзь цысстэшыт, чӱзьха олма гу лѣ коашшьк чѣллт. Чӱзь юльсах — нѣрр пӱль моӱцхах. Чӱдзь кѣль энтал, куэла порсах — мѣллавастах!».

Э мунн тѣллькѣе, мѣйт мунн пукэнь уййтэ, кѣгк пѣррмуж чиннэнь, мѣнн ѣдзэ вѣллькэ, мѣйт явьр эл кѣча, э кѣххче эмм лоӱтткнэнт. Парна пӱллса ыгетъ тӱта уйнсэллэ.

Тэnn гузѣкэ мунн эмм тӱт пѣйель поӱке Сѣййтъяввра вӱннѣцэ. Поӱлльтэ сѣнн лѣ, Карнасурт пӱкь тѣгкенѣ, лышшэ мун вӱрр сѣн райя пѣйель парна пӱллса айк лѣшш.

*Перевод А. А. Антоновой**

Тоска по озеру

И кто о чем, а я вновь вернусь к тому, с чего начала. В наше время стало запросто сходить через горы на Сейдозеро. Кто пофотографировать места красивые идет, кто рыбку половить, кто на отдых в поход. Мне тоже не раз предлагали, только всегда какие-то возникали дела. И продолжалось так из года в год.

В начале 80-х позвали меня работники Ловозерского Дома культуры с агитбригадой у рыбаков выступить. Согласилась с радостью.

Плыву по озеру, и опять летят серебристые брызги мне в лицо. На одном острове выступили, на другом, и — заныло сердце мое. Агитбригадовцы костер развели, уху варят, стол на земле стелют, а я хожу по берегу одна, не принимаю участия в приготовлениях. Сяду на камни — березки карликовые обнимают, словно руки бабушки. В озеро гляжу — вижу бабушку. Птицы над водой курлычут — слова слышу: «Помни, внученька, земля — мать родна. Землю пожалеешь — станешь мудрей. Воду чти, без воды человек, что пень сухой. Воду испьешь — молодость вернешь. Вода рыбку дает, рыбку съешь — умной станешь!..»

И поняла я, почему от всех ушла, что искала, почему на озеро смотрю, не насмотрюсь. Детство я свое выглядываю.

Потому и не хочу через горы на Сейдозеро идти. Рядом оно, за горой Карнасуртовской, да только путь у меня к нему через детство лежит.

Чār моāнтарай — Мянташ

Эххтэшьт лоанньт Кадманнт куньтэ мань. Кугкь оарэ сōн альн, кяджя луннтэнь кэрр. Выйтэ сост ённэ-ённэ пурнедтэ.

Лоанньт-Пеййв — ыштэ кадманнт Шурр Тал эл э лонунэнь сōн альн коабсэз йджясь одзэ. Ённэ лоанньтэ кыртэ соннэ вуэсста. Ноа эххт мйллэ мйллэтэ эйй пуадтма. Эххтэшьт Пеййв уйнэсьт, кыртт лоанньт-Ёмьне, мйлсувэ соннэ тэннханна, элькэ сōн соарнхэллэ выйитэ соннэ куйе. Уййн Ёмьне, вунхэй Пеййв кōз лй пэря, мэнн я кённ вйл вуррьтэ, э эньтэ сань. Оалкхувэ сйнэнь эххтса йллмушш. Пеййв пырр Ёмьне чōнант, пэдташ лушьтэ, роаввсэнне аскталл сōн я нёсс. Лаввл Пеййв э мйлса баяс лавлэть я пай чутā кясс Ёмьне йджясь. Ёмьне пай ёна йжесь авдалл Пеййв мйлса коаххчмуж вуэсста, э асккэдь Пеййв сōн. Вэххтэнне лоанньт-Ёмьне вулкэхьт я куньтэ мань.

Пеййв кыртаст, аввтал поашшткэнь мань я аввта кыррьтал йжесь лыгкэть йлльксэллэ. Лоанньт-Ёмьне кудтсалл оаррэ мань альн. Кугкь оарэ, э тэль ёскэ, кяджя, кулст, кōххт мань кэрр луннтэнь. Кяххч Ёмьне, а мань кэрэсьт выйтэ луххьплеч. Роаммгудэ лоанньт-Ёмьне: тэнна луххьплясьт шаннт тоавас сарва, пуаз шаннт. Лушьтэ сōнн альк-пудзэ кōмьмьтэсь чйррэ, ань кэрант, вйг коаппч.

Аджь-Пеййв кыртэсьт, а луххьпэль зоабэль ёррькэнь шэнтэ, я пые соннэ саррьк чурьвэть коалльлассьтэ, пугк пырс тедчень, тэдт элля така пуаз, а Пеййв я Ёмьне алльк кэрант. Э нэм энньтэнь аллка Мянташ-пырре.

— Кырт, Мянташ, одз вуазант.

Карр Мянташ-пырре эфт ёмьне рёвьнэсьт нымьп рёвьн райя, оадз йжесь мйлса. Уййн, оарр рынтэсьт сāmь ниййт, пудэ соннэ мйллэ мйллэтэ э сунуэдь сōн, кавесьт сōн аллтэнь.

Прародитель — Мяндаш

Однажды Птица-Вселенная отложила яйцо. Долго она сидела на нем, и, наконец, треснуло яйцо. Вылупилось из него много-много птенцов. Пеййв — Птица-Солнце — оседлал своего космического Медведя — Шурр Талл и полетел на нем себе невесту искать. Много птиц повстречал Пеййв на своем пути, но ни одна не пришлась ему по сердцу. Наконец, однажды увидел Пеййв, летит Емьне — Птица-Земля, и влюбился в нее с первого взгляда. Стал ей в любви объясняться. Видит Емьне, а жених-то Пеййв хоть куда, и дала свое согласие. Начался у них брачный праздник любви. Пеййв вокруг Емьне танцует, хвост распушил. Поет Емьне песню любви и все больше располагает ее сердце к себе. Кинулась Птица-Земля навстречу любовным призывам Пеййва, заключил он ее в свои объятия, крепко обнимает, жарко целует... И вскоре понесла птица Емьне и отложила яйцо.

Пеййв прилетит, обогреет его жаром и опять улетит по своим делам, а Емьне все сидит, высиживает. Долго сидела, и вот, наконец, раздался хруст. Смотрит Емьне, а из яйца теленочек появился. Обрадовалась птица Емьне — из этого теленочка сильный гирвас-олень выйдет. И пустила она сына-оленя на простор, пускай бегаёт, силы накапливает.

Отец Пеййв прилетел, посмотрел, а теленочек уж быком настоящим стал, и решил рога его ветвистые позолотить, чтоб все вокруг знали, что не простой олень бежит, а Солнца и Земли сын. И назвали родители сына своего Мяндаш-пырре.

Лети, Мяндаш, ищи себе судьбу.

Бежит Мяндаш-пырре от края до края земли, ищет себе любимую. Видит, сидит у берега саамская девушка, приглянулась она золоторогому, и посватал он ее за себя. Обернул важенкой-оленихой, и побежали они

— Я вуагклэнь сыйй чър милльтэ куэххтасьт. Моайнаст соннэ Мянташ, маньтэ ёмьнеть уйнэ, маньтэ навьт вуэсста пѳдтлэнь, тыффк ниййт-аллт сѳн моаййнсэть я пай ёна милсувант Мянтшэ. Шурр роамм куэттка вырэ э чивкэньт сѳнн эвтэс, кыррт, гу пѳнук. А Мянташ лыгкэ эфт вуагклэмууж э сѳн эстэ. Кѳррэнъ явьр райя, чазь югкэ эллькэнь. Кѳххч Мянташ-пырре, кѳххт мѳджьтэнне аллт югк чазь, э сѳн кѳсськудэ оалтне, лѳйхэ соннэ лѳлянт, рѳцант.

Луэштэдэ явьр эл цѳгк я коатэ милсать ѳнцэсь сѳнъкэсь рѳнэнь. Лышшэ ѳввьё куллэй нѳмпэ ёѳфф вэсьт рыннтэ я явьр вѳййнмушш.

Ённэ — ванас мѳнэ аййкэ, шѳннтэдъ аллт Мянташ-пырре гуэйкэ эй лѳххьпэль, а ѳллмэ пѳрын.

Нимт аллт алькэсь моайтэнь я соѳрнхалл:

— Тѳнн шэнт, шэнт, алкням, кэскэсьт кѳммьтэсь чър, коалльчуэрвь ажьсант вѳльт тѳнн мил, тоавасвуд вѳльт; Пѳйвэсьт, айсант, ѳнуквуд, поѳххквуд вѳльт; Ёмьнесьт, оѳххксант, вѳг, а муст, ѳннсант, милса пугк ёмьне ёлльеть вѳльт, алкням.

Шуррэнъ алльк, коаххч ѳджьясь Мянташ-пырре.

— Ышт, алкням, мун эл, вѳзьха тоннэ пугк тѳн ёмьнетъ.

Ыштэ нѳрр пѳрын, э лѳннехьт Мянташ-пырре кѳммьтэсь чър соннэ вѳзхэллэ. Вѳзехьт э сѳррн:

— Тэдт пугк лѳй тѳн, мун алльк, вэххтэнне пуадт аййк тоннэ воѳррэ ёадтэ, сѳд ѳдзэ. Эфт вѳльт ёррма, алльк, тѳн аджь лѳй тѳнна чър ёмьне моѳнтарайй, тоннэ анта агас. Тѳнн пынь ёмьне-куэрмець, портэй, э лѳнч пугк пѳдзэть ѳжесь вѳлльенъ. Тост ёадтай сѳмь пуллдэгк, э тѳн пугк сыйй аллькэв куллтлэ я лѳгктэдтэ тѳнэнь. Пынь соѳме вѳрант тоннэ э ель вуаййладть мун, коалльчуэрвь пѳдзэ, нѳвант.

*Перевод А. А. Антоновой**

вместе по тундре гулять. Рассказывает ей Мяндаш, какие земли видел, каких животных встречал, удивляется его рассказам девица-важенка и все больше в Мяндаша влюбляется. Захлестнули ее чувства, рванулась она вперед, как ветер летит. А Мяндаш сделал рывок и в один скачек догнал важенку. Добежали до озера, пить стали. Смотрит Мяндаш-пырре, как красиво пьет важенка, и потянулся к ней, даря нежность и ласку.

Опустился на озеро розовый туман и укрыл пару влюбленную своим тончайшим покрывалом. Только плеск набегавших на берег волн да дыхание озера слышалось в тишине.

Долго ли, коротко проходит времени, приносит важенка Мяндаш-пырре сына, да не теленочка, а дитя человеческое. Кормит сыночка молоком, приговаривает:

— Ты расти, расти, мой сын, среди тундровых простор, от отца — оленя золоторогого — ты ум да выносливость возьми, от Солнца-Пеййва, твоего дедушки — тепло душевное, от Земли-бабушки — силушку великую, а от меня, твоей матушки, любовь ко всему живому на этой земле.

Вырос сын, зовет его к себе Мяндаш-пырре — отец, говорит:

— Садись, сынок, на меня верхом, покажу я тебе твои владения.

Сел молодец на отца, и помчал тот просторы тундровые ему показывать да наставлять:

— Это все твое, мой сын. Скоро придет время тебе трогаться в путь, судьбу искать. Но запомни одно, сынок, я, твой отец — прародитель земли этой тундровой, а потому завещаю тебе ее на веки вечные. Должен ты беречь землю-кормилицу и быть всем оленям братом родным. От тебя пойдет род саамов-лопинов, и тебя все они будут почитать и слушаться. Береги доверие их, не забывай заветы мои, оленя золоторогого.

Мурый чарэсыт соагкэнъ эвнэтъ

Куэссь Иммель суххьпэй ёммыне мильтэ мурье корнэгэтъ соайв пельт, сөнн пэшт чильмэтъ мурьетъ, вёлдлтэ эйй вуайма. Сыйй лийенъ эввгла пыйма ёммынье я пугк пэйинэнъ, шэннътэнъ пэре шурр, я тэсыт айнханна коамехьт мурье корнэгэтъ. Кудтъенъ сөнэсыт выдт чалма. Эллий мэнн лыххкэ, вуэллькэдъ сөнн сйнэтъ чар ёммынье я пые вельшхэ, мй ляннч эвтэс.

Чалма, вуэллькта ёммынье, э вял эвна сйнэнъ аввнэнъ, э тэсыт юррьтгудё Иммель Айя: «Маньтэ эвн югкьенче сыйе аннътэ?». Э пудэ соннэ вуайва коадчсэ вёххкэнъ йжесь нүра вильетъ. А сөн вильй лийенъ Пеййв, Чадзь, Ёммыне я Алльм.

— Коаллэш вильй, пудэ аййк тинэнъ вёххьквуд одзэ. Бэдт югке муэрьне йжесь эвн аннътэ, муст вāнас чалмнедтэ тэнн пайххка кудтэй, анъ мурый чар моажьнэв. Адтъ анъ мурый чўллмдувнэв.

Пассьтлэнне кйххчев вильй, кōххт мурый чўллмдувнэв, нике эйй тāt йжесь вуэзь пуадтраххьтэ. Кугкь бэдтэ лййй вуррьтэ. Вуррьтэнъ, вуррьтэнъ э пыйенъ сада вуэңсэ.

Лышшэ вуэңуэ ышшьтэнъ, тэнн пāль авьтма муррый аввэнъ. Тэнн вуэмэшьт пейв нюлл я суаңэ соннэ: чувэхьт тэнн мурый, гу удць пйивэнч сөнн вуэллькудэ. Муррый тивтэ чуввесь-руччкэсь мālльенъ — тэнн э вурьт — лўннтан чильмэ эвтэсыт. Мугкмэнъ уйнэсыт сөн Иммель. Пеййв энътэ нэм муэрря «Лўмь». Э тэдт Лўмь пукэтъ пудэ мйллэ мильтэ.

Вуррьтэв, вуррьтлассьтэв эвтэс Иммель я вильй. Сйн кйршант лоайххэнъ кўххт мурый эфт пāль. Алльм вельшэхьт эфт эл сйнэнъ э йжесь чуввесь-алехь эвна поайнэ э нэм энътэ «Уйххкмушш».

А куэссь Чадзь нымьп уйнэсыт, я эфтэсыт Эльмэнъ алехь поайн лажьхэнъ

Как ягоды в тундре получили свои цвета

Когда Йиммель-айя — Бог-дедушка посыпал землю семенами ягод, на южной части он загляделся на деревья, которые раньше высадил да которые выросли великолепными исполинами, и нечаянно просыпал все семена. Осталось у него всего пять семечек. Делать нечего, кинул он их в тундру и решил посмотреть, что дальше будет. Семена взошли и цветами раскрываться начали, и вот тут задумался Йиммель-айя: какой же цвет ягодам придать? И пришло ему на ум детей своих на помощь позвать. А дети у него были Солнце-Пеййв, Вода-Чадзь, Земля-Емьнэ, Небо-Алльм.

— Вот, дети мои, что хочу я вам предложить. Надо ягодам разный цвет придать, так как мало семян на эту часть земли у меня осталось. Пускай хоть ягоды украсят тундру, и как только появится ягода, кто-то из вас ей тут же цвет свой придаст.

Внимательно всматриваются в завязи дети Бога, никто не хочет свою удачу упустить. Да слишком уж затянулось ожидание. Ждали, ждали и решили немного передохнуть.

Только они на отдых устроились, в это время первая ягодка взяла и разорвала свою чашечку. Заприметил это солнечный луч и вошел в нее, осветив ягоду, словно маленькое солнышко. Налилась янтарным соком ягода — того и гляди лопнет на глазах у всех.

Такой ее и увидел Йиммель-Бог. Солнце-Пеййв назвал ягоду *лумь-морощка*, конечно, она всем понравилась.

Дальше дети ждут-пождут, а с ними и отец их, Бог. Терпение их вознаградили сразу две ягоды. Небо глянуло на одну и голубизной своей обрызгало, имя дав ягоде *уххькмушш-голубика*. А когда Чадзь-Вода вторую заметила, добавила синевы и название дала *саррь-ягода*, что в народе

э нэмдэнъ сѳн Сарренъ. Тэннханна Саррь коатэ ёммыне, кѳз ляйй кэххчма сѳн чалмэнч.

Тэсьт пэххък йжесь кывнэхъ кэдчехът, чецькэ кѳммткэнне, пукэнъ роатъкэ йжесь мурьй, кавесът сѳн чоэххъпэсь чалманъ. Чиммнушш муррьй пэххък вѳд милльтэ поадтэдъ, копче йджясь мальной, кѳ чуэцьк аннт. Лоанът, навът — пугк шоабшэв сѳн юльсэ. А тэсьт вѳл кѳррнас тыгквэннъ воальтэ, кырьтэсьт мурье эл я воальтэ сѳн тэнуксэнъ нуэххкэ я ныдть сурвэнне тэнн лыгкэ, Йммель Айя сийнлэдтэ.

Чиммнушш, чиммнушш! — тэдт муррьй анъ ныдть коаххчыювв. Кйххчмэнъ чиммнуж эл, выдант мурьй баяс вѳфьсэ вуаййлэххьтэнъ, а сост ё эввн лэсьта, гу келля лѳбнэнъ э лѳбпэв, э ев тѳт чѳллмдуввэ, коаввсэ муррьенъ.

Карэ пуаз шурр урьт милльтэ я вэсьт кѳдъкэ юлькэсь кышкэ, ноа каррэм вымесът эйй уйинма сѳнн, кѳххт вѳрр мурье эл куашкахт, а куэссъ пэххък коаввэсьт мѳджесь рѳннэнъ, танна пэххък йджь пѳкэсьт сѳн эл выльшхэ. Руппъсэсь муррьй пѳкъ альн ыдэ. Йммель шурр тывенъ кйче пѳдзэ эл я цилькэ соннэ мурье баяс:

— Тѳнн айнханна эннѳтэхъ муэррья эввн, танна йджь э анѳт соннэ нѳм. Эйй мѳххтма пуаз соанѳть сѳррнэ. Сѳн чѳннткэсьт выйтэнѳт эххт лышшэ йнн «ѳнѳ», э тэдт ляйй сѳннъ. Тэнн пѳлесът сѳмь ѳллмэ эллькэнъ тэнн мурьй коаххче ѳнѳнъ.

Тэль ныдть таввял ёммынесът эввнхэв, мѳлльев мурьй.

Элля ѳннэ сыйе аннтма мыйе Йммьленъ, ноа пугк пѳрьмусс сѳмь эввн лѳв чѳрэсьт, оѳлкхувнэв лѳмь вѳллькэсь лэсьтанъ, руччкэсь мурьй лэсьтанъ чиммнуж райя — лонѳтэ нѳллкас райя.

*Перевод А. А. Антоновой**

стало черникою.

Тут гора ревностно тень отбросила, заслонив от всех свою ягоду, превратив ее в черный глаз. *Чуммнэшш-ягода* под горой рассыпалась, в себе сок накопив освежающий. Птицы, звери — все любят испить ее, а больше всех она вороне понравилась. Слетела птица в заросли и давай ягоды с веточек общипывать, да так ловко это делала, что рассмешила Йммель-айя.

— *Вороника, вороника!* Пусть зовется эта ягода.

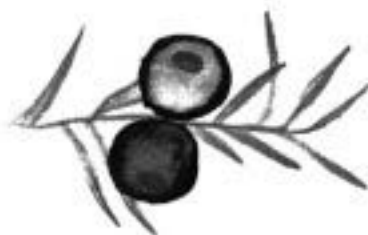
И пока все за вороной наблюдали, про пятую ягоду забыли совсем, а у той белые колокольчики долго висели, совсем не желая превращаться в ягоду.

По большой горе олень бежал, поранил об камень ногу да в горячке бега не заметил, как кровь с нее на ягоды капала, а когда гора превратилась в прекрасный ковер, она обратила на себя внимание. *Руппсесь-красная ягода* на горе появилась. Йммель-Бог на оленя с удивлением посмотрел, остановил и сказал:

— Ты нечаянно ягоде цвет крови придал, так назови ее нам.

Не умел олень слова выговаривать, из горла его лишь один звук вырвался. «*Ённа*» звук тот был. С тех пор стали саамы называть эту ягоду — «ённг», что означало *брусника-ягода*.

Так вот все лето на Севере цветут, созревают ягоды. Хоть и не много видов Господь Бог дал нам их, зато все основные цвета в тундре имеются, начиная с белых цветков морошковых, листьев буро-зеленых ягодных до чуммнэшш — вороньего лакомства.

Сāххплинк Удлэсь Кёбпля

(Моаййнас кузьк)

Томтсувмушш

Кудэ-кыджьме алкнедтэ саесът, кōххт ляйй пыйма коаннѳт сāххплинкэть.

Сāххплинк шѳннтэдѳ эфт лышшэ, тѳйн э цовнэ сѳннтмуж пугк йжесь сāххплинк пуллдэгэсът.

Сāххплинкэнч шѳррнэшкудѳ, кѳсстѳешкудѳ, пѳре сѳнн ли тѳдтлушшэи я сѳдтлэсь, э ѳннѳ энѳтэ соннѳ нѳм Удлэсь Кёбпля.

Кōххт-лѳннч эфт вуэр ѳннѳ каррэлѳ пѳрк ѳдзэ, а Удлэсь Кёбпля муйхькетѳ вуэңкэсът вьльшхэ, ми тампе альн лыххкѳювв. Авѳтма, ми соннѳ вэсът чѳльме энѳтэ, лѳйи пѳре чѳуввесь поāшт пѳйв чувв. Удцѳхенч цырмшэдтѳ чалматѳ, лыгкхэлэшкудѳ нюна кукусь оāбпнагуэим. Сѳнн эпсе пырр вѳййнас, ку лѳйи поāххк я тѳввтма югке лѳгзугуэим. Тэдт шѳг лѳгк пуэраст чѳглэдтѳ нюннѳ сѳррматѳ, кѳзе сыйнэ. Сада поāе ѳдт куллмужэть. Удцѳ Кёбпля лыгкэсэтэ вуэңкэсът ѳллтла. Сѳн тѳдтлушшэмвудт кѳзе йджась. Чѳшшк, ку чѳнэнѳт сѳн нюнѳ луннѳ я эфт вуэр кāцѳкэсът сама нюннѳ кѳжя, тэдт чофта чѳзе.

— Ке тѳнн лѳхх, ныдтѳ мун чѳзхэхѳ? — сѳннтма кѳджель чѳшкэсът сāххплинк.

— Мунн ля Чѳшшк-Уммѳ я мунн тāрьм нимэнн вѳл эмм югкма, з — з — з. Мунн вѳр тāта, вѳрха ѳма! Вай тѳнн антах мыннѳ эфт вуэр нѳльм вѳрьт нимсѳ. Мунн тѳн алка кугкѳ мушшѳтэ, з — з — з. Э лыгка мѳлкнесът, эй альк чофта чѳдзѳ, з — з — з.

Шѳг, го воāльтнехѳ эфт нѳльм вѳрьт я мѳлкнесът, — шѳрр тāтант эллий, ноа Удлэсь Кёбпля мѳдѳ чѳшк āннмуж, йджѳ цырмшувѳ.

— Чѳшшк-Уммѳ эйи алкма кѳдже вѳл вуэр э нѳазѳ сāххплинкне вѳййкесът нюнна, ку кѳрршлэнне вѳрьтэ, ноа нѳннлэсс чѳшшк эллий сѳрѳв э тэдт

Приключения мышонка Удлэсь Кебпля

(Отрывок сказки)

Знакомство

Вместо шести-семи детенышей, как положено полевкам, Мышь родила всего одного, чем вызвала неодобрение всей своей мышиной родни. Детеныш рос любопытным и шустрым, и Мышь назвала его *Сахплинк Удлэсь Кебпля*, что означало Мышонок Быстрые Лапки. Как-то раз убежала мать на поиски пищи, а Удлэсь Кебпля выпрыгнул из норы, чтоб посмотреть, что же там, наверху, делается. Сразу же ему в глаза брызнул ослепительный солнечный свет. Малыш, зажмурив глазенки, зашевелил носиком и длинными усами. Немного привыкнув к новым ощущениям, Удлэсь Кебпля сделал несколько движений в сторону от норки. Его любопытство привлек комар — комар, который крутился вокруг его мордочки и один раз больно укусил в самый кончик носа.

— Кто ты такой, что сделал мне больно? — возмущенно спросил он комара.

— З-з-з... *Мунн Чушшк-Уммь* — я Комариха-Пискун, и я ничего сегодня не пила з-з-з... Я хочу крови з-з-з... Я умру без крови! Если, з-з-з... ты разрешишь мне з-з-з... сделать хоть один глоток, я буду тебе очень признательна и постараюсь сделать это не слишком больно з-з-з...

— Хорошо, если только один глоток, — снисходительно разрешил Быстрые Лапки и зажмурился.

Чушшк-уммь впилась мышонку прямо в нос, но оказалась настоящей жадиной, и это разозлило Быстрые Лапки. Он своим хвостиком ударил комариху так, что ушиб ее.

— Что ты, з-з-з... сделал, гадкий мышонок?! — пропищала Чушшк-уммь.

— Ты з-з-з... убил меня...

сѣнтэдъ Удлэсь Кѣбпля. Сѣнн сѣйпанэсь энѣтэ пашшнэннтѣе я чўзэхът сѣн.

— Мѣнн тѣнн лыххкѣхъ, нѣшшь сѣххплинкэнч?! — пэзэдэсьтэ Чўшшк, — тѣнн кѣннѣтэхъ мун, кѣннѣтэхъ! — Тѣнн, з — з — з, кѣннѣтэхъ мун...

— Мыйй тѣнэнъ соѣррнѣнэдэмъ эфт нѣльм вѣрѣт, а тѣнн нѣадцехъ э ниммехъ пугк вѣр, тэдт элля вўййк лыххк.

— Мунн ѣамна! Ёамна! З — з — з! — умэ Чўшшк, ноа Сѣххплинкэнч лоѣтткэнъ сѣн эл кїххче э кадцэнѣт туммпла.

Юльке вўлленъ ѣгель суэпэнѣт сѣн. Шїг лѣйй. Тэсьт Сѣххплинкэнч скрудѣ кулст-нѣлкэ э Эльке ѣдзэ, мѣнн порсэ лиххч. Чѣрр рузк лев шўрр, ѣннэ сѣнэсьт ли нѣлькесь лэсьтнедтѣ, э Удлэсь Кѣбпля эйй нюзельт оѣлкхэж гуэйке порст. Тэсьт сѣнн вуэмэшьт эйй куххкѣнъ, йжесь луннъ, оѣйххък тыкквэнъ пѣкъ. Тэдт пѣххък кулст сѣн эллтнэмуж, ѣрхэдэ э лыгкхэлэшкудѣ кулсѣ пїльегуэйм, воѣлмаш лѣйй ѣ нюччкѣе туэресь пѣлла, го пэлтэсс ѣйххѣталл.

Э аввта Сѣххплинкасьт лыгкнэшкудѣ кїршнаххѣтэмъ тїдтлушшэмвудт. Соннѣ пўдѣ вуаййва удла томтсуввэ тэнн поѣкенъ.

— Тѣнн ке лѣхх? — кѣджелъ Удлэсь Кѣбпля.

— Мунн Нюземмель ля. Кѣххт тѣнн мун сўррѣкхэхъ, Сѣххплинк, йжянт эллтнэмужэнъ.

— Вай мыйй тѣнэнъ томтас лѣблѣ я вуайй мага сўррѣкхэ мугка пѣкъ, мѣнѣтэ тѣнн лѣхх? — тѣве Удлэсь Кѣбпля.

— Кѣххт вѣл вуайй. Вѣльт Нѣал — сѣнн вэлляй месткэ тўгкенъ, э мунн, кѣххт тѣнн сѣрнах, «пѣххък» лїннче сѣн пассѣтлесь поѣнэнъ. Сѣн эвтэсьт мунн ныдѣт шэ ля удцѣха, кѣххт э тѣнн мун эвтэсьт. Эххт мїнэѣт рѣттк: мунн сѣххплинкѣтэ эмм пѣр. Нѣалл нюземмельѣт чофта шоабашт.

— Вай тэста мугка шўрр лѣв? — тыкквэнълувэ сѣххплинкэнч.

— Но ведь мы договаривались на один глоток, а ты впила мне в нос и выпила из него всю кровь. Это нечестно.

— Я умираю! З-з-з... умираю з-з-з... — кричала Чушшк-уммь, но Сахплинку надоело на нее смотреть, и он помчался дальше. Под ногами приятно пружинил ягель.

Вскоре мышонок резко почувствовал, что проголодался, и стал искать, чем бы подкрепиться. Чарр-Тундра хранила в себе большой запас разных вкусеньких травинок, семян. Можно было погрызть кору молоденьких деревьев, и Быстрые Лапки неплохо позавтракал. Тут он заметил невдалеке от себя огромное серое существо, которое, услышав его шорох, насторожилось и зашевелило длинными ушами, готовое в случае опасности сразу отскочить в сторону.

И вновь в мышонке возникло нестерпимое любопытство. Он решил непременно с этой «горой» познакомиться.

— Ты кто? — спросил Быстрые Лапки.

— *Мунн Нюэммель* — я заяц. Ну, сахплинк, ты и напугал меня своим топотом!

— Разве мы с тобой знакомы? И разве можно испугать тебя? — удивился Быстрые Лапки.

— Еще как можно. Вот *нёалл* — песец выскочит из-за кустов, и я буду у него в зубах. Перед ним я столь же мал, как и ты передо мной, только с одной разницей: я мышей не ем, а *нёалл* зайцев — обожает.

— Разве здесь есть такие здоровенные великаны? — поразился мышонок.

— Конечно, есть. Но самый большой великан в тундре *талл* — медведь, — рад был поделиться своими знаниями *нюэммель*.

Но тут заяц вновь насторожился и, крикнув Удлэсь Кебпье: «Нёалл мышами тоже не брезгует! Беги!» — тут же исчез из виду.

— Лев, ноа сама шурьмусс чәрэсьт ли Тәлл. Нюэммьле ләйй шиг йнуньке, го сөнн вӯе юзгктэдтэ йжесь тәдтмуужэгуэйм.

Я тэсьт сөнн авта օрхэдэ, пильетъ паенът э рёгккуэдтменъ мањьмусс соәнэть Удлэсь Кёбпьяле: «Неалл сәххплинкэть ныдть шэ эйй мән. Кар!» — йджь тэсьт шэ кәдтэль.

«Бәдт шэ, — юррьтэль сәххплинкәнч, кօххт сөнн вәххтәнне кәдтэль! Я мәнн сөнн Неал баяс кугкхэлэ?» Сөнн эйй кйрркна юррьтле, кօххт сөн эл ыштэ кэвнэхь, гу вуэххт. Неалл, ку ыдтэй сөн эввьтэ, коәтэ пугк чув. Лышшэ адть Сәххплинка райя кօстэ мањьмусс соәгк, кугкыха нюэммьленъ. Тօдлькей Удлэсь Кёбпьяля, мәнн соннэ пыххт «вуэхт» эллтнэмушш. Сөнн пэре удләнне чадцьклувэ пырс э кадцәнът ми ләйй вйгкэ. «Вуэххт» мәнн-ляннч вёрьт выххчедь сөн, ноа, удләнне кәдхэменъ сөн чальмесьт, кӯдтэй маңас.

Удлэсь Кёбпьяля кӯввьлей пййхьт саесьт, кօз луэмэ. Сөнн эйй тօмттма сай, кօз поабпэхьт. Мэгк лийенъ шӯрр лэгкьесь сӯгкесь рәзь югке эвн лэсьтагуэйм. Эйй кугкь вуэңса, сәххьплинкәнч тօдлькей: кэскэсьт мугка шӯрр роәзе эллинче пәдтэсс, пэря ляннч, мәнн әв саесьт. Э тэсьт сөнн уйнэсьт ёллей нюаммэй вуэнч.

Удлэсь Кёбпьялясьт чօннткэсьт чёгладтэшшкудэ, э сөнн эйй кйрркна юррьтле, ныдть лыххк вай эйй ныдть, вуэлльктувэ нюаммье я сӯрьтэ сөн. Маңна коәвнэ сада чәзь коабесьт, ку маңна еххтъя абьресьт эйй кйрркна вял кօшшкэ. Сөнн югэ чәзь каллнэм райя. Маңна мугка калль пօррмэсьт я ялла пәдтэзэсьт, сәххплинка бйхьтэ лоәтткнэмушш, э сөнн пые чоәңнэ коз-не вуэңсэ.

Сәххплинка цовнэ тыкквәнъ йнн, ку кукас уйтәнът, маңна аллтнэнтэ. «Ми хэс тәдт ли», — юррьтэль Удлэсь Кёбпьяля э вуйтэ йжесь луэмнэм саесьт. Сөн альн кыртэч вясъвеч пӯррэ коәвве, шоабшэй эвнать.

«Надо же, — подумал мышонок, — как он быстро скрылся. И что это он насчет нёалла кричал?»

Не успел он это подумать, как его, словно туча солнце, закрыла чья-то тень. Нёалл, который появился перед ним, загородил собой весь свет. Только теперь до Сахплинка дошел смысл последней фразы, брошенной зайцем. Понял Быстрые Лапки, чем грозит ему приближение этой «тучи». Он резко развернулся и бросился наутек. «Туча» какое-то время преследовала его, но вскоре, потеряв из виду, отстала.

Быстрые Лапки высунул мордочку из укрытия, в котором спрятался, огляделся. Он не узнавал место, куда попал. Это были заросли каких-то растений-гигантов, усыпанных чашечками соцветий. Немного отдышавшись, мышонок понял, что в этих зарослях будет куда безопаснее, чем на открытом месте. И тут он увидел ползущее существо, которое ему, к его ужасу, захотелось съесть.

В горле у мышонка защекотало, и он, не успев подумать, хорошо поступает или плохо, набросился на *мадт* — червя и съел его. Затем нашел немного воды в ямке. Влага не успела испариться после вчерашнего дождя, и мышонок с удовольствием напился. После сытного обеда и пережитого испуга его разморило, и он решил укрыться где-нибудь, чтобы передохнуть.

Сахплинка разбудило странное жужжание, оно то удалялось, то приближалось.

— Что бы это значило? — подумал Быстрые Лапки и вылез из своего укрытия. Над ним кружила пчела.

Мышонка заинтересовало, что она делает, заползая прямо в цветочную головку. Понаблюдав за ней, он решился спросить:

— Чудесная незнакомка, что это вы делаете в цветах? Пьете кровь бедных растений?

Сāххплинка воāльтэ вāл шуря тыкквэнь, мāнн сōнн лыххк, куэссь чоāнaнт вўйкесьт эвна сыз. Кйче, кйче я оаськлуэвэ кэджьле сōнэсьт тэнн баяс.

— Тыкквэнь ёххксэнч, мāнн тōнн лыгках эвна суссенъ?

Югах вэр нēшшьпарь роазенъ?

— Ж — ж — ж, мāнътэ мйлхэмь Сāххплинк ли? Куэссь роāзенъ лйй вэрр? Э вай мунн ля нюэзесь чуэраш, вай ля руввьт-пуар? Мушьт, нўрр сāххплинкэнч, мунн ля Эввн-Пуар. Мунн лыгка шувв тўй, эвнaтѣ вѣкьха мāльй лыххкэ, ж — ж, — куарксувэ сāххплинкне Эввн-Пуар.

— Ель сēнтэнът, коāллэш Эввн-Пуар, мунн эмм тāххтма тōн сēввьтэ, нюэзь цѣлдьке. Мунн юррьтэ, вэрр ли пугк ёлльенъ.

— Тэнн баяс, ж — ж — ж, вуайй ённэ мйллвэсь сārрнмушшэ выгкэ. Мун нўрр Кāннъц, ноа мун саесьт нике эйй лыгк тэннверьт, мэннверьт мунн вуая лыххкэ.

— Кўдтсэл тйррвэнь, ж — ж — ж...

— Воāррэ тйррвэнь, Эввн-Пуар! — Томтсуввмушш тōнэнъ мыннэ роām пыдтэ.

Удлэсь Кѣбпья коале-манътэ рāза порст э пые пашшегке коāvвнэ ёнъ вуэнк.

Сōнн карэ ныдтѣ вэххтэнне, эйй вуэмша, кōххт пэсьтэ котк пāсса. Ми тэсьт оāлкхувэ! Котк ёāффкудтэнъ, эллькенъ сōн оккнаххьтэ: «Мугка шўрр сāххплинк, а кышшк сйн пэрт». Удлэсь Кѣбпленче шэнтэ оккнэ э сōнн вўййк кўткесьт āнэ коткэнъ эле сēнтнэ сōн эл.

— Вай тыйе мāйн-не вѣкьхэ? — кэджель сōнн коткэсьт, карса соннэ.

— Ныдтѣ, мыйй удла вуайчепь моāст цѣнкхэ пэрт. Пыдтѣ мэнн-не вѣрьт пѣдзь нивлатѣ, — роаввсэнне цйльке рўппьсесь кōттк.

— Мунн вуая вѣкьхэ, ноа āйка цѣльк, кѣгк тыйй лѣбпэ, мунн вāл тйнэгуэйм эмм томтсуввма.

— Мыйй Котк лѣбпѣ. Мыйй тўййшэпѣ котк пйссетѣ я женънэпѣ кэбп, мѣвв-

— Ж-ж-ж... какой глупый Сахплиннк! Разве у растений есть кровь? Разве я презренный комар или слепень? Запомни, мышонок, *мунн — Эввьн-пуар* — я пчела-цветочница ж-ж-ж... Я занимаюсь благородным делом, ж-ж-ж — опыляю соцветия и собираю нектар, — с гордостью отвечала мышонку пчела.

— Простите меня, уважаемая Эввьн-пуар, но я не хотел вас обидеть, я думал, кровь есть у всего живого.

— По этому поводу, ж-ж-ж... можно много философствовать, *мунн нурр канньц* — мой молодой друг, но за меня никто не выполнит мою работу. Прощай, ж-ж-ж...

— Прощай, пчела-цветочница, я рад знакомству с тобой.

Немного пожевав зелени, Быстрые Лапки решил все же отыскать свою норку и успокоить мышь-мать.

Он бежал так быстро, что не заметил, как врезался в *коттк пясса* — муравейник. Что тут началось! Муравьи заползали, заметались, стали упрекать его, что он такой большой, а разоряет их дом. Мышонку стало стыдно, и он смущенно попросил у муравьев прощенья.

— Может, вам чем-то помочь? — спросил он.

— Да, пожалуйста, так мы быстрее восстановим разрушенное. Принеси несколько хвойных иголок, — попросил рыжий муравей.

— Я обязательно вам помогу, но скажите, кто вы есть, ведь я с вами еще не познакомился.

— *Мыйй коттк* — мы муравьи. Мы строим наши муравейники и уничтожаем заразных насекомых. За это нас в тундре все уважают и ценят. Теперь понял, как неосмотрительны были твои действия? — спросил муравей.

— Да-да, извините. Но я вам помогу. Мне это совсем не трудно.

И Удлэсь Кебпля принялся вместе с муравьями за работу.

кыррьтѣть, тэнн туй лыххкмэсьт чърэсьт пугк мйнэть шоабшэв э цыстэсьт лѣбль сйнэнь. Адть тѣлдькьехь, маньтэ нюзэсь туй тѣнн лыххькехь, куэссь муррьтэхь мйн пэрт? — кѣджелъ кѣттк.

— Ныдть, ныдть, елле сѣнтэ, мунн тыйе вѣхька, тэнн мыннэ элля лѣссэ лыххкэ.

Э Удлэсь Кѣбпля вѣллтэдэ эфтэсьт коткэгуэйм туййшэ пэрт. «Бэдт кыртэ, — юрьтэ сѣнн, — Сѣххплинк-ѣннѣ аллк пѣдцлушшэ мун пуэдтѣмь райя моѣст».

Куэссь мањмусс сузйнэнч я нѣвлэнч лийенѣ вуэллькта котк пѣссь эл, Удлэсь Кѣбпля выммьдувэ моѣст, ѣнэсь вуэңк гоаррэ. Ноа тэсьт сѣн авта вурьтэ ѣйнхханна уйинлэдтмушш я рѣсс.

Удлэсь Кѣбпля каррэм вымесьт поабпэхьт вуййкэсьт лѣмппа. Сѣнн нючке поавьнэсьт поаввна, кырт удла моадть лѣмьп карсэ, тэсьт сѣн кѣбпля няфкэть, э сѣнн малъ эйй уййтма лѣгкьесь чѣзь вуэлла, тэсьт сѣн луннѣ куллѣессьтэнѣ ѣххк ѣн.

— Тѣнн ке лѣхх? — тыве Сѣххплинк, сурркна вуаййлэдтѣ лѣмьп баяс я тэнн вагь баяс, кѣнн соннэ тыкквенѣ-ноале пѣдѣ мэннэ.

— Ква-а, ква-а, мунн ля Цуэмп, ква-ква. Оара, тѣн эл кйча, кѣххт тѣнн югке чѣнънэмужэть лыгках, ква, ква...

— А мѣнн мунн лыгка? Мунн моѣст ѣннсан кырта, э тэдта моадть... Тѣнн эгк сыйнэххьче вѣресь мѣдта, а пѣря вѣкьхэххчехь мыннэ тѣста пѣссэ поѣгэ, цйльке сѣнттма сѣххплинк соннѣ.

— Вуая, ква-а мунн ква-а, мунн эмм ля вѣсьт, вѣкьха, ква-а, тоннѣ. Ель кѣдтсэл мунэсьт, соарнънэдэмь? Нючкь лышшэ тоагэ, кѣз мунн, ква-а, нючкья, — цйльке цуэмп я вѣррьккудѣ авьтэмьбелът. Удлэсь Кѣбпля эйй кѣдтсэллма, эйй ныдть оаннма мугка нѣм. Цуэмп вѣкехьт соннѣ рѣст лѣмьп пѣссэ... Сѣххплинкэнч пѣссьлужэ соннѣ э каррэль эвтэс, ѣдзэ ѣжесь вуэңк.

«Надо спешить, надо спешить, — думал он, — мышь-мать не найдет себе покоя, пока я не буду в норе».

Когда последние травинки и иголочки были принесены им к муравейнику, Быстрые Лапки понесся домой. Но его опять ждали неожиданная встреча и серьезное препятствие.

Быстрые Лапки с разбега попал в *лампа — болото*. Он прыгал с кочки на кочку, стремясь быстрее преодолеть топь, но лапки соскользнули, и он чуть было не ушел под воду. Тут-то возле него раздались квакающие звуки. Мышонок поднял голову и увидел над собой нечто совсем необыкновенное.

Это существо сидело, выпучив огромные глаза, и издавало сильные гортанные звуки.

— Ты кто? — удивился сахплиннк, забыв даже о болоте и опасности, которой ему чудом удалось избежать.

— Ква-а... ква-а... *Мунн цуэмп* — я лягушка, ква-ква... Сижу, на тебя гляжу, как ты тут выкрутасы разные делаешь, ква-а...

— А что я делаю? Я домой, к маме спешил, а тут эта топь. Ты бы лучше не смеялась над чужой бедой, а помогла мне отсюда выбраться, — обиделся мышонок.

— Пожалуйста, ква-а... я готова тебе помочь. Не отставай смотри, договорились? Прыгай только туда, куда я, ква-а... прыгну, — сказала лягушка и замелькала перед ним.

Быстрые Лапки не отставал — не зря же он носил такое имя. С помощью цуэмп мышонок преодолел топь и, поблагодарив ее, побежал дальше разыскивать свою нору.

Мышь-мать уже носилась по всей тундре в поисках его. Он услышал ее голос и откликнулся:

— *Коаллэш янна, коаллэш янна* — дорогая мамочка, дорогая мамочка — вот он я.

Сāххплинк-ённĕ кĕрэнĕт пугк-весь чāр мĕлльтэ, ѓдзмэнĕ сōн.

— Сāххплинк-янна, Сāххплинк-янна тала мунн ля.

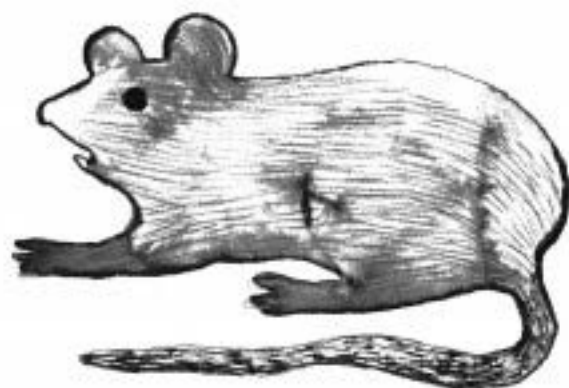
— Сāххплинк-ённĕ карэсьт аллкась, эпьсе сōн пырс, сада сĕввьтэль тэсьт, мĕйт сōнн кугк эллий.

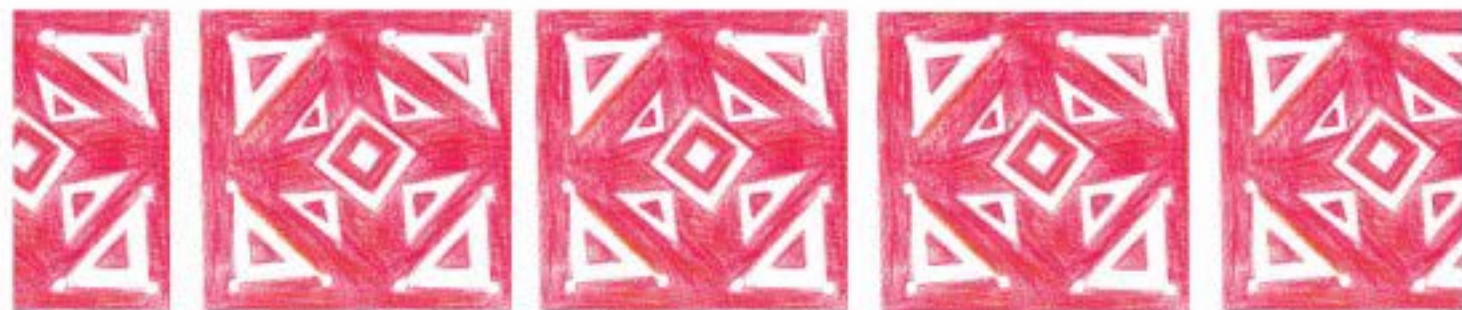
— Яннĕням, ель сĕвът мун. Мунн чāрэнĕ тāрьм томтсунэ. Тĕдах, манĕтэ сōнн ли тыкквэнĕ я мōдже. Э Удлэсь Кĕбпяля вэххтэнченĕ порст пугк, мĕнн ённĕ соннĕ лыгкэ, э эльке моāйнсе йжесь рĕсс тĕе баяс, выййтма чāрэсьтт.

*Перевод А. А. Антоновой**

Мышь-мать подбежала к сыну, обнюхала его и немного пожурила за долгое отсутствие:

— *Яннням* — мамочка, не ругай меня. Я с тундрой сегодня знакомился. Знаешь, какая она интересная! — и Удлэсь Кебпяля, быстренько съев все, что приготовила ему матушка, стал рассказывать ей о своих приключениях.

Эльвира Галкина

Саамская поэтесса, член Ассоциации саамских писателей Скандинавии. Родилась 04.12.1965 в селе Ловозеро Мурманской области. Окончила ЛГИК им. Герцена по специальности «учитель начальных классов». После окончания института серьезно занялась поэтическим творчеством. Лауреат ежегодного саамского фестиваля песни «Sámi Grand Prix» (2002 г., г. Кёутукейну, Норвегия) и премии Культурного фонда Союза саамов (1996).

Нагерь – Моайнас*

Яця вуадт. Яця вуадт.
Соннэ нагерь-моайнас пуадт:
Сонн вуйй виллькэсь пүдзэ альн.
Сйнэть юксхалл поасс алльм.

Моджесь пуаз вэххта вуагк,
Сеннтма алльм шумм я рягк.
Лоатткэнь алльм, кадэхьт вйг,
Коатэ чүххкэ соннэ цйгк.

Яця коадцэй, чильмэть авведь,
Нагерь кэдче, кадэ моайнас.
Луннь оарр ённэсь,
Луннь оарр аджесь.
Сййнэ сыйе авта вуадтэй.

Сказка-сон

Яце снится, Яце снится
Озорная сказка-сон,
Что по тундре, словно птица,
На олене мчится он.

Глядь, а следом вьюга вьется,
Воет, бесится, спешит,
То туманом расползется,
То поземкой закружит...

Одеяло скинул на пол.
Сон умчался от него.
Рядом мама,
Рядом папа,
И не страшно ничего.

*Перевод В. А. Смирнова***

* Корректурa Э. Шеллер.

** Публикуется по изданию: Большакова Н. П. Мир оленных людей [Текст] : стихи саамских поэтов в переводах на русский язык / авт.-сост. Надежда Большакова. Мурманск : Борей, 2015. С. 127

Пеййвьесь пеййв*

Пеййвьесь пеййв!
Пеййвьесь пеййв!
Цызга лаввлэв:
«Вей-вей-вей!»

Роаммшадт риммьн,
Роаммшадт талл:
«Пэре шйг лй
Варесьт тәрьм».

Талл кудца*

Талл кудца, талл кудца
Тонн эввьтэ пай ляк удцьха
Моашшекь нюнна, моашшекь кёбпель
Анта пэдтэ, пыя вуэдтэ!

Солнечный день

Светит солнце
Меж ветвей.
Рады птички:
Вей-вей-вей!..

И медведь рад,
И лиса:
Что за свет
Пришел в леса!

Медвежонок

Медвежонок, медвежонок,
Ты по-прежнему ребенок,
Измазюкал носик, измазюкал лапки,
Вот дам тебе по попе, спать положу!

*Перевод В. А. Смирнова**

Парна кїрсэллэв*

Ёадтэв луэкэсьт
 валас соан
Соан альн оаррэв
 ённэ парна
Альмэсьт чувахт
 сыйе мәнн
Вэдз кыррт нюнна,
 вэдз кыррт чаллма
Сийнэв парна,
 ёрренъ вэдзе
Шэньтэнь виллэ,
 гудэль рыбл
Кїд, юльк кэлльмэнь,
 оāссэ лэдзэнь
Пэртэ мїлльтэ
 вїджьлэнь сый.
Тамьлэ пѣххц, сїнэтъ вуэррт
Тамьлэ оāххка
 кўрьнэхь пāшшт
Кўрьнэхь пōррэв,
 вуэдтэ ёррэв
инца коадзэев,
 кїрсэллэ ёадтэев.

Дети на горке

Визжат детишки
от восторга,
Мчатся сани
вниз по горке,
Снег летит
в глаза и в нос,
Сани едут под откос,
Вниз скатились
и свалились,
В куропаток превратились,
Одежда вымокла,
продрогли.
Домой помчались
по дороге.
Там печка топится,
их ждет,
Курьнехь бабушка печет,
Наедятся,
лягут спать.
А завтра вновь
пойдут гулять.

Ляймушш, гу моайнас*

Улльян ака онэ кугкесь сарфан я чуввесь рыбпехь вуэйв альн. Адть вѧнас вуайй уййнэ агкатъ мугка сѧмь оѧсскуэйм. Йжесь пѧррнэтъ сѧнн ноайхтэ, аххквэдэтъ роѧммшэдэ, сыйе моаййнсэтъ моайнэсът, лѧвлэтъ лѧвлэ. Удць пѧррнэ шѧшшэв, ноа сѧнн сѧнэтъ эйй оѧфк, сѧррн сѧнэгуэйм гу шѧрр ѧлмэгуэйм. Акэнч ляйй удлэсь я сѧрвэсь. Сѧнн кѧххьпсэнне воѧнцэч, кѧчах сѧн эл я юртах: маньтэм лѧ вѧл нѧрр. Ялл нѧраш-налла, эйй уййта ыгесът ыгка йжесь яллмужэсът. Сѧнн ляйй шувв ёменът. Кѧдэсът сост пугк пэжэ: воѧцэтъ кѧдэ, ѧллык вѧннцнэтъ куарр. Кѧркэхът коѧммэтъ куаррэ, лѧммпас пѧрр, уллэтъ коаррэтэй, пѧссэль я оѧлкахт сѧнэтъ поаннэ. Сѧнн поанн пѧре чѧпельт, гу рѧзь ака. Сѧнн выййт мугка сѧнъкэсь я вуййкэсь, выппшьювв.

Лоѧтткнэнъ аххкэв оаллкэнъ сѧррэ, пѧррэтэ пѧдтэнъ шѧшшлэ, эллыкэнъ оѧххкэсь рѧднэ, пѧйенъ ватанъ сѧгьхэ уллэтъ я вѧррэтэв куэссь оѧххкэсь уйнаст. Сѧнн кышшкай, ака эйй вуэй нимэнн оѧнтшэ — мѧ шэнтэ? Лоая шѧгктэнне пѧннэнъ, чальм нюэзелът эллыкэнъ уййнэ. Айнханна сѧнн оѧнтэшт: пѧррнэ сѧн луннъ чѧнънэв, кѧсвхуввэв, муэййнлушшэв я вѧррэтэв, куэссь оѧххкэсь уйнаст шѧшшье лыххкмуужя куэссь сѧнн аллк оѧффкэ сѧнэтъ. Ака коаххчель парнатъ каньягуэйм туэль туэгка. Сыйй пѧдтэнъ оѧххкэсь. Сѧнн эфт пѧрнэнче энътэ уллэтъ коаррэтѧ, нымьп парнъне поаннэ ыштэдъ.

Ныдтъ тѧллкэш ляйй ака, шѧннтѧ кѧрр таввял ёмьненъ, шѧрр чѧрр вѧгквудэнъ, ённъ моайтэнъ соннэ пѧдтэль ёрркѧ вѧллтэдтэм яллмуж пугк мѧлл чѧпесъ тѧллк. Ноа, куэтткаш нызнэсът вуэйе ляйй уййнэ, кѧххт чуаццка чальм пай тоайва кѧххченъ курасвудтэ. Пые сѧнн кѧд нѧрре я кѧххч эфт пѧлла, эйй уйн никенн кѧ воѧнцач тоагэ-тѧге.

Пые сѧнн туэль эл саммар, ыштэ сунтэх луз, аввта вѧллтэдэ йжесь лыгкэтъ я кѧзе кугкесь я тоасськэсь сумь, го кѧттък нючкк я чуэвв. Сѧнн

Быль, похожая на сказку

Бабушка Ульяна носила длинный поморский сарафан и яркий платок на голове, сейчас редко можно увидеть саамских бабушек в таких нарядах. Так вот, детей она поженила, внукам радовалась, сказки им рассказывала, песни пела, на каждую шалость ребенка прибаутка находилась. Шустрой была старушка, подвижной. И, глядя на ее манеры, походку, можно видеть, как теплится в ней молодость, не стерлась с годами суетной жизни. Она была хорошей хозяйкой. Любое дело в руках ладилось: свяжет рукавицы, за каньги возьмется. Закончит пошив обуви, овцу острижет, шерсть вычешет, вымоет, прясть начнет. Прядет очень умело, как сказочная фея, нить сама по себе крутится, ровно в моток укладывается.

Надоело внукам по двору бегать, захотелось дома пошалить, отвлечь старушку от дела, вату с шерстью смешали, ждут, когда же бабушка заметит их проделки. Нить рваться начала, бабушка понять не может, что случилось. Шерсть свежая, только что стриженная, а глаза уже не те, видят плохо. Сообразила старушка — неспроста внуки вокруг нее крутятся, лица озорные, ожидают ее реакции, когда же она прикрикнет на них нарочно сердитым голосом. Позвала она их поближе, поманила конфетами, одному дала шерсть чесать, другого прясть посадила.

Ох, и мудрой была старушка, рожденная суровой северной природой, величием тундры, с молоком матери впитала все знания и премудрости кочевой жизни. Однако несмотря на ее волевой характер, можно было видеть, как потухшие глаза все чаще смотрели в пустоту. Подопрет щеку рукой и уставится в одну точку, сколько не ходи перед ней, не видит никого.

Поставила она самовар, снова взялась за работу, села возле сундука и затянула такую грустную и протяжную мелодию, что сердце заходит от

лувтэй кōххт лōссэ йллень, пūdзэтъ пыннень, āв мёрэсът кӯль нӯтнэнъ я пāррнэтъ пайнэнъ. Сōн чōннтэсът рыйххфлэнъ вуаххкмуж я лыйхпсуввмуж, гу коāввкмуж ёрркъя чāрр пāлесът: вуайй кулсэ кайе я тōххтэ рягкмужэтъ, вуая чурэдэмужэтъ, таввял пйнк нюрк я пōрк вуэгкмуж. Āххкэв куллтэлленъ кōххт оāххкэсь лувтэй гу лӯйхкэч, ев кйррьшэнъ тоасськьесь сумь, ёсськэнъ сōн юррткэтъ я кēдженъ:

— Мэйт тōнн луввтъях гу лӯйхках? Вай ама йллмужэсът тост лйй мугка лōссэ? Вай ама ныдтъ чувввай пай лйй?

Āка выльшэхът сыйе, пые поāгэ поаннэг я ноāлльтэ, вӯйкэй рыбпехь, чай вāлэ я юрэтэшкудэ. Пāррнэ юдэсът чай югкэв, лейп нйлькэсь сӯгкесь моāйтэнъ пōррэв я соāрнчев: мм, маньтэ нйлькэсь лй. Āка пушьтэ леййп чалматъ туэлесът кйдт коāллдэгэнъ, пые нйллма я оāлкэхът моāйнсэ.

— Йллмушш эввтэль югке-налшэм лйй: пӯррьвудт я пйдтъ луннь ёдтэнъ, роāмм я лыххк, шоабшэмушш я роāттъкэмушш, ноāйххтлэдтмушш я соаррьм эфтэсът мэннэнъ.

Сōн чуаццка кйчант йллэй, чӯссэм чоāххьпэсь чальмкагкрэнъ āввьдэнъ оdt чйнүлэз эввтэль йллмужэсът, гудэль вэрс вӯйнас суаңүэль пузресь нызан йнүнкэ.

— Эмм мушьт, ённэ мыннэ ыгке лйй, вай тйвтэ кыджемплоагкь. Ныдтъ, ёдэ 1919 ыгкь. Мый шоабшэмь сйррэ югке-налшэм сйрэтъ, пэре шоабшэмь «кāххц-кāххц» я вйл «нӯренъ» сйррэ. Руэняс лйй: пляссях я сйрах, пāррнэгуэйм томтсувах.

Улльян нйипэнъ тāгкэль кэсс цуккар куськ мйллътэ, мурьтэ эфт куськ, нāп луннь пые. Вāлэ юэдта пӯлле чай, тӯлльемэнъ юдъ цепэгуэйм, поазэ я юлесът.

— Оллмэ соāррнэнъ йансан: Маньтэ мōджесь нййт шаннт, кульм лёв чоāххпэ, чальм лёв шӯрр, пэксэм лёв рӯппсэ, вӯпт лёв чоāххпэ гу таррьв.

тоски. Пела она о том, как трудно жили, как оленей пасли, как в море рыбу неводом ловили, детей растили. Вырываются из горла стоны да всхлипы, словно отголоски древней природы выходят из души старой женщины: можно услышать крик чаек и гагар, журчание ручейка, свист северного ветра и даже завывание вьюги. Внуки слушали бабушкины причитания, не выдержали монотонных звуков, прервали думы старушки и спросили:

— Что же ты, бабушка, поешь, словно плачешь? Неужели так все плохо было? Неужели такая скучная жизнь была?

Посмотрела бабушка на них, отложила она в сторону прялку, поправила платок, чаю налила, задумалась. Дети чай с блюдца пьют, хлеб со сгущенным молоком едят, причмокивают от удовольствия. Бабушка смела крошки со стола в ладонь, запрокинув в рот, начала свой рассказ.

— Жизнь раньше тоже разною была — и плохое, и хорошее рядом шли, веселье и работа, любовь и расставание, свадьба и похороны.

Ее потухший взгляд начал оживать, искорки в темных зрачках открыли новую глубину, и поток воздуха вливался в душу женщины.

— Не помню, сколько мне тогда было, может, семнадцать. Да, тогда шел 1919 год. Любили мы играть в разные игры, особенно любили восьмерку или веревочку. Ох, и задорной была эта игра: танцуешь и играешь, с ребятами знакомишься.

Ульяна ножом стукнула по толстому куску сахара, отломив кусочек, положила рядом с чашкой. Налила в блюдце горячего чая, поставила блюдце на кончики пальцев, причмокнув, сделала глоток.

— Люди говорили матери моей: «Какой красивой дочь твоя растет, брови черные, глаза большие, губы алые, волосы смоляные».

Дети с интересом стали вглядываться в лицо бабушки, пытаясь найти ту былую красоту, о которой она упомянула. Но старушка уже не видела

Аххкэв тыгквэнэнь эллькэнь кйххче сөн тўррѣя кэссва я тоаххтэнь уйинэ эввтла мѳджьвуд, кѳнн баяс сэрнэ оаххкэсь. Нызан эйй уйинма пэррнэе тыгквэнэнь кйххчмужэтѣ. Сѳнн гу уйтэ кугкас эввтла нўрр ѣллмушша, чофта кэллм таввял мѳрре, Кйллт сўллѣе.

Йлленѣ сыйй Кѳннѣц ѣвьр рынтэсьт, кѳсся эфтэсьт пўдзэ чйгкрэгуэйм вѣллтэдтэнь Кйллт сўллѣе. Сўллэ тидѣнаххѣтэмѣ шѣннтмушш, сѳн пѣйххтвудт я сѳн аррѣвьвудт тула кодчнэнь ѳннэ тѳд тидтѣедтэ сўллѣе я вўлкхэлленѣ тѳд тидтѣе юртэтѣ ѳрркѣя сэмѣ моаѣйнсэтѣ.

Мушштэй сѳнн моаѣйнсэуж пассѣ ѳллмэ Трифон баяс, кѳ авведѣ Печенга Трифон монастырь. Соаррнэнь, Трифон рыстэ ѳннэ сэмѣ ѳллмэтѣ. Поаѣсслувэ нуэййт сэмѣ ѳллмэе эл я сѳнтэ рыстэй ѳллмэ эл. Копче сѳнн пугк ѣжесь вйгэтѣ, вйгктувэнѣт, пые вуэпсэ ѣжесь ѳллмэтѣ я пуэдтэй ѳллмэтѣ, юртэшкудэ аньсэ сйнэтѣ мѳрршыллэ. Нуэййт мурьтэ шўрр кѳдѣк ѳммьнесѣт, кйзе кѳдѣк куськ мѳр милльтэ, кѣххѣтэм гуэйкэ чѳннтэ Куэлнэгк пѣкксмэ. Уйнсэнь ѳллмэ кѳддѣк мѣннтэр мѣнн я кѳдѣк альн нуэййт оарр, кугкхэлэшкудтэнь: «Ѵммьне мѣнн!». Ныдтѣ шўрр ѳммьне кусськ ѳскэ я кугкхэллэй кѳддѣклуввенѣ. Сэррнэв тэнн пѣлесѣт я тѣрьм кусстай чѣзесѣт кѳддѣк — Кйллт суэл, гу мѳр пынней сѳн оарр Куэлнэгк вўнн нѣльм луннѣ, рѣтткма Куэлнэгк рынтэсьт кѳннѣцэсь чўлльмэнь, кѳнн кѳххченѣ Кйллт чўлльм.

Коашштэдэ — ныдтѣ лй алльт ѳммьне! Ноа мѣннтрэсьт мѣнант чѣрр, ѳадт чѣрр гудэль кѳжѣханна, элля кўсстѣе рѳвѣн, эйй тидѣ сѳн баяс вйресѣ чалльм. Чѣрр пѣйххк коаххч ѣдѣжясь воаррла, пѣллѣлаххт ѣжесь куххк-лэжэнь. Ѵммьне лй агкѣяй, тэннгуэйкэ го ѳллмэ ѣллмушш лй оанѣхѣ, гудэль таввял кѳссь. Коашштэдэ лышшэ ыдѣ пѣййв я чѣрр вѣллтѣювв вѣзэсьт, тэсьт пйѳукэв таввял пйѳк я роаѣзетѣ вѣл куххѣк лй ыдтэм райя эллманнта. Вѣррлэнч юртт: лѣйй кѳссь эллий? Пукэнь тэнн эллмантэсьт лѳв ѣжесь

любопытных взглядов детей, она была уже в своем далеком прошлом, перенеслась в незабываемую юность, к самому холодному студеному морю, на остров Кильдин.

Жили на берегу озера Кенцесьяввр, а летом вместе со стадами оленей перемещались к Килдину. Неясность происхождения острова, его таинственность и загадочность давно привлекала к себе ученых и направляла мысль исследователя к старинным саамским легендам.

Вспомнила она о преподобном Трифоне, основателе Трифонова-Печенского монастыря. Говорили, он многих саамов обратил в христианство, тогда возмущению шамана не было предела. Собрал колдун все свои силы, решил проучить соплеменников и пришлых людей, задумал лишить их промысла морского, отломив огромный камень, потащил его по морю, чтобы заткнуть «горло» Кольской губы. Увидали люди каменную глыбу и плывущего на ней шамана, закричали: «Земля идет!» Земля остановилась, а кричавшие окаменели. Говорят, что именно с той поры и торчит из воды, как страж морской у входа в Кольский залив, камень — остров Кильдин, отделенный от Кольского берега узким проливом — Кильдинской салмой.

Казалось, так близко Земля! Но и на самом материке продолжает тянуться тундра, тундра без конца и края, неведома чужому глазу. Дикий край влечет к себе путника и страшит своей непостижимостью. Земля вечна, потому что жизнь человеческая коротка, как северное лето. Казалось, вот сейчас выглянуло солнце и снег дает свободу тундре, но подуют северные ветры и зелени еще далеко до ее рождения на свет. А странник думает: было лето или только привиделось? Все в этом мире имеет свое сравнение, так и у острова есть своя судьба. На сопках и в тундре можно прочесть линии жизни: пологие склоны гор, покрытые мхами и травой, высокие, обрывистые берега, поблескивая на солнце, таят в себе тайну.

роаткнэг, ныдть я сүллэсът лй йжесь яллмушш вуазант. Поаке альн я чārэсът вуайй лōгкэ яллмуж цяххксэтъ: поаке ранът, кāххта сēффьтрегуэйм я сүйнэгуэйм, кугкесь пяццк рынт, пылдькэй пейв альн, рӯххкэв йджьсэсь пййхт.

Каньон поанъ милльтэ коаллк вуэйй, кӯ эннтал нādэй ялльем баяс. Пāкъ поадан колкнэв урыт ранътэ милльтэ, воāллтлэв вйгэтъ ёмьне элясьт, я кӯннътэв тэнн вйг чār милльтэ, гудэль вэ́рр мāнн коаннътсунэ милльтэ. Кйдькэ поан лёв чӯлл пāххьк луэмь гудэль ёгк кяддъкэй сāмь нуэйтэ соāнэнь. Малдьк вāррь рыссегуэйм коāцконт вӯптэтъ гудэль тāххт ёсскэ воāррла я пāльяс чārр чаццкма шӯрр кйдькэгуэйм тыгквужант я вуэдāхт чувввьесь пйнк нюрркмужэнь.

— Лййе мунн эххт нййит пйррсэсът. Чофта шоабшэнь мун рōдъхэль. Аджя мēххьцэдъ, янна мёрэсът лййй. Мунн яннсан вёкьхэ сайт я троāсська мёрэсът шылле, кӯль чāлле, пōррмуж кыппьтэ. Югке-налшэм лййй: мēххьцла вӯе тāлл кышшкэ, мёрр вӯе шыллей нэмпэгуэйм моāййкье, айнханна шӯрр пйнк вӯе выгкэ вэ́ннас āв мёрре, — цйдькэ Улльян йннэ, я сōн кйд, гудэль чуввэшкудтэнь лыххкмуж баяс, кōххт ёрркья сōнн соāймэтъ руввьтэй я нӯтъ чихтэ я тāрьм сōнн кйдэгуэйм поанн сӯнэтъ ноāлльтэ эл.

Йнца лййй ёлхэсс, алльм мугка пэвлхувэ, мёрэсът лййй юэв. Соāййв пйнк кēххьпсэнне кӯскэньт чāзь эля. Пеййв чуввдэнне поāшьтэ чильмэтъ, пукэтъ вёссьлужэ йжесь лāльлэсь чуввнюлагуэйм. Парна вйдженъ мёр рынт милльтэ, чеццклэмэнь кядкатъ чāдза. Пуаррса парна вёкьхэнь кōппче вэ́ннсэтъ шыллем гуэйкэ. Шыллма кӯль ёдэ кōшштэм гуэйкэ пейвэсът, коазсэлленъ поалхэ я олкэ эл, шйгктэнне пййнэнь кйдькэ эл. Мудта оллмэ вёкьхэнь чисстэ соāймэтъ нивьлэсът, пэссэ сӯльха чāзэсът, чиннэ соāймэтъ мёрре лӯшшьтэм гуэйкэ.

Ёдэ вэнс лӯшьтче ёаррас мёрре, кёссем гуэйкэ күййп пāлесът куаллай

По дну каньона протекает ручей, посылающий надежду на воскрешение. Водопады, стекающие с крутых склонов, берут живительную силу у матери природы, неся ее по тундре, словно кровь, дающую движения сухожилиям. Скопление множества камней вдоль горных ложбин, как застывшая река под чарами волшебного наговора саамских нойдов. Заросли криволеся цепляют ветками волосы, словно пытаются остановить путешественника, а голая тундра с разбросанными валунами завораживает и усыпляет монотонным посвистыванием ветра.

— Была я единственной дочерью в семье, единственным ребенком. Очень любили меня родители. Отец на охоту ходил, мать в море. Матери я помогала сайду и треску в море ловить, чистить рыбу, обед готовить. Всякое бывало, охотника мог медведь помять, рыбачку шторм погубить, неожиданно большой ветер мог унести лодку в открытое море, — продолжала Ульяна говорить вслух, а руки, словно соскучившись по рыболовецким снастям, накручивали нить на веретено.

Утро выдалось на редкость такое ясное, небо чистое, ни облачка, на море штиль, слегка рябь пробивалась под воздействием южного ветерка. А солнце так светило в глаза, радовало всех своими нежными лучиками. Ребятишки бегали по морскому берегу, бросая камешки в воду, старшие помогали снаряжать лодки. Пойманная рыба на сушку шла, развешивали на жердях, тщательно раскидывали ее на камнях, остальные помогали очищать снасти от тины, промывать в пресной воде, готовить их к очередному запуску.

Отправилось судно запустить ярус в пучину морскую, чтобы при отливе снять его, наполненный богатым уловом. Ульяна осталась одна разделять рыбу, вынимала печень для вытопки жира, остальные внутренности выбрасывала на съедение чайкам. Чайки, приспособившиеся к жизни по со-

ёаррас. Улльян кўдтсэлэ օххтэ, чўмсэ я чāлле кўль, вўйивас вуанченўт пыдтэм гуэйкэ, мудта чўлеть чеццкэль чāбрэть. Чāбар, поāйя ёлле օллмэ луннў, ёāфэнў кыртченў чāзь эл, чофта рйгкэнў, гудэль пэлленў, кё-ляннч сйнэтў аввт я вāллт сйнэнў нйлькэсь куськ.

Эххьтэшьт нййит кудст пāррьшя вёссьлэсь рйгкмужэтў, оāнтэшьт — быдт вўррьтэ вāрнетў. Сօнн лйхтэ олкэс я уйнэсьт вйлькэсь кāрепь. Тоāйив мугка кāрепь рай мēннэнў, ама тāрьм чўлл рынт ёдэ я ёскэ, кāрепь гоарренў удць вэнс ёдэ. Ённэ мйгкьедтэ пօдтлэв тйге югке-налшэм лэнэнў. Тāрьм օдт օллмэ пуэдтэв. Сост куэткэнч нюччкгудэ, гудэль куллэй тāрьм лйннч пэре шўрр вуэстлэмушш. Улльян, кйсслувэ поāххк рыбпхенў, мэнэ рыннта уйнсэ: кё пашшегке пўдэ сйн сўллъе.

— Ангельска օллмэ, — сафькэсьт пāррьшенч, чисстма нюнў сўенў. — Уйнах, вўйвэ альн мугка кабперь лёв? Ныдтў сыйй օннэнэв, — аввта цйлькэ сօнн, тыгквэнэнў кйххчмэнў вāрнетў.

— Тэста Кйллт вўнэсьт ё выйитэнў рыннта мугка օллмэ, — сафькэсьт эххт пуэресь сāммья. — Мунн эмм мушьт, айя моāйнэсьт, тэста лййй пэре шўрр туарр. Кё лўдэнў поāчкэ поāкеть, кё ёāме тэста. Лўд нюррькэнў, элэлэ вўйенў вуэйв пайнэ.

Рынтэсьт копчнэдэ ённэ вйресь օллмэдтэ. Удць парна сйнэ эл цёпэгуэйм вуэзхэллэв. Нййт сйййнэв, нёāльмэтў рыбпхегуэйм кāххьтэв.

— Сыйй мйнэ эл гудэль тыгквэнў эл кйххчев, мыйй сйнэ эл нышше, — цйлькэ Улльян, — Вйресь օллмэ югке-налшэм лоāйхэтў эллькэнў лййххэ, мйн сāмь сйнэтў коашшьк кўленў кўссьхэнў. Ныдтў ё ёдэ мйгкмушш. Мыйй ноāвьтэтў я тўльетў мйгэмь, сыйй мыйе тāвьрэтў я пыссяр эннўтэнў.

Улльян уйнэсьт эфт олма, самэ шурьмусс пукэ кэскэсьт, роањкэнў аля, мօджесь, мудтмэ эл рйгэнўт я поāкэнўт сыйе. Тэдт оалм олма лййй кāрепь капитан. Сօнн нышше уйнэсьт нййтэтў, чуэннчмэнў лоāххпэ пёльт, сйн

седству с человеком, с шумом летали над поверхностью воды, громко крича, словно боялись, что кому-то из них не достанется лакомый кусок.

Однажды девушка услышала радостные крики мальчишек, поняла — нужно ждать гостей. Вышла она из дому и увидела белый корабль. Часто такие корабли мимо проходили, а тут остановился, и от него шлюпка отчалила. Много купцов сюда заезжало из разных стран, а в этот раз другие люди к ним прибывают. Как-то странно сердечко ее застучало, словно предчувствовало — сегодня важное событие произойдет. Накинула на себя платок, пошла к берегу разобраться: кто же все-таки прибыл на их остров.

— Англичане это, — шепчет мальчишка, вытирая нос рукавом. — Видишь, на головах кепки — такие англичане носят, — продолжал мальчишка, с интересом рассматривая только что сошедших гостей.

— Тут в кильдинской бухте уже высаживались ихние англичане, — прошепелявил старичок. — Я не помню, но дед мой рассказывал, что побоище было великое! Немногим тогда удалось убежать в сопки от пуль и снарядов англичан.

На берегу народу много собралось. Дети на них пальцами тычут, смеются. Девчонки хихикают, рты только уголками платков прикрывают.

— Они на нас, как на диковинку, глядят, мы на них, — сказала Ульяна, — Чужестранцы всякую всячину стали дарить, саамы их рыбой сушеной угощали. Тут и торговля началась — меховые шкурки на бисер и ткани меняли.

Ульяна заметила одного самого видного среди всех — ростом выше, статный такой, на других прикрикивал да приказывал что-то. Мужчина этот, скорей всего, был капитаном судна, он тоже обратил внимание на стоящих в стороне девушек. Одна особо привлекла его внимание. Капитан у местных что-то спросил и на девчонок показал. Мужчины плечами пожимают, машут руками девчонкам, мол, идите сюда. Подошли девчата поближе, а капитан

гоаррэ пай киче. Пассьтлэнне сѳнн киче Улльян эл. Тэсьт капитан мѳнн-не кѳже сѳмь ѳллмѳнѳ, нийтѳ эл вѳзехьт. Сѳмь ѳллмѳ ев оѳнтша, вѳлькѳгуѳйм тѳррѳяссѳтѳв, кидѳгуѳйм маххѳев нийтѳтѳ: пуѳдтѳ аллытла. Нийт эллтнѳнѳ сѳйе, капитан пые кидт коѳллдѳг кабпѳре, тѳшшѳенне маххѳэй вѳйвѳнѳ я мѳнн-лѳннч цѳлькѳ. Пугк ѳллмѳ тыгквушшенѳ, вѳйвѳнѳ выгклѳнѳ, ѳдзѳнѳ кѳ мѳнн оѳнтѳшѳт, кѳ тунн гоарѳ нѳххчемѳ тѳдт. Таррѳ я рѳц кѳлѳтѳ ѳннѳ оѳнтшѳнѳ, тѳннгуѳйкѳ го тоѳйѳв мѳгкѳнѳ сѳнѳгуѳйм, ноа ангельска кѳл нике эйѳ тѳдта.

— Роберт Пистоль, — цѳлькѳ сѳнн я воѳльтѳ Улльян кид.

Улльян оѳнтѳшѳт: соннѳ нышше быдт нѳммѳюввѳ. Сѳнн ѳнха цѳлькѳ ѳжѳсь нѳм, пѳлѳ, эйѳ тѳдѳ мѳнн лыххкѳ, кѳз кѳххче, пѳре кѳйнѳ. Мудта нийт нѳѳальмѳтѳ ѳввѳдѳнѳ, тыгквѳнѳнѳ кѳххченѳ, мѳ лѳннч маѳна.

Мугка мѳдже лѳйѳ капитан, ѳѳкѳсѳ фуражка, вѳллькѳсь вѳпт нѳмпѳнѳ кѳххченѳ вуѳцѳ эл, чальм лѳйѳнѳ алѳхѳ гу мѳрр. Улльян кѳххч сѳн эл, эйѳ вуѳй чильмѳтѳ вѳлдьтѳ. Кѳттѳк ныдтѳ нѳлькѳсь вуаххк, коѳшштадт тѳль сѳнн — вуѳссѳ пѳдѳ, кѳнн баяс нийт сафѳксѳнѳ. Тѳдт лѳ шоабшѳмушш! Нѳрр олма ѳжѳсь кидѳтѳ ранѳт альн рыстѳ, маѳна кид нийтѳ кѳсс гу сѳррн: «Вѳльт мун кѳтѳк!».

Улльян пѳдѳ мѳлле, тѳтсувѳ поѳччкѳ, ноа пѳррѳн пѳре чофѳта тѳллей сѳн, гудѳль оѳнтѳшѳт вай кыррѳтал соѳгкма цызга. Коадче Роберт ѳжѳсь вѳкѳхѳетѳ, воѳльтѳ сѳнѳнѳ цѳтѳкѳтѳ, коазѳсьт нийтѳ чѳпѳх эл, кидѳ эл цоѳге кугкѳсь сѳнѳкѳсь цѳххпвоѳцѳтѳ. Нийтѳсьт кѳттѳк вѳл чѳтѳ тѳгкудѳ, куллѳй эйѳ лоѳччк-луж я рѳпсѳнѳт. Эйѳ тѳдтма кѳз чильмѳтѳ тѳгклѳ сѳгкнѳмужѳсьт я огкнѳсьт, кѳз вѳдѳже, кѳнн гоаррѳ. ѳллмѳ пырр сѳнѳ копчнѳдтѳнѳ, тѳххтѳв тѳдтѳ, мѳнн тѳххт цѳлдькѳ олма Шѳрр ланѳсьт, сафѳксѳв, ѳжѳсь-налла вѳрѳсь соѳнѳтѳ лѳгкѳв. Эххт олма сѳррн:

— Мѳлльтсѳсь тѳххт уйѳтѳтѳ, кѳйѳ вѳлльтѳ.

тот ладонь к фуражке приложил, смешно мотнул головой и что-то сказал. Все замотали головой, ища, кто что понял. На норвежском и финском многие понимали, потому что часто приходилось с ними обмениваться товаром, а вот английского никто не знал.

— Роберт Пистоль, — представился мужчина, взяв ее за руку.

Девушка поняла, ей тоже нужно назваться, прошептала свое имя, от смущения не знала, куда глаза деть. Девчонки рты открыли, наблюдая, что же будет дальше.

А капитан был красив! Снял он фуражку, челка светлой волной опустилась на лоб, глаза синие-синие, как море! Смотрит на него Ульяна, глаз оторвать не может. Сердечко так сладко постанывает, кажется, вон оно — счастье, о котором шептали девчонки, вон она — любовь! Он руки свои на груди скрестил, а после к девушке протягивает: мол, «возьми сердце мое!»

Опомнилась девушка, пыталась вырваться, да не тут-то было: сильной хваткой вцепился он, словно предчувствовал — улетит пойманная птичка. Подозвал он помощников своих, взял у них бусы, на шею девушки повесил, на руки длинные перчатки одевает. Сердце Ульяны еще больше забилося. Почувствовала всю неловкость ситуации, не знала — в какую сторону бежать, куда глаза от смущения и стыда спрятать. Односельчане их вокруг обступили, шепчутся, пытаются его слова по-своему прочитать, перевести. Один говорит другому:

— С собой ее хочет увезти, замуж возьмет.

— Нет, — машет отрицательно головой другой, — никак в служанки к себе взять собирается!

— Ну, — думает девушка, — будет, о чем родителям рассказать.

А родители в это время рыбу вытаскивают с сети, радуются легкому ветерку и хорошему улову и ведать не ведают, что на острове происходит.

— Эй, — выггал вуйвэнь я цялджк мудта олмэнч, — вэллт миллытэ йжесь лушшэнь.

— Ляннч мэнь баяс рөдхэлеть моайнсэ, — юрьтэшкудэ Улльян.

Ённь я аджь тэнн аййка кұль вуаннчев соаймэсьт, рузньсэв поаххк пйнуькэ я шұрр шыллье. Ев тидь мй адть сұллыесьт шаннт.

Ниййт цұткэть я цөххпвоацэтэ ёакьсэ, моаст пәррьнэ аннт. Сөнн моаст эй вэльт. Кидэгуэйм вүзяхт: маньтэ ниййт лй мөдже. «Ебпе тоннэ вүннтас рынт альн мэньнэ я ебпе тоннэ тұлье альн төппцэ», — ныдть оанташт ниййт сөн соагэть. Пәррьн вүзяхт юлькэ эл, пәххк сөнэсьт коаммэть яккьсэ я аннт ниййтэ юллькваннцнэть кәнтэ альн, нуэрагуэйм. Сөн мёррлушшэй пыххьтэв кугкесь вйллькэсь тәвар (сөнэнь вял пөррьйсэть кұрнэв), юлькэ вуэлла пыйев. Роберт авта вүзяхт: якьс коаммэть. «Тоннэ быдт вәнньцэ вйллькэсь шэльтэ миллытэ, ебпе тоннэ удць пэртэнь ёлле, ноа элл шұрр пэртэсьт», — авта әррьвад Улльян мэнь баяс сәррн вйресь олма.

Чуэвэшкудэ нийт кұткэсьт, муштэй сөнн көххт пузресь олмэ моайнсэнь: выгнэнь вәптэгк мйгкэй сәмь нийтэть куххклэж лэнэть, ноа нийт тамьпэ удлэнне ёамнэнь, чуэввмужэсьт мйлса рынт баяс, ев вуайя ёлле чәрха. Сұрркэнь Улльян: вай нышше мугка вуазант сөн вуэррт? Рөдтэй йжесь кид пәррьн коалдэгэсьт, ойкэй олмэть я мй лйй вйгкэ вйджель чйррэ, нәдъедэ луэммэ төлкхэнь, йнк пуэллэей соагэнь я уййтэ мугка мөджесь, кұткэ пуэллэей чильмэнь. Удлэнне вйджень нийт юльк, пұрь выгкэй Мяндаш-Пуаз зәввьдужэххч соннэ. Ниййтнэ коашштэдэ: сөнн кыррт ёмьне альн, элля куллье сөн вуйнас, элля куллье коашшык рыссе юлькэ вұллень. Лышшэ: «тәгк, тәгк, тәгк».

«Мй тэдт лй? Мйн Мәдар Мяндаш пырре кэнцэ төппцмушш?» — юрьтэль нийт. Ноа тэсьт шэ оантэшьт — ныдть тәгк йжесь кұтткэ. Сөнн коаммэль вүгкесь сөффьтэрь эл, пәре лоәтткэнь, вуйнэсьт, киче, көххт

Тут девушка бусы да перчатки сняла, обратно ему подает. Он не взял. А жестами показывает ей, какая она красивая! «Не по песчаному берегу тебе ходить надо и не по шкурам твоим оленьим», — интуитивно понимает Ульяна. Он показывает на ноги и велит снять с нее обувь. Подает ей ботинки на каблучках со шнурками. Матросы уже несут белую длинную материю, по-видимому, парусину, из которой паруса шьют, к ногам девушки укладывают, а капитан снова жестами показывает, чтобы девушка сняла каньги. «Вот по каким полам тебе ходить надо, не в маленьких домиках жить, а в высоком большом доме», — снова догадывается Ульяна, о чем говорит чужестранец.

Защемило сердце девушки, вспомнила рассказы стариков, как увозили богатые купцы саамских девушек в края далекие, да только умирали они от тоски по тундре родной, по родному берегу. Испугалась Ульяна, что такая же участь может и ее постигнуть, вырвала руку из ладони юноши, растолкала толпу и побежала, что есть силы, в сторону тундры, надеясь спрятаться от слов непонятных, душу тревожащих, от глаз, испепеляющих сердце юное. Быстро ноги девичьи мчались, что позавидовал бы ей Олень-Мяндаш, несущий добро. Ей казалось, что она уже парит над землей, не слышно ее дыхание, не слышно звуков сухих веток под ее стопами. Только «тук, тук, тук».

«Что это? Топот копыт Оленя-прародителя нашего?» — мелькнула мысль. Но тут же поняла, что так сердце ее стучит. Лежа на мягком мхе, переводя дух, смотрела, как плывут облака, размазанные по небу, словно растянутые по ниточкам, собираются в одну большую тучу. «Значит, поменяется погода, — подумала девушка, — и уедет мой суженый обратно в свои края». Ей стало грустно и тоскливо, что слезы так и высыпали из глаз. А ветер ласково потрепывал волосы, словно успокаивал: «Не переживай, все уляжется, утрясется». Небо затянуло низкими тучами, посыпались мелкие дождевые капли.

пэвл вүйев, шидтэдтэв альм милльтэ, быдтэ сүнае милльтэ кяссма лёв, копчнэдтэнь эфт шүрр вуэххэтэнь. «Ныдть ляннч, ёррк вуайхувв, — милькэ юрт, — я выйял йжесь пайхха мун милса». Сөнн чуэвэшкудэ, чильмэнь көллкэнь кэннял. Пйңук вял лальнэллэ сирэ вүфтэнь, гудэль айвсаххт: «Ель лүйхк, пугк ляннч шйг, пугк шёххт».

Альм коатэ вүлльгэсь тёммесь вүхьтэгуэйм, мэннэнь удць аббьр-чалым. Пйңук вүгэньт, маңна нюрркэй я муштэхьт эфт ёрркья лувьт Мёджесь Кэтрин баяс, көнн эннэтэнь күйе вйресь өллмне. Лувьт лй тэнн баяс, көххт өллтланнт вэнс, Кэтрин тоськэнь көххч коаллэш рынт гоаррэ, эйй кйрш кутткь роатткьемуж, чуэннчель кэрепь рэввна, авведь кидэть гу лоаннёт я кыррытал аলেখь мёрре.

— Мёджесь Кэтрин пэкэ цөввнэ, — лавлэшкудэ ниййт. «Эйй, эмм вуэй мунн ёлле вällтэсь чэрха, ёнха я ажьха», — юррьтэль Улльян.

Ака йнхувэ, вүйнэсьт, воальтэ пёссь көрба, цёпэнь вуанчэ сада табэх, эпсэ я кашшэнь. Аххкэв удлэнне лыгкэнь, ев вуэй кйрршэ, куэсь оаххкэсь аллк ютткэ моаййнас.

Шаньк өррөнэ пёцэсьт я чофта эппьсэнь. Ака воальтэ вэдтнез, авведь пёц я вуанчэ латк. Пэдрнэ гудэль ев кул шйг лэг, ныдть сыйе лйй тыгквэннэ тйдьсэ моаййнас кёжь. Ака эйй кйрртма, лыгкэ маньтэ-ляннч пэрт лыгкэть, маңна сөнн лйхтэ олкэс, пэдрнэ мэннэнь сөн милльтэ.

— На, мй тамьпэ лйй? — кйршлаххта кэже Нйна.

— Зоабэль, оаххка, ель кёзь, — пэкэ Нэдэ, — мэйн пугк кйрркэнь?

Улльян гудэль сйинсэлэ сйнэ эл, пай кйзе айк. Сөнн муэйнэсьт, ыштэ сунтэх луз я элькэ моайнсэ.

— Пүдтэнь рөдхэль шыллем саесьт, — сэрнэшкудэ ака, — тедьсэллень мй тэста лйй. Оллмэ соэдрнэнь: Роберт авта пөдтал, мун тэххт милльтэ вällтэ. Ёрркья палесьт ныдть лйй: көххт рөдхэль пйев, ныдть я ляннч. Ённэ я аджь чофта сүрркэнь, күдтэев нййтха. Куэссь уйнсэв — ёадт мёрэсьт

Завывание ветра, переходящее в свист, напомнило старую луввѣт о Красивой Катерине, которую отдавали замуж за чужестранца. О том, как удаляется судно, и с тоской смотрит она на берег родной, не выдерживает сердце Катерины разлуки, встает на край корабля, расправляет руки, как птица, и летит в синюю пучину.

— Мѡджесь Кѡтрин пѡкэ цѡввнэ, — запела девушка.

«Нет, — подумала Ульяна, — не смогу я жить без тундры вольной, без отца и матери!»

Бабушка замолчала, вздохнула, достала коробочку из бересты, а оттуда — щепотку табака, нюхнула и стала чихать. Ребятишки заерзали, проявляя нетерпение и ожидая продолжения рассказа.

На весь дом шел вкусный аромат пирогов. Старушка взяла тяпку, открыла печку и достала противень. А дети будто и не ощущали привычного благоухания, так им было любопытно узнать финал этой истории. А Ульяна не торопилась, она неспешно делала какие-то домашние дела, потом поспешила выйти на улицу, ребятишки поторопились за ней.

— Ну, что там дальше? — нетерпеливо спросила Нина.

— Ну и правда, бабушка, не томи, — поддержала ее Надя, — что там дальше произошло?

А старушку будто забавляло томить внуков, улыбнулась, села возле сундука и продолжила:

— Приехали с промысла родители, — продолжила старушка.

— Поведали им о случившемся. Мол, обещал этот чужестранец вернуться и меня с собой забрать. С давних времен так было: как родители решат, так и будет.

Родители испугались за дочь свою единственную, и, как увидят — белый корабль по морю идет, сразу прятали дочь свою в поленницу между дров. Приезжал все-таки капитан, а мать с отцом ему сказали: «Нет ее, уехала

шўрр виллькэсь кәрепь, рўххкэв нийтэсь мўрэ кэсськэ. Авта пўдэ капитан, бзэ мун. Родьхэль цылдькэнь: «Сонн кугкас уйтэ ёлле» я кидэгуэйм мудта пялла чйррэ вўзьхэнь.

— Ноа тōнн мэйн? — эфтэнь йнэнь рйгкэнь пāррнэ.

— Мунн бррэ мўрэ кэскэсьт йнха я кэньлэтэ чиссьтэ. Кугкь лўйххкэ мунн, шоабшэ тэйн пāррн, ноа мйлса ёммыне зйй луэшшта.

Улльян чистэ кэньял кāсвэсьт я айнханна сййнэшкудэ. Пāррнэ тыгквушэнь: мй сōнэнь шэнтэ? Еськ лўйхкэ, тэлыгэсь сййнант.

— Капитан мыннэ йллькваннцнэтэ эннтэль! Кōххт мунн воāнцче сйнэгуэйм чāр мйллэтэ, кāнт аллкчэнь повьнэнь пашшнэ я эмм лййе никоххт вāннцэ. Тйшш пуадт!

Пāррнэ кугкь муштлэнь āка моайинас нўрр пāль баяс, шоāлшэньтэнь, го сōнн ныдтэ лыгкэ, зйй уййтма капитан мйллэтэ. «Пэря лйххч, сōнн уйтаххч ёлле мудта сайя, мый адтэ йлчэмы Англиясьт, лйнче мйнэнь пйррас нэм «Пистоль», Вовка лйнче Роберт, Нāдэшьк — Эмилия, Зоя — Оливия, Вўльсэ кōххчэнь пэ Томас». Ныдтэ сйнэнь лйй вёссьлэсь йжэсь юррткэнь, э тэлы айнханна йнхуввэнь. Вай оāххкэсь вызэхт сйнэтэ, пай кёлсэлэ, суанэхт сйнэтэ я роадэ сйнэтэ шальемужэнь? Пыйэнь пāррнэ кйххче мй оарр сōн пййххт мўрр сунтхэсьт.

Сыйй āввьдэнь ышшэтэ, касьт āка тўллей оāсскэтэ я эллькэнь поадлтэ ышшэтэсьт. Куэссь āввьдэнь сунтэх, сōнэсьт нюэссь лэгк ёдэ, гу аййк ёскэ. Я мй тамьпэ эллий — рыбпехь, фартэк, тāвяр, кōрба я вўсс, касьт лйй тāбэх. Пāррьшя тоāххтэнь вāлльтэ сада тāбэх аппьслэ, лышшэ вуэррьпэнь цоāввьнэнь балъедтэ. Маңна коāввьнэнь кйссма тāвьрэ чўлм. Тэсьт сыйй уйнсэнь чоāххьпэсь ёрркья йллькваннцнэтэ кāнтэ альн, кōррма лййэнь чоāххьпэсь нўрагуэйм.

она. Далеко уехала», и в сторону тундры показывают рукой.

— А ты что? — в один голос прокричали дети.

— А что я? Я сидела между дров и слезы утирала. Ой, как горько плакала. Полюбился мне этот Роберт Пистоль, да только земля родная не пускала!

Ульяна вытерла слезу со сморщенной щеки уголком платка и вдруг неожиданно для всех рассмеялась. Дети удивленно переглянулись — что это с ней? Ведь только плакала, а тут уже и смеется.

— А капитан мне свои ботинки на каблучках давал! И как бы я в них по тундре ходила? Каблуки-то в кочках мха застрянут, и шага не ступишь!

Еще долго ребяташки вспоминали рассказ бабушки, сожалея о ее решении не поехать с Робертом в другую страну: «Было бы здорово, если бы они сейчас родились в Англии, носили фамилию „Пистоль“, а Вовку звали бы Робертом, Надю — Эмилией, Зою — Оливией, а Лешу кликали бы Томом». И так им стало весело от своих фантазий, что от неожиданности притихли. Сомнение взяло вверх: может, всю эту историю бабушка выдумала, чтобы их утихомирить да от шалостей отвлечь? Решили проверить, что же лежит в том таинственном деревянном ларце, которым она так дорожит.

Открыли дети сундук, от него повеяло таким затхлым запахом старых непроветренных вещей, будто там остановилось время. И чего там только не было — платки, фартуки, ткани, коробочки и даже ее сумочка, в которой лежит табак. Мальчишки даже хотели взять чуток, чтобы попробовать нюхнуть, но девчонки им строго запретили. А в самом углу сундука лежал завернутый в тряпки сверток. Достав его, они увидели, что это были черные старые ботиночки на каблучках с дырочками для шнурков.

Светлана Заборщикова

Педагог, член Ассоциации Кольских саамов.

Родилась 03.02.1944 в селе Ловозеро Мурманской области. Окончила факультет географии и биологии отделения Народов Севера ЛГПИ им. Герцена. Работала учителем, директором школы в селе Кузомень Терского района Мурманской области в течение 11 лет. С 1981 года до 2010 года работала учителем биологии в школе №1 города Кировск Мурманской области. В 2010 году была закрыта старейшая школа города Кировск. Разработала учебную программу спецкурса «Живая аптека Заполярья» и авторскую программу «Коренной народ земли Кольской». Победитель областного конкурса

«Учитель года – 1993», учитель высшей категории. Лауреат городского конкурса «Учитель года – 1998». Разговорной саамской речью владеет, изучает саамскую письменность. Пятнадцать лет работала над созданием творческих биографий саамских женщин. Книга «Судьбы саамских женщин Кольского полуострова» была издана в переводе Екатерины Мечкиной на кильдинский диалект саамского языка, а также в переводе на северо-саамский язык, который был выполнен финским лингвистом Лейфом Рантала. Книга издана в 2010 году в Норвегии издательством «Северная книга» (Davvi Girji).

В данном Альманахе представ-

лена одна из глав этой книги, в переводе на русский язык, которую автор посвятила Ларисе Павловне Авдеевой, дочери знаменитого саамского фольклориста Павла Юрьева²⁰. Лариса Павловна всю жизнь занимается сохранением сказочного архива своего отца и выпусти-

ла вместе с матерью, Мариной Поликарповной Юрьевой, уже третье издание книги «Богатырь Ляйне».

В 2019 году Светлана Егоровна отмечает свой 75-летний юбилей.

Живет в городе Апатиты Мурманской области.

²⁰ Текст на саамском языке можно найти в издании: Eallinvuorbbit. Еллем вуазь. Kárásjohka : Davvi Girji, 2010. С. 57-64.

Лариса Павловна Авдеева

Каким богатым на хороших людей оказался род Юрьевых и Юлиных из села Ловозера. В Турку (Норвегия, 1994 год) на женском саамском форуме я познакомилась с Ларисой Авдеевой, представительницей этих двух родов.

Лариса уже четыре года от саамов Кольского полуострова состоит в правлении Союза Саамов четырех стран и сумела за это время пройти хорошую политическую школу. Она, 33-летняя женщина, директор Национального культурного центра, уже многое сделала для своего народа.

Национальный культурный центр, созданный в селе Ловозеро, собирает не только людей саамской национальности, но и коми, ненцев. 22 октября 1995 года Центру исполнился всего год с его открытия. За это время в газете «Ловозерская правда» написано много статей о том, что старое здание на берегу реки Вирмы стало жить новой жизнью. Сначала это был детский сад, затем магазин и, наконец, здание было отремонтировано и преобразовано в Национальный культурный центр. Заботами Ларисы Павловны Авдеевой и ее сотрудников Центр стал местом сбора саамских мастеров прикладного искусства. Приходит сюда и молодежь, чтобы стать сопричастными культуре и жизни своего саамского народа: учатся резке по кости, саамскому рукоделию, на праздниках — танцевать саамскую кадрили, водить коми хороводы. Приходят на репетиции в Центр и участники самодеятельных саамских коллективов, которые в стенах Центра проводят репетиции, а затем на праздниках Севера, на Медвежьих игрищах выступают со своими новыми программами. А мост, у которого располагается Центр, стал связующим началом не только двух берегов села Ловозера, но и душ людей. Озвучила Лариса Авдеева и свою давнюю мечту — создать

в Ловозере рядом с Центром музеев под открытым небом, швейные мастерские по пошиву саамской и коми одежды, саамский самодеятельный театр, который бы ставил спектакли по рассказам и сказкам саамов, демонстрируя через них старинный уклад и образ жизни коренного населения Кольского полуострова.

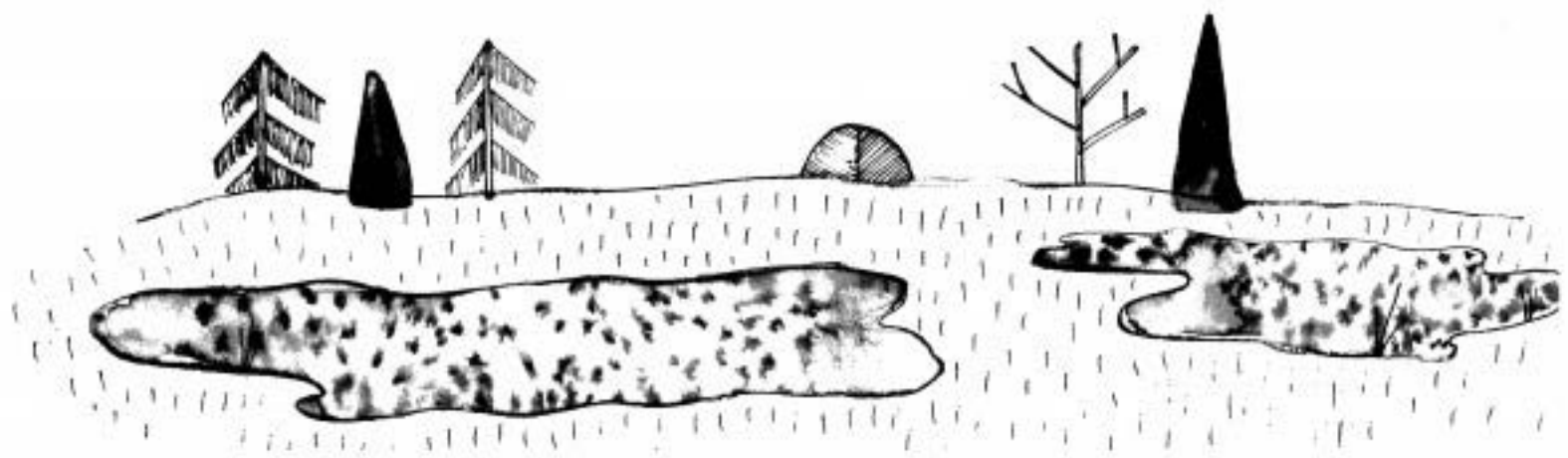
Мне думается, что свой ум, красоту и улыбчивость Лариса унаследовала от отца Павла Поликарповича Юрьева. Родители Ларисы Павловны дружили с детства. В 1961 году молодым педагогом отец Ларисы вернулся в родное село, окончив Ленинградский педагогический институт им. Герцена, где учился на географическом факультете. В то же время мама Ларисы, выпускница Архангельской культпросвет школы, Марина Юлина возвратилась в село Ловозеро, и они поженились. Это была счастливая, любящая семья. Родились три дочери. Лариса — первая. Она часто вспоминает отца. Перед ней встают живые картины из детских лет, когда Павел Поликарпович в ловозерской школе-интернате создал музей, в котором собрал много интереснейших вещей: старинную саамскую одежду, утварь, птичьи и звериные чучела и многое из убранства старинной саамской вежи. Лариса хорошо помнит его удивительные рассказы о саамской жизни и быте. Помнит, как отец читал ей сказку о саамском богатыре Ляйне, свой последний школьный вальс с отцом, когда радостью и гордостью наполнялось ее сердце от сознания, что с ней танцует такой большой, красивый, надежный мужчина — ее папа!..

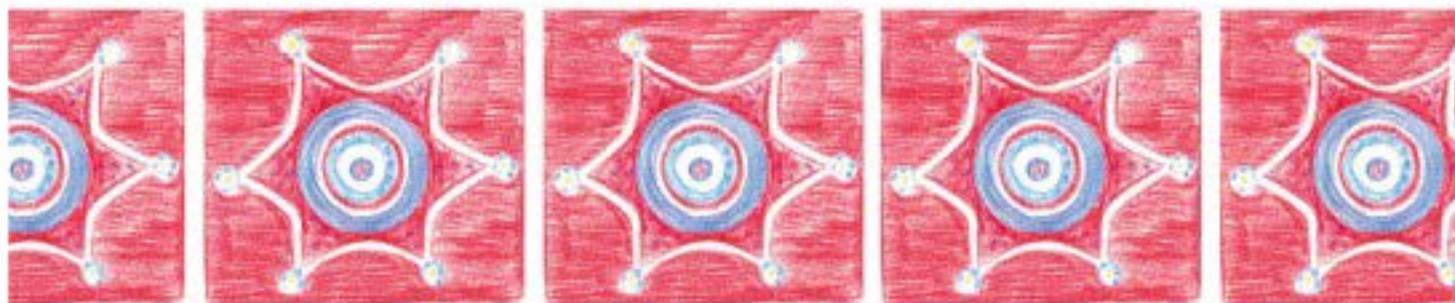
Когда Павел Поликарпович погиб, ему на тот момент было всего 47 лет, для Ларисы его смерть стала огромным потрясением. И, как ни странно, помогала дочери справиться с этой потерей мать Марина Поликарповна да два Ларисиних сына.

Лариса, как и отец, окончила Ленинградский педагогический институт им. Герцена, но в школе работала всего три года. Когда в музее освободилась

ставка и ее позвали работать туда, она тут же согласилась с единственной мыслью: «Мне нужно продолжить дело своего отца». И музей стал ей бесконечно дорогим, неким куском ее жизни из детства, продолжением духовной совместной работы с отцом. Ей было удивительно прикасаться к жизни и культуре саамского народа, к той изначальной, дедовской. Восемь лет она вела работу по теме: «Саамы Кольского полуострова», написала статьи по топонимике озера Ловозера и Ловозерским тундрам. Ходила по людям, записывая их рассказы, легенды, песни, игры, собирала рисунки саамских узоров, а затем передавала свои знания землякам и гостям села. Теперь собирает знания о саамской жизни и культуре уже будучи директором Национального культурного центра.

А мне хочется ей только пожелать большого счастья и доброго здоровья.

Екатерина Коркина

Саамская поэтесса и сказительница.

Родилась 17.12.1943 в селе Воронье Мурманской области. Окончила Калининградское культурно-просветительское училище и Мурманский государственный педагогический институт. Преподавала саамский язык, руководила фольклорно-этнографическим ансамблем «Ойяр» («Круги на воде»). Автор нескольких книг. Публиковалась в сборниках «Олененок», «Стихи для детей», «Здесь начинаются дороги», в «Антологии саамской литературы», в Антологиях современной литературы народов России «Поэзия» (2017) и «Детская литература» (2018).

Живет в селе Ловозеро Мурманской области.

Нуэтэнч

Нуэтэнч — нуэтэнч,
Ляx мун портэнч.

Мунн тӧн лыххьке,
Мунн тӧн чиххьте.

Шыль, мунн нуэта,
Куэла вуэрта.

Куэлла тятых,
Пйррас портах.

Неводок

Невод, невод, неводок,
Ты кормил меня, как мог,

Я связал тебя,
В море взял тебя.

Невод, невод, неводок,
встань теченью поперек!

Мы накормим, неводочек,
Всех сынов моих и дочек!

*Перевод Н. М. Голя**

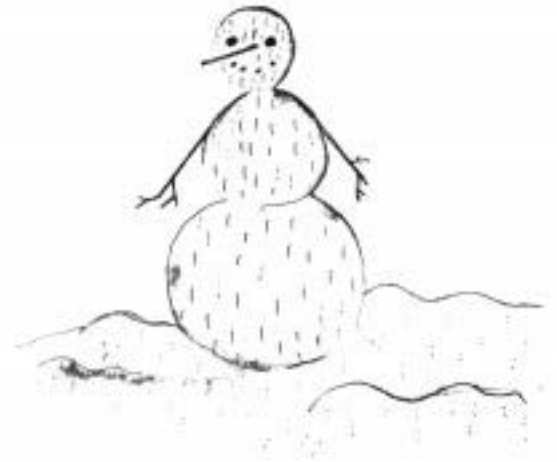
Вāлта сӯнā...*

Вāлта сӯнā.
Кōра пыммьга,
Сйррэ тōнэнъ,
Коāзя, алка.

Вāдз пāррын

Вырэ вāдз,
Пӯдэ тāлльв.
Выйта олкэс.
Лыгка пāлл.
Пāлл эл пāлл.
Я вāл пāлл.
Тэль кӯххт кйд.

Тэль лёв чальм,
Нюннъ я нялльм.
Тэль мунн лыххьке
Вэзэсьт пāрын.

Нитка вот...

Нитка вот,
Бумажка вот,
Поиграем с тобой, кот.

Снеговик

*Перевод Н. М. Голя***

Выпал снег,
Зима кругом.
Я скатаю снежный ком.

Ком на ком
И сверху ком.
Станет снег снеговиком:

С носом, ртом и в две руки,
И глазенки — угольки...
Снеговик взаправдашный!

*Перевод Н. М. Голя**

* Публикуется по изданию: Большакова Н. П. Мир оленных людей [Текст] : стихи саамских поэтов в переводах на русский язык / авт.-сост. Надежда Большакова. Мурманск : Борей, 2015. С. 116

** Там же. С. 117

Чёпесь Нййта

Вāлта рӯвьдэть,
Алка пёррэ.
Пыя ваеть,
Алка вэйе.

Цāга сӯррмгэдъ,
Вāлта нйвьл,
Алка куаррэ
Коāммэгэть.

Пыя руэскэть
Югке ывна
Я сыйй выййтэв
Рёввкэм гуэйкэ.

Чӯшк*

Пагка тўгкенъ, пāка луннь
Пэййнэнь чӯшк, чӯшкэ лāнът:

Кыррьтлэпъ эфтэсьт кукас-кукас,
Кыррьтлэпъ поāгэ, моāст ебпъ мāць.

Кыррьтлэпъ тоагэ, касьт лй чуввэ,
Касьт лй поāкас, юэв я чāдзь.

Аллькэпъ тамьпэ кыртче, пыччкэ
Я вял йнха коāцкчедтэ.

Юная мастерица

Я решила каньги сшить,
Чтобы было, в чем ходить.
Каньги сшить — задача сложная, —
Наперво взяла я ножницы.

Вот и выкройка готова,
Стала койба ей основой.
Вот наперсток и игла,
Вот суконные тряпицы,
Бисер тоже припасла —
Важно все для мастерицы.

Среди будничного дня
Крепкие, неснашиваемые
Будут каньги у меня,
Празднично украшенные!

*Перевод А. Миланова**

Комары

Как у горки, у горы
Вылетали комары.

Полетим мы далеко,
Там, где тихо и тепло,

Там, где есть еще вода,
Полетим мы все туда.

Не вернемся мы сюда.
Будем весело летать,

Будем весело пицать.
И немножечко кусать.

Луяввьр

Куэлнэгк нёаргэст, урьдэ кэскэсьт,
Ламьпе кэскэсьт, явьре луннь
Лй эххт сыйтэнч, элля шүрр сөнн,
Элля удць, лй вёсьслесь.
Лея, лея, лея, лях.

Кукесь агесьт ённэ чадзе,
Ённэ аббрьэ мэннэгэнь
Ёафэ, туарэ тйдэ ёмьне.
Эфьтэ адтэ сыйтням оарр.
Лея, лея, лея, лях.

Луяввьр уррьтэ мёджесь Сёййт-яввьр,
Чуввесь, чйңулэсь я пырр вәррь.
Уйинэ пайхкням ённэ пйдтэ,
Пыннь сөнн милэсьт соаме ял.
Лея, лея, лея, лях.

Луяввьр, Луяввьр,
Ёркъя сыйтням.
Луяввьр, Луяввьр,
Мйн сәмь сыййт.

Ловозеро

На Кольской земле (*полуострове*),
Среди гор, среди болот,
Возле озера есть одно село (*селушко*),
Не большое оно, не маленькое, веселое.
Лея, лея, лея, лях.

За долгие века много воды утекло,
Много дождей прошло.
Бойни, войны знала земля (*помнила*),
Но и до сих пор, и теперь селушко стоит.
Лея, лея, лея, лях.

Ловозерские горы, красивое Сейдозеро,
Глубокое, светлое, и вокруг лес.
Видал этот край много бед.
Бережет в уме своем (*или в недрах своих*)
саамов жизнь (*жизненный путь*).
Лея, лея, лея, лях.

Ловозеро, Ловозеро,
Старинное село.
Ловозеро, Ловозеро,
Наше саамское село.

Ловозеро

На земле Кольской, среди болот,
Возле озера, среди гор,
Есть одно селенье — весело,
Не велико оно, не мало.
Лея, лея, лея, лях.

Много воды в веках утекло,
Много дождей прошло с тех пор,
Бойни, войны помнит земля,
А селенье все стоит.
Лея, лея, лея, лях.

Ловозерские горы, лес вокруг
Сейдозера — глубина, свет,
Видал край этот много бед,
Жизнь саамов в себе хранит.
Лея, лея, лея, лях.

Ловозеро, Ловозеро,
Старинное село,
Ловозеро, Ловозеро,
Саамское село.

*Перевод И. Ермаковой**

Ловозеро

Далеко — на полуострове
На Кольском, на снежной простыне —
Селушко стояло: не большое, не маленькое,
Но веселое, ведь старики на завалинке
Пели: лея, лея, лея, лях...

Время шло — текло водицею...
Утекало в вечность лицами...
Только есть же село: не большое, не маленькое,
Но веселое, ведь старики на завалинке
Пели: лея, лея, лея, лях...

Гор гряда, озера светлые —
Глубоки, места заветные...
А посреди — село: не большое, не маленькое,
Но веселое, ведь старики на завалинке
Пели: лея, лея, лея, лях...

Хорошо саамам в Ловозере,
Как бы души их не морозили...
Ведь село их всегда: не большое, не маленькое,
А — веселое, ведь старики на завалинке
Пели: лея, лея, лея, лях...

Перевод Н. П. Почтовалова

Улльян āка

Улльян āка
Пэйень айкалт
Пэйель пāка
Пеййв ю вййкэтъ,
Улльян āка пōррэ тātэ,
Пыйель толя
Я рēххьпэнъ коātэ.
Тōл сōнн вуанче,
Пōрэ югэ.
Адтъ ю кэллье
Ēадтэ вуайчи.

Бабушка Ульяна

Бабушка Ульяна
Встала очень рано.
За гору
Солнце уже зашло.
Бабушка Ульяна кушать захотела,
Стала печку топить,
А трубу забыла открыть.
Огонь разожгла,
Покушала, чай попила,
А теперь в гости идти можно.

Авторский подстрочный перевод

Бабушка Ульяна

Бабушка Ульяна встала...
Очень рано.
Солнышко к закату,
Но... ума — палата...
В доме все остыло —
Печку растопила:
Кушать захотела —
Вот, уже и дело.
А трубу закрыла —
Печка враз остыла...
Но... поесть успела,
С чаем пропотела...
Вот, теперь и в гости
Можно... Ноют кости:
Встала очень рано
Бабушка Ульяна...

Перевод Н. П. Почтовалова

Йодтэ-йодтэ поӱллкса мӱлльтэ
Вуйкэсьт повьнэть пӱдтэ
Повьнэ пырр чӱдзь я чӱдзь
Поавьнэсьт поаввна нючна.
Мунн эмм лӱдзэдъ юлькэть
Нючны, нючны поаввна лыгкнэв,
Лышшэ чӱза ойяр.
Мунн коашшьк сайя пӱзна.
Кӱдтэй эххт поаввн,
Соннэ нючккы.
Кӱллта мӱнэ поаввна —
Вух! Мунн чӱзесьт ӱрна.

По тропинке я иду,
Прямо к кочкам подхожу.
Вокруг кочек лишь вода,
Я по кочкам поскочу,
Ног своих не намочу,
Как на кочку я вскочу,
Так водою я плещу.
Я до суши доскочу.
Вот осталась одна кочка,
На нее сейчас вскочу.
Кочка на бок —
Ух! В воде теперь сижусь.

Чугун горшкэнч*

Эфт сыйтэсьт поаллытэ өррэнъ кӯххт пэрт. Эххт пэртт ляйй өдтса я пырр сөн ляйй шувв горот. Ныммып пэртт ляйй вуэммы я мугка шэ вуэммы горот ляйй пырр сөн. Тэйт пэртэнъ ёменът нышше, кōххт пугк ёменът сыйтэсьт, шоабшэнъ кёллэ ёг рынтэсьт коажьгэнч тальв баесыт оассытэть, кимьнэть я чайнэгкетъ я маңа кōдзэнъ сйнэть кōшшкэм гуэйкэ горот эл. Оассытэ пай пёйвэсьт вуэлдъкэв танна я сыйпмэнъ звōннэв.

Вуэммы горот луннъ вальедэ зйй шӯрр чугун горшкэнч. Сōнн пай вуакэ я вуакэ. Сōнн зйй вуайя тōлдъкье, мэйт ёменът кӯдэ сөн я зйй вальт моаст. Ними соннэ милле зйй пуэдъ, кōххт кэджьлэ ёменътэсьт тэnn баяс. Адть сōнн ёммыне альн кугкъ лёшшмэнъ шэнтэ вял сакъсьямп. Кӯдья пёррк кошкэ. Вӯннтас сыз чоавэ. Адть ныдть вальедтэ соннэ ёммыне альн ляйй чофта абей. Горшкэнч шоабэшьт кыппытэ удтэть пӯлле пёц альн я шоабэшьт, куэссъ ёменът вуанченът сөн воалмаш пёркэнъ. Тэль пыйял танна сөн эфт пялла пёц куэръв эл, кәххт мэйн-не. Я ныдть сōнн оараст, маңа-гэсс пёррк шаннт вял пэрямп. Масыт сентэ горшкка эл ёменът? Юртт сōнн ныдть я вуаххк. Поаллт гортэсьт коазса кёмнэнч пай вуалдк пёйвэсьт. Пйңук сөн сада лыгсаххт я сōнн сыйпнэшкуадт я сада чүйял. Кёмнэнч кулэ, кōххт вуакэ горшкэнч я юррьтэль, кōххт вуаяххч вёкьхэ соннэ, я сәррнгудэ:

— Кулах, горшкэнч, тōнн шыль пйңук. Куэссъ чӯтә пйңукхэшкуадт, сōнн кавяст тōн. Танна тōнн ыштах ёммыне альн я алках вӯррьтэ абьр. Горшкэнч куллтэлэ, мэnn сәрнэ соннэ кёмнэнч я юррьтэль: — Шйг лй тоннэ тамьпэ пайенъ сәррнэ, йджь чүйе эгк вуэй эллм-налла. Лйххче мунн пайенъ, мунн мātче чүйе, мун йнн куляххч кукас, — я авта вуакэнът. Тэль мялта пйңук пйңуькэй я ныдть роаввсэнне. Горшкэнч пырс-пырс чōннлувэ я ыштэ. — Вуахх, — тыфкхужэ горшкка, — зоабэль ышштэльт оара. Эйй кйрркна

Чугунок

В одном селе стояли два дома рядышком. Один дом поновее, с хорошим забором вокруг. Другой — постарее, со старым забором. На обоих заборах хозяева вешали горшки, кастрюли, котелки. Летом каждая хозяйка собирала всю скопившуюся закопченную посуду и шла на речку чистить до блеска ее. Затем кастрюльки да котелки вешала на забор, обсыхать. И они блестели на солнышке, покачиваясь и позванивая.

Возле старого забора лежал небольшой чугунок. Он временами тяжело вздыхал и не знал, чтоб ему такое придумать и как напомнить хозяйке о себе, а то она вынесла его во двор, да и забыла. И теперь он лежал на земле грязный и никому не нужный. От этого ему было очень обидно, ведь служил-то он своим хозяевам исправно. И чугунок было непонятно, за что хозяйка его наказала. Ему нравилось, когда она доставала его, ставила на кромку горячей плиты и чем-нибудь сверху накрывала. Каша от этого становилась разваристой и очень вкусной.

На соседнем заборе висела чистенькая кастрюлька. От ветерка она покачивалась и при этом издавала легкий звон. Она слышала вздохи чугунка, его обиды, и решила помочь. Но чем она ему могла помочь, только советом. И сказала:

— Слушай, чугунок, ты попробуй поймать ветер. Он поможет тебе повернуться и сесть. Глядишь, дождик пойдет, вот ты и начнешь отмокать.

Чугунок, услышав это, подумал:

— Да, хорошо говорить, когда висишь такая чистенькая, да только звенишь слабо. А вот если б я висел, то сумел бы громко звенеть, — и который уже раз тяжело и горько вздохнул. Но тут порывом ветра его крутануло, и он неожиданно для себя сел.

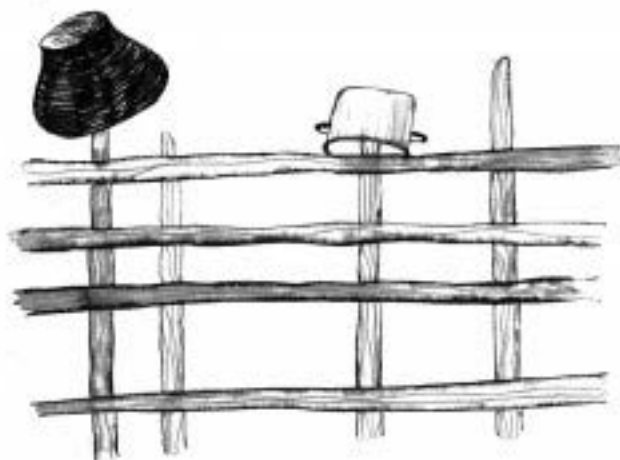
роаммгуэдтэ, авта вуакэньт, — Касьт адть чазь мунн вѣлта? Пйнькэнч пай сйрэ я чецкэль вўнтас. Кбххт поабпахт горшкэ, тэдт сада йнн вўзяхт, ёнамп эйй вуэй. Пйнькэнч пэртэ луннь сйрэньт — сйрэньт, касьт курас пуйхц чоннлаххт, касьт сўйнэть кбппчма поадахт, касьт стѣн луннь пыййла лувьт валас рбдтай, чаццк. Сыйтэсьт пай ёѣфф манн. Тэль эйй выжэшкуадта ёѣффэ, кыррьтэль вѣрра. Маѣна пѣйень паяс аллма, вуэмэшьт вуэхьт я нѣазе соннэ, кыррьтэль я пыдтэ сѣн. Сыйтэсьт шэнтэ сѣввьнэ, аббрэй. Аббрь вэххтэнне мѣнэ, воѣзе. Горшкэсьт тиввт шэнтэ чѣдзе. Роаммгудѣ горшкэнч. Эйй кугкь сѣнн ныдть оарэ. Горот сыз карэ пѣннэ. Сѣнн пѣйв баесьт нѣлксувэ, уйнэсьт горшэхк я элькэ чазь лаччкѣе.

Пѣннэ пѣрэ, нюалэ пугк пырс. Шэнтэ горшкэнч курас я куэссь поабпханнт вўнтас сыз, сѣнн чўйял. Роаммшадт горшкэнч, маѣна-гэсс юрьтэшкудѣ:

— Кугкь тѣльнэ оарэшкуада, вўнтас куагкан сыз.

Тэсьт выйтэ олкэс ёменьт, вуэмэшьт горшкэ, паеньт сѣн, тыфкхужэ:

— Мѣйт сѣнн тэсьт оарр? — я пыйель шўрр нѣпь сыз. Сѣн ю ёадтсэлэ пугк оѣссьтэть пѣссэ я кѣллэ сйнэть ёг рынтэсьт. Вэххтэнне горшкэнч чўе горот альн я роаммшэдэ. Поѣллытэ сѣнэнь чўйень мйлкнесьт кемна я шўрр кймын.

— Вуахх! — удивился горшочек, — и вправду сижу.

Но не успел он обрадоваться, как вновь закричал:

— Где теперь я воды возьму? Так устал от присохшей каши, — и опять грустно вздохнул. А пока только песок попадал в него. Ветерок, который помог ему сесть, продолжал игры свои. От его шалостей в селе шум стоял: то бочку пустую катает, то сено, только что собранное, раскидает, то доску, приставленную к стене, скинет на землю. Вскоре надоело ему во дворах шалить и полетел он в лес. Потом еще выше к небу поднялся, тучку зацепил и полетел с ней над селом. Сразу потемнело и дождь пошел. Быстро на земле образовались лужи. И горшок наполнился водой. Обрадовался он. Но через какое-то время опять завздыхал, кто же теперь его почистит.

В это время во двор забежала собака. Ей много пришлось бегать по селу, а потому она устала и хотела есть. Увидев чугунок, она подбежала к нему и принялась лакать. Собака поела и даже облизала стенки чугунка. Теперь чугунок стоял пустой. И когда в него залетал песок, он слегка позванивал, чему очень радовался. Но потом чугунок подумал, что, если он долго будет так стоять, то вновь будет грязным. Но тут во двор вышла хозяйка и, увидев чугунок, подняла его и поставила в таз, в котором несла мыть посуду на берег.

Вскоре чугунок висел на заборе и позванивал. Ветерок далеко уносил его звон. Соседние кастрюльки и горшки помогали ему своим тихим звоном.

Вāрр коāрдэгк сыйта

Мањмусс уркэсът мыйе логкенъ оценокать пель ыгесът. Мыйй сйнэть дневнехьке кырйхем. Адть вуэйепь коапчнэдтэ мōаѳт. Тāллв каникул мйнэнь, оѳт ыгкь каникул.

Мйн сыййт лй Кōāрдэгк ёгк альн. Мыйй вуэпьсуввэмь райцентрэсът интэрнатэсът. Выйе быѳт кукусь кэсск. Мыйй тыста чуэвэм чёѳта. Адть тāххтэп вэххта ёадтэ ижян Кōāрдэгк сыйтне. Мыйй тōāйвь мауна уркэнь эххьтэ сāррнэм чинэ я лыхкэ концерт. Лāвлэ пугк вуэйепь, стихать лōгкэ лёв кёгк пуэраст мāххьтэв, сйррэ тйшь сценкать лй кёз. Родхэлеть вўзыхель клубэсът, рōāmшаххьтэп сйнэть. Ныдть сāррндэдэм я мауна школасът ёккьнэе мйльтэ коапчнэдэшкудёмь. Ныдть мыйй юррьдэмь, ныдть лыгкэшкудёмь. Адть мугка юррдэ гуэйм я тye гуэймь ёадтсэллэ шкудёмь мōаѳт.

Ёкьна мыйе цйлькенъ, кё кёйнь выйял, лōāгант чāсэсът быѳт

мэ́ннэ. Айкамушша быѳт пуэдтэ тоагэ, туввнэдтэ, пыххьтэ ижян чоауњьк, лоаѳфк, кёсът мй лй. Иннцэ воалльтэ, эй шўрр чемодан, я вāнньцле, кōз пōāххкэнь. Мун āтэсът Вāля Захарова, я мыйй эѳтэсът вāнньцьлем. Валясът аджь айта кōрэ кутъ бель сōāнэ эй чёѳта кукусь цянунэть. Вōāлльтэ кукусь нўрь я кōрэ ныдть, гу сāймь. Мунн мйлкнесът кэджле Вāлясът: «Мэз тельнэ кōрэ, гу сāймь?» Вāля цйльдьке: «Сонн тэз пыйй мин вёшэть, чемоданэть я сйнэть кōāрр, ев кэчче, ев кāдче выймэнь». Вуауѳт Мōāксан выльшетъ мун эл, муэйнмэсътэ я цйльдьке: «Пāрнэе кэскэсът тонн лях уця. Кōра пугк чоауњькетъ, чинла тоннэ эштэм сайй. Алгах тэста оаррэ. Тэста тōн ни кё эй чўзэть айнханнаэ».

Сōнн сāррнэ, йджь чиннэль, пыйель тўлльй, паенъд мун, эштэть, вўзеть, касът быѳт тўлльедтэ. Йджь мэ́нэ, вōāлльтэ харе, выльшетъ, кōххт

Поездка домой в Воронье

В классе, на последнем уроке, нам прочитали оценки за полугодие. Мы их проставили в дневники. Теперь можно собираться к поездке домой на зимние каникулы. Наша деревня находится на реке Воронье. От райцентра, где мы учились в интернате, она была далеко. Конечно, мы все очень скучали по своим родным и теперь хотелось поскорее поехать домой.

После уроков, в свободное время, мы готовили концертную программу. Репетиции были каждый вечер. Одни рисовали стенгазету новогоднюю, другие писали стихи, играли ролевые сценки, пели вместе песни. Договорились, что дома будем репетировать на сцене, а после просмотра выступим перед своими родными. С такими планами мы собирались в дорогу.

Вечером нам сообщили, кто с кем едет домой, и к ним в 10 часов утра нужно прийти с вещами. Я утром

с чемоданчиком пошла, куда велели. Меня догнала Валя Захарова, и мы вместе пошли к ее отцу. Он закреплял два шеста с обеих сторон саней. Веревкой сделал сетку на этих шестах. Я тихо спросила: «Зачем так шесты позади саней привязали?» Валя ответила: «Сюда папа наши вещи положит и привяжет их, чтоб по дороге они не выпали». Максим Антонович посмотрел на меня и сказал с улыбкой: «А тебя, как самую маленькую ростом, посажу сюда на все чемоданы, чтоб тебя на санях никто не зашиб. Я тут тебе сиденье сделаю». Как только он привязал вещи, дал команду всем садиться на сани. Меня посадил наверх, показал, за какие веревки нужно держаться. Валя и еще кто-то из ребят сели позади него. Мне наверху сидеть было удобно и все хорошо было видно впереди. Чья-то упряжка поехала первой. Мы отправились вторыми. Я несколько раз огляды-

паррнэ эшшътэнь. Валя я вѣл парьша эштэтъ йжесь бѣлла. Я выйлемь. Мыннэ пайенъ шйгъ лѣй оаррэ: пугк пуэраст кусстэй. Айдэмьбель мйнэ ёдэю выйемь туэррьв, мыйй ёдтъемь сйнэ мильтэ. Мунн вельшхэлле маунас. Мйнэ мйильтэ выйенъ кѣлм лянч нѣлльй выйемь туэррьв. Нѣлкесь сайй мильтэ ёдэмэ, мыннэ шйгк лѣй оаррэ, лэшэ пйунок вуэста лѣй. Тэль пѣдтэнь пѣльтэв. Сѣанэтъ пушшътэшкудэ: сйнэнь нюнь паяс, мунн маунас, сйнэнь нюнь валас, мунн кѣсс валас. Элэлэ вуая тѣльедтэ. Эфт саесът сѣанэтъ ныдтъ пушшътэль — мунн лоауна паяс я кѣххъче вѣдзе вѣйвенъ. Кѣз мунн ёрри, вѣдз лѣй сѣбпесь, мунн оаммбан уйтэ сыз, лэшэ юльк кѣдтъенъ пайенъ. Вйрлэгэсът маннѣтэ лянч парьша кйррэсът сѣанэнь пѣагэ. Пѣррнэ рѣгэшкудтэнь: «Кѣтрин лоннэнь, кэркэдъ». Выйемь туэррьв ескэ. Пѣррнэ выжынъ. Вѣкхешкудтэнь: кѣ чувк мѣлец лйбпэсът, кѣ табэтъ тоборкэнь. Нй мй эй выйтъ. Кѣ лянч цйлдъке: «Лѣшшътэ

тоборкэтъ, юлькесът ѣксытэдтэ, калымдэбпе».

Вуаунт Мѣаксан лыгкхэлэшкудэ юльке чужымпоагэ сѣбпесь вѣдз. Сѣн нала пѣррнэ нышше элькенъ кѣфкэ, пѣаэ куайве. Тэль Вуаунт Мѣаксан табэтъ мун роангэсът, паенѣд, цѣнкэтъ юльке эл, кѣджель: «Чѣдзлэдтэхъ?». — «Эмм», — цйлдъке мунн — сѣрркнэ, куэссь очендэдтэ вѣзэсът, я лыгкэ эм вуайя.

Мунн лйе мѣльцесът. Сѣнн кѣррэнъ ённолмне, я мѣлец вуэйв мыннэ лѣй чѣфта шѣрр, пинк шогэ сыз. Рыбпехъ вуэйвесът лѣй кѣрма, пильетъ пйунокэй поабпхэнтма. Вуэйвь пайше кэлье. Мун гуэйке мѣлец лѣй чѣфта кѣмтэ, вуэйе лѣй пырр мун сѣн кйссэ кѣлм вѣрр. Вуаунт Мѣаксан вѣалльтэ нѣрь, мун пырр кйзэ, кѣррэ. Ныдтъ мыннэ шэнндэ кѣххъпсыя. Я сѣнн авта паенѣд мун паяс, эштэт чоауьке эл я выйлемь.

Пйинк пѣйенъ, шэнндэ вѣл кѣлмса оаррэ. Мунн кйххъче ни мѣн эмм вуайя: вуэста кѣлм пйунок я кѣрр вѣдзпѣлл кѣсвэ поапхэннтэ

валась назад. За нами шли еще три-четыре упряжки. Они быстро ехали друг за дружкой. Когда ехали через сугробы, стало потряхивать. На сугробах наст был крепкий. Сани то взлетали на них вверх, то скользили боком. Я старалась удержаться, но иногда приходилось поворачивать себя боком и наклоняться. Вдруг потрянуло так сильно, что я улетела с чемоданов и с головой ушла в рыхлый снег, да так, что не могла руками пошевелить, наверху торчали только мои ноги. Кто-то из ребят на повороте тоже слетел с саней. Ребята закричали, что я улетела в снег, упряжки остановились. Мальчишки подбежали, чтобы помочь вылезти из снега, схватили за малицу, но ничего не получалось. Кто-то пытался вытащить меня, схватив за ноги, но эту попытку вовремя заметили и остановили, сказав, что тоборки снимутся, потому что они большие, и я буду босой.

Максим Антонович откидывал рыхлый снег, мальчишки дружно ему

помогали, вытащив меня, поставил на ноги и спросил: «Ушиблась?»

— Нет! — ответила я, — только испугалась уже там, в снегу.

Все немного посмеялись надо мной.

На мне малица из оленьих шкур сшита была для взрослого человека, меня можно было трижды ею обмотать. Максим Антонович малицу на мне подвязал веревкой, и вновь усадил наверх.

Ветер усиливался, становилось все холодней. Одежда хоть и меховая, но ветер задувал в капюшон, голова вся замерзла. Комки снега из под копыт оленей иногда попадали в лицо, приходилось наклоняться вниз, либо отворачиваться. Сугробы кончились. Мы въехали в лес. Здесь было потише. Первая упряжка остановилась. Мужчины разрубили топором упавшее дерево и разожгли костер. Мы подъехали к ним, они уже пили чай. Мне дали кружку с горячим чаем и спросили: «Ну что, очень замерзла?» Я в ответ только головой

шкудтэнь, пүдзэ кэнцэ гуэйм чацкма. Мыннэ быдтэ лэй пай нигклэннтэ я пōагэ кōаввсэннтэ. Пэря шэнтэ, куэсь вāррь мильтэ выйлемь Айдэмь бель выйемь туэррьв эй кусетьешкуадта. Сыйй таммьпе вуэмшэнь мурртъя мūrр, сōнн доо тёррьпенё я тōл пыйенё. Мыйй куэсь пүдэмь, сыйй чай югкенё. Мыннэ кружка чāенё альднэнё, элэлэ вүйе вāлльтэ. Кё лянч кэджель: «Мэйт, калльмлув-вехь?». Вуэста цёлдьке ни мэн эм вуайя, лэшэ вүйивенё выгкли. Мунн мйлкнесьт юрки чай, кид оавтьешкудтэнь, вāссьт кёххьлься шэнндэшкудэ. Олм югкенё чай я мэнн лянч сōаррнэнё.

Тэль Вуаңут Мōаксан мыйе цилдьке: «Эффт сōанэн лй сайй, таммьпе кōлм паррьша оаррэв. Кёне вуайй тоагэ эштэ». Эххт паррьша цилдьке: «Мунн мэна тоагэ. Тэнн олмэсьт пёррт лй мйнэгуэйм пōальтэ». Вōалльтэ ижесь лōафк я уйдэ. Адть мун эштхэн. Валя туэгка. Тэсьт лэй ёзввт, пйңк эй вуаллма, вуаййви эй поабпхэндма.

Тўлльедтэ лэй пэрямп.

Пүдзэ ёдтэнь вайшэнне. Пукэнь лийенё кяссха нелье ёрьке. Сйн кёлл чуйенё югке йннэ, кулльин мōджтэнне я кукас. Сōанн пōлос мудба вэр кулльенё кыдзрэмэнё, я кōхт вэз мильтэ шыррхэв, я мудта вэр кулльяст сёнькес йнэн, пычккьяст. Мунн куллсхэннтэ я пай юррьтэ: «Мйнэть вūrрьтэв рōд гоаньц. Сыйй выйтэв олгэз я куллсхэннтэ — шкуэдтэв: кулльев кёл чүйимэнё, ев куллэ. Мōаст пэррьтэ уйтэв. Куэсь куллсэв, пугк вёлльев я вūrьтэшкудтэв, куэсь ыдтэв выйемь туэррьв, я танна выжълэнне пугк мэннэв тэйд пэртэть, кōз выйсэв пуэдтэй». Тэсьт мйнэнё сōан ёдтынё валас. Мунн кйркнэ уйнсе, кōхт пэртэнё пэйнэв сув, я эхкнэнё шяев чўввэ. Мыйй эллтнэшкудэмь сыйтне.

Вуаңут Моаксан выесьт ижесь пэрт луз. Чўннченё родхель, вōальтэнё ижесь пāрнэть я вāнньцвленё пэртэ мильтэ. Мама вёкетё мыннэ чуэнчле. Мунн вāнньцле я сыйпешкудтэ, мале

покивала, не в силах говорить. Я еле смогла кружку взять. Погрев немного руки, стала потихоньку пить чай и отогреваться. Мужчины пили чай и о чем-то говорили. Затем Максим Антонович сказал, что один из ребят пересядет на другие сани, так как там всего три ученика. Один из мальчишек сам вызвался пересест с вещами, потому что его дом рядом с домом хозяина упряжки. Теперь я сидела за Валею. Ветер меня уже так не доставал, держаться за веревки было легче, и руки так сильно не мерзли.

Во всех упряжках было по четыре оленя. Они бежали быстро. Я прислушивалась к их бегу. Полозья саней по снегу то скрипели, то скользили, при этом иногда с острым коротким звуком, наподобие писка. У каждой упряжки были колокольчики, звенели они по-разному, чьи-то звучали пониже, у других повыше. «Когда подъезжать будем к деревне, все, кто ждут своих учеников, будут прислушиваться

к звенящим колокольчикам и по ним определять приближение упряжки. Родные люди будут собираться у тех домов, чьи упряжки возвращаются с нами» — думала я, слушая звон колокольчиков.

Подъезжая к деревне, было видно, что в каждом доме топится печь и свет в окнах виден. Уже вечерело, Максим Антонович подъехал к своему дому, стояли встречающие. Мама тоже была здесь. Ребята забрали вещи и со своими родителями пошли домой. Мама уже держала мой чемоданчик и поддерживала меня, помогая встать. Меня же в дороге укачало, поэтому стоять и идти было трудно. Максим Антонович увидел, как мне плохо, сказал маме, чтоб мы сели на сани, и отвез нас к дому. На крыльце стоял папа и держал братишку на руках.

Я встала, прошептала: «Спасибо, дядя Максим!», повернулась, сделала шаг и упала. Папа отдал братишку маме, подбежал, поднял меня на руки и отнес домой, положил на

эм ёрма. Вуаңут Мобаксан уйнэшкудэ, тэн, лэңҥкей мама, я пакэ эштэ сбанэ эл. Выйсем пэрт луз, крыльцэ альн аджя вилькан чуэнче.

Мунн пассьпушше, я маман чуэнчлемь ванньце, лобфькье я ёрре. Аджя энньдэ вилля маяя, паенньд мун, выгэ кидэ альн пэррэтэ я пые кроват эл. Мунн кұххт пёйив ныдть лёшши, пуэраст мунн пушшьтэ выймэнь, эффьтэ вял вуэйив чуанн. Нийдә пөдтлэнь, мобайнсен, кохт манн репетиция. Концерт пыйенъ выгкэ суветъ ёкьнэ. Адть мйнэнь лёв вял кұххт пёйив чиндэдтэ. Сыйй вял цйлдькенъ: Олонкин вилльй оашшьтэнь маңа концертэсьт гармошканъ сйррэ, линнчель танцье. Мобаст пүдэ Вассык Сйррьке. Сөнн ляй мёххьцьмэнь. Аджь уйинэсьт алькэтъ, робаммгудэ. Куллшкудэ концерт баяс я пэррнэ аллькэв сйррэ гармошканъ, цйлдьке, ушто вуэллк баянэнь. Сөнн баянэнь вуе сйррэ ённэ танц сүмнэдть.

Тэль пүдэ мйн вуэзхэллэм пёйив. Копчнэдэм клубне час верьт

айка. Ниййт лийенъ мөджтэнне туввнэдэнч, я бантэгуэйм. Пэрнэ пүдтэнь вилькесь рубашка гуэйм. ботинкаты я туфляты пыххьтэнь мильтэ. Вобайхенъ ваннцнетъ я цёңҥкхэмь ижян буркаты, валенкаты углесьт я сйнэ эл пыйенъ рётузаты, суквоайваты. Пүдтэнь мйн родхэль я пугк коапчсэнь, мэн куэдта лиемь ваннцне альн, пийхьтэнь пүңе. Мыйй кэжешкудэь: «Мэз тыйй коапчсетъ, мыйй ебь вуалктэлма. Пугк пыемь ишигктэнне». Я кулдсэм вуэста: «Тэдт элля мөдже ныдть күдтэ!». Ни куэсь елле күдтэ авв ижян вульма оассэтъ, вйресь чальм ев уйинче, мэн тыйй оанньбэдтэ юбка вульн. Ваннцнетъ кудьбэдтэ, тэдт вуайй, вульма оассэтъ — эй вуэйй».

Концерт оаллкэтъ клуб выгкей. Сөнн тирвхэшкудэ, минэтъ сада пушшьтэшкудэ. Залэсьт куагнэнь мин родхэль — омп сыййт я вял пүдтэнь Оххмелькасьт вэрэнь — геологи. Стула пукэтъ ев вуалма. Парна я акка эшшьтэнь шалта сцена лунъ, вэрэнь күдтэнь чуэнче маңембельт стенэ

кровать. Два дня я пролежала, переживала, что не в силах ходить, так меня качало, голова кружилась. Девчонки прибежали и рассказывали, как они репетировали. Концерт назначили на субботу, и мы еще два дня будем репетировать. Сказали, что братья Олонкины согласились после концерта играть на гармошке. Вернувшийся с охоты Сергей Васильевич, обрадовавшись, что приехали сыновья со школы и будут участвовать в концерте, сказал, что тоже будет играть на баяне. Он знал много танцевальных мелодий. Значит, будут танцы — это обрадовало всех.

И вот настал день нашего выступления. Собрались в клубе за час до концерта. Мальчишки пришли в белых рубашках, девчонки с бантами, все выглядели очень нарядными, красивыми. В клубе сменили обувь на ботинки и туфли, а в углу оставили наши валенки, бурки, штаны и шерстяные носки. Придя на концерт, родители увидели

наши вещи, забрали штаны и носки и спрятали их в свои куртки. После концерта они помогали нам переодеваться. Мы спросили у своих мам, почему они убрали штаны и носки, ведь они лежали аккуратно сложенные. На что они ответили: «Бурки, валенки — это хорошо, так можно оставить, но штаны и носки — это неприлично».

Концерт вела заведующая клубом. Мы все очень волновались. Зрительный зал был полон. Кроме родителей и односельчан пришли геологи, многим не хватило стульев, им пришлось стоять в конце зала. Ребятишки и несколько бабушек сели перед сценой на пол. После каждого номера все дружно хлопали. Когда показывали сценки, в зале весело смеялись, иногда кидали реплики: «Крепче, крепче держи!», «Сильней, сильней дергай!», сами смеются, даже до слез. Потом долго-долго хлопают. Мы были очень рады, видя, что наше выступление всем понравилось. Заведующая объа-

лунь. Тэль мыйй лāvвлэм, стихать лōгэм. Тэль вуэзхэлэшкудтэнь сценкаты. Пукэты залэсыт вырэ тйшшь. Аккагоаньць я калсагоаньць пай вёкхень сйрьеть сōāгэгуэйм: «Рōāvса, рōāvса тўлле!», «Чўта, чўта рыйф!» — ижя сыййнэв, сыййнэв кэннълэ райя. Маңна кугкь кйдэты тōāгкэнь. Куэсь концерт пудтшкудэ я тэнн баяс сārрнэ клуб выгкей, мунн уйнси зālэсыт Вāссък Сйррьке, кйдэнь вўзьхе пуэдтэ сцэная. Тэсыт соннэ пārрнэ стула пыйлень. Мыйй пугк лиемь залэсыт я вэххтamuшша пārрнэ пугк стулаты пыйень чўл стэн. Кōхт баян сйрэшкудэ, мйн родьхэль чуэнчлень я чинндэдтэнь кадрилль пляссье. Мунн тэн райя кйрркнэ стула пыйе угле я мыннэ тэсыт пугк пуэраст кўссэтэй, кōххт сыйй ёдтэнь: ни кё эй маңуэнь, ни кё айка эй оаллкхэлл, кōхт сыйй рōāнньк тўлльень. Чэфта мōджьтэнне сыйй пляссьеень.

Куэсь мйнэнь ижя эллькэнь кадрилль пляссье, пугк старьедтэнь нышше лыхкэ, мыннэ мйльвэсь олмэ — учёнэ цйлькэнь: — Ныдты

нарэдэсыт ев вуайя пляссье». Мунн сыййе вуэссэты: «Мунн иджь уййнэ, кōхт сыйй пляссьеень кадрилль. Сыйй мудта нала ев лыгкэшкудэ, мунн эм пākэшкудэ. Кōхт сыйй мōāххьтэнь, ныдты мйнэты мātьхэнь». Сыйй кйххьчэнь я сōārрнэнь — «Пляссьеегке мōджьта. Ёдтэ эффтналла я елле вуэдтэ юльке альн. Мыйй нытэ старьедтэп».

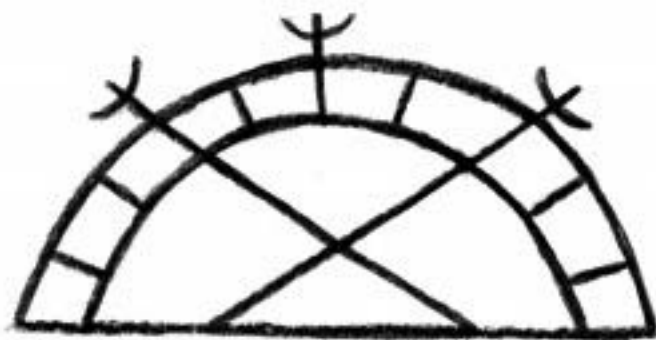
Маңна кадрилэсыт ёдтэй вальс. Пугк чōнэшкудтэнь я манна лийэнь югкеналшэм тәнцэ. Пэртэ мйльтэ ванньцлень пугк лийэнь рōāmэсыт. Мыйй шйгьктэнне лыгкэм ижян тўйй!

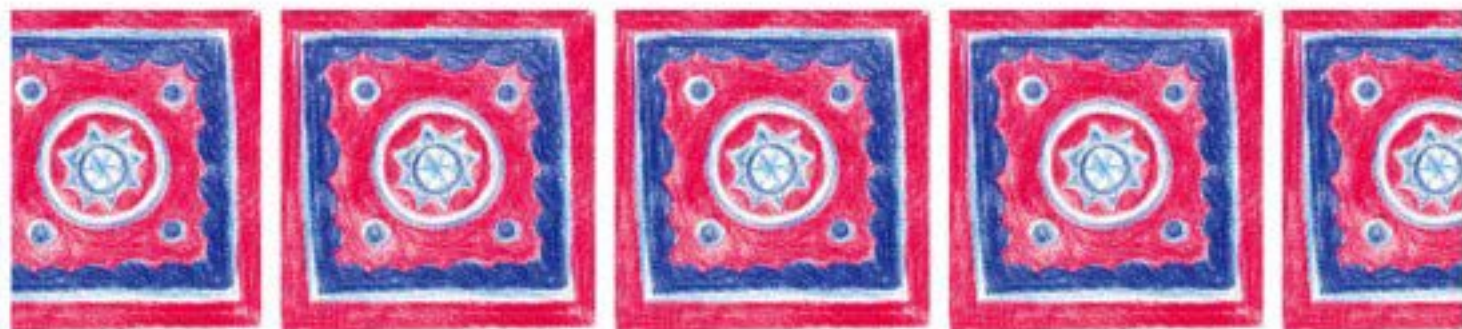
вила об окончании концерта, но люди не спешили расходиться. Увидев Сергея Васильевича сидящим на баяне, я ему показала рукой, чтоб прошел на сцену. Кто-то для него поставил стул, а все ребята спустились в зал. Он сел на стул, и звуки баяна остановили людей, спешивших к выходу. Я скорей поставила себе стул в самый угол, чтоб никому не мешать танцевать. Мне был виден весь зал. И пары тут же, не ожидая объявления, построились на кадрили. Пары эти — наши родители. А как они двигались в танце! Все как один, не опаздывая, не опережая. Очень четко выполняли фигуры кадрили.

Позже, когда мы сами стали танцевать кадрили, тоже следили за этим порядком. Но мне за это ученые сделали замечание, сказав, что в народе так не танцевали. На что я ответила: «Я сама видела, как танцевали наши родители и дедушки, бабушки. По-другому, т.е. так, как вы говорите, они делать не будут,

а я не хочу от них требовать что-то другое. Как они умели, танцевали, так и теперь танцуют не они, а их дети, а они следили, чтобы кадрили не испортили, не исказили бы».

После кадрили вальсировали и другие танцы танцевали. Расходились по домам, полные впечатлений, радостные и довольные: «У нас все получилось!»

Геннадий Лукин

Саамский писатель, собиратель саамского фольклора.

Родился 12.12.1949 в поселке Чудзьявр Ловозерского района Мурманской области. Работал в Ловозере в комбинате коммунальных предприятий, в пожарной части, в Национальном культурном центре.

В 1998-2012 гг. — председатель Ловозерского отделения Общественной организации саамов Мурманской области, руководитель некоммерческой организации «Родовая община коренного малочисленного народа саами "Инцесь пейв"». За четырнадцать лет работы много общался с саамами разных селений Кольского полуост-

рова: Килтсыййт, Воронья, Варзина, Пулозера, Чудзьявра, Умбозерскими саамами, Териберскими.

Автор готовящейся к изданию книги «Ерка моайнас Куэлнэк нёарк соаметь еллем баяс» («Рассказы, легенды и мифы о древних обычаях жизни саамов Кольского полуострова»). Часть его рассказов на русском языке вышла в Антологии современной литературы народов России «Проза».

В 2019 году Геннадий Петрович отмечает свой 70-летний юбилей.

Живет в селе Ловозеро Мурманской области.

Геннадий Петрович пишет на саамском языке, который он изучал под руководством А. А. Антоновой. В «Альманахе саамской литературы» тексты Лукина на саамском языке представлены не будут, поскольку в данный момент автор занимается финальными доработками этих текстов с учетом современных норм языка.

Детский мяч в матице невода

Было это на озере Ловозеро в устье реки Сергевань в конце августа. Стояла спокойная хорошая погода, сквозь облака солнце проглядывало.

Одни рыбаки — саами, коми, русские — невод с лодки забрасывали, другие, те, что были на берегу, когда невод в озеро забросили, стали ворот крутить и шӓлктэ — веревкой — невод к берегу подтягивать. Ворота — это барабан с четырьмя рычагами, находящимися на уровне груди сидящего человека и закрепленными на двух стойках осями. На барабан наматывается веревка, которая затем и тянет невод. Перед барабаном для рыбака сиденье вмонтировано. Сидящий рычагами этого барабана крутит и веревками тянет невод.

С воротами шли вдоль берега, когда веревки набирали полный барабан, ее расслабляли или отпускали совсем ворота-рычаги, и барабан начинал крутиться с большой скоростью, тут уж берегись. Когда же натяжение веревки ослабевало и она останавливалась, тогда шли по берегу, к месту вытаскивания невода «ностэм сайя».

Второй ворот подвозили лодкой, рыбаки выходили на берег с воротами и шли к месту вытягивания невода, продолжая тянуть невод двумя воротами. Так подтянут невод к берегу и начинают тянуть его уже руками.

Когда невод большой, от ворот дополнительную веревку берут. Один

рыбак становится между двумя «крыльями» невода с шестом — туэррпэм мўрр, на конце шеста приделан круглый блин для громкого звука в воде. Рыбак этим шестом стучит по воде, и рыба от шума устремляется в матицу*, а не уплывает под неводом.

Сначала в «крыльях» невода начинает попадаться запутавшаяся в ячее невода рыба, а в конце матицы виднеться детский мяч. Он рыбакам вместо шара — кульпэць — положен, для того, чтобы матица невода не потопила.

На берегу стоял плачущий мальчик Петя, он просил у отца вернуть ему мяч. Бригадир рыбаков по кличке Робинзон, услышав детский плач, спросил отца: «Что это сын твой плачет?» Отец отвечает: «Мяч просит». Робинзон засмеялся: «Все люди рыбу в неводе ждут, а мальчишке мячик подавай. Ребенок и есть ребенок». Рыбаки засмеялись, вспомнив каждый свое детство. И принялись тянуть с двойным усердием.

Перевод Н. П. Большаковой

Луг Пелагеи

Где озера Ловозеро и Поповское соединяются, там открытое место есть — Пāла кйннт — большой открытый луг. Теперь это место Семеркой зовется, и наблюдают люди, как на этом лугу стали деревья расти.

Наши старики вспоминают: в старину на этом месте жила семья — Егор с Пелагеей. Жили они хорошо, у них и вежа своя была. Рыбу ловили, оленей держали. Любили дорожных людей угощать.

Выйдет Пелагея из вежи, посмотрит на озеро — далеко все видать, куда глаз хватит. Видно, как озеро живет, какая лодка в какую сторону едет, чья она. Утром солнце рано подымается, землю веселит, греть начинает. Южный ветер подует, всех комаров сдует, чтоб не мешали людям вокруг вежи работы выполнять и гостей принимать, когда кто завернет, проезжая мимо их луга на лодке. Да что и говорить, люди к ним часто заезжали. Из села едут, новости привезут, с озера едут, о своих делах рассказывают, угощаются, да еще в это время частенько погода портится, ветер подымается, дождь припустит. И сидят люди в гостях, пока ветер не стихнет. В другой раз так три дня и пройдет.

Веселые дни были, когда люди на Петров день или на Ильин ехали домой. Едут домой в село, семьям рыбы полные лодки везут. У некоторых с собой гармошка, тогда здесь заиграют, запляшут. Любила Пелагея Егора и свой луг, мусора у нее нигде не было.

Проходили дни, пролетели годы. Пелагея умерла. Остался старик один. Вдовому мужику трудно жить одному, женился Егор. А луг этот люди стали называть Егора-Пелагеи луг. Егор-Пāла кйннѣт.

Прошли годы. Новая жизнь началась. Стали люди здесь неводом рыбу ловить, да так много — любо-дорого глядеть. За один заброс невода —

семипудовая бочка полная. С этих времен пошло новое имя Пелагеиному лугу — «Пāла Кйннт» — Семерка. Во время Великой Отечественной войны на этом лугу воинская часть стояла, интересно, что у них позывной был «Семерка», а, может, позывной по названию луга и взяли? С тех пор там окопы на берегу озера остались.

В начале семидесятых прошлого столетия археологи вели раскопки на этом лугу. Обнаружили древнюю стоянку саамов, посуду. Место медеплавильной печки. Остатки бронзовых ножей, ложки оловянные, наконечники копий и стрел...

Перевод Н. П. Большаковой

Тоборки головки из шкуры нерпы*

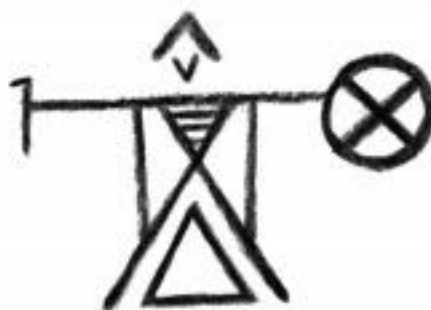
Случай этот с кильдинским саамом произошел. Давно, когда село Чудзьявр строили. В летнее время саамам, чтобы пасти оленей, нужно было от озера к озеру пешком ходить. То с вьючным оленем пойдут, то без вьючного, с одним рюкзаком. Зимой на санях, запряженных оленями ездили, кережито уж отошли.

Вокруг Чудзьявра лес стеной. Оленевод Дмитрий из села в тундру пешком решил пойти. Расстояние по лесу километров пятнадцать, может, больше чуть. Прошел километров пять, отдохнуть присел. Дальше идет. И встречается ему медведь. Стойма стоит, на человека смотрит. Дмитрий тоже его увидал, стал глазами сосну искать, у которой сучья пониже, чтоб, значит, на дерево залезть. Прочел недалеко одну с толстыми сучьями, и пулей к ней. Поднялся на полдерева и увидел, что и медведь за ним. Да быстро так. Дмитрий еще выше вверх полез.

Догнал саама медведь, и стал тот зверя ногой отпихивать. В тоборках из шкуры нерпы одет был. Медведь схватил когтями головку тоборка и стал дергать. Ременная завязка на тоборке лопнула, тоборка и стянулась с ноги. Рывок сильным оказался, медведь на дереве не удержался и вместе с тоборком вниз полетел, только сучья затрещали под ним. Упал на землю, и по лесу звук пошел, точно пустая бочка ухнула. Зарычал медведь от боли и, забыв про человека, в лес побежал.

А Дмитрий долго еще сидел на дереве, слез только тогда, когда убедился — нет медведя поблизости. Натянул по-быстрому тоборку и к своим оленеводам поспешил.*

Перевод Н. П. Большаковой

* Рассказала Сорванова Марина Николаевна.

Вилка — куропатки кость

Есть у саамов забава. Рассказывали мне об этом моя мама Елена Петровна и бабушка Екатерина Михайловна. Саамы часто куропаток ловили. Хорошее мясо, диетическое. Перья на подушки брали, в перины собирали. И вот, когда мясо ешь, у птичьей гортани встречается вилкообразная кость. Кость эту саамы не выбрасывают, ради забавы оставляют. Двое мужчин берут ее пальцами и договариваются: у кого эта кость длиннее оказывается, тот в следующий раз куропаткой дома занимается — ощипывает, опаливает, разделывает, варит. У кого короткая, тот охотничать на куропатку в лес идет.

Есть и примета, с куропаткой связанная. В грудке у той есть широкая Т-образная кость. Когда с грудки мясо съедают, начинают рассматривать эту кость — светлая окажется или нет. Если светлая, погода следующего дня ясная будет, если на кости кровяные жилки проглядываются — непогоды жди.

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Гонки по тундре, по малоснежному зимнику

Было это в начале зимы. Уж на озерах и реках крепкий лед стоял, только снега маловато напало. И поехали Федор с Григорием в тундру из села двумя упряжками по четыре быка. Быки с осени упитанные, хорошо бегут. У Григория белый вожак по кличке Брат. Десять километров махом проехали и остановились — дать отдых и оленям, и себе. На стоянке Федор Григорию говорит: «Понравился мне твой вожак Брат, давай меняемся». Григорий, улыбаясь, отвечает: «Согласен, если ты меня догонишь и мимо проедешь. Если нет, двух пелеев из своей упряжки отдашь. Согласен?» Федор согласился. Договорились. Поехали. Гриша стал гнать оленей. Зимник по замерзшему болоту пролегал, на пути разных размеров кочки обледенелые попадались, по которым сани прыгали, чуть не переворачиваясь и не ломаясь. С Муэгкэ горы до Коант озера оленей гнали без остановок, а это — ни мало, ни много — километров двадцать пять, олени устали, бедные. Федор за Григорием спешит, не отстает, но и обогнать не может. Ближе подъехал, кричит: «Остановись, у быков легкие спалишь». Григорий послушался, остановился.

Олени дышат тяжело, бока, как у гармошки меха, двигаются, языки наполовину висят во время дыхания, ртом снег хлебают.

Федор говорит: «Хватит гнать, не надо мне твоего белого Брата, ты победил. Мы так всех оленей загубим». Поехали. Григорий все также, гонит, не слушается Федора. Хочет у друга двух пелеев выиграть.

До домов оленеводов метров триста оставалось. У Григория передовой бык с зимника налево повернул. Устал, знает, до домов недалеко осталось. Здесь их раньше привязывали. И сейчас оленеводы их распрягут, привяжут на длинные веревки для кормления и отдыха. Федор и Гриша так и сделали.

Привязали длинными веревками за деревья оленей, чтобы те ягель под снегом копать могли. Ручных отпустили. Не вышел спор, чуть оленей не загубили эти молодые горячие саамские парни.

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Еськина собака

Это было в селе Арьсъёгк. Жила саамская семья: отец, мать, сын. Сына записали Осипом, а в селе Еськой звали. И была у него собака смышленая — что велит хозяин сделать, все исполняет: оленей пригонит, на охоте лося, глухарей облает до прихода хозяина, на зверей ходила, медведя не боялась.

В куваксе возле очага лежит, ничего без спроса не тронет. Однажды пошел Еська на рыбалку, собаку у дома оставил. Что случилось с отцом, только взял он ружье и пристрелил пса. Пришел Еська с рыбалки, спрашивает: «Где собака моя?» Отец отвечает: «Пристрелил я ее». «Зачем?» — возмутился сын. «Ай-ай-ай» — отец не нашелся, что ответить. И тут Еська простонал: «Отец, ты не собаку пристрелил. Ты душу мою убил!» Пошел в лес и застрелился.*

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Кость для гадания в голове щуки

А вот об этом случае рассказывала мне мама моя — Лукина Елена Петровна. Молодежи надо чем-то себя развлекать, вот и придумывали для себя забавы. В частности, был интерес у молодых, как например, полюбить. Весной у молодых друг к другу повышенный интерес. Одна из таких забав — щучья кость в голове. Щука — первая рыба, что весной, после долгой зимы, ловиться начинает. Поймают щуку рыбаки, сварят, скушают да по косточкам разберут: большинство собакам отдадут, а с головы кость оставят, высушат. Особая кость — с большой палец величиной и в конце кости небольшое оперение. Девушки при гадании обращаются к ней:

— Щучья кость — вуэрът тãххът, правду скажи, где мой суженный находится?

У старших наговоры свои:

— Скажешь правду, маслом помажу, спутаешь все, в огне сожгу.

И те, и другие гадают так: берут высушенную кость и через плечо кидают. Затем смотрят, как упала она: если лежит оперением вниз, значит, ничего не предскажет, ничего не сбудется; если оперениями вверх, значит то, что задумал гадающий, или в ближайшее время произойдет, или в будущем, другого не дано.

Перевод Н. П. Большаковой

Северное сияние

В давние времена саамы, переезжая большие расстояния по тундре, частенько находились в пути на природе. И северное сияние для них явление от Бога. Отчего оно происходит, они не имели понятия. Но зато у них было твердое убеждение, что это явление Божие, а потому они в тундре, в лесу к этому явлению относились с уважением и опаской. Во время северного сияния в поселках молодежь начинала свои развлечения: свистеть, колоколами звенеть, в ответ на это северное сияние начинало волнами ходить, то поднимется, то опустится, а то на все небо развернется. Зрелище красивейшее! Саамы знали поверья, с сиянием связанные, могли погоду предстоящую определять: если сияние на все небо разыграется — к сильным морозам, волнами — к ветрам.

В морозную зимнюю погоду слышимость колокольчиков была особенно звучная. Едет саам на оленях во время северного сияния, и колокольчики заткнет. Если же во время бега оленей колокольчики — чуйель кёлл — звенят, то оно начинает очень сильно играть. Саамы боялись этого, им казалось, что северное сияние может опуститься к оленям и начать сосать у них кровь, и это в лучшем случае, а то и к человеку присосется. Когда в дороге путник один, какие только мысли не придут тебе в голову.*

Перевод Надежды Большаковой

Антон, не трогай малицу, я ж ее купил

Это было давно, до Великой Отечественной войны. Фадей Петрович Лукин и Александр Ионович Антонов были молодые, озорные парни. Трудились вместе в одном оленеводческом стаде колхоза «Вперед», поселка Чудзьявр. Во время выпаса оленей с ними был зоотехник по фамилии Ботин. Этот Ботин купил малицу недавно умершего саама Антона Ерофеевича. Вот Фадей и Александр дразнят его, говоря: «Смотри, Антон, придет к тебе Ерофеевич ночью и заберет малицу». Ботин отвечает: «Не придет, не заберет».

В один из вечеров договорились оленеводы подшутить над Ботиным. Попили в куваксе чай, спать легли. Костер погас, догорали и угли, когда Фадей вышел на улицу, будто по нужде. С вечера приготовили они с Александром аркан для ловли оленей и протянули его между кустов. Один конец Фадей потихоньку привязал за малицу на Ботине, второй под брезент к постели своей просунул.

Пришел в куваксу, в постель лег, ждет. Александр тоже не спит, лежит в спальнике, слушает. И вот стал Фадей тихонько аркан тянуть. Малица на Ботине шевельнулась и поскользила под брезент. Зоотехник схватился руками за малицу, держит изо всех сил. Фадей еще сильнее стал аркан тянуть. Тут уж Ботин не выдержал и среди ночи закричал: «Антон, не трогай малицу, я ж ее купил!»

Тут оленеводы не выдержали и разразились смехом.

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Большая кумжа Бабьего озера

Это было в сороковые-роковые. Мужчины все на фронте, и рыбу приходилось ловить женщинам и юным девочкам. С поселка Чудзьяр на Бабье озеро шли десять верст. В этот раз Ульяна Антиповна рыбачила с дочками: Анисьей, Антониной и Еленой Лукиной. Рыбу ловили в колхоз, сетями и неводом. Пойманную солили и складывали в ледник. Позже приезжали на лошади и везли ее в поселок. А уже оттуда отправляли в Полозеро на железнодорожную станцию, дальше — на фронт. И, как говорится, стратегически важную работу на тот период делали девчонки 14–15 лет.

Из сетей Лена доставала сигов и щук. Распутывала и клала в корму лодки. По верхнице сети подтягивала веревку, смотря вперед. Вдруг сетку что-то стало дергать. Сказала Антонине: «Приготовь ляп*». Тоня с ляпом перешагнула через сиденье лодки и увидела, что под водой в сетях что-то сверкнуло. Елена начала быстро перебирать веревку, Ульяна направлять лодку вдоль сети.

Это, надо сказать, большое мастерство — подправлять лодку веслами на сеть и в тоже время помогать лодкой, чтобы сеть не ушла под нее. Если бы она видела, какая там рыба, знала бы, как ее подцепить.

Когда Ульяна лодку подправила к ней, тут-то девчата и увидели бьющуюся в сетях большущую кумжину. Елена потянула сеть вместе с кумжей на поверхность воды, путая ею рыбину, чтоб перетащить затем в лодку. Сетка, связанная из простой нити в один ряд, могла не выдержать и порваться. Закрутила в несколько рядов, а это большое мастерство даже для бывалого рыбака, и потянула на себя, чувствуя руками, как сеть начинает трещать, да и сил девчонке вытянуть рыбину не хватало. Крикнула: «Тоня, помогай». Антонина подковырнула кумжу ляпом. Стали вместе подтягивать.

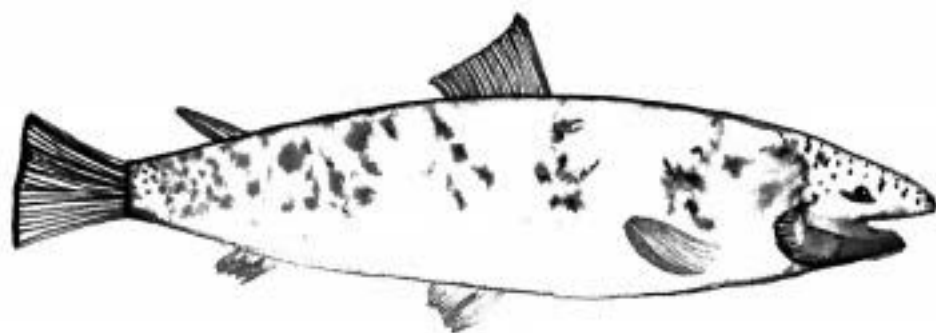
И, наконец, втянули рыбину в лодку. Это была не просто рыба, не просто кумжа, это был «настоящий тюлень» на восемь кило. Один хвост в две ладони чего стоил!

Стали кумжу распутывать из сети, а она как начала биться. Девчонки испугались: ведь лодку опрокинет, зараза. Тоня с Леной оседлали ее, так она биться начала, пытаясь туловищем скинуть их. Ульяна изо всех сил гребла к берегу...

Только на берегу они смогли успокоиться и полюбоваться добычей. Кумжа была серебристая с могучим, огромным туловищем, большими плавниками и хвостом. Для Бабьего озера это большая редкость, чтобы в сети попалась подобная рыбина. Кумжи ловили на два-три килограмма, не больше.

Девчонки долгое время, и будучи уже взрослыми, вспоминали этот случай, рассказывая его своим детям. Такое у них на тот момент было рыбацкое счастье.*

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

* Рассказала Лукина Елена Петровна.

Норвежский лес

Давно это было — в советские времена, в восьмидесятых годах прошлого века. В это время скандинавским саамам было разрешено границу с Россией переезжать. И стали они в село Ловозеро ездить, любопытно им было с кильдинскими саамами-оленеводами познакомиться. Много рассказов они про русских саамов слышали, но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И вот, приехали норвежские оленеводы в гости к оленеводам Ловозера в совхоз «Тундра», администрация которого организовывала прием гостей. Оленеводам было дано указание поставить большую куваксу в последнем еловом лесу перед тундрой. Положить для постели еловые лапники и накрыть их шкурами в два ряда. Пригнать оленье стадо и забить по этому случаю яловую важенку. Дров заготовить, большой котел мяса сварить, на шампурах нажарить шашлыки. Разжечь костер и ждать гостей.

Скандинавских саамов в селе пригласили в семьи оленеводов Юрьевой Анны Николаевны и Галкиной Анны Александровны, у которых они уже были в гостях. Стол накрыт разными национальными блюдами. Угощались норвежские саамы и про себя удивлялись, мол, надо же, оказывается, у ловозерских саамов есть, чего есть. По-саамски говорили, друг друга понимали, а где не понимали, руками для пояснения показывали, а затем дружно смеялись. В квартирах российских саамов опрятно прибрано, полы помыты, паласами застелены, и на стенах ковры разных узоров, на кухне — шкафы с посудой... Все иностранцы осмотрели с интересом.

В эти дни совхозные рабочие тоже к встрече готовились: в магазинах закупали продукты разные, дефициты — кофе, индийский чай. Утром с гостями в тундру на вездеходе и снегоходах поехали. Сначала шестое

стадо совхоза «Тундра» посмотрели — бригадир Юрьев Анисим Ефимович. С особым вниманием скандинавские саамы осмотрели оленей. Стадо большое, в три-четыре тысячи. Олени жили в своей стихии, конца и края тундре не видно.

А если чего-то испугается стадо, побежит, и, как волны на озере о берег шумят в шторм, так тундра зашумит.

Директор совхоза «Тундра» — Гришин Владимир Александрович — с гостями был, интервью давал: «Девять оленеводческих стад у нас в совхозе, по три-четыре тысячи в стадах, большинство составляет маточное поголовье».

Скандинавские саамы удивлялись, как много в совхозе оленей. Спрашивали: «А в частном пользовании у оленеводов сколько оленей?» Директор отвечал: «Одному оленеводу по тридцать оленей можно держать».

Иностранцы засмеялись: это в их понятии слишком мало для частного пользования.

Посмотрев стадо, угощаться в куваксу поехали. Приехали гости, увидели большую бригадную куваксу. Хозяева их уже ждали, за столы накрытые садили. Полы из досок постелены, большой костер горел. Над костром бригадный котел на 10-15 литров с вареным оленьим мясом висел, вокруг костра олени шашлыки жарились. Хозяева и гости за столы уселись. Переводчик разговоры переводил, речи заздравные. Угощались хорошо разными сладостями, русскими, саамскими и скандинавскими угощениями, копченным, сухим мясом. Вот после этого посещения норвежцев ловозерские оленеводы и прозвали этот еловый лес Норвежскэ вара — Норвежский лес.

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Как оленевод с медведем дрался

Произошел однажды в апреле случай. Обходил на лыжах оленевод стадо, а солнце днем уже хорошо припекало. На снегоходах из села Ловозеро тяжело в это время выехать: на дороге почти весь снег растаял, а если и оставался — только по центру и по краям. В лесу его еще много лежало, а на болотах и на полях — чуть-чуть, потому как ночами были небольшие заморозки. Весна ожидалась теплая. В это время медведь просыпается и из берлоги выходит, птицы с юга прилетают. Ночи весенние короткие — солнце рано поднимается.

В случай, о котором идет речь, стадо паслось перед Момин-ручьем, на болотах и полях, что около Нивки-реки. Перед ними большие леса росли, в тундру уходящие. Посреди болота небольшой горелый лес стоял, а в нем у оленеводов седьмого стада совхоза «Тундра» — кувакса.

Оленеводы потихоньку вели стадо по зимним местам выпаса оленей: по лесам, горам, долинам. В эту зиму стадо пасли рядом с небольшой горой по названию Куллъм вуайва — это невысокая гора, которая находится недалеко от озера Чудзьявр.

Раньше оленеводы это стадо пасли до Симбозера, которое находится недалеко от Умбозера. Еще в более давние времена, когда бригадиром этого стада был Галкин Николай Павлович, стадо выпасали в красивой тундре, где сейчас находится город Мончегорск, и дальше, до станции Пыдткуль, что за железнодорожной станцией Апатиты. На этих землях стоят большие леса, богатые ягелем и другой растительностью, простирающиеся через реку Воронья до тундры. От Куллъм-горы находится большой лес до реки Воронья, через которую лесная зона пролегает километров 10–15, а дальше идет тундра до самого Баренцева моря.

В этот раз оленеводы стадо пасли около Момин-ручья. Ждали остальных оленеводов, когда те соберутся в тундру и приедут помогать стадо перегнать через Воронья-реку. В селе оленеводам надо продукты закупить и к отъезду в стадо быстро приготовиться, так как оттепели днем большие, и через реку Воронья лед может не выдержать груза тяжелого.

В эту ночь стадо караулили Иван Петрович и Николай Иванович.

Ночь выдалась с небольшим заморозком, короткая. Стало рассветать. Иван проснулся, выпил чай, запряг оленей, поехал в стадо. Одни олени в стаде отдыхали (находились в лежке), другие ходили с места на место, искали корм получше: ягель повкусней, свежую траву...

Бригадиром в стаде Галкин Николай Федорович работал. Оленей в стаде зимнего поголовья около трех тысяч: большие, упитанные важенки и быки — черные, пестрые, белые! У важенок — рожки красивые. Ими они после рождения защищают телят от хищников. У быков расти рогов мохнатые. Были в стаде и телята годовалые, и старше: ураки, вондилки. Большая часть стада состояла из оленей маточного поголовья.

Солнце стало подниматься, Иван, объезжая стадо, высматривал, все ли олени на месте. В таком количестве оленей неопытному оленеводу разобраться тяжело. Опытный запоминает приметных: черно-белых важенок, оленей с сильно загнутыми рогами, оленей с наполовину сломанным рогом, высматривает белых, как важенок, так и быков. Смотрит и приметных быков — ураков, телят. Если эти приметные олени на месте и стадо составляет такую же массу, что и вчера (а опытный оленевод это обязательно заметит), значит, и все остальные на месте, если приметных нет и оленья масса меньше — значит, надо искать затерявшихся.

Олени нехотя вставали, вытягивались — делали зарядку, как люди после сна, и отходили в сторону от человека с упряжкой.

Иван едет сквозь стадо, потихоньку подвигает оленей на ровное место. Сам едет к краю леса: раз есть на краю леса олени, значит, надо осмотреть и край леса, и в лес заехать — нет ли их в лесу.

Думает оленивод: «Из леса надо оленей на болото выгонять, в лесу им делать нечего. Снегу там много, ягеля не достать, ночью наст образуется — они могут уйти. В лесу хищники: россомаха, медведь, собаки из поселка могут прибежать. Днем снег подтает — оленю от хищников не убежать».

С такими думами Иван подъехал к лесу. Остановил упряжку, вожжой привязал вожака к саням, взял ружье и по насту пошел пешком в лес. Олени послушно побежали от оленивода на болото, к основному стаду.

Потихоньку шел в лес Иван. А как зашел в лес, увидел какие-то незнакомые следы. Пригляделся. Похожи они были на след человека в тоборках. Олениводу удивительно стало. Прошел по следу еще немного, наклонился и разглядел — не человек это в тоборках прошел, след-то с когтями, это медвежьи следы. Медведь около стада, оленей ловит! Этого медведя надо выследить. Иван пошел по следу. Всего-то немного прошел и видит: стоит медведь за елкой и оленивода ждет. Слышал медведь, что кто-то идет, только не знал, кто. Ждал оленя, а тут человек оказался. Оба напугались от неожиданности.

Оленивод видит: большой медведь, ростом выше человека. Быстро вскинул ружье к плечу, взвел курок, прицелился зверю в грудь. Прогремел выстрел — медведь упал (тәлл ёрэ). Присел Иван на дерево и прикурил сигарету. Смотрит — а у медведя бока зашевелились. И хотя у Ивана ружье было в руках, он не стал стрелять: то ли патрона пожалел, то ли не захотел шкуру портить. А медведь вскочил на четыре лапы и бросился на человека. Тут саам кинулся к елке, чтобы спрятаться за нее, да у самой елки нога провалилась в снег, и медведь настиг оленивода.

Тогда саам резко повернулся лицом к медведю и двумя руками схватил его за густую гриву. Держит медведя, а сам думает: «От этого проку мало, надо попытаться достать нож из кобуры».

Медведь, хотя ранен, но еще в силе. Не только в силе он — в ярости. Пытается поднять человека. Саам тоже не из слабых, сил бороться с медведем хватает.

Тут медведь поднял оленевода и валит под себя. Сверху дышит, рычит, слюной брызжет, которая на лицо Ивану течет, закрывая глаза. Сквозь слюну плохо видно, а медведь старается Ивана зубами за горло схватить. Саам увернулся, сунул руку в медвежью пасть до корня языка и сжал его пальцами, что есть сил. Медведь замолк. Второй рукой нащупал Иван рукоятку ножа, выдернул его из ножен и воткнул медведю в бок. Медведь зарычал утробно и на Ивана упал. С трудом тому удалось вылезти из-под медведя.

Подошел саам к ружью, сел на упавшее дерево и стал отдыхать. Осматривает, слушает себя, где что болит. Видит: кровь течет на руке, которая во рту медведя была, подумал, хорошо, что часы и завернутый рукав шубы руку спасли. Отдохнул и стал медведя разделывать, думая: «Не встретил бы я медведя, сколько беды тот бы принес! Стадо бы разогнал, беременным маткам в утробе телятам бы навредил, кого-то из оленей поймал и растерзал. Стадо бы все разогнал!»

Перевод Н. П. Большаковой и В. Б. Бакулы

Иван Матрёхин

Саамский поэт-бард и общественный деятель.

Родился 21.04.1958 в селе Йоканьга Мурманской области. Срочную службу проходил в Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева в Москве. Окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. Работает механиком в топливно-транспортной службе. Автор аудиодиска «Здравствуй, северный народ» и книги «Белый олень». Председатель Общественной организации содействия правовому просвещению и сохранению культурного наследия саамов Мурманской области, председатель правления Родовой общины коренного малочисленного народа саами — «Кольский берег». С 2009 года — вице-президент Союза Саамов. Член Совета представителей коренного малочисленного народа Севера при Правительстве Мурманской области и Саамского собрания «Самь Соббар».

Живет в Мурманске.

Мироощущение Ивана Яковлевича — светлое и оптимистичное, несмотря на острые вопросы, которые он поднимает. Философское осмысление бытия звучит в стихотворении «Звездный мир». Жизнь для поэта — «неземное чудо», «танец жизни, величавый и прекрасный». Судьба людей подобна судьбе

звезд: рождаются души в небесах и уходят вслед за звездной пылью. И кто знает, что такое звездный путь — дорога звезд или человеческая жизнь? Ощущение себя космической пылинкой, частичкой мирового пространства, пришедшей ниоткуда и взлетающей в небо, раздвигает горизонт человеческого бытия и напоминает, что все мы связаны незримыми нитями, а значит, ответственны друг за друга.

Виктория Бакула

Виллькесь пуаз

Кõххт вӑллтъенне вуагэ чӑрэсът виллькесь пуаз,
Вӑллт пӑнкэнь мӑрредь вӑгэть,
Соӑйив пӑнук сӑбптэнне лӑлэ сӑн,
А пӑйив каллсэнне кӑссехът чӑллк ягклэнь.

Лӑвлкусськ:

Виллькэсь пуаз — пугк лӑйй тэдт ӑррка,
Виллькэсь пуаз — мушт тэнн Ӕммьне,
Кõххт лӑйй шӑг я мылесът
Вӑйинэ чӑллк, вӑрс вӑйинсенъ.

Пӑдэ кӑххтлоагант агкь, цӑгклевэ пӑйив,
Чоӑххьпесь сувв чӑннгудэ Ӕммьне альн.
Кэбптувэ Ӕммьне, вуайлэххьтэнь пӑдзэ.
Ке Кӑдманта вуэсстал тэсът?

Лӑвлкусськ:

Виллькэсь пуаз — кõххт ныдть выйтэ...
Виллькэсь пуаз — Ӕммьне мушт,
Кõххт лӑйй шӑг я мылесът
Вӑйинэ чӑллк, вӑрс вӑйинсенъ.

Белый олень

Как свободно гулял в тундре белый олень,
С вольным ветром устраивал гонки!
Теплый вечер ласкал его нежно, а день
Угощал чистым ягелем в досталь.

Припев:

Белый олень — все это в прошлом,
Белый олень — помнит Земля,
Как хорошо было и просто
Чистым и свежим небом дышать.

Век XX настал, затуманился день,
Черный дым закружил над планетой,
Заболела Земля, стал не нужен олень.
Кто ответит Вселенной за это?

Припев:

Белый олень — как же так вышло...
Белый олень — помнит Земля,
Как хорошо было и просто
Чистым и свежим небом дышать.

Тонн проашше, Ёмьне, ядернэ агесът,
Кудтлэпъ мыйй эйй пэрьмусс кийе,
Цельк, Ёмьне — ака, кōххт Тон пынне
Вурьтханэнч лйшшькьюввма мадэнъ.

Лавлкусськ:

Виллькэсь пуаз — вуайй ныдть
Ёмьне пынне я карвуллэ,
Лиххч мыйе эфтэсът шйг
Чйллк, чуввесъ альм вўльн вўййнэ.

Перевод А. А. Антоновой

Ты прости, мать-Земля, нас за ядерный бег,
Оставляем не лучший мы след,
Подскажи, мать-Земля, как тебя уберечь
От нежданно нахлынувших бед.

Припев:

Белый олень — это возможно —
Землю беречь и охранять,
Чтоб хорошо было нам вместе
Чистым и свежим небом дышать.

Чāрр

Пѣджь чārэсьт пйңук вӯхьтэтъ гуанн,
Вйлькесь циг лāмпэсьт пэййнэннтэв,
Я ескант, кулсэмэнь нюззесь ёрк,
Таввялтуэга ёмьне, таввялтуэга ёмьне.

Лāвлкуссък:

Чāрр — сарьт чефченъ тйввтма,
Чāрр — сōнэсьт чоайедъ юэв.
Чāрр — тōн ёмьнетъ элля кѣджь.
Чāрр — пуаз чӯдзэ, лоньтэ муэдъ.

Кэллм чārэсьт пйңук паллтсэнъ оаллв,
Таввялтуэга ыйя мāнн ли чуввесь кāнньц,
Аввта вйлькесь вэзэнъ айяд чār
Таввялтуэга ёмьне, таввялтуэга ёмьне.

Лāвлкуссък:

Чāрр — ёа, тэгка вйлькэсь вэз,
Чāрр — рынт āбь тӯгкенъ,
Чāрр — тōн ёмьнетъ элля кѣджь.
Чāрр — пуаз чӯдзэ, лоньтэ муэдъ.

Тундра

В печальной тундре ветер тучи гонит,
Туманы серые с болот ползут,
И замирает, слыша непогоду,
Полярный круг, полярный круг.

Припев:

Тундра печальной осени полна,
Тундра — в ней заблудилась тишина.
Тундра — твоим просторам нет границ,
Тундра — стада оленей, стаи птиц.

В суровой тундре ветер волком воет,
Полярной ночи месяц ясный друг,
И снегом белым тундру вновь укроет
Полярный круг, полярный круг.

Припев:

Тундра, о, эти белые снега,
Тундра — за горизонтом берега,
Тундра — твоим запасам нет границ,
Тундра — стада оленей, стаи птиц...

Мѡджесь чърэсыт куллай лонѣтэ нюрк,
Чуввесь пѣййв пйаванѣ сѡн альн чѡнѣнэв,
Аввта цоѡге чърр кѣссь пѡлесь
Перемоджесь зввнѣсь оѡсскэтѣ.

Лѡвлкуссѣк:

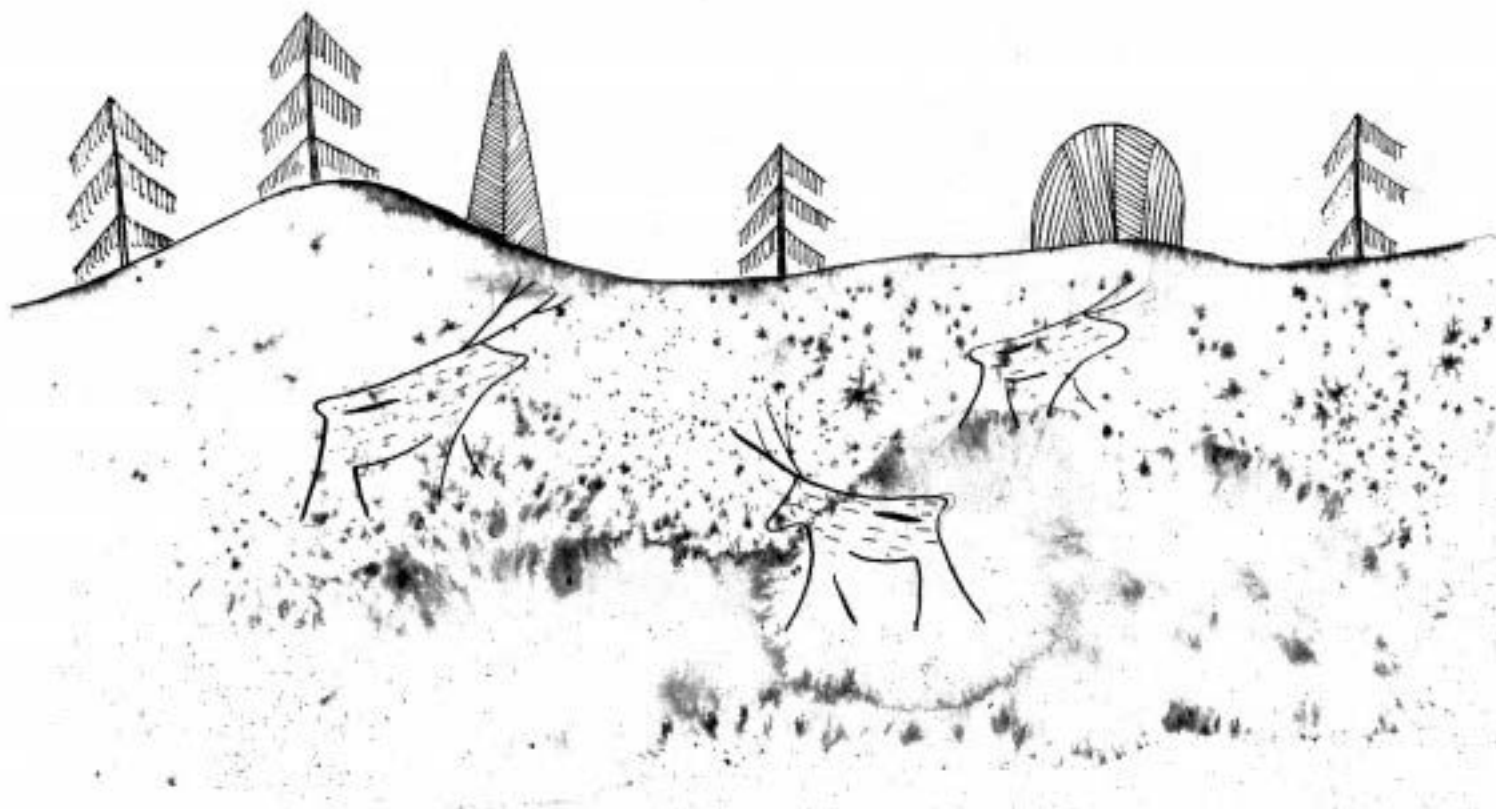
Чърр — перемоджесь лѡленѣ тйввтма,
Чърр — манѣтэ вйгк соннѡ аннта ли,
Чърр — тѡн кѡммѣтэсьвудэтѣ евла кѣжь,
Чърр — пуаз чѣдзэ, лонѣтэ муэдѣ.

Перевод А. А. Антоновой

В прекрасной тундре слышен птичий гомон,
День ясный с солнышком над ней кружит,
Надела тундра летнею порою
Очаровательный цветной наряд.

Припев:

Тундра — прекрасной нежности полна,
Тундра — какая сила ей дана,
Тундра — твоим просторам нет границ,
Тундра — стада оленей, стаи птиц.

Кэццкта сыййт

Лөссесь ёнас чазь вўльн
Шўрр явьр поанэсьт
Кэццкма ли ёрркья сáмь сыййт.
Пугк пэрьта кáртмэгуэйм
Чоáххьпесь поанэсьт
Вўнтсэнъ я моадэнъ кáххтма лёв.

Лáвлкуссък:

Тйррв, мун коáллэш пэ́ррт,
Мйнэ гуэйк тóнн ёлльменъ ля́хх,
Áбей — элля тóлл
Чуаццкма тóн пёцэсьт.
Ёнас чазь вўльн
Кёсся, тáлльва тóнн,
Ёрркья сáмь сыййт,
Чофта поáфчаст йу́нк...

Мўшшт пай тоагэ ёадт,
Сўнэнъ кя́сстадт сóнн,
Аввта юррткэнъ пуадт мыйе моáст,
Кóххт куэ́ссь-ля́ннч
Парна вйжънэмь мыйй
Тóн мóджесь ёгк рынтэ мйльт.

Затопленное село

Под гладью озера
В подводном царстве
Стоит саамское село.
Дома с пристройками
В глубинном мраке
Песком и илом занесло.

Припев:

Здравствуй, дом родной,
Ты для нас живой,
Жаль, что нет огня
В печке у тебя.
Залито водой
Летом и зимой
Старое село,
Очень больно, но...

Память в прошлое
Нитью тянется,
Возвращается мыслями к нам,
Как когда-то
Детишками бегали
По красивым речным берегам.

Припев:

Здравствуй, дом родной,
Ты для нас живой,
Жаль, что нет огня
В печке у тебя.
Залито водой
Летом и зимой
Старое село,
Очень грустно, но...

Сколько боли лежит
На холодном дне,
Сколько слез растворилось в воде,
Невозможно забыть
О родном очаге —
Будем помнить всегда и везде.

Припев:

Здравствуй, дом родной,
Ты для нас живой,
Жаль, что нет огня
В печке у тебя.
Залито водой
Летом и зимой
Старое село,
Очень больно, но...

Чār тїххт

Чār тїххт — мōджесь, ылльпесь пуаз,
Шыннь удлэсь лāффка ёрркъя чār мїльт.
Кōххт мōджьтэнне карр, куллай гу лывьт суммь,
Сўбптэнне коаллк сōнн чār альн йжь.

Лāвлкуссък:

Тōнн кārькэсьт, кārькэсьт, пуаз,
Тэнна поāххк кёссь пёйв вўльн.
Роāммшадтё ёммьне мōджесьвудэнь,
Сяд кырйнэсс элля лōссесь:
Бэдт оасскэ я бэдт ёлле, хёбрхэ,
Ёммьне — āка роаввса шоабшэ.

Чār тїххт — пуаз ли пййвенё чувха,
Эй роātтксэл моāййнсенё я пāррнэ юррткэнкё:
Кйрсэ соāн альн, сйййнэ вуэзэсьт,
Я пуэрхэ вўгкесь сэкксма пўдзэсьт.

Лāвлкуссък:

Тōнн кār, кār, пуаз,
Тэнна чўввесь тāльв пёйв вўльн.
Роāммшадтё пārнапаль мōджесьвудэнь,
Сяд кырйнэсс элля лōссесь:
Бэдт оасскэ я бэдт ёлле, хёбрхэ,
Ёммьне — āка роаввса шоабшэ.

Символ тундры

Символ тундры — олень, величавый и гордый,
Мчится поступью легкой по тундре седой.
Как прекрасны движенья — словно песни аккорды
Нежно льются над тундрой родной.

Припев:

Ты гуляй, гуляй, олень,
В этот теплый летний день,
Радуй землю красотой,
Ведь судьбы сюжет простой:
Надо верить, надо жить,
Землю-матушку любить.

Символ тундры — олень, солнышком озаренный,
Неразлучный со сказкой и детской мечтой:
Прокатиться на санках, засмеяться от счастья
И олешка погладить по шерсти густой.

Припев:

Ты беги, беги, олень,
В этот ясный зимний день,
Радуй детство красотой,
Ведь судьбы сюжет простой:
Надо верить, надо жить,
Землю-матушку любить.

Чār тйххт ли коāллэш пуаз.
Ēммьне — āка тēдт тэнн
Я соннэ вѐкахт ѓннэнь:
Туаррьй югке пѐйв, мādэнь пыннь.
Ягахч пуаз я кўдтъяхч ѓлльмэнь
Тэнна Ēммьнепāлл альн сōнн.

Лāвлкуссък:

Тōнн кāрькэсьт, кāрькэсьт, пуаз,
Тэнна поāххк кѐсь пѐйв вўльн.
Роāммшадтѝ ѓммьне мōджесьвудэнь,
Сяд кырьйнэсс элля лōссесь:
Бэдт оасскэ я бэдт ѓлле, хѐбрхэ,
Ēммьне — āка роаввса шоабшэ.

Перевод А. А. Антоновой

Символ тундры — олень,
Мать-земля это знает
И ему помогает, по-детски любя.
Бережет каждый день,
От невзгод охраняет,
Чтобы выжил олень
На планете Земля.

Припев:

Ты гуляй, гуляй, олень,
В этот теплый летний день,
Радуй землю красотой,
Ведь судьбы сюжет простой:
Надо верить, надо жить,
Землю-матушку любить.

Луяввьр

Луяввьр — ёрркья сѣмь сыйтэнч,
Чўлл ёгк рынт лёввнэсьтэ сѣнн,
Асскэдъ ёгя, чофта воӑрряд,
Мйн йґкэть ӑввт я йджясь коаххч.

Сыйт рёвьнэсьт-курка я поӑлльтэ-коавас.
Цоаввн сѣнн тѣдсэллэй мйлэть:
Мѣнн лыххкэ ёмьне рёвьнэсьт
Сѣмь йжесь коӑввьнэнь йллмуж?

Ёллев ъллмэ тӑсьт чўдэ ыге.
Сѣмь, йжэм я югке мудта ъллмэ.
Пыннев пўдзэть я югкэв вынь,
Шыллев кўль я воӑррьдэв чӑр.

Ёллев сыйй йжесь тўень.
Сѣнн элля кѣххьпесь, нэ тэншшэ пӑль
Пляссъев пассьпийве я лӑввлэв,
Пыннев ёрркья йл я воӑррьдэв.

Аннь ныдть ляннч лоагкь тоӑфат ыгке,
Пуэраст йллмушш манн — нике эйй пӑгь,
Ёль, Луяввьр, аннь чўйев парна йн тост
Я сѣмь йнк воӑредь тѣнн.

Перевод А. М. Агеевой

Ловозеро

Ловозеро — саамское село,
Вдоль берегов раскинулось оно,
Обняло речку, бережно храня,
Нам души грея и к себе маня.

На въезде — храм, с ним рядом — чум,
Тревожит он пытливый ум:
Зачем же на краю земли
Саамы жизнь свою нашли?

Живет народ здесь сотни лет,
Саами, коми, ненцы вслед,
Пасут оленей, водку пьют,
Рыбачат, тундру берегут.

Живут они своим трудом,
Совсем не легким, но притом
Танцуют в праздники, поют,
Хранят традиции и чтут.

Пусть будет так десятки тысяч лет,
Ведь жизнь прекрасна — спору нет,
Цвети, Ловозеро, мани, гласами детскими звени
И дух саамский свой храни!

Кыррый соāме нāмме

Кэллм ёммьне рёвнэсьт,
Айда кэсс сўбпесь вэзэнь,
Касьт ли талльв — чār ёменът,
Кёссь — āррьк я суэннь.
Ёллев пуазнэгкь оллмэ мйн
Я ялл эйй лийпенъ эфт.

Лāвлкусськ:

Сāммья, пайла вуэйв,
Сāмь оллмэ миллвуд пынь.
Мушьт: йммель аллма
Пайнэнь ёрркъя соāме йнкэть,
Э мйнэ эл сыйй кйххчев,
Оасскэв — сйнэть мыйй ебп вуаййладть.
Моāннтар ёммьнетъ пыннепъ,
Ыльпэнь эвтэсьт сйн лыгкэть ёадтхэпъ.

Моāннтарәе миллвэсь тоāсьтэ вўлленъ
Ёлlepъ мыйй я вўййкэсьт тйдтэпъ:
Мйнэть сядт рёельт руаххц
Чоāххьпесь ые коāммпаль сёввьнесьт.
Мыйе йбе мудта сяд:
Вузэсь элля кёххьпесь чўххкэсьт.
Лышше кёsslэнне мыйй ялчепъ,
Э танна уййтэв пугк мйн нюэзь.

Посвящение саамам

На краю земли суровой,
Занесенной пышным снегом,
Где зима — хозяйка в тундре,
Лето — робко и несмело,
Наш народ живет оленный
Сотни лет под этим небом,
Круглый год пасет оленей
И живет — не только хлебом.

Припев:

Выше голову, саам,
Мудрость нации храни,
Помни: боги к небесам
Души предков вознесли.
И они глядят на нас,
Верят, что не подведем.
Землю предков сохранив,
Гордо знамя понесем.

Под созвездьем мудрым предков
Мы живем и знаем точно:
Нас судьба балует редко
В темноте полярной ночи.
Нам судьбы иной не нужно:
Не в дороге легкой счастье.

Лавлкусськ:

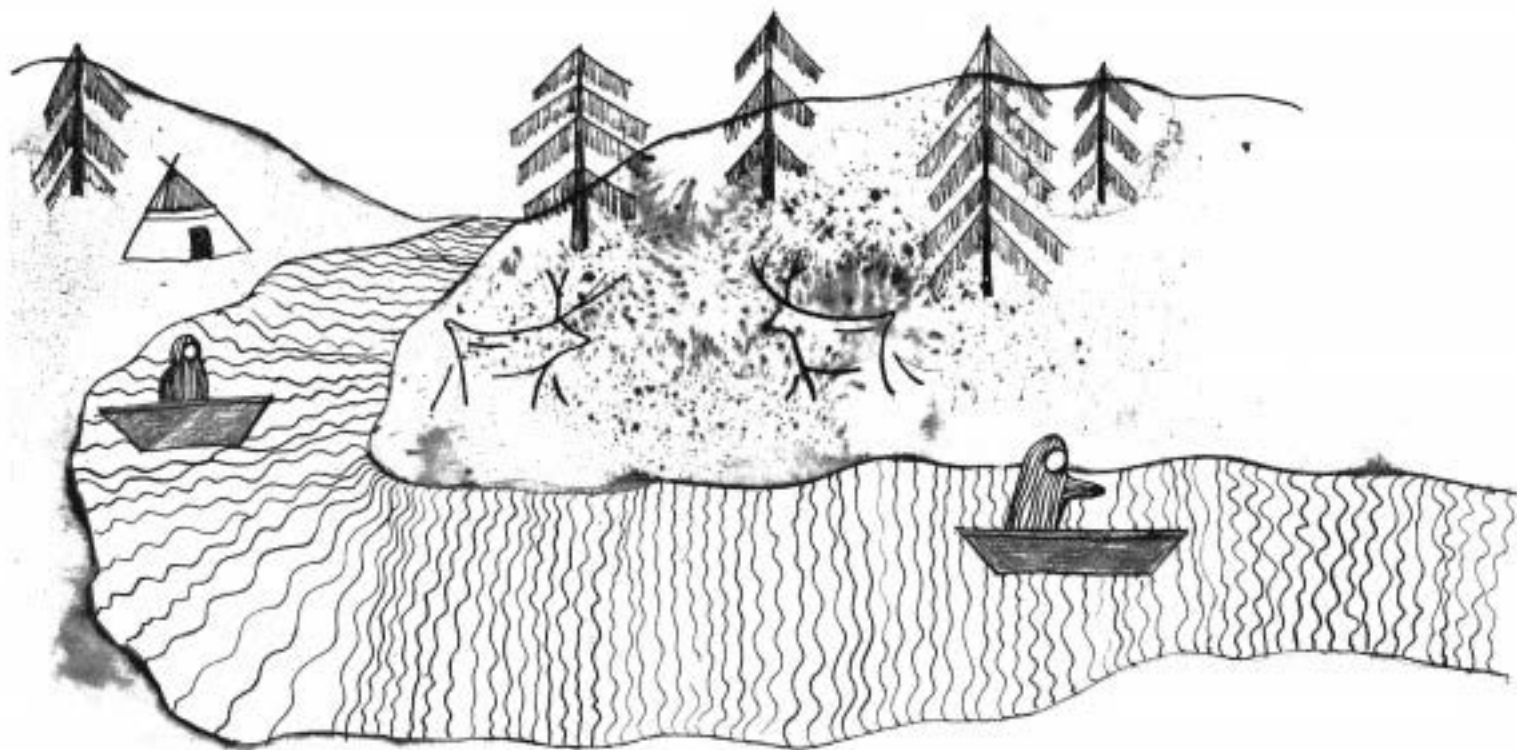
Саммья, пайла вуэйв,
Самь оллмэ мйллвуд пынь.
Мушьт: йммель аллма
Пайнэнь ёркъя соаме йнкэть,
Э мйнэ эл сыйй кйххчев,
Оасскэв — сйнэть мыйй ебп вуаййладть.
Моаннтар ёмьнетъ пыннепъ,
Ыльпэнь эвтэсьт сйн лыгкэть ёадтхэпъ.

Перевод А. А. Антоновой

Важно, чтоб мы жили дружно,
И тогда уйдут ненастья.

Припев:

Выше голову, саам,
Мудрость нации храни,
Помни: боги к небесам
Души предков вознесли.
И они глядят на нас,
Верят, что не подведем.
Землю предков сохранив,
Гордо знамя понесем.

Мария Медведева

Саамская писательница.

Родилась 19.09.1949 в селе Воронье Ловозерского района Мурманской области. Училась на бухгалтера-экономиста, затем окончила Мурманский педагогический институт по специальности «Искусствоведение», повышала квалификацию языковеда в Высшей Саамской Школе (город Каутокейно, Норвегия).

Долгие годы была руководителем народного этнографического коллектива «Ойяр». Автор книги «Самь сир. Саамские игры» (2011). Ее рассказы о детстве в селе Воронье вошли в Антологию современной литературы народов России «Детская литература» (2018).

В 2019 году Мария Гавриловна отмечает свой 70-летний юбилей.

Живет в селе Ловозеро Мурманской области.

В рассказах Марии Медведевой мы знакомимся не только с бытом, историей саамских людей, но узнаем и об их мировоззрении. Что ценно было в тундре для жизни? На чем держался дух саамского народа в суровых природных условиях? На эти вопросы отвечает она своим рассказом «Так легче жить», который посвящает отцу. Работолюбие и мастерство, умение все сделать, построить, приготовить всегда ценились в среде саамов. Да и как иначе! В тундре погибнешь, если не будешь сам о себе заботиться. Но и другим помогать надо: где шуткой, где советом. Вот таким отзывчивым, безотказным, творческим человеком, мастером на все руки запомнила Мария Медведева своего отца — Гаврилу Емельяновича Фефелова. Неласковой была к нему жизнь: с девяти лет, проданный в чужую семью, долгие годы вплоть до советской власти батрачил на других. Но не убила в нем тяжелая жизнь ни доброты душевной, ни фантазии неумемной, ни желания сполна делиться с людьми щедростью своего сердца. Рассказчиком отец был искусным, за что жена называла его балагуром. Но балагурство отца не пустым делом было, оправдывал он его тем, что ради людей придумывал смешное и забавное, людям смеяться надо, чтобы плохое забывалось, из жизни уходило, тогда «легче жить станут». Вот такая мудрая народная смехотерапия.

Виктория Бакула

Ныдть ли кѣххьпся ёлле

Мйн ажа ляйй чѣпесь олма, ённэ мѣнн моатэ туййше. Сѣнн пуэраст тидэ йжесь туй. Соанэтъ лыххк — выйитэв моджесь я роавас, вѣннас — кѣххпесь, оакш нѣдт — нѣлькесь. Мѣнн ев анче туййше коаррдэгк олмэ — пукэтъ вѣкяхт.

Куэсь ажа выйит пѣрт луннъ туййше оалм — олмэ копчнѣдтэв сѣн луннъ. Ке моаххтсэллэ тѣххт, ке кѣххч, мѣнн автэ таххт лыххкэ Омельян Коавврэл.

Ышт вуэцэ ажа, оалм — олмэ пырр ыштлэв я вуррэтэв, куэсь сѣнн алк моайнсэ. Тоаййв моайнас лийенъ йжесь ёллемъ баяс. Шоабэшьтъ тйжнэ. Мудта вуэр мугка пусьт мѣдтант луэшт! Ке нѣлльм аввяд, ке вуйэв луэшт... я тэль антадт йннѣсь тйшш! Ёмьне альн тйжэсьт вальѣдтэв. Ажа оарр, сѣмнэ сѣйнсалл. Чѣпесь олма ляйй, тидэ йжесь туй, ляйй э шиг моайнсэй.

Ёкьна янна коаппч туйэль эл поррмуж, я ёвант ажа эл:

— Мѣнн тѣнн пай олмѣтъ тйжхах! Еск тйшшэ, мѣдтах, ми пуад вуайва. Я шоабшах тѣнн нѣххчмѣнъ мѣдлтэ. Олмэ тѣн альн сѣйнэв я мацна аллькэв сѣйнхэ. Еск тйшшэ.

Ажа трупк куэрр я сѣррн:

— Ноа, я шйг. Аннъ сѣйнэв, пугк нюэзь баяс вуаййлаххьтэв.

Ныдть ли кѣххьпся ёлле. Янна вуэкэсьт я шйтэ.

Так легче жить*

Славился наш отец мастерством, многое делать умел. Сани, лодки мастерил, которые получались легкими и прочными, топорища надежными, упряжь оленья со своеобразным украшением, печь ложил без изъяна и надолго.

Что бы ни попросили сделать односельчане, никогда и никому не отказывал. Когда бы ни работал во дворе, всегда около него люди. Кто подходил совет спросить, кто просто любопытства ради: что еще Емельяныч сотворить решил.

Во время перекура мужики усаживались на бревна вокруг отца и, затаив дыхание, слушали его. А уж рассказывать он умел и любил! Такое напридумывает!.. Одни удивленно слушают, другие недоверчиво. Сидят, качают головами: «Ну, Емельяныч, загнул». Когда доходило до них, что отец все выдумал, раздавался хохот... Мужики хохотали, хватаясь за животы, а отец, хитро прищурившись, поглядывал на них, попыхивая трубкой и тихо улыбаясь в усы.

Вечером мама незлобиво корила его за балагурство:

— Ну, что ты все чудишь? Мелешь, что в голову взбредет... Людей смешишь.

Отец, попыхивая трубкой, тяжело вздыхал:

— Ну, и хорошо, пусть смеются, плохое забудут.

Мама замолкала, согласно кивая головой.

Мун автмусс кыры

Минэн Коардэгк сыйтэсът лый библиотека. Тоагэ воаннэцэн, тэгк моаххэтэн я шоабшэн логкэ, я тэгк, кэгк кйххчев лышша кырынэзэт кыресът.

Эххэтэшт ажа ёадтей библиотека я мун воальтэ мйллэтэ, танна мыннэ лый лышша выдт ыгке. Ёада ыल्पесь роамэсът. Йжян эмм мушшт! Эмм коз-не ёада, тыкквэн мырра, тоагэ, касът ёлльлев кыры.

Пудэмь. Ажа библиотека лыххкэсът Хадзинскэ Августа Арсентий нйитэсът анэсът нёлль кыры, кырыха Ленинэн. Танна пукэ гуэйке Ленин кыры лийен шурр тыкквэнэн. Мунн чунче ажа лун я кйххче кырет ыллтэн, пайна вуэйв, чофта моджесь кыры коатнэзэгуэйс. Лыгксэххэтэ ажа кйдэн, мйлкнэсът цйльке:

— Ажа, мунн тата кыры вальтэ.

Ажа йнукьенне сйинэ, пуэрхэсэтэ мйннэ вуэйв я цйльке:

— Эвтэль, нйитням, тидэсът букват, мауна кыры гоаррэ пуадах.

Пэртэсът ажа вуанче автма. Ленин кыры я цйльке:

— Ноа, мэйт, нйитням, аллькеп букват уххцэ. Тала лев нёлль кыры. Коххт луаптах маумусс кыры, ныдтэ э пук букват алках тидтэ.

Ажа кырыхэт кэссесь Ленин кырест букват, пакэ мун сйнэтэ сарнэ я кырге пымме альн.

Мэнэ айк я, куэссь мунн логке автма саннкусък, ажа кйххэтэль я вуйкесът цйльке:

— Ноа, тэль, нйитням, э моаххтэхь логкэ.

Мунн роамэн вуррэтэ одт пейв, я оххтэ, гу ённолма, ёадтэе библиотека я. Роаннтма пэл-пэл цйльке:

— Мыннэ быдт Ленин нёлль кыры.

Первая книжка*

Была у нас в Воронье библиотека. Ходили туда и те, кто умел и любил читать, и те, кто просто картинки в книжках смотрел. Как-то отец собрался в библиотеку, взял меня с собой. Мне было около пяти. Иду, переполняемая гордостью, радости «полные штаны». Не куда-нибудь иду, в мир чудес, туда, где книги живут!

Пришли. Отец у библиотекаря Августы Арсентьевны Ходзинской четыре тома Ленина попросил. Тогда большой интерес к произведениям Ленина у всех был. Я стояла рядом с отцом и с восхищением, задрав голову, смотрела на полки с книгами с красочными, яркими обложками.

Подергала отца за руку:

— Папка, я тоже хочу книжку взять.

Отец добродушно засмеялся и, потрепав меня по голове, произнес:

— Сначала, дочка, буквы узнай, а потом уж за книжкой придешь.

Дома отец достал тома Ленина и сказал:

— Ну, что ж, дочь, давай буквы учить. Вот четыре книги. Как закончишь последнюю, так и все буквы будешь знать.

Отец выписывал из толстых книг Ленина буквы, заставлял меня их произносить и выводить на бумаге.

Прошло время, и, когда я прочла первое свое слово по слогам, отец одобрительно покачал головой и серьезно сказал:

— Вот ты, дочь, и научилась читать.

Дождавшись нового дня, я одна, как взрослая, пошла в библиотеку. У барьера, преодолевая страх, наконец, пролепетала:

— Мне надо четыре тома Ленина.

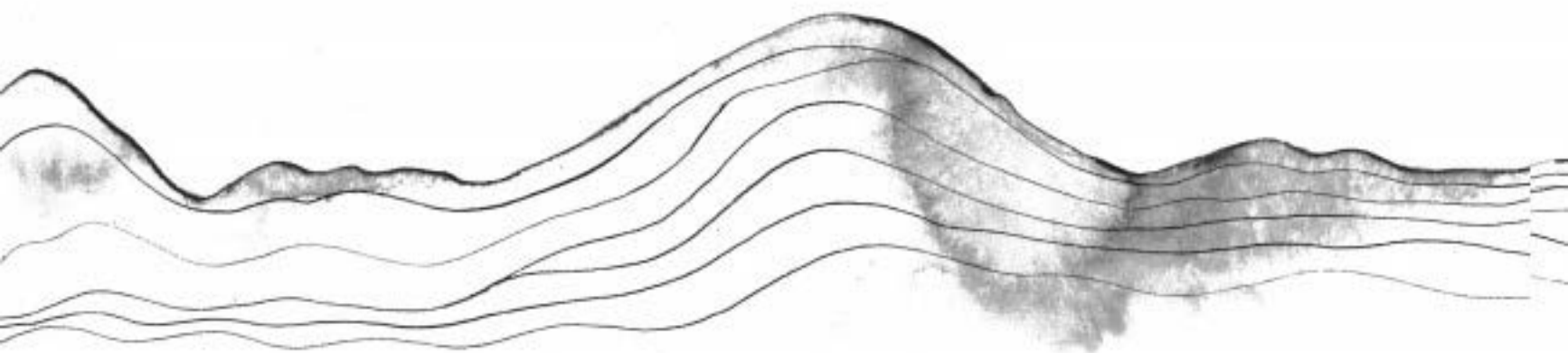
Августа Арсентьевна, услышав мою просьбу, искренне рассмеялась:

* Впервые опубликовано: Медведева М. Г. Детство мое: рассказы о детстве в Воронье / [пер. Н. Большаковой]. // Полярная правда. — 2001. — 29 мая. — С.3.

Августа Арсентий нийт кулэсьт мун ашшь, муэйнэль:

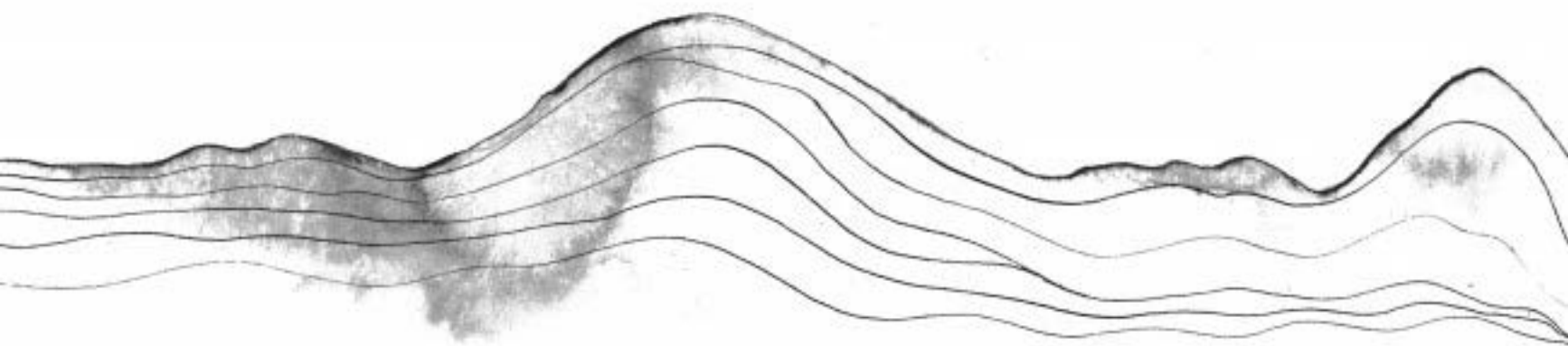
— Тонн йджь лях роуькенъ тэнна кырьй шура. Пэря мунн анта тоннэ парнае гуэйке кырьй.

Вильшхэсьтэ кырье ылльтэ эл я воалэшьт мыннэ мōджесь кырьй. Тэдт ляйй Гайдар кырьй «Чуввесь-алехь нāххьп». Кōххт роаммгудэ мун кūtтьк! Тэнна райя мунн муштэсьт ялл кырьй «Чуввесь-алехь нāххьп».

— Ты сама-то растом с эту книгу. Лучше я тебе детскую дам.

Посмотрела на стеллажи у себя за спиной, и выбрала мне самую яркую. Ею оказалась книжка Гайдара «Голубая чашка». От радости меня так и распирало. До сих пор в моей памяти живет моя первая книжка «Голубая чашка».

Пыллэ мыйе няллкасэть

Коӱррдэгк ӱллмэ гуэйке роӱмм пёйив ли, куэссь пыххьтэв Луяввьр сыйтэсьт тӱвар, ӱдт фильмэть, тӱнкеть. Адзь-ённӱ аннӱтэв пӱррнэть мёвв тӱнкеть-манӱтэ роӱмм лӱ! Кёзне я мӱрк аннӱтэв — тэдт лӱ вӱптэгк вудт. Вуайй эйй эфт вӱр киная вӱӱрдэ, няллкас вуэссэть. Тэдт лӱйй мугка шӱрр роӱмм коӱррдэгк пӱррнэть! Кё лӱйй мугка вӱптэгк, вӱже лӱффка. Тамьпе кӱрр олма (тана ныдть пӱррнэ толдъкьень) мӱгкэй Пименов Аким Панфил алльк:

— Мӱнн тыйе быдт?

Мыйй кӱйнэльт кӱжемь:

— Пыллэ мыйе няллкасэть.

Я Панфил алльк зоӱбэль воӱллтэль пыла я шӱххтлэнне пылэ пашшна каньц кӱннца няллкас.

Кёсса тоӱйив тӱвар пыххлэнь Коӱррдэгк сыйита лӱдзма, куэссь кӱссень кӱшк мӱлльтэ, вӱннас воӱлхэлэ чӱзень ёвесь лӱзэньт я кӱдхэлэ тӱвар нӱль. Ебп кӱххчма тэнн эл, лӱдзма я пашшна няллкас лӱйень вял коӱллша мыйе, коӱррдэгк пӱррнэть.

Кӱххт-ляннч тӱлльва ажя я ӱллмэ пӱдтэнь Луяввьр-сыйтэсьт. Сыйй пыххьтэнь тӱвар роам... Ажя пыдтэ моӱст манӱтэ-ляннч рӱппьсесь ёрьпесь перк, гу пӱлл я цӱдьке:

— Поарре, пӱррнэ тэдт ли яблэк. Поарре, сӱнн ли шӱг пӱррмушш.

Янна сӱн мыйе куськэ-куськэ ёдэ. Мунн мӱлкмушша воӱлльтэ кӱдтэ, мӱннесьт суннткуата куськ, тэна райя эллий томтас яблэк. Кӱцьксе... сӱн саххьп элля мун коӱллэш луэмман — нала я куэшшь кӱрр лӱйй. Тэнн пӱлесьт мунн ныдть э эмм моӱххтъя пӱррэ яблэкэть.

Мӱннесьт кӱллма лӱййп, кӱнн ныдтьшэ ажя пыдтэ, пӱрре, яннань пӱц-альн

Напилите конфет*

Для ворончан праздник, когда с Ловозера привозили товар, новые фильмы, зарплату. Родители дадут детям пять копеек на кино — радость, а кому-то и рубль — это уже богатство. Можно и в кино не один раз сходить, и конфет купить. А это была редкость для воронинских детей. И те, кто имел такое богатство, со всех ног бежали в магазин. Там на вопрос строгого (по детским понятиям) продавца Акима Панфиловича Пименова: «Что дать?», мы, смущаясь, лепетали: «Напилите карамельки». И Панфилич действительно брал ножовку и аккуратными кубиками распилывал слипшуюся карамель.

Товар — часть — приходил в Воронье подмокшим, особенно летом, так как везли его по реке, перетаскивая по бурлящим порогам, а это всегда сопровождалось то опрокидыванием лодки, то товар захлестывало водой. Продукты намокали и теряли свой товарный вид. И, несмотря ни на что, карамельки, распиленные на кубики, были самым любимым лакомством для воронинских ребятишек.

А как-то по зиме вернулся отец из Ловозера. Райдой они товар везли. Принесдомой что-то красное, круглое, похожее на мяч и сказал: «Попробуйте, дети, это яблоко. Ешьте, оно вкусное». Мама разрежала его нам на дольки и подала. Осторожно я взяла в руки застывшую, чуть подтаявшую с морозу дольку неведомого мне доселе яблока. Надкусила... И не восприняла его как лакомство. Не был сок его похож ни на мою любимую морошку, ни на другую ягоду, да и кожура его оказалось жесткой... С тех пор я яблоки так и не научилась есть. Зато застывшие с мороза булочки, что тоже отец привез, ела, разогретые мамой на печке. И казались они мне лучшим лакомством, их нельзя было сравнить ни с чем. В Воронье белый хлеб продавали раз

автма, лийень сый мйиннэ чофта шурр няллкас, нимэйн эйи вуэй пыйнэ.

Коаррдэгк-сыйтэст вйлькесь лэйп мйгкень нёдтьлесыт эфт вэр. Сөн вүэссытэ, быдтэ лийи чуэннче пёйив бай. Нялькесь вйлькесь лэйп мыйи ебп уйинма. Тэнн гуэйкэ нялькесь вйлькесь лэйип тунн вэр лийи ныдтьшэ, кёххт адть пёррэ чофта шурр няллкас.

Моахтсэллэ чоннэ

Мйин Коаррдэгк сыйита пүдэ нурр уххцэй Любовь Аркадий нийит. Сөнн лийи мйинэ гуэйке пэрьюсс я мёджесь. Матэть мйнэть кырьхэ, лөгкэ. Авдэлэ мыйе одт уйнаххэтэть тыкквэнэ мырр. Эххэтэшыт лыгкэ мыйе пляссьем ёкьна. Пэррьша туррэнэ — ке аллк чоңтэ патефон. Я лышше кулльешкудэ сумь, Любовь Аркадий нийит цёнкэхьт мйнэть пырс я вэзхэлэ, кёххт быдт пляссье мёджесь чёнант — вальс, сама мёджесь чёньнэмуз ёммне альн.

Мээнэ ённэ ыгке, муст пай вял муштэсыт ялл лаввл «Фабричнэ застава тугкень», кённ сумь мйльтэ мунн я вуэпсуввэй моахтсэлэмь чённэ вальс.

в неделю, да и то, чтобы купить его, надо было отстоять очередь, а уж сдобных булочек мы вообще не видели. Потому булочку съесть было тогда все равно, что сейчас полакомиться пирожным.

Учиться танцевать*

К нам в село Воронье приехала преподавать молодая учительница Любовь Аркадьевна. Для нас она была самая хорошая и красивая. Учила нас читать, писать. Открывала для нас удивительный мир знаний.

Однажды устроила нам вечер танцев. Каждый из мальчишек стремился завоевать право крутить патефон. Как только зазвучит мелодия, Любовь Аркадьевна ставила нас в круг и показывала как танцевать красивый танец — вальс, самый удивительный на земле.

Прошло много лет, а в памяти моей до сих пор живет песня «За фабричной заставой», под мелодию которой я и мои сверстники учились танцевать.

* Впервые опубликовано: Медведева М. Г. Детство мое: рассказы о детстве в Воронье / [пер. Н. Большаковой]. // Полярная правда.— 2001.— 29 мая. — С.3.

Сāмь сйря*

Кӯкла

Сāмь чѣпъ йжесь пāррнэть лыххькенъ кӯклатъ мӯрэсьт, тель кйссень я лыххькенъ кāсв. Кйд я юлльк сāесът лыххькенъ райкатъ, чѣд сйнэ кйссень нуэра лубэ трыпецъ. Тэнн гуэкэ кйда я юэлка лййенъ лоаччкэль. Кӯклатъ тоāйва тӯввнэхьтэнъ. Сыйе тӯййшенъ кйтткэм.

Кӯкла лыххкьювенъ пāцкэнъ я кйссень трыпденъ я тӯлльй йхтэгуэйм. Маңа кӯклатъ лыххькенъ торячканъ. Торячка ѣдтэнъ кӯввтэ. Пāййгоарр — вуэйв я шāммш сāйй, вӯлльгоарр — юлльке сāйй. Кэскэсьт сйнэ пййнэнъ кэльта — роаңуьк. Торячка ѣдтэнъ кӯввтэ вял я шәннтэнът ённэ кукулэдтэ. Кукулатъ вуай лыххкэ цурканъ. Мӯрр поання чӯххпла — кāссв, сōнн альн ьшэнъ лыххкэв чйльмэтъ, нйльм, нюнь.

Нюэла

Кэсск ёрп сѣнькэсь мӯрэсьт лыххькэнъ удць райка я соннэ пййнэнъ чōгктэнне вӯлса мӯрр кэльта, тэнн кэльтасът воāллтлэнъ я чоңтэнъ нюэла сйррэм бāль.

Саамские игрушки

Кукла

Саамские умельцы для своих детей делали куклы, используя деревянные палочки. Верх палочки оборачивали тканью, на которой рисовали лицо. В «теле» куклы на уровне «плеч» и «ножек» делали дырочку, сквозь которую протягивали кусочек веревки или лоскутик. Таким образом, «ножки» и «ручки» были гибкими. Кукол чаще одевали в наряды взрослой женщины. Для них изготавливалась колыбель-люлька, полностью повторяющая люльку ребенка.

В более позднее время кукол делали из пустых катушек для ниток. Катушка разрезалась пополам. Верхняя часть — головка, нижняя — опорная часть. Между ними втыкалась палочка — «тело» куклы. Изгиб катушки изображал шамшуру. Кукла одевалась в одежды из лоскутков. Также катушку разрезали по длине, таким образом получалось большее количество куколок. Кукла могла быть из деревянной чурочки. Косой срез с одной стороны — «лицо» куклы, на котором углем рисовались глаза, рот, нос.

Юла

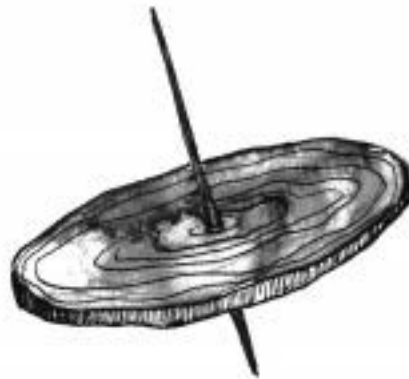
В центре тонкого деревянного среза делали маленькое отверстие и в него вставляли заостренную деревянную палочку, с помощью которой вращали юлу во время игры.

Шэрдэгк

Ниммэй пāррнэ гуэйкэ лыххкьюввөнъ кукесь чāпах лоньтэ чоннткэнъ я лоньтэ помчсэнъ: чуэнньгэ, нюхче, чāдзь лоньтэ, рыбпэ. Чāпэх пэссень, пыйенъ сыз мёвв кядкатъ. Мауна кōшштэмэсыт сыйй эннтлэнъ йнэть, чōннтэ кйжетъ корнэнъ. Сйря ляйй рашшь, коазсзлленъ алытла пāрнатъ, вуайченъ цёп кяжягуэйм кўскнэ лубэ корнэнъ нуэра, пāрнэнч вуаяхч роадтэ я куллтлэ сйря йн.

Шэрдэгк лыххкьювэ сўррь мўрэсыт. Корнэнъ кйжэть сўн, кōнн эл корнэнъ (лэххьтэнъ) чўэрвь кускатъ. Нуагкмэнъ шэрдэгк эннтлэнъ йнэть. Мудта вёр воāллтлэнъ сўррь пўдзэ чўэрвь.

Мау эллькэнъ оаннэ фанера, ёдтма тёп налла, гу кōвас. Пайй гоар эххьтэ корнэнъ. Сйнэ кэсськэ пыйнэнъ сёнькэсь муря, кōнн эл коазсэлленъ коаньт сўнэнъ корса пўдзэ кёнъцэсь тахтатъ.

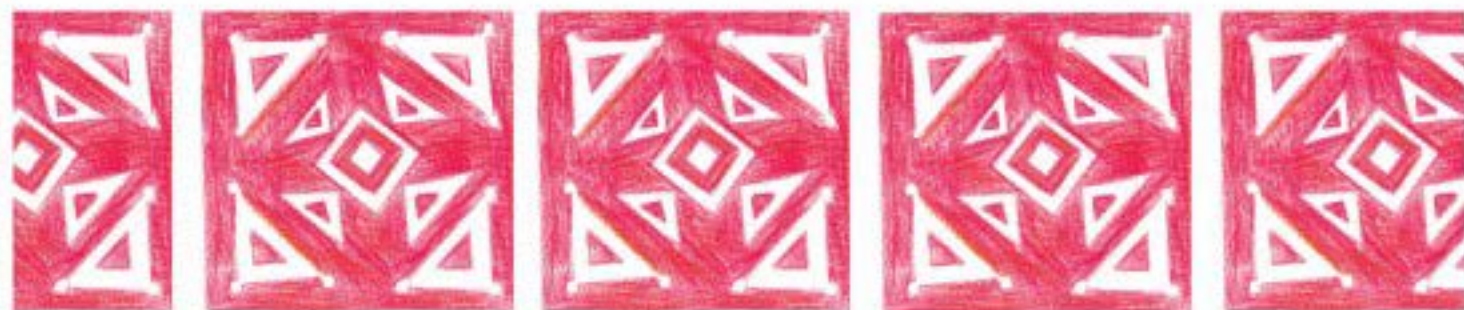

Погремушка

Погремушки для грудных детей изготавливались из гортани длинношеих птиц: гусь, лебедь, утка. Гортань тщательно очищалась, внутрь закладывались мелкие камешки. Концы гортани завязывались, чтобы камешки не высыпались. После высушивания игрушка издавала своеобразные звуки. Так как игрушка была хрупкой, то подвешивалась возле ребенка на таком расстоянии, чтобы он мог едва касаться ее кончиками пальцев, либо привязывалась веревочка, за которую ребенок дергал.

Также погремушкой мог служить раздвоенный деревянный отрезок ствола. Между отростками ствола натягивалась нить, на которую нанизывались мелкие кусочки рога. При покачивании погремушка издавала шумовые звуки. Иногда вместо деревянной ручки использовался кусок разветвленного оленьего рога.

В более позднее время погремушки мастерились из двух треугольников, вырезанных из листа фанеры и скрепленных сверху в форме чума. Между ними вставлялась поперечная реечка, на которую нанизывались на жилку или на узкие кожаные полоски оленьи косточки.

Полина Медведева (Данилова)

Саамская поэтесса.

Родилась 18.11.1977 в селе Ловозеро Мурманской области. В школьные годы десятилетней Полиной написано несколько стихотворений, которые были напечатаны в газете «Ловозерская правда».

Окончила Ловозерское Профессионально-техническое училище № 26 по специальностям «художник росписи по дереву» и «резчик по кости и рогу». С 2010 года работает в Ловозерском национальном культурном центре в качестве руководителя народного самодеятельного коллектива — Театра саамских традиций «Эллманнт».

Живет в селе Ловозеро Мурманской области.

Кāнцням*

Сунтаххч йуу.
Ёгя āвьдаххч.
Лоанта кырьтсэв.
Пёййв нюл лайвсэв.
Вэ́ннсэ ышштла,
Муэттка шынньла
Касьт вуррьтэв
Оа́кням, йням,
Пудзьенч вуадт,
Мун ко́ллэш кāнцням.

Друзья

Ах, скорей бы лед растаял,
Речку нашу расковав,
Прилетели птичьи стаи,
Солнце стало ласковым.
Я бы в лодку села пулей,
И — на Мотку, где меня
Ждет бабуля, ждет дедуля
И щенок спит у огня...

* Корректурa Э. Шеллер.

Пӯдзьенч*

Сяллка чоаххк.

Йнаст: «Тйррв, Пўна!»

Маџас вильшхэ пāххк.

Я малъ поāххчна.

Выйтэ пёйив поāххкса.

Тыгквэннъ пёйив выйтэ,

Пӯдзьенч мун вўрьтэ.

Сафькэсьт:

— Эмм шўж шэ,

Тонэнъ тāта кāннъцьюшшэ.

Пэксэм муэйинэв...*

Пэксэм муэйинэв.

Кэннял кōллкэв.

Цёльк, кāннъц Вика,

Вуайй — мунн вёкьха?

Мй кўтьк паянт,

Мй рэзэть мўцант?

Мунн ля вёррь?

Вўййкэсьт анът соāг.

Олененок

Кто меня толкает в спину?
Говорит: «Привет, Полина!»
Удивилась, оглянулась
И едва не поперхнулась:
Очень странный нынче день —
За спиной стоит олень,
Шепчет мне (я не шучу):
— Я дружить с тобой хочу!

На моих глазах улыбка...

На моих глазах улыбка,
На твоих глазах слеза.
Ты скажи, подружка Вика,
Мне помочь тебе нельзя?
Ничему-то ты не рада...
В чем причина твоих бед?
Может, я в том виновата?
Дай, пожалуйста, ответ.

Ольга Перепелица

Саамская поэтесса.

Родилась 24.10.1937 в Териберской тундре Мурманской области. Родная сестра создателя саамского букваря, саамской поэтессы Александры Антоновой.

Окончила Мурманское Педагогическое училище, дошкольное отделение, и вначале 1960-х годов уехала на Украину в город Лутугино Ворошиловградской области. Работала воспитателем детского сада. В 1970-х годах вернулась на родину и снова работала в детском

саду. Сорок один год отдала воспитанию детей. С 1997 года участвует в «Саамском движении». Председатель Оленегорского отделения Ассоциации Кольских саамов, один из организаторов в Оленегорске первых фестивалей саамской песни. Ее стихи на русском языке включены в коллективные сборники Оленегорского литературного объединения «Жемчуга»: «О жизни», «Стихи для детей», «Олененок».

Живет в городе Оленегорск Мурманской области.

Пёххькь – явьрь

Кухькенъ чърэсьт
лй тэдт явврэнч,
Моджесь чуввесь Пёххькь — явьрь.
Пйну́кэнч пёну́кай —
Кудцърахт чăзя
Я вэррс лэгэнъ лаййвял.
Куэла явресьт
Вуйев, сйрнэв —
Мйлэнъ уйна пайй вял...
Тбайвь мунн муштла
Мйинн тэнн явра.
Рыннт, касьт пйрсэн йлем
Тамьпе лиемь вуазлэшш.

Пеххькь — озеро

В далекой тундре
Пеххькь-озеро есть —
красивое светлое.
Ветер воды кудрявит...
Рыба плавает в нем,
и мальчишки играют...
Мысли память тревожат,
Пред взором моим
Картины мелькают,
мелькают, мелькают...
Семья. Берег. Счастье.
Родители есть...

Перевод Н. П. Большаковой

Родъхэ́ле я́ллмушш

(лывьыт)

Мйнэ родъхэль эвтэль йллень
Чёхче мѳджесь пайхькегэсьт,
Пёххьке явьре рынтэгэсьт.
Я́лмуж мйлэ мильтэ выгкень
Пугк сый вуййень, мѳахьтэгэнь,
Чарэ туеть пуэраст тидтэнь.
Парнатъ шэннтхэнь, пайнэгэнь

Лея, лея, лея, я.

Парна сйнэнь шурнэгэнь,
Кырытлэнь пѳагэ пйрсэгэсьт.
Еадть еньѳдзэ ижесь вуэссь.
Родъхэль кудтьень идженэсь.
Тырьбэрь саткэсьт,
Тырьбэрь саткэсьт, рыннтэгэсьт.

Лея, лея, лея, я.

О жизни родителей

(песня)

Наши родители раньше жили
В осеннем красивом месте,
На берегу Пеххькь - озера.
Жизнь по душе своей вели.
Все они могли, умели,
Тундровые работы очень хорошо знали.
И детей рожали, воспитывали.

Лея, лея, лея, я.

Дети у них повыврастали,
Полетели кто куда из семьи,
Отправились искать свое исчастье.
Родители остались одни.
В Териберке поселке, на морском берегу.
В териберке поселке, на морском берегу.

Лея, лея, лея, я.

Авторский подстрочный перевод

О жизни родителей

(песня)

В красивой териберской тундре
Озеро Пеххькь лежало,
Солнышко в его воды
День изо дня ныряло.
Жили родители справно,
Работы по тундре знали,
Детей родить успевали...
Было все так недавно...
Жили родители справно.

Лея, лея, лея, я.

Дети выросли быстро
И, хоть за счастьем спешили,
В полете саамскую душу
Они сберегли, сохранили.
Одни родители жили
В Териберке... Рядом море.
Скучали, писали письма...
Дети для них — подспорье
В Териберке... Рядом море.

Лея, лея, лея, я.

Перевод Н. П. Большаковой

Чārэсьт

Вуэньтре Пōввэл чārэсьт йле,
Чофта мōджесь чār сōнн тйдэ,
Тйдэ ённэ ёгкэ, явьре,
Пākке — мōджесь кўблэгэть.
Чārэсьт ёадтэ сёвньнесь пāлесьт
Вўе кāхта чильме гуэймь
Сōнн эй пэллэнч ёдлэ пāйхькесьт
Чārр лйй соннэ пэртэнь пōахькесь.

Мой брат

Павел Андреевич в тундре жил,
Очень красивую тундру он знал.
Знал много рек, озер,
Гор красивых, возвышенностей.

В тундре ездить темной порою
Мог с закрытыми глазами.
Он не боялся ездить по любой
территории.
Тундра была для него родным,
теплым местом.

Авторский подстрочный перевод

Тундра

Павел Андреевич всегда в сопках жил,
Осеннюю тундру особо любил.
Знал много гор он, и рек, и озер.
Охватывал тундру его острый взор.

И темной порой, и в светлое время
Дом — тундра ему, и нет страха
пред нею,
И братья-олени — саамское племя,
И зов нутряной в нем мощнее,
мощнее...

Перевод Н. П. Большаковой

Эгк юрртэнч, эгк вуэрртэнч

Эгк юрртэнч, эгк вуэрртэнч,
Соаррьм пүдэ я вѳальтэ.
Тѳнн ѳррехь...
Пѳйнэ ю вѳгк ев вуаллэнч.
Мѳнн юррьтэхь тѳнн,
Куэсь вѳаннѳцехь пырр сыййт?
Вуэста пүрь ѳлмэнч
Эй тѳхтэнч.
Сѳна цѳльке ни кѳз
Эгк вуайенч.
Чильметь кѳахьтэхь
Я ѳлмант пырр кѳдэ...
Лѳшэ кѳннял я ѳбей кѳдтѳень.

Вуэзэнч

Мѳджесь вѳилькесь вуэзэнч ѳадт
Чѳрэсьт ѳнѳсь мѳльтэ.
Сѳнн лѳ цѳгкэнч вѳилькесь мѳлец,
Эй не кѳстэ вѳэз алын.

Не думал и не ожидал

Не думал и не ожидал,
Но вот она тебя настигла —
Ты пошатнулся и упал...
И встать вновь не хватило силы.
Ты шел тогда вокруг села,
И ни одной души навстречу.
И смерть тебя с собой взяла,
Угас нежданно вечер тихий.
О чем-то ты сказать не смог,
Кого-то рядом не увидел.
И сердце сжал тяжелый рок,
С собой
Твои обиды.

Перевод Ю. Кудинова

Олененок

В тундре рядом с важенкой
Олененок скачет.
А когда приляжет,
Снег его упрячет.

Перевод Е. Н. Коркиной

Парнатъ

Пѣнгэнч угк,
угк я угк.
Мѣннлянч цѣлдъке
Хозьнэ тѣххт.

Мунэсьт пэртэсьт пѣнгэнч ялл.
Чофта мунн сѣн шоабша.
Йнцэ айкалт сѣнн мун цоаввн,
Вѣнъепь эфтэсьт рѣбхушшэ.

Кѣазенч, Кѣазенч,
Мѣйт тѣнн нѣвѣклахх?
Вуэртах майта,
Порсувах?

Тала акэнч пѣрѣтѣ пѣдѣ
Кѣазя вѣальтѣ кидтѣ,
Эштэ, оарэсьт,
Оарэсьт мѣлкнэсьт,
Нагерь вѣальтѣ
Нагьрувэ!

Детям*

«Гав-гав-гав» —
Мне Пенгэнч лает.
Пенгэнч лает и не знает:
Лай хозяин понимает?

Перевод Ю. Кудинова

Пенгэнч раньше всех встает,
Будит ранним утром.
А потом меня ведет
На работу в снежной тундре.

Перевод Ю. Кудинова

Что ты, коазенч — малышок,
Жалобно мяучишь?
Хочешь молочка еще?
Голоден? Получишь.

Перевод Ю. Кудинова

Наша бабушка идет,
Котика в руках несет.
Села отдохнуть,
А кот
Убаюкал ее.
Вот!

Перевод Ю. Кудинова

Тэль пӯдэ мыйе тальв
Кōātэ ёмьне, мӯрэтэ кōātэ
Ёмьне шэнтэ вйлкэ-вилкэ,
Гу дэль седэ āка вуэйв.

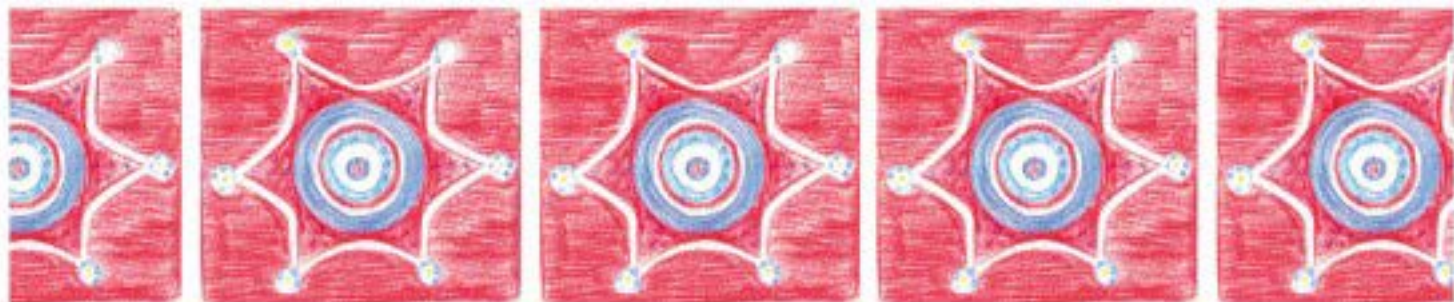
Тōлл пуэлл
Я нйрэтэ āввт
Ныдть лй щйгкь!
Сувв манн чилльмэтэ
Сйнэтэ кяццк.
Тэль вял мй?!
Кэнняял кōллкэв,
Нйрэ мйллът.
О-хо-хо!
Пайще пōāгэ
Мунн эм уййдь:
Сайй лй пōāххк!

Пришла зима, накрыла снегом
Дома, деревья, тундру.
Земля вдруг стала белой-белой,
Как голова старухи мудрой.

Перевод Ю. Кудинова

Огонь горит,
Чтоб нас согреть —
Хорошо!
А дым готов
В глаза залезть,
Вот еще?!
Слезы горькие
Текут у меня.
О-хо-хо!
Но от костра
Я не уйду:
Так тепло!

Перевод Ю. Кудинова

Анна Сапельникова

Мастер саамского рукоделия, педагог дополнительного образования, саамская писательница и поэтесса.

Родилась 07.09.1959 в селе Воронье Мурманской области. Училась саамскому языку у своей бабушки, Карповой Ульяны Антиповны, и родителей, Юрьевых Анисьи Антоновны и Михаила Андреевича, а также в общении с оленеводами бригады №5 совхоза «Тундра» в селе Ловозеро. Окончила факультет искусствоведения МГПУ по специальности «учитель истории и искусств». В 1995 году училась саамскому рукоделию

в городе Вельхельмины (Швеция). В 1980-1985 гг. работала смотрителем в Ловозерском краеведческом музее. С 1985 года по настоящее время работает педагогом дополнительного образования в Центре детского творчества. Изучает саамский фольклор, ставит саамские сказки; берет их не только из книг, но и сочиняет сама. В 2015 году Центр коренных народов выпустил диск с саамскими сказками, на котором записаны четыре сказки ее авторства.

Живет в селе Ловозеро.

Кāньц*

Вйлькэсь пӯдзья чārэсьт карр,
Чоāххьпэсь пённга сōн эл угк,
Тōнн пённга ель угк,
Адть мыйй аллькэпъ сйррэ.
Аллькэпъ эфтэсьт вйдже,
Аллькэпъ эфтэсьт каррэ,
Аллькэпъ эфтэсьт нючкэ,
Аллькэпъ эфтэсьт сйррэ.
Мыйй адть Ёллекъ чārэсьт.

Друзья

Бегаєт по тундре белый олененок,
Лает на него черненький щенок.
Ты не лай, собака,
Дай мне лучше лапу,
Будем вместе бегать,
Будем вместе прыгать,
Будем вместе мы играть,
Будем тундру изучать.

Тāl Āка*

Ēадэ Тāl Āка вāресьт, лийень сōнэсьт кӯххт тālл кудца. Ёдтэнь, ёдтэнь, эххт тālл кудца ёадт Тāl Āкань, нымьп карр, сёрр, эйй якхэл ёнь. Тāl Āка сārрн: «Ля́ннч шӯшшэ, кӯдтъях, кāдах!» Кудца пай шуэшш. Тāl Āка эфт тālл кудцань уйтэ. Тālэнч кӯдтэй õххтэ. Коāvвьнэнь сōн õллмэ, пыххьтэнь пэррьтэ. Элькэ сōнн ёлле пэрт луннь. Пённэ кудцагуэйм сёрр, пālл чоңт, поарр я вуадт. Йле, йле я элькэ лӯйххкэ: «Касьт лй мун янна, касьт лй мун Тāl Āка!»

Õллмэ эллькэнь сōн шоāлшэ, выгкень сōн вāрра. Вāресьт сōнн уйнэсьт Тāl Āка, роāммгудэ. Тāl Āка цйлкэ: «Алках мун куллтэллэ!»

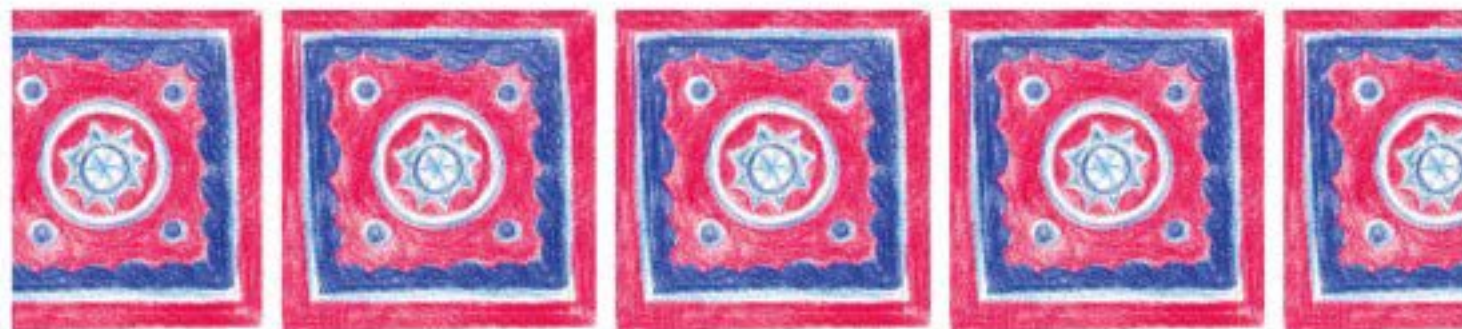
Медведица

У Медведицы было два медвежонка. Вот гуляют они по лесу: один слушается маму свою, второй бегает, балуется, отстаёт. Мать-медведица говорит: «Хватит баловаться, отстанешь, потеряешься!» Но медвежонку все нипочем. Ушла медведица с одним медвежонком далеко, а второй отстал, заблудился.

Нашли его люди, взяли домой к себе. Живёт медвежонок возле дома. Балуется со щенками-собачками, катает мяч, ест, спит. Жил, жил у людей и заплакал: «Где моя мама-медведица».

Стало людям жалко его, отвели обратно в лес. В лесу он встретил медведицу, обрадовался. Она ему строго сказала: «Будешь меня слушаться!»

Домна Хомюк

Исполнительница традиционной саамской песни (луввът).

Родилась 10.09.1954 в селе Воронье Мурманской области. Окончила Сортавальский сельскохозяйственный техникум по специальности «зоотехник». Более 25 лет работала в сельскохозяйственном производственном кооперативе. В 2003 году прошла профессиональную переподготовку в Северо-Западной академии государственной службы по программе «Государственное и муниципальное управление». В 2003–2013 гг. — председатель Ловозерской территориальной избирательной комиссии. Организовала фольклорную группу «Елле» и детскую саамскую группу «Сәмь пәрна». В 2018 году с группой «Сәмь пәрна» участвовала в Международном проекте «Таланты Арктики. Дети». За активное участие была удостоена звания лауреата данного проекта. С 2000 года принимает участие в концертах, фестивалях и конкурсах в Эстонии, Финляндии, Швеции, Италии, России (город Иркутск). Участница конкурса «Саамский Гран-при» (Норвегия 2002, 2007). Как и ее сестра, Анфиса Агеева, участница многочисленных концертов,

проходящих в Удмуртской, Карельской республиках, Ленинградской и Мурманской области и за рубежом. Член группы по редактированию словаря А. А. Антоновой «Сәмь-Рӯшш Сәнньнэххьк». 6 февраля 2017 года в Международный день единения саамов была признана «Человеком года–2017».

Живет в селе Ловозеро Мурманской области.

Пāрьшя*

Пāрьшя вйгэть кйххчлэ тāххт,
Пуаз чйгар чуэन्नче эйй тāt.
Чūdзэ ёатдэв пырр шūrр пэлв,
Вāресът вāрра пāкь туэгка.
Пāрьшя чūdзэ ёатдсалл,
Соннэ вуайй ю чūdзэ вйррэ.

Цāнā муэдта*

(Антонова Сāнндрэ Вуэन्नѣтре нййт мушт гуэйкэ)

Цāнā муэдта бōйй тōнн лййехь,
Ыетъ эгк вуатда, юррьтэтъ тōнн юррьтэхь.
Сāмь кйл тйдтэхь, пукэтъ вёкьхэхь,
Выгкехь кыррьй тўетъ, йжянт эгк шоāлша.
Шурьмусса чўрьвэтъ тōнн пай воāннѣцэхь,
Сāмь оллмэтъ куллтлэхь, сыйе вёкьхэхь.
Цāнā муэдта — сāмь коалль кйлл,
Чёххч пёйвэсът пуаз рэгкэмьманэсът
Ёскэ тōн кўттък, вўйнас тост пудэ.
Лōссэ лй тōнха мйн сāмь оллмэтъ.
Кōххт пуадт ёлле адтъ тōнха,
Вёххьквудэтъ адтъ мыйе элля касът вāлльтэ.

Юноша

Юноша силу свою хочет проверить,
Но своенравны и непослушны олени.
За облака стадо уходит в тундру большую.
По лесам, по горам юноша с ними кочует.
Усвоен урок. Новой кочевки приходит время.
Теперь стадо юноше уже можно доверить.

Перевод Т. Н. Гильмитдиновой

Тетя Шура

Тетя Шура, сил ты не жалела,
Всем саамам помогала ты,
Чтобы мог родной народ оленный
Воплотить заветные мечты.
Письма ты в правительство писала,
Множество проблем решала в раз.
Сердце, золотой язык саамов —
Тетя Шура. Но оборвалась
В день осенний в октябре студеном
Жизнь твоя... И стало нам трудней —
Ведь теперь саамскому народу
Не хватает помощи твоей.

Перевод Т. Н. Гильмитдиновой

Марина Юрьева

Переводчица саамского языка.

Родилась 05.04.1936 в селе Ловозеро. Окончила Архангельское культурно-просветительное училище. Недолго работала в Ловозерском клубе, затем перешла на работу в банк. В 1983 году после смерти мужа, известного в Ловозерье саамского фольклориста Павла Юрьева, занялась переводами собранных им сказок на саамский язык. С 2000 года совместно с А. А. Антоновой вела активную переводческую

деятельность. В 2002 году при содействии дочери — Ларисы Павловны Авдеевой — вышла в свет книга сказок П. Юрьева «Боготырь Ляйне», а в 2010 году эта же книга вышла уже в переводе на саамский язык, выполненном М. П. Юрьевой. В 2018 году книга, дополненная новыми сказками и их переводами, вышла уже на двух языках — русском и саамском.

Живет в селе Ловозеро Мурманской области.

Павел Юрьев

(18.03.1936–04.01.1983)

Педагог, музейвед, фольклорист.

Родился в селе Ловозеро Мурманской области. Окончил ЛГПИ им. А. И. Герцена, Отделение подготовки учителей для школ народов Крайнего Севера; вернулся в родное село. Работал секретарем Райкома Комсомола, преподавал в интернате, где в середине 1960-х организовал школьный краеведческий музей, ставший предшественником Ловозерского музея истории, культуры и быта кольских саамов. Создал кружок «Юный оленевод» — так возникло в Ловозере собственное профессиональное училище. Занимался сбором саамского фольклора. Многие годы записывал сказки и легенды, рассказанные ему стары-

ми саамами, публиковал их в районной газете «Ловозерская правда». Прошли годы, и собранные Юрьевым сказки стали восприниматься авторскими, потому как все они, выходявшие в разные годы, выходили под авторством Павла Юрьева, а потому и мы в этом Альманахе, не отступая от традиции, представляем его и как саамского фольклориста, и как саамского автора.

В настоящем Альманахе мы также представляем саамские сказки этой творческой пары на саамском и русском языках. Сорок лет исполнилось со дня выхода его первой книжки «Богатырь Ляйне», и до сих пор она издается и читается, что свидетельствует о популярности этих сказок.

Моайнас пёйв баяс

Тула-тула ляйй Таввьлэсьт ёмьне, касьт эйй пашшта пёййв. Я манн эйй чувдэнч. Вѳфьсэ сёввьнэсь ляйй ёмьне. Пай лийенъ сёввьнэсь ый. Лышшэ тасьт кўсстъяенъ чоаххьпэсь альмэсьт. Эллий тоасьтэнъ чувв. Эйй кўсстъя ними. Эххт пылдькмушш ляйй... Чоаххьпэсь алльм лабэ ёмьне альн, я ныдть ляйй сёввьнэ, штэ оллмэ ев вуайя уййнэ каньць коаньцьэдэсь, лышшэ йнэ милльтэ вўйенъ томмтэ. Я тол ев тедта оллмэ тэнн Чоаххьпэсь ёмьнесьт.

Илленъ сыйй куаданъ, кўгк лийенъ кăххта лэвнэгуэйм, рысьсегуэйм я роаэгуэйм. Поакасвуд ѳдзень, кѳххт вўйенъ: ёмьненъ кўдэть коаххьтэнъ, сяххтрэгуэйм нэттькэнъ. Поакас эллий. Кўдэнъ ляйй кэлмас.

Чоаххьпэсь ёмьнесьт пай шўрр пйунк шоагэ кэллм мёрэсьт, кăххтма йуэнъ.

Нюэссь ляйй ёлле оллмэть тэнн чоаххьпэсь пайхкэсьт, чофта ляйй нюэссь я лѳссэ.

Я ляйй Чоаххьпэсь ёмьнесьт эллесь ёррп пăххьк. Пёль альм коатэ тэдт ёррп пăххьк, нике никуэссь эйй уййнма, маньтэ тасьт пўллев туннбель тэнн ёррп пăкь...

Э тэнн пăкь вўльн ляйй цѳнукха кугкесь я эллесь чоаххьпэсь аййт, мугка ляйй куххьк я мугка эллэ — никесьт я вйг я пёйв ев тйвт тэнн айт пырр ваньцьэ. Я нике эйй вуайя нюаммэ пэйель сѳн, выльшхэ, мй лй тамьпэ, айт тўгкенъ.

Тйдтэнъ куэдтьеллей: оарр айт тўгкенъ шўрр пёррт, чоаххьпэсь мўрэнъ лыххкма, пўдзэ тўльегуэйм кăххта поакас гуэйкэ.

Я ёллев тэнн пэртэсьт кыджемьлоагкь чоаххьпэсь вйллье, я пынньюввэв эллесь айт тўгкенъ чўдь тоафант пўдзэдтэ. Я поакас лёв пўдзэ тўльй,

Сказка о солнце

Давным-давно была на Севере страна, где не светило солнце. И луна не светила. Совсем темная была страна. Всегда были темные ночи. Только звезды виднелись в черном небе. Не было от звезд света. Не видно ничего. Одно мерцание... Черное небо висело над страной, и так было темно, что люди не могли видеть друг друга, только по голосам узнавали. И огня не знали люди Темной страны.

Жили они в вежах, которые были покрыты дерном, веточками и травой. Тепло искали, как могли: землей вежи покрывали, мхом затыкали. Тепла не было. В вежах было холодно.

В темной стране всегда дул лютый ветер с холодного моря, закрытого льдом.

Плохо было жить людям в этом темном месте, очень было плохо и тяжело.

И была в Темной стране высокая круглая гора. Полнеба закрывала эта круглая гора, никто никогда не видел, какие звезды светят по ту сторону этой круглой горы...

А у подножия этой горы был длинный и высокий черный забор, такой длинный и такой высокий — что ни у кого и сил, и дней не хватит вокруг забора этого обойти. И никто не мог перелезть через него, посмотреть, что там, за забором.

Знали вежники: стоит за забором большой дом, из черных бревен построен, оленьими шкурами обит для тепла.

И живут в том доме семьдесят черных братьев, и пасутся за высоким забором сто тысяч оленей. И теплы шкуры оленей, и горяча их кровь, и вкусно их мясо...

Но вежники только слыхали про все это — не было у них оленей, и ели

я пўлле лй сйн вэ́рр, я ня́лкэсь лй сйн вуэ́ннч...

Ноа куэдтѣеллей лышшэ кулленѣ тэнн баяс — ев лйй сйнэнь пўдзэ, я пѳррэнѣ сыйй лышшэ кўль, кѳнн шылленѣ чоа́ххьпэсь йу вўльн.

Ныдтѣ йлленѣ ѳллмэ Чоа́ххьпэсь ёммынесѣт тоа́фант ыгке, я вя́л тоа́фант ыгке, я вя́л...

Я эйй юррта нике танна, штэ вуайй ёлле мудта-налла.

Ноа э́ххьтэшьт уйнсэнь куэдтѣеллей — выйй куэу эллесѣ чоа́ххьпэсь айт каллса пўдзэ альн, вйлькэсь, мѳджьтамусс пўдзэ альн. Пуаз лйй мугка мѳдже я пя́дльк, э сѳн альн юэв, чуввесѣ нюл югке гоаррэ шынненѣ.

Я тэнн ёрьк пылькэсьт уйнсэнь куэдтѣеллей каллса касв, така я мйллвэсь пуэре сѳѳллмэ касв, кў ённэ йле, ённэ уйнэ, никез эйй заввѣдуж, кў тѣххт лййххэ ѳллмэть пўррь мушт йжесѣ баяс.

— Тйррв ёлльбэдтэ, ѳллмэ! — цйлькэ каллса я ёсскэдѣ пўдзэ.

— Манѣтэ лй чоа́ххьпэсь сѳввнэссь тйн ёммынесѣт, — сярнэ каллса, я ѳллмэ уйнсэнь сѳн кукусь, вйлькэсь сймман, кў лйй соннэ пувлэ райя.

— Вай тыйй, куэдтѣеллей, нукуэссь ебпе уййнма пѣйв? — кэджель каллса.

Ноа нике соннэ нимэнн эйй ця́длка, нике эйй оа́нтша, мэнн баяс сѳнн кадзь.

Куэдтѣеллей ев тѣдта пѣйв, я ма́н ев тѣдта, тй́дтэнь сыйй лышшэ тоа́сьтэть, кугк элэ-элэ кўсстѣенѣ чоа́ххьпэсь альмэсьт.

— Ныдтѣ, — цйлькэ каллса, — мунн уйна, тыйй ебпе тй́дѣ пѣйв...

Э пѣйв аннт шўрр роа́м я шўрр поа́хквуд.

Я ялл пѣйв ёррп па́кь туннбель, эллесѣ айт тўгкенѣ.

Сама удлэсь пўдзэ альн кугкь быдт выйе пѣйв уйнсэм гуэйкэ.

Э ваннѣцлэнне куэу эллесѣ айт пѣйв райя нукуэссь ебпе кост, пыйе быдт тэнн гуэйкэ ѳллмэ яллму́ж...

Куллтлэнь куэдтѣеллей пуэресѣ каллса я йнха тыфкѣюшшенѣ — мй лй

они только рыбу, которую вытаскивали из под черного льда.

Так жили люди в Темной стране тысячу лет, и еще тысячу лет, и еще... И не думал никто тогда, что можно жить по-другому.

Но однажды увидели вежники — едет вдоль высокого черного забора старик на олене, на белом, самом прекрасном олене. Олень был такой красивый и белый, а над ним тихие, светлые лучи в разные стороны расходились.

И в сиянии этого быка увидели вежники лицо старика — простое и мудрое лицо старого человека, который много жил, много видел, никому не завидовал, который хотел подарить людям добрую память о себе.

— Здравствуйте, люди! — сказал старик и остановил оленя.

— Какая глухая тьма в вашей стране, — произнес старик, и люди увидели его длинную, белую бороду, которая была у него до колен.

— Неужели вы, вежники, никогда не видели солнца? — спросил старик.

Но никто ему ничего не сказал, никто не понял, о чем он спрашивает.

Вежники не знали солнца и луны не знали, знали они только звезды, которые еле-еле виднелись в черном небе.

— Да, — сказал старик, — я вижу, вы не знаете солнца...

А солнце дает большую радость и большое тепло.

И живет солнце по ту сторону круглой горы, за высоким забором.

На самом быстром олене надо долго ехать, чтобы увидеть солнце.

А пешком вдоль высокого забора до солнца никогда не дойти, положить нужно для этого жизнь человеческую...

Слушали вежники старика и молча дивились — что же это за штука такая — что это такое — это солнце? Которое будет радовать и греть?

Услышали слова этого старика черные братья и стали кричать:

— Глупые вы вежники! Глупые и темные! И не понимаете ничего!

тэдт мугка каввын — мй лй тэдт мугка — тэдт пёйив? Кү аллк роаммшаххьтэ я аввтэ?

Кудсэнъ тэнн каллса соагэтъ чоаххьпэсь вильй я эллькэнъ рягкэ:

— Мйлхэмь лёбпе тыйй куэдтёллей! Мйлхэмь я тёммесь! Я ебпе тёлдкэй нимэнн!

— Варьме вуайй ныдтъ, гу ляннч я роамм я поакасвудт? Варьме ли мйне мугка, мэнн мыйй ебпъ тёдчебпе?

— Пүдэ виллькэсь пүдзэ альн пуэресь кйлесь каллесь, я моайнаст тыйе моайинсэтъ, гу удць парнатъ!

— Васстэпъ сөн я выйхэпъ! Элля ёмьне альн пэря чоаххьпэсь эввэнэ!..

— Элля мырэсьт ниманътэ мудта эввын, эххт чоаххьпэсь эввын лй!..

— Васстэпъ каллса я выйхэпъ! Васстэпъ! Я выйхэпъ!

Куэдтёллей юрэтэшкудтэнъ. Вай моайинас гуэйкэ вастэтъ?

Э кыджемьлоагкь чоаххьпэсь виллье ё ваннъцлэнъ каллса гоаррэ, ё воалльтэнъ пырр сөн пүдзэнъ эфтэсьт.

Выгкэль вүйвэнъ миллвэсь каллса, я чүццкэнъ сөн чальм, я сөн кассв чоапэнът, я чуацкэ виллькэсь ёрьк шайем.

Цйлькэ каллса:

— Лёссэ лй оасскэ тэз, мэнн эгк уйинма. Ноа куэссь лй аййт, лй мйдэдъ я айт түгкенъ. Куэссь лй пāххьк, я лй ёмьне пāкь түгкенъ.

— Куэссь лёв удць тāсьт, вай лй я шүрр тāссьт — чуввесь, гу чүдъ тоафант тāссьтэ аххтан, поакас я чуввесь...

— Я лй ёмьне альн ённэ эввэнэ, элля эххт чоаххьпэсь эввын.

— Э чоаххьпэсь эввын — тэдт лй шүрр вүйхэллмуж эввын, кёлсэллмуж я поасс вйг эввын.

— Мунн уйта я вүзьхува адтъ лышшэ тэз, кё аллк оасскэ пййива.

Чоаххьпэсь вильй пайнэнъ кйдэтъ, тоаххтэнъ кадцьсэ каллса, ноа

— Разве может быть так, что будет и радость, и тепло? Разве может быть что-нибудь такое, чего бы мы не знали?

— Приехал верхом на белом олене старый лживый старик и рассказывает вам сказки, словно маленьким детишкам!

— Побьем его и прогоним! Нет на земле цвета лучше черного!...

— Нет в мире никакого другого цвета, один черный цвет есть!...

— Побьем старика и прогоним! Побьем! И прогоним! Побьем! И прогоним! Задумались вежники. Разве за сказку бьют?

А семьдесят черных братьев уже пошли на старика, уже окружили его вместе с оленем.

Покачал головой мудрый старик, и погасли его глаза, и лицо его потемнело, и потухло сияние от белого оленя.

Сказал старик:

— Трудно поверить в то, чего не видел. Но если есть забор, есть что-то и за забором. Если есть гора, есть и земля за горой.

— Если есть маленькие звезды, возможно, есть и большая звезда — яркая, как сто тысяч звезд сразу, теплая и светлая...

— И есть на земле много разных красок, не один черный цвет.

— А черный цвет — это цвет большого обмана, цвет неправды и злой силы.

— Я ухожу и покажусь теперь только тому, кто поверит в солнце.

Черные братья подняли руки, хотели схватить старика, но белый олень ударил копытом, расступилась земля — и исчез олень, и старик исчез.

Разошлись люди по своим вежам, по своим делам. А черные братья ушли в свой большой дом за высокий забор, и все стали жить, как жили.

И только один юноша не мог больше жить по-старому.

Помнил он слова старого человека о неведомом солнце, которое сразу

вїллькэсь пуаз юссьтэль кэнцэнь, аввэнь пугк ёмьне — я кáдтэль пуаз, я кáллса кáдтэль.

Уйтэнь олмэ йжесь куэдэ мїлльтэ, йжесь тўе мїлльтэ. Э чоáххьпэсь вїльй уйтэнь йжесь шўрр пэррьтэ эллесь áйт туэгка, я пугк эллькэнь ёлле, кóххт йллень.

Я лышшэ эххт нўрр пáррьн эйй вуайя ёлле вуэмь-налла.

Мушьтэ сóнн пуэресь олмэ соáгэть тїдьнаххьтэм пёйв баяс, кў аххтан лй я поáкас я роáмм.

Вáнньцэль нўрр пáррьн тёмьесь ёáвьрэ гоаррэ, тоагэ, касьт шэннтэв ягкал, пўдзэ сяххтар. Вьльшэхьт сóнн чоáххьпэсь альм эл, вьльшэхьт сóнн чоáххьпэсь чáзь эл, вьльшэхьт сóнн чоáххьпэсь ёмьне эл я цїлькэ:

— Кóххт ляхч шйг, куэссэ эллиххче пугк пырр чоáххпэ! Ньдть быдахч оасскэпáййва! Ньдть быдахч уйнсэ пёйв! Ноакадэ кáллса, сїввтэнь кáллса. Я сóн вїллькэсь пуаз кáдэ. Кóххт мунн адть коáвна синэть мугка сёввьнэссень?..

Áйтэ цїлькэ нўрр пáррьн тэйт соáгэть — áввнэнь ягкал — пўдзэ сяххтар, я ьдэ пáрьн гўррэнь мóджьтамусс пуаз. Ляйй сóнн мугка вїллькэсь, мй сон тўльесьт сылп эввн шялл...

— Мунн ля тэсьт, — цїлькэ пуаз. — Мунн вуэрта тóн. Ышт мун эл.

Нўрр пáррьн пэре тыфкьюжэ я ьштэ пўдзэ эл. Я кэррлэххьтэнь сыйй сяххтрэ я лоáмпэ мїлльтэ, пэйель чоáххьпэсь ёáвьрэ, пэйель чоáххьпэсь воáре, шоарье пэйель...

Кугкь, вáнас вьйень — ёскэ мóджьтамусс пуаз.

Я уййн нўрр пáррьн: сóн гўррэнь оарр кёдьк альн тэдт шэ кáллса, вїллькэсь сям лй пувлэ райя, кáссв мїллвэсь, кўсстай, маньтэ лй сóнн мїллэв я шйг олма.

— Тйррв, — цїлькэ кáллса. — Пáссьпэ тоннэ, осскэхь пáййва. Мунн тїдтэ — олмэ кэскэсьт коáвншувв эххт мїллвэсь олмэ. Эйй вуэй ньдть,

и тепло, и радость.

Пошел юноша в сторону темных озер, туда, где растет ягель, олений мох. Посмотрел он на черное небо, посмотрел он на черную воду, посмотрел он на черную землю и сказал:

— Как было бы хорошо, если бы не было вокруг все черным! Так хочется поверить в солнце! Так хочется увидеть солнце! Но пропал старик, обидели старика. И белый его олень пропал. Как теперь я найду их в такой тьме?..

Только юноша сказал эти слова — раскрылся ягель — олений мох, и явился перед юношей чудесный олень. Был он такой белый, что от шкуры его серебряный свет сиял...

— Я здесь, — сказал олень. — Я жду тебя. Садись верхом на меня.

Юноша очень удивился и сел верхом на оленя. И помчались они по мхам и болотам, через черные озера, над черными лесами, над сопками...

Долго ли мчались, коротко ли — остановился чудесный олень.

И видит юноша: перед ним на камне сидит тот самый старик, седая борода до колен, лицо мудрое, видно, какой он умный и хороший человек.

— Здравствуй, — сказал старик

— Спасибо тебе, что поверил в солнце. Я знал — среди самого темного народа всегда найдется герой. Не может быть народа без героев...

— Спасибо тебе за добрые слова, — сказал юноша. — Но скажи, как можно мне солнце достать для вежников? Хоть кусочек солнца, которое сразу и тепло, и радость...

— Достанешь ты солнце, — сказал старик. — Но, чтобы солнце всех согрело и чтобы все обрадовались, нужно, чтобы все люди, которые в твоём поселении живут, поверили в солнце. Хоть на волосок, но которые будут верить. Только тогда солнце дастся тебе в руки. Только тогда оно согреет всех.

— Хорошо, — сказал юноша, сел на оленя и вернулся обратно

куэссь наредэсьт евла ярролмэ...

— Пассьпэ тоннэ шйг соагэнь, — цйлькэ нурр пәррэн. — Ноа цёлк, кōххт вуайй мыннэ пёйв вуаннче куэдтёллеть? Вай пёйв куска, кўантё я поакас я роамм...

— Вуанчах тонн пёйв, — цйлькэ каллса. — Ноа, пёйив пукэтё автач я пугк роаммшэдченё, тэнн гуэйкэ быдт пугк олмэ, кёгк тōн тоннэ сыйтэсьт ёллев, оасскласьтченё пййива. Эфт вўптая, ноа кёгк аллькэв оасскэ. Лышшэ танна пёйив антадт тоннэ кйдтё. Лышшэ танна сōнн пукэтё автэшкуадт.

— Шйг, — цйлькэ нурр пәррэн, ыштэ пўдзэ эл я выйель моаст йжесь Чоаххьпэсь ёмьне эл.

Пўдэ я моайнэсьт, кōххт мй лййй.

Я кэджель пукэнь эфт вўпт. Юрьтэшкудтэнь куэдтёллей, я югке олма пәррна эфт вўпт энётэ, шўрр вуайваххт копчнэдэ. Лышшэ чоаххьпэсь вйльй ев анта вўптатё. Ноа сйнэнь нурр пәррэн я эйй кэджьма нимэнн.

Элькэ нурр пәррэн коадтё вўптанё удць чугка. Лōссэ лййй тэдт лыххк. Кыджемьлоагк пёйивэ я кыджемьлоагк ыйе кодэ сōнн вўптанё чугка. Ноа тэдт кёххьпэсь лй цёлдкэ — кыджемьлоагк пёйивэ.

Ныдтё Чоаххьпэсь ёмьнесьт пёйв лййй гу ый, ый лййй гу пёйв. Пугк лййй эфт-налла: сёввьнэ лййй пёйива я ыгка. Э пэре лй лōссесь лыххк сёввьнэссенё коадтё роавас чугка.

Ноа нурр пәррэн чўтьмус оаскэ пййива, я сōнн вўе кйркхэ тўй — коадтё чугка.

Я вўлькэ сōнн явьр рыннта, касьт шэнтэ ёгель — пўдзэ пёррк.

Вильшэхьт чоаххьпэсь альм эл я цйлькэ:

— Кйркхэ мунн чугка. Кыджемьлоагк пёйивэ я кыджемьлоагк ыйе сёввьнэссенё кодтё мунн сōн. Я ённэ олмэдтё осскэнь мыннэ, кёгк эннётэнь йжесь вўптатё, осскэнь мун чильмэтё я мун цёпэтё. Адтё мунн вуая вуаннче

в свою Темную страну.

Приехал и рассказал, как что было.

И попросил у каждого по волоску. Задумались вежники, и каждый дал парню по волоску, большой ворох набрался. Только черные братья не дали волоски. Но у них юноша и не просил ничего.

Начал юноша плести из волосков маленькую шкатулку. Трудная это была работа. Семьдесят дней и семьдесят ночей он плел из волосков шкатулку. Но это только так говорится — семьдесят дней.

Так в Темной стране дни были как ночи, а ночи, как дни. Все было одинаково: темно было днем и ночью. А в темноте сплести прочную шкатулку непростое дело.

Но юноша крепче всех поверил в солнце, и он смог успеть завершить дело — сплести шкатулку.

И вышел он снова к берегу озера, где рос ягель — оленья еда.

Посмотрел на черное небо и сказал:

— Закончил я шкатулку. Семьдесят дней и семьдесят ночей в глубокой тьме плел я ее. Имного людей поверило мне, которые отдали свои волоски, поверили моим глазам и моим пальцам. Теперь я смогу достать солнце для вежников.

Только он это сказал, — раскрылся ягель — оленья еда, и приблизился к юноше белый олень.

— Садись, — сказал олень. — Садись на меня верхом.

И снова помчались они по черной земле, над черными озерами, над черными лесами и черными болотами.

Долго мчались, так долго, что юноша забыл, сколько дней прошло. И видит юноша, как вдали вспыхнул красный свет. Смотрит он — на самом краю земли стоит огромное красное солнце, так солнце жаром пышет,

пѣйв куэдтѣеллетѣ.

Кѣххт сѣнн тѣнн цѣлькѣ, — оѣввѣнѣ ѣгелѣ — пѣдзѣ пѣррк, я ѣллтѣнѣ пѣрѣн гуррѣ вѣллькѣсѣ пуаз.

— Ышт, — цѣлькѣ пуаз. — Ышт мун ѣл.

Я аввта кѣррлѣххѣтѣнѣ сѣйѣ чоѣххѣпѣсѣ ѣммѣне мѣлльтѣ, пѣйель чоѣххѣпѣсѣ ѣѣвѣрѣ, пѣйель чоѣххѣпѣсѣ воѣре я чоѣххѣпѣсѣ лоѣмьпѣ.

Кугкѣ вѣйенѣ, ныдтѣ кугкѣ, нѣрр пѣррѣн вуѣйѣлѣдтѣ, мѣнн вѣрѣт пѣйѣвѣ мѣнѣ.

Я уйнѣсѣт нѣрр пѣррѣн, кѣххт ылтѣ кѣххѣкѣнѣ рѣппѣсѣсѣ эвѣн. Кѣххѣ сѣнн — ѣммѣне рѣвѣнѣсѣт пѣйѣювѣ пѣре шѣрр рѣппѣсѣсѣ пѣйѣв, ныдтѣ пѣйѣв жоѣрѣнѣ пѣшт, вуѣйѣ чѣльмхуввѣ.

— Оар, — цѣлькѣ нѣрр пѣррѣн вѣллькѣсѣ яррка. — Оар, ель ѣадѣ, чѣльм чѣдзев, быдт садамадта моѣххѣтѣе...

Пуаз ѣскѣ я сѣррн нѣрр пѣррна:

— Вѣльшѣхѣт, манѣтѣ лѣ пѣйѣв чофта шѣрр, манѣтѣ лѣ чуввѣ, манѣтѣ лѣ пѣлле! Мугка пѣйѣв тѣнн ѣххѣтѣ никоххѣт эгк уѣйтѣдѣ. Мѣйѣ тѣнѣнѣ лѣххѣкѣепѣ куска, вѣзѣхѣпѣ ѣллмѣтѣ, кѣгк ѣллев Чоѣххѣпѣсѣ ѣммѣнесѣт. Мѣллтѣв сѣйѣ пѣйѣв кускне, тѣнна анѣ вѣйев ѣжѣ я вѣлльѣтѣв кѣдтѣѣ куск. Э ев мѣлт — быдт вѣгкѣ моѣст вѣллѣта пѣйѣв куска.

— Мѣллтѣв! — цѣлькѣ нѣрр пѣррѣн.

— Вѣйѣлѣпѣ удла, чѣльм моѣххѣтѣенѣ, кѣдѣтѣ быдт лыгкѣтѣ лыххѣкѣ. Удла!

— Ѡвведѣ ѣжѣнт чугка, — сѣррн пуаз, — я тѣлльедѣ роаввса мунѣсѣт.

Ѡвведѣ нѣрр пѣррѣн чугка, я кѣррлѣххѣтѣнѣ сѣйѣ вѣйѣкѣсѣт пѣйѣв ѣл. Коаммерѣт каррѣль пуаз я юссѣтѣль ѣжѣсѣ чѣрѣвѣгуѣйм пѣйѣва, лѣххѣкѣювѣ пѣйѣв куска я кѣдѣче вѣйѣкѣсѣт чугка сѣз. Нѣрр пѣррѣн удлѣнне коѣххѣтѣль чугка, э мѣдѣжѣсѣ пуаз каррѣль моѣст.

Кѣссѣтѣнѣ сѣйѣ Чоѣххѣпѣсѣ ѣммѣне раѣя я ѣссѣкѣнѣ. Нѣрр пѣррѣн

ослепнуть можно.

— Стой, — сказал юноша белому оленю. — Погоди, не едь, глаза болят, надо чуть-чуть привыкнуть...

Остановился олень и говорит юноше:

— Посмотри, какое солнце огромное, какое яркое, какое горячее! Такое солнце ты один никак не унесешь. Мы с тобой отколем кусочек, покажем людям, которые живут в Темной стране. Понравится им кусочек солнца, тогда пусть сами приедут и возьмут остальное. А не понравится — придется вернуть на место и кусочек солнца.

— Понравится! — сказал юноша.

— Едем скорей, глаза привыкли, рукам пора дела делать. Скорей!

— Раскрой свою шкатулку, — говорит олень, — и держись покрепче за меня.

Раскрыл юноша шкатулку, и понеслись они прямо на солнце. Галопом скакал олень и ударил своими рогами по солнцу, откололся кусочек солнца и упал прямо в шкатулку. Юноша быстро захлопнул шкатулку, а красивый олень помчался обратно.

Достигли они Темной страны и остановились. Юноша низко поклонился оленю, а олень ударил копытом и пропал.

Стоит юноша среди своих людей, среди вежников, и говорит:

— Все вы дали мне по волоску. Сплел я шкатулку и привез вам кусочек солнца. Совсем маленький кусочек. Давайте выпустим его, пусть он осветит наше небо и нашу землю. Вам понравится солнце! Я знаю, как достать остальной кусок. Он огромный, моей силы одной не хватит, нужно всем взяться.

Как сказал юноша эти слова, прибежали с круглой горы из-за высокого забора семьдесят черных братьев.

вуэллгэнне коаммерь пүдзье, э пуаз юссытэль кэнцэгуэйм я кәдтэль.

Чуэннч нүрр пәррэн йжесь өллмэе кэскэсьт, куэдтёллье кэскэсьт, я сәррн:

— Пугк энътэтть тыйй мыннэ эфт вүптя. Көдтэ мунн чугка я пыххьтэ тыйе пөйв куска. Пэре удць куска. Лүшшьтэпь сөн, ань чувахт мйн альм я мйн өммьне. Тыйе милтсэ ляннч пөййв! Мунн тэда, көххт вуаннче күдтья куськ. Сөнн лй пэре шүрр, мун вйгк өххтэ эйй тйвт, быдт пукэтть воәллтэдтэ.

Көххт пәррэн цйлькэ тэйт соәгэтть, вйджень кыджемьлоагкь чоәххьпэсь вйлье өррп пәкесьт эллесь айт түгкень. Вйджев, кйдэгуэйм маххьнэв, рйгкэв:

— Ель туст лүшшьтэ! Көшшкэв мйн явьр! Рүввьт өммьнесьт оәввтай я вәлл пугк мйнэтть я мйн пэртэтть! Төнн йджь чальмхувах, я мыйй пугк пүллель!

Нүрр пәррэн сыйе сәррн:

— Ев кошк явьр, я эйй альк көллкэ рүввьт. Уййнэ мунн пөйв, уййнэ мунн өммьне пырр шүрр пөйв. Пэре мөджэ лй тэдт өммьне, элля ними мөджьта! Пөййв чофта эйй шоабэшьт чоәххьпэсь эвн!

Чуэннчлэнь чоәххьпэсь вйльй пырр нүрр пәррэн, тәххтэв рыйхьфлэ чугка. Ноа танна куэдтёллей эллькэнь пйллшэ йжесь өллмэ я цйлдлькэнь:

— Эйй, — цйлдлькэнь, — ебль анът тыйе чугка. Сөнн коадта лй мйн оаскэнь, сөнн лй лыххкма мйн нәдъень. Сөнн пыдтэ пөйв куськ — ань вүзяхт пукэтть!

Тэсьт чоәххьпэсь вйльй кадцсэнъ нүрр пәррэн я еадьхэнь сөн чоәххьпэсь ләммпа, тоәххтэнь кэццктэ сөн эфтсямма чугканэсь. Уййнэв куэдтёллей — лөссэ лй түйй, ев вөкөхьт соәг. Пайнэнь сыйй өммьнесьт кидькэтть я вуэлликтуввень чоәххьпэсь вйлье эл. Шэнтэ туарр, я пэйенъ чоәххьпэсь пйңук, вүййк чоәххьпэсь шэңү.

Я айнханна әввэнь чугка. Пөйв куска рэвэ чугкасьт. Пйңук тәбэхьт я паенът удць пййва чоәххьпэсь өммьне альн.

Әввтэль тёммесь тәстанъ пййвэнч пылдькэшкүдэ өллмэе альн, маңна

Бегут, руками машут, кричат:

— Не смей выпускать! Высохнут наши озера! Железо в земле расплавится и зальет всех нас и наши дома! Сам ты ослепнешь, и все мы сгорим!

Отвечает им юноша:

— Не высохнут озера и не потечет железо. Видел я солнце, видел я землю вокруг большого солнца. Прекрасна та земля, нет ничего красивее! Солнце очень не любит черного цвета!

Обступили черные братья юношу со всех сторон, хотят вырвать шкатулку. Но тут вежники стали заступаться за своего человека и сказали:

— Нет, — сказали, — не дадим вам шкатулку. Она из нашей веры сплетена, она сделана из нашей надежды. Он привез частицу солнца — пусть покажет всем!

Тут черные братья схватили юношу и потащили его к черному болоту, хотели утопить его вместе со своей шкатулкой. Видят вежники — плохо дело, не помогают слова. Подняли они с земли камни и кинулись на черных братьев. Началась битва, и поднялся черный ветер, настоящая черная буря.

И неожиданно раскрылась шкатулка. Кусочек солнца вылетел из нее. Ветер подхватил и поднял маленькое солнышко над черной землей.

Сначала тусклой звездочкой замерцало солнышко над людьми, потом ветер начал раздувать его, как раздувает угли в костре. И солнышко засветилось, все ярче, все ярче, и красным светом вспыхнуло небо. Озарились болота, и озера, и ягель на берегу, олений мох засветился...

Смотрят вежники: вода в озерах стала голубой, мхи окрасились в желтый цвет, в зеленый... И даже камни раскрасились в разные цвета. Никогда не думали вежники, что так красива их Темная страна.

А черные братья стали еще чернее, совсем, как мокрые угли. Потом вспыхнули жарким пламенем и все сгорели. И ветер поднял и развеял

пйнук элькэ поассэ сѳн, кѳххт поасс ыллэтѳ тѳллсэстѳ.

Я пйивэнч пылдыкэшкудѳ, пай чѳввда, пай чѳввда, я рѳппьсэсь поайнэнѳ ылтэ алльм. Кѳссьтэшкудтѳнѳ лѳмьп я явьр я ягкал рынтэсьт, пѳдзэ сѳххтар пылдыкэшкудтѳнѳ...

Кйххчев куэдѳеллей: ѳѳвьрэнѳ чѳдзь альхэсьтэ, сѳххтар поайинъюввенѳ ручкэсь эвна, руэнас... Я ныдтѳшэ кѳдѳк поайинъюввенѳ югке-налшэм эвнэнѳ. Никуэссь ев юррта куэдтѳеллей, манѳтэ лй мѳдже сйн Чоѳххьпэсь ѳмьне.

Э чоѳххьпэсь вйльй шѳннѳтэнѳ эфѳтэ чоѳххпа, вѳфьсэ, гу чѳдзь ыл. Мауна ылльтэнѳ шѳрр тѳлл нюххчмэнѳ я пугк пѳлленѳ. Я пйнук паенѳт я уйтэдѳ кунэтѳ. Тэннгуэйкэ, кѳ эйй оаск пйййва, эйй вуанч кйрршэ сѳн чуввесьвуд я поѳкасвуд. Тэннгуэйкэ, кѳ эйй роѳммшэд пйййва — туз — лй сѳнн пйдтѳнѳ.

— Пѳссьпэ тоннѳ! — рѳгкудтѳнѳ куэдтѳеллей нѳрр пѳррна. — Пѳссьпэ тоннѳ! Мѳтѳхѳт мйнэтѳ, кѳххт быдт соѳгкэ ѳммп пѳйв! Мѳтѳхѳт!

— Вѳннѳцэ тоагэ, касѳт йлленѳ чоѳххьпэсь вйльй, — цйлькэ нѳрр пѳррын.

— Вѳннѳцэ я муррѳтэ эллесь ѳйт. Я вѳлльтэ чѳдѳ тоѳфант пѳдзэдтѳ. Я танна мыйй пугк эфтэсьт выййлэпѳ я вуаннчепѳ пѳйв.

Куэдтѳеллей ныдтѳ я лыххькэнѳ, муррѳтэнѳ эллесь ѳйт, воѳлльтэнѳ пѳдзэтѳ я выййлэнѳ тоагэ, кѳз вѳзехѳт нѳрр пѳррын.

Кугкѳ выйенѳ, я куххькэнѳ кѳсстьешкудѳ чофта шѳрр рѳппьсэсь пѳййв. Ёссктэнѳ куэдтѳеллей пѳдзэтѳ я вуэллгэнне коаммьрэнѳ пйййва.

Нѳрр пѳррын цйлькэ:

— Э адтѳ чуэннчлаххѳтэ пѳдзэтѳ шѳрр оййрэнѳ, эфт гоаррэ вѳйвѳгуэйм.

Куэдтѳеллей лыххькэнѳ ныдтѳ, кѳххт пѳкэ пѳррын.

Я айнханна лыгкэсьт ѳмьне, я ыдѳ мѳджесь вйллькэсь пуаз, тэдт, кѳн альн куэссь-ляннч пѳдтѳль Чоѳххьпэсь ѳмьнѳе мйллвэсь кѳллса.

Мѳджѳтамусс пуаз лыгксэдтѳ пѳйв чѳръвэнѳ, сѳнн суйпэнѳт, пѳййнэсьтэ

пепел. Потому что тот, кто не верит в солнце, не сможет выдержать света его и тепла. Потому что кому солнце не в радость, тому оно — в беду.

— Спасибо тебе! — закричали вежники юноше. — Спасибо тебе! Научи нас, как добыть все солнце! Научи!

— Идите туда, где жили черные братья, — сказал юноша. — Идите и сломайте высокий забор. И возьмите сто тысяч оленей. И тогда мы все вместе поедem и добудем солнце.

Вежники так и сделали, сломали высокий забор, взяли оленей и поехали туда, куда указывал юноша.

Долго ехали, и показалось вдали огромное красное солнце. Остановили вежники оленей и низко поклонились солнцу.

Юноша сказал:

— А теперь поставьте оленей большим кругом, головами в одну сторону. Вежники так и сделали, как велел парень.

И вдруг расступилась земля, и появился красивый белый олень, тот самый, на котором когда-то приезжал в Темную страну мудрый старик.

Чудесный олень тронул солнце рогом, оно качнулось, приподнялось и плавно легло на рога всех оленей.

И сто тысяч оленей бережно понесли солнце в Темную страну. И они донесли солнце в целости и сохранности, и Темная страна стала светлой, поднялись навстречу солнцу разные цветы и травы, потянулись в небо деревья.

И люди в тундре научились улыбаться друг другу, маленьким детишкам и солнцу.

С тех пор и светит над тундрой солнце.

И тысяча лет прошла с тех пор, а потом еще тысяча и еще...

Другие люди живут в тундре, и они совсем не знают, как можно жить в

я мйлкнесът коаммэль пугк пӯдзэ чӯрьвэ эл.

Я чӯдъ тоафант пӯдзъедтэ воаррѐенне кӯннѐтгудтэнь пѐйв Чоаххьпэсь ёммьне.

Я сыйй выгкенѐ пѐйв оммпан пыннѐма, я Чоаххьпэсь ёммьне шэнтэ чуввэ, пѐййнэнь пѐйв вуэсста югке рāзь я сӯйн, мӯр пѐййнэшкудтэнь аллма.

Я оллмэ чārэсът моаххтѐенѐ музейнэннтэ канѐц коанѐцэдэсь, удць парнатѐ я пѐййва.

Тэнн пālесът я пāшт пѐййв чār альн.

Я тоафант ыгке мэнэ тэнн пālесът, э мауна вѐл тоафант, я вѐл...

Мудта оллмэ ёллев чārэсът, я сыйй вōфьсэ ев тидѐ, кōххт вуайй ёлле Чоаххьпэсь ёммьнесът, куэссь эйй кӯсът ними, ыгка я пѐййва эфтналла лй.

Ноа мушт пэлхэмэсь нӯрр пārьн баяс, кӯ оаскэ пѐййва, мйн пālль ялл я нукуэссь эйй ёāмь, сōнн лй агкь бай, кōххт лй агкь бай Пѐййв — шӯрр роāмм я шӯрр поāкас.

*Перевод М.П. Юрьевой**

Темной стране, когда не видно ничего, ночью и днем одинаково.

Но память о смелом юноше, который поверил в солнце, до сих пор живет и никогда не умрет, она вечная, как вечно само Солнце — большая радость и большое тепло.

П. П. Юрьев

Тоавас олма Ляйнэ

Ляшш кӱммьтэсь чӱрэсьт Луяввьр. Сама шӱрр я сама мӱджесь, сама кӱлльялаш я сама чӱнӱлэсь яввьр чӱрэсьт. Соӱме сама шурьмусс яввьр.

Тэнн поӱлень, кӱххт пӱйив пӱйень ёмьне альн, Луяввьр рынтэсьт ёлхэдтэнь куэдтӱнэгкь. Кӱгк рынтэ мӱлльтэ эллькэнь ёлле, кӱгк кӱдэть тӱййшэнь сӱлльень, кӱз маньтэ сайй мӱлтэ, тамьпэя ёлешкудтэнь.

Йллень, кӱль шыллень, пӱррнэтӱ пайнэнь, пӱдзэтӱ пыннень. Шӱрр яллмуж ев кӱппчма: чофта ёлльнаххьтэм сай лӱйень.

Я чуэнче Луяввьрэсьт Чӱльмэ суэл. Э куллэй тэдт суэл тӱйн, го ёлхувэ тэнн сӱлльесьт тоавас сӱмь олма — Ляйнэ. Кӱ Ляйнэ эйй тӱдтма? Пугк тӱдтэнь я йжесь, я вӱресь ӱллмэ. Вӱгк Ляйнэсьт лӱйй, гу тӱлэсьт, рӱмьн луйххк, вӱже сӱнн удла пӱдзэдтӱ, э нючкэ пӱря вуэррьвэдтӱ.

Йле Ляйнэ сӱлльесьт оӱкень, мӱджесь Воӱврэнь я удць элькэнэсь, кӱнн кӱххчешь Пӱйвий. Соннэ эннӱтэшь нӱрр пӱрын нӱм, кӱ авьтмуссе оаскэ пӱййива я пыдтӱ сӱн кӱдэнь ёлльетӱ.

Йле вӱл сӱлльесьт Ляйнэ шӱннт вӱлльй Арипий, оӱкенэсь я элькэдэсьгуэйс. Я ённэ мудта ӱллмэдтӱ йллень сӱлльесьт.

Копчнэдтэнь эххьтэшьт вӱльенч — Ляйнэ я Арипий кӱль шылле. Я удць Пӱйвий кӱджьтадт:

— Вӱлльтэ мун мӱлльтэ.

Э Ляйнэ сӱррн аллькась:

— Удцьха вӱл тӱнн лӱх куль шыллем гуэйкэ. Шӱнтэсьт садамадта, тання я вӱлльтэп. Э адтӱ кӱдтэй пӱррьтэ, яннсант вӱкьхасьт, лӱнчэх оалм оалмэнь пӱртэсьт.

Цӱлькэ — я сӱйй вӱййлэнь Арипӱень.

Нимэнн эгк лыгк, ажь сӱнь быдт куллтлэ. Кӱдтэй Пӱйвий.

Богатырь Ляйнэ

Лежит в широкой тундре озеро Ловозеро. Самое большое и самое красивое, самое рыбное и самое глубокое озеро в тундре. Самое главное озеро саамов.

С тех пор, как солнце взошло над землей, на озере Ловозеро поселились вежники. Кто на берегах стал жить, кто на островах вежу построил, кому какое место понравилось, там и обжились. Жили, рыбу ловили, детей растили, оленей пасли. Особого добра не наживали: больно уж глухие места.

И стоял на озере Ловозеро остров Салма. А знаменит был тот остров тем, что поселился на нем саамский богатырь — Ляйнэ. Кто Ляйнэ не знал? Все знали, и свои, и чужие люди. Сила у Ляйнэ была, как у медведя, хитрость лисья, бегал он быстрее оленя, а прыгал лучше белки.

Жил Ляйнэ на острове с женой, прекрасной Воавр, и со своим маленьким сыном, которого звали Пяйвий. Ему дали имя юношы, который первым поверил в солнце и принес его вежникам.

Жил еще на острове родной брат богатыря Ляйнэ — Арипий, со своей женой и со своими сыновьями. И много других людей жило на острове.

Собрались однажды братья — Ляйнэ и Арипий — на рыбалку. И маленький Пяйвий просится:

— Возьмите меня с собой.

А Ляйнэ говорит своему сыну:

— Мал ты еще для того, чтобы ловить рыбу. Подрасти немного, тогда и возьмем. А пока останься дома, своей матери помоги, будь за мужчину в доме.

Сказал — и уехали они с Арипием.

Ничего не поделаешь, слово отца нужно слушать. Остался Пяйвий.

Пуаррса уййтэнь, э ёадтсэллмэнь цйлдькэнь:

— Тйввэбпъ йжян пуэресъ ажъ-ёнъ Луявьр туннбель рынтэсьт.

Лышшэ вильенч выййтэнь пэйель укскэнтэш — поасс чүдть эллтэнь сүллъе.

Ляйй ныдть: выйтэ Воавр — Ляйнэ аххък, вильшхэ, мй лй ёафэть рынтэсьт, ев вильенч моаст коаввса явьрэсьт. Уййн — поасс чүдть вёджь, туабплегуэйм чоаххк, мйгкегуэйм тяррп. Я авьтэмыбельт сама пэлтэс чүдть — Чүдэ-Чуэррьв. Сүрркэнь Воавр я рёгкүдэ пэре йннёне. Уййн сөнн — элля поаччкэ никоз я элля луэммэ. Кадцьсэнъ сөн рүц, көррөнъ мёджесь Воавр.

Арипий аххък тэнн вуэр оасскэть пёххкэль явьр рынтэсьт. Сөнн кулл, кё-ляннч рягэньт, коаввэсьт, уйнэсьт поасс рйкетъ я Чүдэ-Чуэррьв. Эйй кугкъ юррта, сөнн нюччкэй яввра. Нюччкэй я вүйель. Кугкъ вүе, мэннверьт вйгкэ вуалэ. Вүе сөнн Таввь сүллэ райя, кў чуэннч куххъкэнь рынтэсьт, чйңулэзэсьт. Тэйн я пёзэ.

Э Воавр, Ляйнэ аххък, поабпэльт рйке кйдэть.

Э Пяйвий кйрркэнь мессткэнь луэммэ. Сөнн пугк уйнэ, пугк кулэ, пугк воальтэ ёррма: я көххт поасс рёкъ куэдтьелльетъ көннётэнь, я көххт Воавр кадцьсэнъ, я көнн гоаррэ уййтэхэнь сөн.

Кугкъ, вай оанэхъ кэсск мэне — Ляйнэ Арипыень кўль шылленъ, вённас тйвт пыйень, сугклэнь пуэресъ ажъ-ёнъ тйввэ.

Роаммгүдтэнь каллса агканъ: альк пүдтэнь! Туэль коаххьтэнь: вырс пүдзэ вуэнч пыйень, вырс кўль кыппытэнь. Ныдть роаммшэдтэнь, ныдть роаммшэдтэнь!

Оаррэв пуэресъ рөдъхэль элькэгуэйм туэль түгкень, кйххчев, чильмэть ев вядлтэлче, айнханна кулсэнъ йн рынтэсьт. Вйджень, кйххчев, сыйе вуэссста Арипий аххък ёадт, ёрант, луэйххк.

Мауна моайнэсьт: пүдэ Чүлльм сүллъе поасс чүдть. Кёгк лййень сүллъ-

Уехали старшие, а на прощанье сказали:

— Проведаем своих старых родителей на другом берегу Ловозера.

Только братья за порог — злая чудь подступила к острову.

А было так: вышла Воавр — жена Ляйнэ — посмотреть, что за шум на берегу, не братья ли вернулись с озера. Видит — злая чудь бежит, копьями колет, мечами рубит. И впереди самый страшный чудин — Чудэ-Чуэрвь. Испугалась Воавр и закричала очень громко. Видит она — не убежать ей никуда, не спрятаться. Схватили ее враги, связали прекрасную Воавр.

А жена Арипия в это время белье полоскала на берегу. Она слышит, кто-то крикнул, обернулась, увидела злых врагов и Чудэ-Чуэрвя. Недолго думая, она бросилась в озеро. Бросилась и поплыла. Долго плыла, плыла, сколько сил хватило. Доплыла до Таввь-острова, что стоит от берега вдали, на глубокой воде. Тем и спаслась.

А Воавр, жена Ляйнэ, попала в руки врагов.

А Пяйвий в кустах успел спрятаться. Он все видел, все слышал, все запомнил: и как злые враги вежников перебили, и как Воавр схватили, и в какую сторону увели.

Долго ли, коротко — Ляйнэ с Арипием рыбы наловили, лодки загрузили, поехали старых своих родителей проведать.

Обрадовались старик со старухой: сыновья приехали! Стол накрыли: свежее оленье мясо поставили, свежую рыбу сварили. Так радовались, так радовались...

Сидят старые родители с сыновьями за столом, смотрят, глаза не отводят, вдруг услышали голос на берегу. Выбежали, смотрят, навстречу им жена Арипия идет, падает, плачет.

Потом рассказала: пришла на остров Салма злая чудь. Кто был на острове, всех зарубили. Кто не был на острове — тот остался живым.

есът, пукэть тёррьпэнь. Кё эллий сўллъесът — тэдт кўдтэй ёлльмэнь. Сōнн, Арипий āххк, оāсскэть рынтэсът пёххкэль, пэлтэс чўдь уйнэсът — чāдза нючккэй я вўйель, мэннверьт вйгкэ тйвтэ. Сўллэ райя вўе, аввта чāдза нючккэй, нымьп рынт райя вўе. Элэлэ эй юхтлуввма, пайшэ пыдтэ соāгэть.

— Нуэ мāйт, — сārрнэввильенч, — мугка нюэссъ тўй лёв, оаррэ элля куэссъ.

Проащъедтэнь пузресъ рōдъхэлегузйм, рафтнэнь йжесъ вэйнсэть. Сугклэнь оāрьегузйм, мй лй вйгкэ, Чўлльмэ кыртэв удла, удла, удла...

Пайшэ ев кйррка. Уйтэ поāсс чўдть я уйтэдъ мйллътэ Воāвр, Лййнэ āкь. Вāнньцэв вйльенч йжесъ сўллэ мйллътэ, пэджькэннтэв: пырр лёшшэв поāсс чўдэнь коаннтма оллмэ, куэдъ лёв мурртма, пйңук луэйххк...

Маньтэ мāдт!

Шўрр мāдт шэнтэ!

Маньтэ шўрр пйдть выйтэ!

Выйтэ аджясь Пййвий. Роāммгудэ Лййнэ — алльк лй ёлльмэнь.

Каджь:

— Кōз уйтэдъ чўдть мун āкь, э тōн ёнь, мōджесъ Воāвр?

— Тоагэ, — вўзехьт кйдэнь Пййвий.

— Шйг, — цйлькэ Лййнэ. — Кё кугкь луэйххк, тэдт вйг кāдхалл. Ебпъ альк кэньнълэть вāллэ, вўллькэпъ поāсс чўдь эстхэллэ. Вэххтэinne тāлльв пуадт, чўдть кукас эй уйт, тāлльв сōн ёсскад. Ёадтъя мунн сōн мйллътэ, коāвна Чўдэ-Чуэррьв я коанта сōн. Я йжян āкь Воāвр пйста сйн кйдэнь.

— Шйг, — цйлькэ Арипий. — Вāнць, вйлья. Кōххт коāвнах чўдь тāльв райя, аньт мыннэ тйдтэ, мунн тоннэ пуада вёххкэнь. Э эгк коāвн вэз райя — вўррьтэль кыд райя. Кыдта мунн тōн коāвна, я эфтэсът рёкь вуэйххтэпъ. Оххтэ тоннэ чўдь элля вуаннче вуэйххтэ, э вйллькэсь вэз мйллътэ чўдть тōн йжянт кāввн я коаннт. Воāррьдув, вйльйням Лййнэ, ель аньт куэттксант вāлт,

А она, жена Арипия, белье на берегу полоскала, страшную чудь увидела — в воду бросилась и поплыла, насколько сил хватило. До острова доплыла, отдохнула, — снова в воду бросилась, до другого берега доплыла. Едва не утонула, но все же весть принесла.

— Что ж, — говорят братья, — раз такие плохие дела, рассиживать некогда.

Попрощались со старыми родителями, бросились в свои лодки. Погребли веслами что есть сил, на Салму торопятся, скорей, скорей, скорей...

Однако не успели. Ушла злая чудь и увела с собой Воавр, жену Ляйнэ. Ходят братья по своему острову, горюют: всюду люди лежат, побитые злой чудью, вежи сломаны, ветер плачет...

Какая беда!

Большая беда случилась!

Какая большая беда вышла!

Вышел к отцу Пяйвий. Обрадовался Ляйнэ — сын живой.

Спрашивает:

— Куда увела чудь мою жену, а твою мать, прекрасную Воавр?

— Туда, — показал рукой Пяйвий.

— Ладно, — сказал богатырь Ляйнэ. — Кто долго плачет, тот веру теряет. Не будем слезы лить, пойдем злую чудь догонять. Скоро зима, чудь далеко не уйдет, зима ее остановит. Пойду следом я, найду Чудэ-Чуэрвя и убью его. И жену свою Воавр освобожу из их рук.

— Ладно, — сказал Арипий. — Иди, брат. Если выследишь чудь до снега, дай мне знать, я тебе на помощь приду. А не выследишь до снега — подожди до весны. Весной я тебя разыщу, и вместе врага осилим. Одному тебе с чудью не справиться, а по белому снегу чудь тебя самого выследит и убьет. Берегись, брат мой Ляйнэ, не давай сердцу своему воли, пусть все

ань пугк вуэйив юрт.

— Шйг, — цйлькэ Ляйнэ, — нидть я ляннч.

Ряшкэхьт Ляйнэ юксэнь пэре ённэ тōххтэдтэ. Тёрпэ сōнн рыссе поан я ёдэ ѓммп астэг роавас нюллэ. Я лыгкэ сōнн тэйт нюлэтъ пассьтлэсь кйжетъ тōххтэ нюнэнь. Мугка нюлл, тоавас ѓллмэ кйдэнь луэшштма, чёд рёкь манн.

Воальтэ Ляйнэ нёлльй пүдзэ: эфт эл пые тōххтэ нюлэтъ, нымьп эл — вуэнч, куалмант эл — кўль. Няльянт эл йджь ыштэ. Проащщъедэ Арипъень, вильенэсь, элькэнэсь — Пяйвань.

Сārрн Пяйвий:

— Вāльт мун, аджя, мйллътэ. Вёкьха мунн тоннэ коāввнэ поāсс чўдь. Я пүдзэтъ кйча.

— Эйй, — сārрн Ляйнэ. — Тоннэ вял шэнтэ быдт. Тōн агка рёххькэ тёввт. Кўдтэй Арипъень, вёкехьт ѓдт кўдэтъ тўййшэ, кўль шылле. Лыххк тоннэ Арипий юкс, моāххтсэл ряшкхэ. Вэххтэнне тэдт быдъсувв тоннэ.

Явийель Ляйнэ. Кугкь кэррэнъ пүдзэ чār мйллътэ.

Чўдтъ мйллвэнне уйтэ, пугк кйетътэфкэ. Ёзэ, ѓзэ Ляйнэ, тэль я чёххч пүдэ, вэдэ ёадтэй.

Тўйешьт Ляйнэ куэдъ, куэдэсьт элькэ ёлле, пые тāльв вāлльтэ тэсьт. Э йджь югке гоаррэ пүдзэгуэйм выйй, поāсс чўдь оадз. Эйй вуайя кукас уйтэ чўдтъ, касьт-ляннч алльт тāльв вāллт чўдтъ...

Ёзэ, ѓзэ — я коāвнэ. Уййн эххьтэшьт: сувв явьр рынтэсьт. Я вял сувв, я вял, я вял. Ённэ тōллэ. Тэль — тэсьт чўдтъ тāлльвдалл. Роāммгудэ Ляйнэ: адтъ эйй уйт сост Чўдэ-Чуэррьв.

Элькэ Ляйнэ кыд вўррьтэ. Мяххца вōтэдэ, кўххт тāл кōнътэ. Тāл тўлльй лй ноāнукэ, поāкас, тāл вуэннч лй пэре нялькэсь.

Ноа эйй тўлье гуэйкэ кōнътэ тāлэтъ Ляйнэ. Эйй вуэнч гуэйкэ. Пыдэ сōнн тāл пўйт, калльмэдъ вўй я элльгэнне мўр эл сōн рўкэ, нёāl ев порче.

голова решает.

— Ладно, — сказал Ляйнэ, — так и будет.

Настрелял Ляйнэ из лука очень много гагар. Нарубил он ворох кустов и вырезал целую охапку крепких стрел. И сделал он тем стрелам острые наконечники из гагарьих клювов. Такая стрела, пущенная богатырской рукой, насквозь врага пробивает.

Взял Ляйнэ четырех оленей: на одного навьючил гагарьи стрелы, на другого — мясо, на третьего — рыбу. На четвертого сам сел. Попрощался с Арипием, братом своим, с сыном своим — Пяйвием.

Говорит Пяйвий:

— Возьми меня, папа, с собой. Помогу я тебе выследить злую чудь. И за оленями присмотрю.

— Нет, — говорит Ляйнэ. — Тебе еще расти надо. На твой век врагов хватит. Оставайся с Арипием, помоги новые вежи строить, рыбу ловить. Сделает тебе Арипий лук, учишь стрелять. Скоро тебе это пригодится.

И уехал Ляйнэ. Долго бежали по тундре олени.

Чудь хитро уходила, все следы заметала. Искал, искал Ляйнэ, вот уж и осень кончилась, снег пошел.

Построил Ляйнэ вежу, стал в веже жить, решил здесь зиму пережить. А сам в разные стороны на оленях ездит, злую чудь разыскивает. Не могла чудь уйти далеко, где-то близко зимует чудь...

Искал, искал — и нашел. Видит однажды: дым на берегу озера. И еще дым, и еще, и еще. Много костров. Значит — здесь чудь зимует. Обрадовался Ляйнэ: теперь не уйдет от него Чудэ-Чуэрвь.

Стал Ляйнэ весны ждать. На охоту ходил, двух медведей убил. Шкура у медведя густая, теплая, мясо у медведя очень вкусное.

Но не ради шкур убил медведей Ляйнэ. И не ради мяса. Растопил

Талл вуй я пуйт — шигктэнне лыххцэв туаррэй олмэтъ. Рукэ пуйт Ляйнэ кыд райя, куэссь аллк чүдэнь туаррэ.

Тэль я кыдт пүдэ. Пеййв чәрэсът пашьтэшькудэ, пугк вэдз сунтэ. Вуая кольктэнь, ёг кольктэнь ёавьрэтъ, явьр поссэнь я вуэлльктэнь йң. Күлль ёадтэй рынт гоаррэ, мейн кōдтэ.

Выйель Ляйнэ тоагэ, касът талльва тōлэтъ уйнэ. Вэсътэ явьр мйллэтэ сугэ, пеййв луэштэдэ, сёввьнэ шэнтэ явьр альн, чāзь альн, альмэсът.

Сугэсът Ляйнэ рыннта, касът ляйй рэххьк, вэннас кōрэ я мйлкнесът нюаммгудэ куэдъ эл, касът йле Чүдэ-Чуэррьв. Тэnn куэдъ сōнн вэххтэнне томтэ: рэххьпнэсът чофта сүгкесь, чофта вуйй сувв мāнн. Я аппс чофта сүгкэсь — вунченъ аппс, вырс кӯленъ аппс.

Кулл Ляйнэ, йджь Чүдэ-Чуэррьв сārрн:

— Мэйт-ляннч Воаврэсът чальм руэньса шэnnьтэнь? Мэйт-ляннч мун роаңньк сёрр, гу вэсът туаррэ? Мэйт-ляннч сувв рэххьпнэсът нюэзельт ёдт? Эйй Ляйнэ куэдъ эл нюам? Вай сōнн мйнэ райя кōстэ? Эйй сōнн соарьм йджясь оз?

Кудст Ляйнэ тэйтa соāгэтъ — я удла куэдэсът валас нйе я рынньтэ вйже. Луэмэ месткэ сыз, вуэррт. Кугкь вурьтэ.

Кулл — ваннц сōн āххьк, Воавр, сōн мйлса. Чүдэ-Чуэррьв сōн чāзь гоаррэ вүлкэхьт. Уййн Ляйнэ — Воавр нурре лй кōррма, я кйссай тэдт нуррь куэдъ райя. Чүдэ-Чуэррьв тӯлляй Воавр, гу пёnnэ нуресът. Нуррь лй роавас. Тэдт нуррь элля така нуррь. Тэдт нуррь лй рувьтъя пёзь тоāфант вуаннтсэнь, я кӯз тоāфант вуаннтсэнь: тэnnханна сōн оāкшэнь эгк тёрп, я тэсът шэ ныйпень эгк ёдтэль.

Уйнэсът Воавр йжесь кāллас, йжесь Ляйнэ, роāммгудэ, чāзь баяс вуаййлэдтэ. Ассктуввень сыйй роаввсэнне, ясйн роāмэсът йнцак пүдэ,

Воавр цйлдькэ, мэnn ёnnэ рӯххцэ лй Чүдэ-Чуэррьв, я мэnnверьт сост лй

он медвежий жир, заморозил его и высоко на дереве спрятал, чтобы песцы не съели.

Медвежье масло и жир — очень хорошо лечат воинов. Спрятал жир Ляйнэ до весны, когда будет с чудью сражаться.

Вот и весна пришла. Солнце в тундре засветило, весь снег растаял. Ручьи потекли, реки потекли в озера, озера вспухли и сбросили лед. Рыба пошла к берегу, икру метать.

Поехал Ляйнэ туда, где зимой костры видел. Пока по озеру греб, солнце опустилось, темно стало над озером, над водой, в небе.

Подгреб Ляйнэ к берегу, где был враг, лодку привязал и тихонько полез на вежу, где жил Чудэ-Чуэрвь. Эту вежу он быстро узнал: из дымового отверстия очень густой, очень жирный дым валит. И запах сильный — мясом пахнет, свежей рыбой пахнет.

Слышит Ляйнэ, сам Чудэ-Чуэрвь говорит:

— Что-то глаза у Воавр веселее стали? Что-то тело мое играет, будто перед боем? Что-то дым в дымовом отверстии плохо идет? Не Ляйнэ ли на вежу лезет? Может, он до нас добрался? Не смерть ли он свою ищет?

Услышал Ляйнэ эти слова — и скорей с вежи долой, и к берегу побежал. Спрятался в кустах, ждет. Долго ждал.

Слышит — идет его жена, Воавр, его любимая. Чудэ-Чуэрвь ее за водой послал. Видит Ляйнэ — Воавр веревкой привязана, и тянется та веревка до самой вежи. Чудэ-Чуэрвь держит Воавр, как собаку на привязи. А веревка крепкая. Эта веревка — не простая веревка. Веревка эта из тысячи корней сосновых и из тысячи корней еловых сплетена: ее разом топором не разрубишь и сразу ножом не разрежешь.

Увидала Воавр своего мужа, своего Ляйнэ, обрадовалась, про воду забыла. Обнялись они крепко, и от радости их утро наступило, и солнце

карвуллъедтэ. Куллтэлэ сѳн Ляйнэ я сѳррн:

— Тала тоннэ ныйп, ёдтэль нурь, кѳйн лях кѳррма, я копч пырр Чудэ-Чуэррѳв куэдѳ ёнмушша коашшьк рыссьедтэ я коашшьк пѳссетѳ.

Тэсѳт Чудэ-Чуэррѳв элькэ роадтэ нуресѳт. Элля мѳнн лыххкэ, Воѳвра быдт кѳуадта вѳннѳце. Воѳвр куайвэсѳт чѳзь я куадта вѳннѳцель.

— Тѳн лышшэ соарѳм гоаррэ вѳлххэллэ, — оѳрртадт Чудэ-Чуэррѳв.

— Тѳн соарѳм гоаррэ мунн вѳжнѳлле вѳжче, — сѳррн Воѳвр, э йджь авта куэдэсѳт олкэс вѳннѳц.

— Кѳз тѳн авта кѳннѳтгудэ? — сѳнтант Чудэ-Чуэррѳв.

— Вуэлка коашшьк мѳрэтѳ копча, вэххтѳнне алка пѳрк чиннэ, — цѳлькэ Воѳвр.

Выйтэ сѳнн куэдэсѳт я элькэ пыйе пырр куэдѳ коашшьк мѳрэтѳ я коашшьк пѳссетѳ, кѳххт Ляйнэ пѳкэ.

А Ляйнэ тѳнн пѳль чинэ нюл ёнѳкрѳм гуэйкэ я нюамэ Чудэ-Чуэррѳв куэдѳ эл. Вильшэхѳт рѳххѳпнэ.

Уйин, Чудэ-Чуэррѳв эфтѳнѳ кѳдѳнѳ нурь тѳлляй, кѳйн лй Воѳвр кѳррма, э нымѳп кѳдѳнѳ шѳбп мѳйн ныйпѳнѳ вѳллт. Воѳльтэ сѳнн шѳбп мѳйн, ѳвведѳ йжесѳ нѳльм я лышшэ тѳтэ мѳйн нйлсэ — уйнэсѳт рѳххѳпѳнѳ райкесѳт Ляйнэ. Сѳрркѳнѳ Чудэ-Чуэррѳв, эйй вуаййма рѳгкуэдтэ. Э Ляйнэ ёнѳкѳрѳ юксэсѳт вѳййкэсѳт Чудэ-Чуэррѳв нѳллма. Нюлл тѳххтэ нюнѳнѳ мѳнэ чѳд чѳдѳ чѳннтэ.

Воѳвр куѳст, кадцесѳт ныйп я ёдэ нурь. Ляйнэ нюччкѳй куэдэсѳт валас я пуэллэхѳт пѳсѳ. Тѳлл пѳйѳнѳ альм райя я пѳльтэ Чудэ-Чуэррѳв.

Ляйнэ кадцесѳт мѳджесѳ Воѳвр кѳдэсѳт, я вуэлльктуввенѳ сѳйй йжесѳ вѳннсэ.

Уйнсѳнѳ чѳдѳ, кѳххт шуррѳмусс чѳдѳ куэдѳтѳ пуэлл, я рафтнѳнѳ Ляйнэ шыллѳ: юксэгуѳйм рѳшшкхѳв, шугклетѳ чеццклѳв, оѳкшѳгуѳйм мѳххѳедтѳв. Туарр Ляйнэ, нюоркѳв тѳххтэ нюл. Я Воѳвр туарр: кыррѳтѳй чѳдѳ оѳкшѳтѳ

взошло, и птицы запели.

Сказала Воавр, как много у Чудэ-Чуэрвя врагов и сколько у него есть охраны. Выслушал ее Ляйнэ и говорит:

— Вот тебе нож, подрежь веревку, которой привязана, и собери вокруг вежи Чудэ-Чуэрвя побольше хвороста и сухой бересты.

Тут Чудэ-Чуэрвь стал за веревку дергать. Ничего не поделаешь, нужно Воавр в вежу идти. Зачерпнула Воавр воды и пошла в вежу.

— Тебя только за смертью посылать, — ворчит Чудэ-Чуэрвь.

— За твоей смертью я бы бегом сбегала, — говорит Воавр, а сама снова из вежи идет.

— Куда тебя опять понесло? — сердится Чудэ-Чуэрвь.

— Пойду сухих дров соберу, скоро буду еду готовить, — сказала Воавр.

Вышла она из вежи и стала обкладывать вежу сухими дровами и сухой берестой, как Ляйнэ велел.

А Ляйнэ тем временем приготовил стрелу для стрельбы и залез на вежу Чудэ-Чуэрвя. Заглянул в дымовое отверстие.

Видит, Чудэ-Чуэрвь одной рукой веревку держит, которой Воавр привязана, а другой рукой сиговую икру берет ножом. Взял он сиговую икру, раскрыл свою пасть и только хотел икру проглотить — увидел через дымовое отверстие Ляйнэ. Испугался Чудэ-Чуэрвь, не смог закричать. А Ляйнэ выстрелил из лука прямо в пасть Чудэ-Чуэрвя. Стрела с гагарьим клювом пробила насквозь глотку чудина.

Воавр услышала, схватила нож и обрезала веревку. Ляйнэ спрыгнул с вежи вниз и поджег бересту. Огонь поднялся до неба и спалил Чудэ-Чуэрвя.

Ляйнэ схватил прекрасную Воавр за руку, и бросились они к своей лодке.

Увидели чудины, как вежа предводителя горит, и кинулись Ляйнэ ловить:

кйдэгуэйм каххц, я мй лй вйгкэ моаст чеццкал рйке гоаррэ.

Пёссень Ляйнэ оакенсь йжесь вэннсэ, э пайшэ поабпхэнь рйке кұххт нюл Ляйнэе, я оакшя садамадта кұсскэль тоавас, рйттай сáмь оллмэ Ляйнэ. Сөнн вэрренколкант, ноа вүйксэнне вұлкхалл йжесь нюлэтъ рйкетъ, соармас тагк рйкетъ. Ённэ конътэ, э чұдтъ пай вял тугкэгуэйм ёадт оллмэ ланът цагкев я цагкев. Воáвр оáрьегуэйм сугк, кōххт вуайй тоаввса, э Ляйнэ юксэнь ряшкахт.

Тэсьт сыйе вёкь пұдтэнь. Арипий вұрьтэ, вұрьтэ, куэссъ Ляйнэ моаст пуадт, вұрьтэ кыд райя, я йджь выйель вёххкэнь вилльясь. Вэххтэнне ювтэ туар сайя.

Кұдтъень чұдтъ оллмэ, кё ёлльмэнь, кё ямма кұдтэй вйрь альн, э сáмь тоавас оллмэ сугклэнь йжесь вэннсэнь.

— Пáссъпэ тоннэ, вилья, — цилькэ Ляйнэ.

— Вёкхэхъ тōнн мыйе пёссэ мэдэсьт. Ённэ чұдтэ лй Чұдэ-Чуэррьв, мунн оххтэ эмм лйе вуэйххтэ чұдэть.

Арипий сыйнаннт:

— Мыйй, — сáррн, — вял ёна чұдъ коаннътэ лйемь, го мунн вáлльтэ лйе мйлльтэ тōн альк — Пяйвий. Кōххт сөнн ёадтсэлэ мунэнь тоннэ вёххкэнь, кōххт кэджьтэдэ! Танна мунн цйллькэ соннэ тōн соáгэть: «...шэнт вял Пяйвий, копч вйгэть, моáххтсэл лыххкэ нюлэтъ, ряшкхэ сйнэгуэйм, гу шұрр сáмь оалм олма». Кұдтэ мунн сōн мйн кұдэтъ кйххче.

Роáммгуэ Ляйнэ вильесь соáгэть. Я Воáвр роáммгудэ.

Пұдтэнь сáмь куадта, кōнн түйешьт Ляйнэ тáлльва. Я пáххк Ляйнэ вильесь Арипии:

— Вуанч мыннэ, вилья, мұрэсьт тáл пұйт. Кұххт тáл мунн кōннътэ тáлльва, адтъ сыйй мыннэ пуэраст вёкхэв пуэррнэ лыдцнэдтэ.

Эйй кйрркна Арипий чильмэнь мэдзлэ — вэллей Воáвр, гу коáсс нюамэсьт

из луков стреляют, копья бросают, топорами машут. Бьется Ляйнэ, свистят гагарьи стрелы. И Воавр бьется: летящие топоры чудинов руками ловит и со всех сил обратно во врагов бросает.

Пробились Ляйнэ со своей женой к своей лодке, а все же попали в Ляйнэ две стрелы чудинов, и топорик немножко зацепил сильного, храброго саамского богатыря Ляйнэ. Обливается он кровью, но метко посылает свои стрелы врагам, насмерть врагов разит. Много положил, а чудь все дальше толпой прет, толпа напирает и напирает. Воавр веслами гребет, как возможно сильнее, а Ляйнэ из лука стреляет.

Тут им помощь подоспела. Арипий ждал, ждал, когда Ляйнэ назад вернется, ждал до весны, и сам поехал на помощь своему брату. В самый раз и успел на место битвы.

Отстали страшные чудины, кто живой, кто мертвый остались на лесной горке, а саамские богатыри уплыли на своих лодках.

— Спасибо тебе, брат, — сказал Ляйнэ.

— Помог ты нам спастись из беды. Много чуди у Чудэ-Чуэрвя, я один не справился бы с чудинами.

Арипий смеется:

— Мы, — говорит, — еще бы больше чуди перебили, если бы я твоего сына с собой взял — Пяйвия. Как он собирался со мной к тебе на помощь, как просился! Тогда сказал я ему твои слова: «...расти еще, Пяйвий, силы набирайся, учишь стрелы делать, стрелять из них, как взрослый саамский мужчина». Оставил я его наши вежи охранять.

Обрадовался Ляйнэ словам своего брата. И Воавр обрадовалась.

Пришли саамы в вежу, которую Ляйнэ зимой построил. И просит Ляйнэ своего брата Арипия:

— Достань мне, брат, с дерева медвежий жир. Двух медведей я убил

мӯр эл, вуанче талл пӯйт я пыдтэ калсась.

Ёаххчедэ Ляйнэ пёфта, кӯсстьешкудтэнь шӯрр раңь. Кйзнэдэ Ляйнэ талл пӯйтэнь, оммпан кйзнэдэ, эфт нюнь я чильмэтъ кӯдэ. Кугкь вай, вāнас ныдтъ лёжэ — сэввэнь раңь, элля пэря лоаддв шӯрр роанэ гуэйкэ, мэнн талл пӯйт.

Пэйенъ Ляйнэ юлькэ эл — я выйилэнь сыйй пугк йжесь пайххка, кӯдэть.

Выйсэнъ сыйй Чўлльм сўллъе Луявьрэсьт.

Роаммгудтэнь сāмь, уйнсэмэнь вильетъ. Шӯрр гōзьба пайнэнь, лāвлэтъ лоāввлэнь, лыввтэнь, нючкэнь, чофта руэньсушшенъ.

Авта эллькэнь ёлле сāмь — пӯдзэтъ пынне, кӯль шылле, мёххьцтэ. Ёлле, кōххт я эввтэль йлленъ.

*Перевод М. П. Юрьевой**

зимой, теперь они мне хорошо помогут вылечиться.

Не успел Арипий глазами мигнуть — метнулась Воавр, как кошка взлетела на дерево, достала медвежье сало и принесла своему мужу.

Разделся Ляйнэ догола, обнажились большие раны.

Завернулся Ляйнэ в медвежий жир, весь завернулся, один нос оставил и глаза. Долго ли, коротко ли так лежал — затянулись раны, нет лучшего лекарства для больших ран, чем медвежий жир.

Поднялся Ляйнэ на ноги — и поехали они все на свое место, в вежи.

Приехали они на остров Салма на озере Ловозеро.

Обрадовались саамы, увидев братьев. Большой пир закатили, песни пели, лывть исполняли, пляски плясали, очень радовались.

Снова стали жить саамы — оленей пасти, рыбу ловить, охотиться. Жить, как и раньше жили.

П. П. Юрьев

Вуэсск я ныгкэшъ

Уйинлэдтэнь чāзесът кэссесъ вуэсск я нёлькэсь ныгкешъ. Вуэсск элькэ сыйнэ нёлькэсь ныгкешъ альн.

Чуэннчель вуэсск пёцъхенъ маџас ныгкше я сārрн:

— Ныгкешъ элля аррькесъ кўлль, поарр сōнн муст э пёцехъ?

Ныгкешъ āвведъ йжесъ няльм явўзехът пассьтлэсь поāнэть.

Вуэсск паенът йжесъ вйпсьэть, гу пассьтлэсь нйвьлэть сёльк альн.

Ныгкешъ юрьтэль вўййлаххътэ вўсскан, юссьтэль пёцъхенъ чāзь я паенът моадъ, лыгкэ нэмпэть, э йджъ авьтэмьбялла вўесът, кадцесът вўсскан я нйлэсьт.

Кэссесъ вуэсск поабпэльт нёлькэсь ныгкшэ чуаййва я сārрн:

— Мунн пайшэгке ля вуэсск, тōн чогка я ёда йжян пассьтлэсь вйпсьэгуэйм.

Вуэсск чогкэ я ёдэ ныгкешъ чуэйв. Выйтэ вуэсск ныгкешъ чуэйвэсьт я эвтэс вўйель. Кўль пугк соārрнэнъ кāнъц кāннцасъ мйлл вўсскан баяс.

Тэнн пāлесът пугк кўль пэллэв вўсскнэсьт, куэссъ вял сōнн пайналл йжесъ нйвьлэть-вйпсьэть сёльк альн, пэллэв пōррэ вўсскнэт!

*Перевод М. П. Юрьевой**

Окунь и щука

Увиделись в воде толстый окунь и голодная щука. Окунь стал смеяться над голодной щукой.

Встал окунь перед щукой хвостом и говорит:

— Щука — неразборчивая рыба, а сможет ли она съесть у меня хвост?

Щука открыла свой рот и показала острые зубы.

Окунь поднял свои плавники, как острые иглы, на спине.

Щука решила обмануть окуня, взмахнула хвостом воду и подняла тину, сделала волны, а сама вперед поплыла, схватила окуня и проглотила.

Толстый окунь попал голодной щуке в живот и говорит:

— Я все-таки окунь, тебя уколую и разрежу своими острыми плавниками.

Окунь уколол и разрешил щуке живот. Вышел окунь из живота щуки и дальше поплыл. Все рыбы рассказывали друг другу про умного окуня.

С тех пор все рыбы боятся окуня, когда он поднимает свои иголочки-плавники над спиной, боятся есть окуня!

П. П. Юрьев

Вуэсск я суэввель

Сārрдэдтэнь вуэсск я суэввель эфтэсьт кōдтэ мейн явьрэсьт. Суэввель эй тўллья сāнь, вўййлэдтэ вўсскан я вўйель мудта яввра.

Мауна мейн кōдтмэсьт суэввель я вуэсск аввта уййнлэдтэнь. Вуэсск сārрн суэввьле:

— Вўзехьт, суэввель, вўйхэллэм нўххчемь.

Пāгьханна суэввель вўзехьт йжесь нўххчемь. Вуэсск удлэнне сёлльк вйпсьэнь чōххкэль суэввель нўххчемь.

— Эвтэс эгк альк вўйхэллэ, — ылльпсэнне цйлькэ вуэсск.

Тэнн пāлесьт я вўйев суэввель рāййк нўххчмень.

Шоабшэй кўль шылле, соāгах суэввель, муштэй мун удць моāййнас, вильшэхьт, лй элля суэввьлэсьт рāййк нўххчмэсьт. Кэджель, вўйхэлнэв ев суэввель вўсскнэть.

*Перевод М. П. Юрьевой**

Окунь и хариус

Договорились окунь и хариус икру вместе метать в озере. Хариус не сдержал слово, обманул окуня и уплыл в другое озеро.

После икрометания хариус и окунь снова встретились. Окунь говорит хариусу:

— Покажи, хариус, лживый язык.

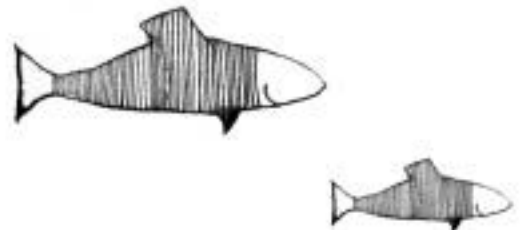
Немедля хариус показал свой язык. Окунь быстро спинным плавником проткнул язык хариуса.

— Впредь не будешь обманывать, — произнес гордо окунь.

С тех пор и плавают хариусы с отверстием на языке.

Рыболов-любитель, поймаешь хариуса, вспомни мою маленькую сказку, проверь, есть ли у хариуса отверстие на языке. Спроси, обманывают ли хариусы окуней.

П. П. Юрьев

Надя Фенина

Саамская сказительница.

Родилась 15.06.1955 в Мурманске. Окончила Шонгуйскую среднюю школу. За свою жизнь кем только не работала: и швеей, и строителем, и электромонтером. С начала 1990-х, когда организовалась на Мурмане Ассоциация Кольских саамов, стала участвовать во всех заметных саамских мероприятиях. В 2009 году вышла ее первая книга «Сказка о Севере».

Живет в поселке Шонгуй Мурманской области.

Надежда Фенина пишет только на русском языке, являясь при этом саамским автором. Поэтому мы считаем, что было бы неправильным не представить здесь несколько отрывков из ее произведений.

Сказка о Севере

(отрывок)

Солнечным теплом согрет листочек первый,
Обласкана травинка проснувшимся жучком.
Медведь очнулся, сделал шаг неверный,
Косматый весь, с горы скатился кувырком.

Оживала тундра. Радостное пение птиц будило все вокруг. Оленьи стада переходили на летние пастбища, а вслед за ними кочевали и саамы. Мать Ена укладывала вещи в кережу, запряженную одним оленем. Пока земля совсем не оттаяла, нужно торопиться на новое место. Там Ен хочет построить дом.

Вильгис слушала чирикание птиц, как будто понимала, о чем они щебечут, подпевала им и веселилась вместе с ними. Радовалась скорому приходу лета. А на Ена она так и не смотрела и, когда он подходил к ней, становилась грустной и тихой. Слушала его рассказы о новом доме, о его планах на будущее, но это ее совершенно не радовало.

Идут неторопливо оленьи райды по тундре, перевозят саамов на летние места. Дорога знакомая, всего-то несколько дней пути. В пути песня сама складывается, поет человек обо всем, что видит.

Еду, еду я в кереже,
Песню тихую пою.
Мне ручей историю расскажет,
Я ее лишь повторю.

Еду, еду я в кереже,
Песнь веселую пою.
Птичка песню мне подарит,
Я ее лишь подпою.

Еду, еду я в кереже,
Песню громкую пою.
Тундра сказку мне подскажет,
Всем ее я расскажу.

Мысли Ена были заняты предстоящим строительством дома. Как строить дом? Спросить не у кого, и братья куда-то подевались, а они такими хорошими помощниками были.

А в это время два средних брата Волка, превратившиеся в людей, строили свои планы, идя навстречу Ену. Разговаривали между собой: «Как-то нужно обмануть этого парня так, чтобы он не думал о Вильгис, чтобы она на нас посмотрела...» Шли, разговаривали, увидели приближающегося Ена. Когда встретились, то представились молодыми строителями, ищущими работу. Обрадовался Ен, что ему так везет на хороших людей. Дальше пошли вместе — посмотреть место, где будет строиться дом.

Солнце мячиком катилось по горизонту. Время было уже позднее. Многие уже легли спать. А солнце не хотело уходить с неба: наступил полярный день. Болота зацвели морошковым цветом, напоминая снег. Волчица, мягко ступая по мхам, обходила свои владения. Комары пищали над ней, тучами сопровождая ее, рассказывая последние новости. Утром зажужжит пила, зазвякают топоры, застучат молотки, заскрипят доски, будет строиться дом. И снова мать Волчица будет тихо лежать на пригорке, положив голову на

лапы, и наблюдать за своими детьми, которые так увлеклись строительством человеческого жилья, что стали забывать, зачем они ушли из сказочного мира.

Волчата в человеческом облике спали, посапывая во сне, им снилась мать, но ее образ уже начинал таять в их памяти. Им нравилось быть людьми.

З, з, з — пищит комар над ухом,
Ж, ж, ж — повторяет следом муха.
С, с, с — лучик солнца трогает росинку,
Ш, ш, ш — ветерок уселся на травинку.
Слышу музыку лесную,
Ласковую, теплую такую.

Бум — рогами лось боднул сосну,
Кар — нарушила ворона тишину.
Р, р, р — медведь в реке поднял волну,
Шлеп — лосось взлетел, пошел ко дну.
Ну и ну, музыка лесная,
Чудная, шумная какая!

Мать Ена сшила новым знакомым сына киесе пайд — легкие летние рубахи, в них удобно работать: днем не жарко и комары не прокусывают. Утром мать раньше всех вставала с постели, нужно было накормить и напоить сына с друзьями. Тревога не покидала ее сердце. Ведь Вильгис так и не обращала на Ена внимания. И однажды, приготовив еду, мать отправилась к нойду за советом.

В начале был дан путь

(отрывок)

Глубокие снега укрыли саамское стойбище. Дым из жилищ струился вверх прямыми столбами. В одной из веж старая женщина-нойд принимала роды. Наконец-то услышали крик новорожденного ребенка. Отец переживал больше всех. Он заглянул за занавес и спросил, кто родился? Женщина-нойд поздравила мужчину с рождением сына. Близкие, собравшиеся в веже, тоже стали его поздравлять. После того, как младенец присосался к материнской груди, отец поблагодарил женщину-нойда, погрузил на ее сани оленье мясо и рыбу. И она уехала к себе.

Мальчику дали имя Эйна. Рос Эйна спокойным крепким малышом. Но был он слишком мечтательным ребенком. Начнет, бывало, помогать матери по хозяйству, да так увлечется в своих мечтах, что вместо помощи все только испортит. Однажды он хотел помочь отцу на рыбалке. Поплыли они на лодке сети ставить, а Эйна стал разговаривать с рыбами. Увлечшись разговором, не заметил, как запутался в сетях и свалился в воду. Вместо рыбалки пришлось отцу везти сына домой. И так во всем. То с деревьями разговаривает да заблудится в лесу, то с облаками беседу ведет да свалится куда-нибудь. Дело дошло до того, что от его помощи стали все отказываться. И прозвали его Эйна-мечтатель. А ему очень хотелось быть нужным людям.

Однажды, став уже юношей, Эйна залез на высокую сопку и увидел дымок вдалеке. Решил он пойти посмотреть, кто там живет. Сутки идет, вторые идет, никак не дойдет. Сел он на мох, уставший и голодный, надо бы домой вернуться, да ушел далеко и никого не встретил. Усталость сморила парня, и он уснул. Чувствует, что будит его кто-то. Открыл глаза, видит перед собой старуху с клюкой. Позвала его старуха к себе в вежу, накормила, напоила.

Ни о чем его не спрашивает, не интересуется, как его зовут, откуда он, кто его родители? Эйна наелся, чаю напился и спрашивает:

— Скажите, а почему вы меня ни о чем не спрашиваете?

— Я знаю, кто ты, и как тебя зовут, и кто твои родители. Я даже знаю, зачем ты пришел ко мне.

— Странно, я ведь ничего вам не рассказывал.

— Ты Эйна-мечтатель и пришел ко мне научиться быть полезным людям.

— А вы меня можете научить?

— Конечно. Ты и так уже многое умеешь, только не знаешь, как пользоваться своими знаниями.

— И что же я такое знаю?

— Ты умеешь разговаривать с природой, а это не всем дано.

Остался Эйна жить у старухи-нойда. Это была та самая старуха, которая принимала роды у его матери.

Шло время. Эйна научился не только разговаривать с растениями, водой, ветром, но и слушать ответ у природы. Еще старуха-нойд подарила ему помощника — Медведя, с которым он всегда советовался, который помогал ему в путешествиях по другим мирам. Парень садился на своего мощного друга и отправлялся то в нижний мир, то в верхний, но чаще всего он путешествовал в среднем мире, где познавал всякие премудрости. Наконец, Эйна решил вернуться в свое стойбище, где остались его родители. В стойбище знали, что Эйна-мечтатель учится у старухи-нойда, и не волновались, что его так долго нет дома.

Родители Эйна состарились, пока их сын находился у старухи. Вернувшись домой, парень стал жить с ними и помогать им по хозяйству.

Однажды он услышал, как ветер зовет его на берег реки. Эйна пошел к реке и увидел лодку, в которой сидела девушка и распутывала сети.

— Можно я тебе помогу? — спросил юноша.

Девушка взглянула на Эйна и ответила:

— Да. А я тебя знаю, ты из соседнего стойбища.

Пока распутывали сети, почувствовал Эйна сильную тягу к этой девушке. Ее голос был таким звонким, когда она смеялась, что у парня дух перехватывало, ему хотелось слушать этот смех как можно чаще. Сети распутали, но Эйна не хотел уходить от девушки. И он спросил, как ее зовут и можно ли ему помочь ей ловить рыбу. Девушка сказала, что зовут ее Лумь и она согласна рыбачить вместе. Так Эйна познакомился со своей любовью.

Через полгода сыграли свадьбу. Старики радовались за молодежь, жена у их сына была работающая, веселая, а как песни пела — заслушаешься.

Случилась в ту пору беда. Был тогда полярный день, солнце с луной вместе светили в небе. Услышал Эйна, как река сказала ему, что плывут по ней большие карбасы да лодьи с чудью, что разоряет чудь все стойбища на своем пути. Людей губят, а молодых женщин и девушек увозят в плен. Побежал юноша в стойбище, стал рассказывать людям, что река ему говорила, но люди не поверили ему. Что может рассказывать мечтатель? Выслушали, махнули рукой на него и пошли по своим делам. Понял Эйна, что надо звать на помощь друга своего Медведя. Пошел в лес, развел костер, стал звать своего помощника. Услышал Медведь, что его другу нужна помощь, прибежал, спрашивает:

— Что случилось?

— Помоги справиться с чудью, люди не верят мне, думают, что я мечтатель и говорю неправду.

— Тут одной моей силы мало, надо звать на помощь дух Камней и дух Ветра.

Стали они вместе звать на помощь дух Камней и дух Ветра. Появились духи. И поведал им Эйна о том, что люди не верят ему, что река рассказала

ему про надвигающуюся беду. Согласились духи помочь, но попросили его, чтобы он пел не переставая, пока они будут отгонять чужь.

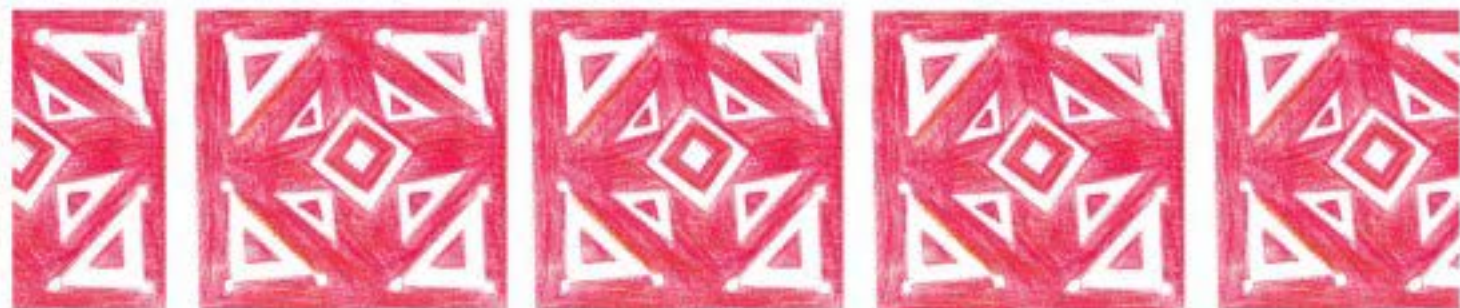
Пришел Эйна домой, поет. Его спрашивают: «Зачем поешь?» А он не отвечает, знай себе поет.

Тут увидели люди, что плывут по реке карбасы и лодьи с чужью, испугались, давай прятаться да в тундру убежать. А Эйна все поет. Вместо того, чтобы убежать, знай себе громче поет. И как только начали причаливать карбасы к берегу, разыгралась буря, и посыпались камни на головы чуди, и поубивало многих, а те, кто живыми остались, забрались в свои карбасы и уплыли к себе. Но успели они схватить красавицу Лумь, затащили на карбас и уплыли вместе с ней.

Снова стал Эйна звать на помощь духов. Развел огонь в кострище, поет и плачет. Духи кружат вокруг него, спрашивают, что случилось? Рассказал Эйна о своей горе, стал просить помощи и совета, как освободить Лумь от чуди. Прилетел Сокол, дух верхнего мира, посадил Эйна на себя и понес его за облака. Встретился Эйна с Солнцем и Луной, стал просить совета, как вернуть любимую. И сказали Солнце с Луной, что надо ему просить помощи у Владыки морей, и дали ему в помощь Чайку белую. Чайка схватила Эйна за плечи и понесла его над скалами, окружающими берег моря. Увидел Эйна в море карбасы да лодьи чуди, в которых были плененные девушки, женщины и его любимая. Понесла его Чайка над морем, опустилась на воду, позвала Тюленя — жителя морей, передала совет Солнца с Луной, чтобы он отнес Эйна к Владыке морей. Забрался Эйна на Тюленя и поплыл на нем к Владыке морей. Плыли, плыли... И вдруг остановился Тюлень и говорит: «Дальше не поплыву, тут зови Владыку и проси помощи». Стал Эйна звать Владыку, сам крепко держится за Тюленя, не отпускает его. Долго звал, уже было отчаялся увидеть Владыку. И тут видит — поднимается огромная

волна. Поднялась она прямо над ним. И увидел Эйна, что это и есть сам Владыка морской. «Что шумишь в моих владениях? Чего тебе надо?» — спрашивает Владыка. «Горе у меня. Приплыла чужд из-за моря, схватила и увезла мою жену и других женщин. Сейчас они плывут на своих карбасах и лодьях по твоему морю, а там моя любимая. Помоги освободить их», — просит Эйна. «Ну, что ж, помогу тебе, но и ты мне должен помочь. Ты должен принести мне красный камень, что находится в горах, и бросить в море, я буду им любоваться. Да не маленький, а величиной в твой рост», — сказал Владыка и исчез в море.

Нина Миронова

Педагог, саамский общественный деятель.

Родилась 23.09.1936 в деревне Йоканьга Мурманской области. Окончила ЛГПИ им. А. И. Герцена, получила специальность «учитель русского языка, литературы и немецкого языка». В 1957 году ездила на целину в Омскую область убирать хлеб. Работала в поселке Умба Мурманской области в Школе рабочей молодежи, в средних школах № 2 и № 3. Трудовой педагогический стаж — 40 лет. Работает над диссертацией на тему «Лексика саамского языка: йоканьгский диалект». В 2009 году увидела свет ее небольшая, но дорогая

сердцу односельчан книга «Йоканьга», а в 2017 году — «Йоканьга. Вторая часть». Книги были опубликованы на русском языке.

Несмотря на возраст, активно занимается общественной деятельностью. Является председателем Терского отделения Ассоциации Кольских саамов, членом политической партии Справедливая Россия, активным участником общественной организации «Дети войны». Участвует в гонках ветеранов лыжного спорта по зимнему многоборью. В Альманахе мы представляем главы из ее книг на русском языке.

Живет в поселке Умба.

Праздники

Зимой на праздник ездили на оленях, летом — на карбасах. В основном отмечались церковные праздники. Из Йоканьги, Лумбовки, Сосновки ездили в Пялицу на Николин день в ноябре. Женщины только на белых оленях, мужчины — на черных. Нарядными были женщины, девушки, мужчины, парни. Наряжали и оленей. 14 февраля (зимний праздник) Трифон пейвя (день). Из всех соседних погостов съезжались в Лумбовку. 19 января — Крещение. Этот праздник считался йоканьгским. Приезжали на оленях из Сосновки, Лумбовки, Каневки, Ивановки.

Катались на оленях. Между молодыми людьми шло особое соревнование: чьи олени быстрее, лучше, чья упряжь на оленях наряднее, кто лучший, ловкий, смелый ездок. На оленьих шеях звенели колокольчики.

А завершался праздник вечеркой (сирпат). Проводилась она в доме, который уступали молодежи на вечер и ночь. Но заранее нужно было заготовить дрова, еду на стол. Гармонисты приходили с гармониями. Уместно вспомнить песенку, раскрывающую суть этой вечерки.

Песня

(поется очень легко и беззаботно)

Йоккы парна, мочись парна,
(йоканьгские парни, красивые парни),
Сирпартти ваньцин.
(идут в клуб на вечерку).
Кармыль сий кидты вальтин,
(гармошку они в руки взяли),

Аяйт, сирры алькин.
(петь, играть начали).
Таль, таль, таль,
(таль, таль, таль),
Аяйт, сирры алькин.
(петь, играть начали).
Кость лев мины йокк нийт,
(где есть наши йоканьгские девушки),
Чепись мины нийт?
(мастерицы наши девушки)?
Кэлька ойя вирта син?
(сколько можно ждать их)?
Кытка лявка мист.
(сердце волнуется у нас).
Таль, таль, таль,
Китка лявка мист.
(сердце волнуется у нас).
Кэлкя ойя выртя синн?
(сколько можно ждать их)?
Кэткя лявка мист.
(сердце волнуется у нас).
Кулин нийт кармыль Инн,
(услышали девушки гармонн звук),
Вичпель вичин сий олкысь.
(быстро побежали они на улицу).
Таль, таль, таль,
Вичнель вичин олкысь.

(быстро побежали на улицу).
Сирин парна, нийти айинн.
(играли парни на гармониях, девушки пели)
Елный, енный айт,
(много, много пели),
Айин, айин амажидчин.
(пели, пели, очнулись).
Пейвя пыась пыенин.
(солнышко высоко поднялось).
Таль, таль, таль,
Пейвя пыась пыенин.
(солнышко высоко поднялось)

Танцевали на этих вечерках местные танцы, чаще кадрили (парами), общую кадрили (круг). Руководил Алексей Терентьевич Матрехин. Одно из движений или па начиналось словами эльсебяла (налево), чичнчибала (направо).

На Новый год все съезжались в Семиостровье и в Поной. Праздник отмечали без елки. А на Рождество 25 декабря собирались в Ивановке. Летом в Йоканье праздновали Петрпейвя (Петров день в июле), Ильяпейвя (Ильин день в августе).

Праздновали 3-4 дня. Гости останавливались у родных и знакомых.

Саамские дети играли в обычные детские игры: в попа, в городки, кегли, которыми служили отваренные олени копыта.

Отрывок из главы «Род Даниловых»

*Наша Родина — суровая, скалистая страна:
Болота, сопки, сотни рек,
Но саами жили исстари,
Как говорят, из века в век.*

История нашей семьи, которая относится к древнему саамскому роду Даниловых, берет свое начало с 1593 года. Наш род испокон века жил в этом суровом крае. Об этом свидетельствуют архивные документы.

Наш дед, Данилов Прокопий Иванович, по характеру был добр, но очень строг к детям. Между членами его семьи сложились добрые отношения, а самое главное — почитание главы семьи — поителя, кормителя и добытчика.

Он любил во всем порядок, особенно во время обеда. По воспоминаниям моей матери, за столом все сидели молча, без шума и суеты. На стол всегда накрывала невестка. Главное место за столом, в центре, занимал дед. Сыновья сидели по бокам, затем жена, невестки. В первую очередь еда подавалась деду, все самое лучшее, а потом остальным.

Прокопий Иванович владел небольшой лавочкой в деревне, торговал бусами, материалом для пошива национальной одежды. За этим товаром он ездил в Архангельск на лодке, сопровождал его сын Николай, наш папа. Дед имел большое стадо, нанимал работников для его выпаса.

Данилов Фома Иванович, брат нашего деда, был более мягкий и добрый, вел свое хозяйство, занимался выпасом оленей.

От природы он был наделен хорошим музыкальным слухом. Сочинял музыку, песни, играл на гармони. В 30-е годы ездил выступать в Архангельск и в местные селения.

Статен, высок да еще и гармонист, многие девушки посматривали на него. Но он выбрал скромную бедную девушку Александру, с которой прожил всю свою жизнь. Фома Иванович умер раньше своей жены, Александра долго жила одна. Я помню ее. Звали ее Фомихой, прозвище дали по имени мужа. С ранней весны до поздней осени она жила в чуме, который находился у озера в лесу. Очень хорошо знала тундру, повадки зверей, птиц. Ловила рыбу, собирала грибы, ягоды, затем сушила их к зиме по своим рецептам. В деревню приходила раза два в месяц за хлебом, солью, сахаром. Звали мы ее между нами тетей Саней. Везло же деду: жену младшего брата тоже звали Саней. В жизни мы общались мало, так как я была еще совсем маленькая.

Еще более скромным был дядя Яша, брат моего отца. На его лице светились очень добрые голубые глаза. Как бы ни было трудно, он всегда улыбался, внимательно выслушивал тебя и давал дельные советы. Мама, папа, тетя Саня и дядя Яша говорили между собой на саамском языке.

У дяди Яши и тети Сани был сын Альберт. Звали его Аликом. Мы с ним переписывались, когда я училась в институте. Как-то очень долго не было писем от него. Позже сообщили, что он трагически погиб в Ловозере.

Семья дяди Яши жила в деревнях Йоканьга и Ловозере. Последние годы он жил в Йоканьге со второй женой Кузнецовой Марией Григорьевной, которая приехала к нам из села Пялица вместе с сыном Валентином. В качестве приданого она привезла козу, которая нас гоняла, особенно меня. Сколько раз я прыгала из окна в сугроб, так как не успевала закрыть дверь в комнату. Мария Григорьевна работала на ферме, доила коров. Была очень хорошим работником, имела много благодарностей и грамот.

После переселения из деревни они жили с дядей Яшей в Гремихе на небольшую пенсию колхозников. Приезжая в Гремиху, я заходила к дяде.

Нет их уже в живых давно, но память о них живет в моем сердце.

Наш папа, Данилов Николай Прокопьевич, родился 6 декабря 1903 года. Свое имя он получил в честь Николая Чудотворца, праздник которого отмечают 19 декабря.

Николай Прокопьевич никогда не рассказывал о своем детстве и юности, также не говорил и о родителях, как они жили, росли, чем занимались. Думаю, что дедушка брал их на охоту, на рыбалку, учил быть мужчинами. Я уже писала о том, что отец сопровождал деда в поездке в Архангельск на лодке. Учился он в Ленинграде, в Институте народов Севера на Обводном канале. Вот все, что мне известно о нем до военных лет.

Когда он ушел на войну, мне было четыре года, брату — два с половиной. Все тяготы войны отпечатались у нас с братом в памяти.

Папа вернулся зимой в 1946 году. Мне было уже почти 10 лет. Помню дружеские и теплые отношения между родителями. И нам было хорошо с ними. Папа работал после войны секретарем сельского совета, заведующим сельским клубом, заведующим колхозным складом, оленеводом. Они пасли стада оленей, переводили их с летних пастбищ на зимние, возили грузы из Гремихи, продукты, сено по приходу парохода. Даже принимали участие в Празднике Севера, выступая на оленьих упряжках. Конечно, оленей готовили заранее.

Мемориал саамских писателей*

* Произведения саамских авторов, представленные в настоящем разделе, публикуются в соответствии с рукописями авторов, находящихся в архиве Музея саамской литературы и письменности им. О. Вороновой, пос. Ревда Мурманской области, если не указано другое (прим. сост.).

Александре Антоновой

*Переступим через поколение,
Непомнящих свой материнский язык,
Мы — здоровые, умные люди —
Прекратим споры: на каком букваре читать!*

*Среди русских живем,
На их языке общаемся.
А саамский? Его дети учат наши
По букварю Александры Антоновой.*

*Софья Якимович
Перевод Н. П. Большаковой*

Октябрина Воронова

(06.10.1934–16.06.1990)

Лесом пахнет в нашем доме —
Это запах из корзины,
Лист остался на ладони.
Вспоминаю Октябрину.
Она ягодой скатилась,
Злые люди растоптали.

Как судьба несправедлива!
Давит сердце груз печали.
Недописанные строки —
Не успела Октябрина...
Сдула с ягоды листочек,
Сыплю ягоды в корзину.

Софья Якимович

К 85-летию первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой

В 2019 году Кольский Север отметит 85-летие со дня рождения первой саамской поэтессы. Тридцать лет ее нет с нами, но она продолжает жить в поэтической россыпи оставленных ею книг: «Снежница», «Вольная птица», «Ялла», «Чаккли», «Поле жизни», «Тайна Бабьего озера», «Чем ты притягиваешь, Родина», «Хочу остаться на земле» и недавно вышедшей «Лапландия — любовь моя»...

Мир ее поэтического творчества вырос из народных песен и сказаний. Глубока и органична поэтика стихов саамской поэтессы о своем народе, о родной природе. В них звучат сердечность и красота простого бесхитростного слова о любви к своей Родине. Душа Октябрины широка, как просторы ее родной Лапландии. Сильнее, острее других впитала она в душу боль и печаль своей земли, своего народа, но, не умея противостоять реалиям жизни — погибла. Но Октябрина не ушла из жизни бесследно. Она оставила потомкам богатое национальное поэтическое наследие.

Детство Октябрины пришлось на военную пору. А в зрелости родилось стихотворение «Чем ты притягиваешь, Родина»:

За все заплачено сторицею,
Прочувствуй, сын мой, и скажи:
Не здесь ли Западною Лицею
Легли и наши рубежи?

Позже, по выходу первой книги поэтессы «Снежница», Андрей Эдоков напишет: «Она первая среди саамов смогла рассказать о Лапландии

поэтично и художественно, раскрыв философию людей, слившихся с окружающей природой»²¹. Эдоков говорил, что этот мотив долгого языческого кочевья под звездным пологом неба воспринимается читателем не как холодная бездна, а лишь как часть саамского уклада: намного больше, чем чум, но немного меньше, чем Вселенная.

В 1951 году, окончив Ловозерскую школу-интернат, Октябрьина едет учиться в Ленинград на филологический факультет в Институт Народов Севера. С группой студентов-северян и их наставником — доктором филологических наук Георгием Мартыновичем Кертом — несколько раз выезжает в лингвистические экспедиции на Кольский полуостров, проявляя большой интерес к языку своего народа, его эпосу. Георгий Мартынович говорил, что уже тогда, в студенческие годы, Октябрьина Матрехина и Александра Антонова стояли особняком, отличаясь от других саамских студентов. Вдобавок ко всему они были филологами. И добавлял: «Уже тогда у Октябрьины проявилось филологическое чутье. Она очень хорошо записывала саамские сказки. Октябрьина Матрехина-Воронова поразила меня своим нетривиальным отношением к работе, природным даром, даже талантом в записи фольклорных текстов. Она очень точно передавала не только сюжет, но и всю красочность, образность саамской речи в метафорах, сравнениях, которые обогащали язык не только как средство общения, но и с художественной точки зрения, в совершенстве знала свой язык — йоканьгский диалект»²².

Стихи Октябрьины подкупают своей откровенностью, душевной щедростью, близкой и понятной каждому удивительно передают оттенки Севера. Для нее одухотворенность родной природы — факт очевидный, поэтому и неодушевленные, казалось бы, предметы выступают у не как живые существа. Природа чувствует, дышит, имеет свой нрав, меняет

290 ²¹ Большакова Н. П. Октябрьина : повествование о первой саамской поэтессе Октябрьине Вороновой. Мурманск : Опимах : Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера, 2012. С. 23.

²² Там же, С. 34.

настроение: как человек, она может мерзнуть, гладить, вздыхать...

Поэтесса любит свой Север дочерней, сестринской, материнской любовью. Все стихи ее в полном смысле слова пронизаны поэтикой. Она питает их неподдельной сердечностью и непритворной добротой. В любом времени года она находит свою прелесть, переживает любую погоду вместе со своими героями, радуется и удивляется. Лиризм Октябрины дает возможность решать саамам и животрепещущие социальные проблемы. Доверительным, простым тоном она обращается к читателю, пытаясь вселить в него жизненный оптимизм. Делает читателя сопричастным к судьбе своих героев, будь это люди или животные. Свет и душевность ее поэзии будит в нас мир ассоциаций и сравнений, то радостных, то горьких.

Удивительной оказалась и творческая дружба Октябрины с поэтом и переводчиком ее стихов Владимиром Смирновым. Можно сказать, случайно испробовав себя в переводе, он по-настоящему увлекся и отдал годы жизни на переводы стихов Октябрины на русский язык, щедро вложил в эти самобытные стихи свой незаурядный темперамент, сердце и душу.

Предлагаем читателю несколько стихотворений Октябрины Вороновой из сборника «Ялла»²³ на йоканьгском диалекте саамского языка.

²³ Воронова О. В. Ялла = Жизнь: первая поэтическая книга на саамском языке / Октябрина Воронова ; Всерос. фонд культуры, Мурман. отд-ние ; [пер. на рус. яз. В. А. Смирнов]. — Мурманск, 1989. — [37] с. Тексты на саам. в ред. А. А. Антоновой.

Пёссь-мырр

Пэжнэсьт, косьт шаннтыв сыйн,
Шаннт пёссь-мырр
Афтсэесьт вāннтаз
Пыяс пыйенайн ладъв.

Уштэ аяйт а́йе,
Народ лыгката и оар.
Пэдтлев тейи коми, сāмя олмэ
Пассь-пёйве мйллътэ.

Пэдтлев пёссь-мыр луз.
Сōн тырькыйт
Пыссьрийт пыйев,
Койт и мōджись тāвярь лэбеев.

Сйррэв хоровадыт,
Котть чадзе оаясьт.
Айев кыккть чāррэ народ
Пыгк антшэн кильн.

Сингейм, пяццлэсьт евла аннтлыччмый,
Чад пыгк āгейт я кукас автэс,
Коххът тэнна пёссь-мыр вāннтаз,
Емын пыкэ гейке аххтсэе портые лй.

Береза

На пожне, на краю покоса,
Седая, древняя, как миф,
Растет двустволая береза,
Вершины к небу устремив.

Чтоб песни петь под небесами,
Народ, обычно занятой,
Приходят коми и саами
По праздникам к березе той.

Она ветвями чуть поникнет, —
В подарки ветви облекут.
Кто бисера наденет нитку,
Кто шелка принесет лоскут.

Сливаясь цепью хоровода,
Как будто воды в ручейке,
Поют два тундровых народа
На всем понятном языке.
У них,
В печали непокорных,
На все века и времена,
Как у березы этой, корни —
Земля-кормилица одна!

*Перевод В. А. Смирнова**

Лыяввьр урьтэ лышш явла курьт,
Лышш куххькенъ, коттъ афта коввсог вильй.
Сайе я таввял курьтэ
Я наньтэмь лёв курче —
Паллкэсэьт ель уйт.

Курьтэ лёв Алуайвн* каль.
Соннэ палтыжи пэ́дтэ — наньтэмь лй чйнуэль.
Тэсьт кэссь — ляннчи курьтэ луэмесьт
Толлэ тэсскам лавайн
Вэлас кольки, тыльты, шуррьды ёгк.

Тадты лёй тула.
Ев мушьт пэресь каллза,
Коххьт чии ёммын, палтыжи.
Таннэ шурр пыллемь сэесьт,
Коххьт пыллинъ римья, коньтэ, тал.

Вулкана чоннткэсьт кэххьтынъ вадзэ палдътыв я калм.
Кэххьтынъ чоннтэ аге йу.
Тэллэ коля-косьт
Пыйенэнчи алмэантки
Чуввись киййв чадзь.

Ловозерские горы лишь с виду пологи.
Только издали схожи, как братья, они.
И на юг, и на север крутые отроги,
И какие межгорья —
С тропы не сверни.

Есть две страшные пропасти у Алуайв*,
К ним опасно приблизиться — так глубоки.
Будто треснули горы,
И огненной лавой
Два ущелья две бурных пробили реки.

Это было давно.
Уж не помнят и деды,
Как дрожала земля, сея ужас и страх,
Как сгорали куницы, олени, медведи
В тех огромных и жарких всеядных кострах...

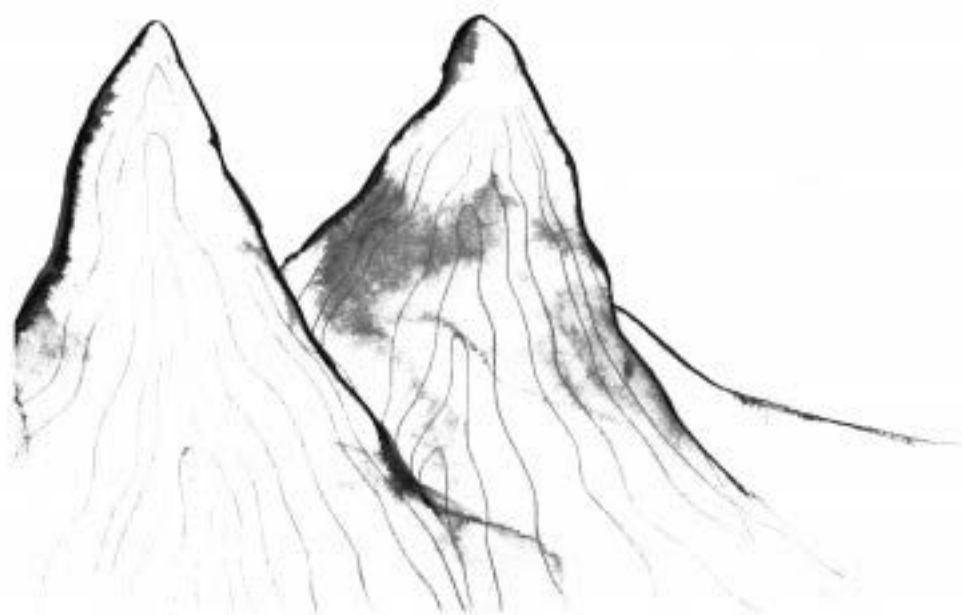
Пасть вулкана закрыли сугробы и стужа —
Запечатали пробкою вечные льды.
Лишь местами звенит,
Пробиваясь наружу,
Голубая струя родниковой воды.

* Алуайв — вершина в Ловозерской тундре.

Агке ёммынэсыт лыххцтогк.
Пыгк маннэ аге пӓль.
Оайялахтчик кӓрре, пӓццэль, пӓдтӓ
Тэльки элесь пӓццк,
Ку пӓды мӓнэ кассклесът,
Коххът сӓнн кӓдт, каххтаст мӓйн вай и?

Время — лекарь земли.
Все проходит с годами.
Забываются горе, печали, беда.
...Только пропасть,
Что вдруг пролегла между нами,
Как исчезнет, закроется чем и когда?

*Перевод В. А. Смирнова**

Чāххкля

Пяццэлышкодак партсант,
Манн ёммынэ ляммтэ сэя.
Томальт лй майназ Чāххкля,
Ялл сōнн вāннтсагейм.

Тыввэ кабпэрайн вйллктыйн.
Сōнн нэзь кезгень и тагкмыйн,
Но мом бэ ляммдэсьт тōнн ик тагкмыйн,
Сōнн пыгк тōнэ мйллты тагк.

Акшыйн тёррплак мыры,
Наньтэмь ша кулык тōнн йн.
Кадтэкодак — сōнн куластэ.
Йнн кырьтэ вырстогк пайя.

Кэссь ша альмесыт вэктийт цāгк,
Аббре вэктэ кэннт пйнуьк,
Чаккч шёдтэ вэдтэм сэя —
Лэйстэйт, сыйнэ, понцэ.

Кэссь тāлльве пāлле поадак
Таннэ ша сэясьт, тēи,
Косыт чальм вāлльтэмь сэясьт,
А Чāххклесыт ев кыдтанан кйй.

Чакля*

Когда заскучается в доме,
Иди на просторы тайги.
Там маленький сказочный гномик
Живет в корневищах тугих.

Смешной в колпачке своем белом,
Он зла никому не творит.
Но что бы в тайге ты ни делал —
Он все за тебя повторит.

Топориком стукнешь по ветви,
Такой же услышишь ты стук.
А крикнешь — он эхом ответит,
И звук улетит за версту.

Когда же по небу проносят
Дождливые тучи ветра,
То стелет постель ему осень
Из листьев, травы и пера.

А если придешь ты зимою
На это же место, сюда,
Увидишь пространство немое,
А гномика — нет и следа.

* Чакля — сказочный персонаж, живущий в лесах.

На тэльки нэзе ель юрѳ,
Ижинт кяйнийн вѳнѳц.

И, удць Чѳххкля и яммыйн.
Сѳнн вуадт.
Тѳнн ель покѳт сѳн.

Но только плохого не думай,
Своею дорогой иди.
Нет, маленький чахкля не умер.
Он спит.
Ты его не буди.

*Перевод В. А. Смирнова**

Вїрма

Вїрма ёгий,
Вїрма ёгий,
Мом лак рїхмыйн чїнїуьлесът?
Рындэсът пїаццк тїн кэсста
Югке кятка понэсът.

Кё кукасвуд тїны мёррай?
Кё тїны аррвад власть?
Вїрр —
лї сáмыс сыйнэ рыннта,
Мá —
ёмьнэ, косът тїнн шаннїтыкь,

Колкак ёгкэ няльмесът югке гоаррэ.
Пїнїкийн томальт — тёсът
Сыллп кабпэрай намьпе,
Быдтэ вуаза оагкав.
Аге пáль чад кытїке, кэсстэ,
Тадты чїллк чáдзь сїнá
Мань, кольки Вїрма,
Вїрма – еже, ёнэ ёмьнань.

Вирма

Речка Вирма,
Речка Вирма,
Что таишь ты в глубине?
С бережка крутого видно
Каждый камушек на дне.

Кто длину твою отмерит?
Кто твою оценит власть?
Вир
в саамском значит — берег,
Ма —
земля, где родилась.

Разлилась ты в устье вольно.
Под ветрами — там и тут
В серебристых шапках волны,
Будто пыжики, бегут.
На века сквозь сердце видно —
Эта чистая струя,
Протекла речушка Вирма,
Вирма — родина моя!

*Перевод В. А. Смирнова**

Пыгк альмандэсьт лѐв йссь ин я куллтэль.

Намм лѐв ёлльмесьт пыкагейм.

Тїххтмыйн лѐв

Пѐййве, чѐрр, кїннт,

Ённэ, едже я ёгк,

Ёммынэ, сѐттк.

Тэсэлынэй ёммынгейм

Иды кїййв чѐдзь,

Челльда кѐлльтэ чѐдзь,

Сѐнѐ сѐннэ паштолл.

Быдтэ яла уйинмышын

Вэпсьсись кѐллазай

Муштыла адты

Нырр палесь...

Цудлк коввсога тѐлл пѐрр мырѐт.

Тѐн йнуньке чуэвант вырр,

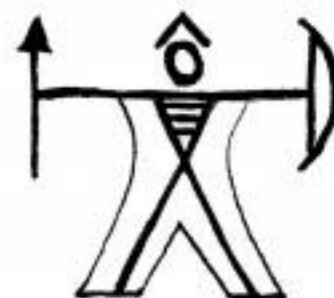
Вѐльт куэзь, цыпьцэтѐ я поадэтѐ ильт.

Я чидземь райе тїдтсыясьт

Муштлак сѐныйт:

Пѐййве, чѐрр, чѐдзе,

Ённэ, едже, ёммын.

Все на свете имеет свой голос и звук,
В обиходе названия есть у всего.
Обозначены
Солнце, и тундра, и луг,
Мать, отец, и река,
И земля, и село.
Из глубин вековечных
Пробился родник,
И бормочет родник,
Слово к слову лепя,
Будто жизнь повидавший,
Бывалый старик
Вспоминает сейчас
Молодого себя...
Шелковистый огонь пожирает дрова.
Ты взгрустнешь,
Кочергой угольки шевеля,
И до боли знакомые
Вспомнишь слова:
Солнце, тундра, река,
Мать, отец и земля.

*Перевод В. А. Смирнова**

15 ноября 1989 года Октябрьина Владимировна была принята в Союз писателей СССР. Огромная честь не только для саамской поэтессы, но и для всего саамского народа, литература которого была принята на таком высоком уровне. Книга «Ялла» на русский язык переводится коротко — «Жизнь», а самой жизни поэтессе уже не хватило... Она умерла 16 июня 1990 года. Владимир Пожидаев, директор Областного краеведческого музея, посвятил ей стихотворение, в котором недвусмысленно высказал то, что считал правдой:

Когда убивали саамскую речь
Бездушным ножом алфавита,
Пришла она звуки родные сбечь.
И тоже убита... Убита!²⁴

Убита?! Да, словом... А Виталий Маслов, председатель Мурманской организации Союза писателей России, писал: «Для меня было делом чести издать первую книгу на саамском языке Октябрьины Вороновой. Корень саамской литературы — глубинный, есть возможность высокого роста. С выпуском книги „Ялла“ необходимо было дать подняться росткам саамской литературы»²⁵.

Смысл жизни. Вопросы бытия. Для чего мы пришли на землю? Какой след оставим после себя? Октябрьина Воронова думала об этом, переживала: «Хоть малым лучиком во мгле — / Хочу остаться на земле!» И она осталась в памяти людей первой саамской поэтессой, любимой и читаемой. В 1994 году в поселке Ревда был открыт Музей саамской литературы и письменности ее имени.

302 ²⁴ Пожидаев В. Октябрьина. Июль 1995. Из архива музея саамской литературы и письменности им. О. Вороновой. Цит. по: Большакова Н. П. Октябрьина : повествование о первой саамской поэтессе Октябрьине Вороновой <...> С. 82.

²⁵ Неловторимый голос Октябрьины // Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н. П. Большакова, В. Б. Бакула, авт. вступ. Ст. Н. П. Большакова] Мурманск: Опимах, 2012. С. 29.

Поэтически жертвенная...
Летала, пела... Подбили...
Сохранив язык, погибла сама...
Первая!

Читатель уже познакомился со стихами Октябрины Вороновой на саамском языке йоканьгском диалекте, а теперь впервые стихи первой саамской поэтессы будут представлены на кильдинском диалекте саамского языка, переведенные Александрой Антоновой и Софьей Якимович.

Надежда Большакова

Мэйн, ажьеммьне, тōнн кязах йджьсант

Мэйн, ажьеммьне, тōнн кязах йджьсант.
Мэйн тōнн кязах, аведь пййхьт:
Вай нёллькесь лоамьпень тэйн?
Вай тэйн пяццк поакень?

Цоавьнэ чоазеть вуэгкэй кэллмсэнь,
Кōз чалльм эйй кэдч — вйллкэ — вйллктэнь.
Ноз тэдта йнун — тэнн гуэйке бэдт сōн,
Поакас яввра сōнэсьт ёадт.

Пукэсьт макксма чофта ённэ,
Кудст, алкням мун, я цёлък:
Эйй тэста Вуэррьял Ёмьненё
Э ёмьне рёвьн мйн мэннэнь?

Кōз ев пыдче пырс ваннцмуж,
Тоннэ агас аннтма ли
Воафсхэз вўлленё ёмьне,
Касьт ажь тōн рўххкма лев.

Перевод А. А. Антоновой

Чем ты притягиваешь,
родина

Чем ты притягиваешь, родина,
Чем ты влечешь, секрет открой:
Не той ли ровною болотиной?
Не этой ли крутой горой?

Сковало воды гулкой стужею,
Куда ни глянь — белым-бело.
Но этот лед — затем и нужен он,
Чтоб было озеру тепло.

За все заплачено сторицею.
Прочувствуй, сын мой, и скажи:
Не здесь ли Западною Лицею
Легли и наши рубежи?

Куда б ни привели скитания,
Тебе навек принадлежит
Земля под северным сиянием,
Где прах отцов твоих лежит.

*Перевод В. А. Смирнова**

К̄бз т̄онн, л̄аллма лоанн̄т?

К̄бз т̄онн, л̄аллма лоанн̄т?

Э̄ввтла п̄ўлле п̄йве чуацкэ т̄олл.

М̄эйт й̄жь п̄ессес̄ьт э̄й вуэдэх̄ьт тоннэ?

Вай зо̄абэзь в̄алт бэдт тоннэ?

Э̄ллгэнне л̄й к̄оммьтэсьвудт.

С̄онн с̄яййв м̄йн й̄нкэть.

Я м̄энн с̄онн вуаях̄ьт с̄ядэсьт т̄он?

Я ке в̄ял л̄авласт ы̄е вэсьт

Тоннэ м̄илса со̄анэть?

Кырьт, вэрс п̄й̄нкэсьт к̄адха вуэйв,

Т̄ўлльемэсьт ш̄ўрр роа̄ньк альмес̄ьт.

Мыннэ кэлмас,

Ноз эм̄м мунн шо̄лэсьт.

Мыннэ л̄оссэ,

Ноз нуэд̄ь мунн куэнта.

Ёль мун л̄аллма лоанн̄т,

Алех̄ь алмант р̄аес̄ьт.

Ноз п̄ўдэнч авта ышштэ ёммьнье,

Т̄онн т̄идь:

мунн л̄авлэть

адть эм̄м л̄авл!

Перевод А. А. Антоновой

Куда же ты, обласканная птица?

Куда же ты, обласканная птица?
Остыл очаг былых горячих дней.
И что тебе в родном гнезде не спится?
Неужто воля впрямь тебе нужней?

Высок простор.
Он манит наши души,
Но что изменит он в твоей судьбе?
И кто еще споет на сон грядущий
Любовное признание тебе?

Лети, от ветра свежего шалея,
Держа большое тело на весу.
Мне холодно,
Но я не сожалею.
Мне тяжело,
Но груз я пронесу.

Живи, моя обласканная птица,
В своем небесном голубом раю.
Но если вновь придется приземлиться,
Ты знай: я больше песен
Не пою!

*Перевод В. А. Смирнова**

Кырьйнэз кїдѣке альн

Кўввесь я лѳссесь, гу вуэххт,
Ёг альн каллытла кѣддѣк.
Чўллмдуввма сѳн лаввлэй нѣмпэ луннѣ,
Сѳнн пыне я юввэ.

Пѣжэсѣт, ми агегуэйм лї кѳппчма,
Эйй эфт юрт сѳнн лї юрртма,
Кўввесь кѣддѣк,
Сяххтрѣнѣ пѣйель шѣннтма
Кїче пай ёгк чїннлѣсса.

А ёгк чўе я чурэд,
Кїзе їджясь суннтма вѣззѣтѣ,
Я поаххкас, роам лўштѣль
Воаре,
 лоамьпе,
 пуэшьнэ эл.

Чўввесь, гу чуввесь пѣйїв кыдта,
Никез эйй лыххкма нюэзь.
Я эххтэшьт кырьтхэй нѣмпѣнѣ
Кѣддѣк лѣйї лаллма, пѣссма.
Я гудѣль яллэй сѳнн, вуакэ,
Выйтѣнѣт агкса нагкрэсѣт.
Я кѳммытэсь вуэць альн выйтнѣнѣ,
Ёрркѣя аввнѣнѣ кырьї:

Рисунки на камне

Серый и тяжелый, словно туча,
Камень склонился над рекой.
Хмарясь у волны ее певучей,
Он хранил безмолвье и покой.
В грусти, что накоплена веками,
Думу передумав не одну,
Серый камень,
Мхом заросший камень,
Все глядел в речную глубину.

А река звенела и журчала,
Впитывая талые снега,
И тепло и радость излучала
На леса, болота и луга.
Светлая, как ясный день весною,
Не чинила никому обид.
И однажды трепетной волною
Камень был обласкан и обмыт.

И как будто ожил он, вздыхая,
Отходя от векового сна.
И, на лбу широком проступая,
Древние открылись письмена:
Человек преследовал оленя,
А олень летел, что было сил.

И шаман усталый на коленях
Прямо к солнцу бубен возносил...

Давней жизни строгие творенья
Сохранили в камне времена.
И река притихла на мгновенье,
Этим волшебством поражена.
И застыли на граните сосны.
И с высот бездонно голубых
Загляделось нынешнее солнце
На рисунки пращуров моих.

*Перевод В. А. Смирнова**

Авта пōртэсът нюркнэгк... *

Авта пōртэсът нюркнэгк йннѐенне йнаст,
Куськэ-куськэ юэв кышксаннт.
Пѐййв абь эйй коавнэньт —
Ыгка, пѐййва пайгэсът вуалдк.

Сōн чувв мѐлсуввѐетъ воайвшахт,
Сыйе лѐххч пай ваннѐцэ, сѐррнэ.
Кѐз-лѐннч ѐкхалл вуэдтѐ,
Анн эххкнэтъ кѐххьтэ лѐйнэнь.

Мунн нѐдтѐ шэ ыгка сѐлче, лѐвлче,
Лышшэ лѐххч кѐйн кѐххче чув эл.
А го вуэдтѐ тѐтаст —
Манѐтэ тѐйй,
Лѐй альмэсът пѐййв, вай элля.

Перевод А. А. Антоновой

Вновь в порту гудки горланят звонко

Вновь в порту гудки горланят звонко,
Рвется тишина на лоскуты.
Не находит солнце горизонта —
День и ночь сияет с высоты.

Этот свет влюбленных всех тревожит,
Им бы все гулять да говорить.
Кто-то с непривычки спать не может,
Просит окна шторами закрыть.

Я бы тоже ночь бродила, пела,
Было б только с кем глядеть на свет.
Ну, а если спать —
Какое дело,
Есть на небе солнце или нет.

*Перевод В. А. Смирнова**

Тонн муштах...

Тонн муштах,
Мёр луннь тонэнъ
Чуэнчемь мыйй я поагемь тйрмас эбрьенъ?
А рынтэсьт нэмпэ чалма
Коллькэнъ сўлль чазь лаппьсэнъ.
Нэмп вэсьт кидьке мурртсэлленъ,
Абь каллытла куххькенъ.
Вўзьхувэнът кайенч рўппстэнъ
Уйтнэй пёйв рōшшкэсь нюлэнъ.
Я удлэсь роатткэлант
Одтсэ пыдтахч уйинлэдант.
Тонн мыннэ лоайххехь цўтькэть
Чоаххпта тон чоаххьпесь вўптэ.
Нике вял эллей вуассай ныдть.
Ев пусьтэльт мёрр соалтэх мадэсьт
Рўппьсесь кайе сўе вўлленъ
Вўррьтэв вуэзь алльм чуввесь тасьтэсьт.

Ты помнишь...

Ты помнишь,
У моря с тобою
Стояли мы, споря с грозой?
А с берега капли прибоя
Стекали соленой росой.
О камни волна разбивалась,
Вдали горизонт накреня.
И розовой чайка казалась
В лучах уходящего дня.
И чтобы прощанье скорее
Вновь встречу отозвалось,
Ты мне подарил ожерелье
Черней твоих черных волос.
Никто еще не был так счастлив.
Не зря же матросы в беду
Под крыльями розовой чайки
В счастливую верят звезду...

Мѣнн гуэйке ныдтѣ лѣвлэ
Нѣрр нѣйтэсѣт кѣттѣк?

Вѣльшэхѣт:

Тѣн чоѣххѣпесѣ цуэттѣк коѣввлас тѣгкенѣ

Пѣйв чоѣххѣпесѣ кѣххченѣ.

Роѣмхэмесѣ ѣлл мѣрэсѣт

Э тѣрьмесѣ чѣрркэв,

Э туар.

Э мунн тэнна райя эмм вуэй вуаннче пѣссэ

Тѣйт чоѣххѣпесѣ цутѣкэтѣ тѣн.

Перевод А. А. Антоновой

Зачем же так пело свирелью
Девчоночье сердце?
Взгляни:
За черным твоим ожерельем
Нагрязнули черные дни.
В безрадостном жизненном море
И грозы гремят,
И бои.
И я до сих пор не отмою
Те черные бусы твои.

*Перевод В. А. Смирнова**

Маньтэ ыгкь

Маньтэ ыгкь —

Пёль яллэ, вай пёль агке, —

Пўле пэртт төлл өллмэ гуэйке

Я пашше мйлкнесьт вйгхувэнът.

Эххьтэшът йнцэ, пёййва вай, вай ёкьна маңнедь

Тэль ныдть шэ мйнэнъ йңк төлл чуацконт.

А көххт сөн вуаннче поассэ йджьсант?

Мунн лыгкхэлле кўкенъ алкэть

Я тала кўсське кунна.

Э оаньхэсь аййк

Тэль кулсэ: роаңңэнъ мун,

Мёрьсь ныйпенъ рэдтлэнъ кўтьк.

Ныдть кун вўлленъ ыля ыскэркудтэнъ,

Гудэль йңк төл жоарр өжэ.

Который год

Который год —
Полжизни ли, полвека, —
Горел огонь в жилище человека
И все же понемногу стал слабеть.
Однажды утром, днем ли, в поздний час ли
Вот же в нас огонь душевный гаснет,
А как его раздуть в самих себе?..

Я шевелила кочергой поленья
И вдруг золу задела.
На мгновенье
Вдруг показалось: ранили меня,
Тупым ножом по сердцу резанули.
Так под золою заискрились угли,
Как будто жар душевного огня.

Мунн тōлдъкье:
Куэдть зий чальмхув
Тэнн райя, вэсьтэ кунэсьт
Пынньювв поāххкас сурмэнч...
Яла мунн —
Тōн гуэйке лышшэ куэткням тāгк,
Мунн лāвла лāвл —
Сōнэсьт лоāввлай тōн баяс.
Мунн сārна —
А юррткэнъ лышшэ тōнн.

Перевод А. А. Антоновой

Я поняла:
Жилище не ослепнет
До той поры, пока в золе и пепле
Хранится хоть крупинка теплоты...
Живу я —
Для тебя лишь сердце бьется,
Я песнь пою —
В ней о тебе поется,
Я говорю —
А в думах только ты.

*Перевод В. А. Смирнова**

Тата кӯдтъе йжян ёмьнесът

Тата кӯдтъе йжян ёмьнесът,
Вай эфтэнь ыскрань кунэсът,
Вай элэлэ пийве кэрэсмэсът
Мунн лиххче пәррнэ муштэсът.

Татче кӯдтъе ёлле, шоабшэ
Тон кӯтъкэсът пәгеч,
Ля́мт роньсесь, лаввлъесь йнэнь,
Ёллей ёгэ чурэдэмужэсът.

Татче кӯдтъе рувьтэха
Кёххьпсесь пэвлэ чуацкнэгэсът,
Суйнэ кулльей хээздэсът,
Чүххкэсът, мәнн воалшэтъ тыйй.

Вай садмать нюлэнь чоаххптээсът —
Тата
 кӯдтъе
 йжян ёмьнесът!

Перевод А. А. Антоновой

Тата кӯдтъе ёмьне альн*

Тата кӯдтъе ёмьне альн
Коххт чүзэм кунэ альн,
Касът айкалт йнцэсь вийкэнь,
Вай муштлэххченъ пәррнэ мун.

Тата кӯдтъе ёлле, шоабшэ,
Тон пәгкма кӯтъкэсът,
Касът оаллкэнь вәррь лыввтай,
Ёллей ёгэсът ёафант чадзь.

Тата кӯдтъе рёкьха
Кёххьпэсь кэллм пэвлэгуэйм,
Касът рәссь элэлэ куллай,
Чүххкэ, кōнн воальтэтъ тыйй.

Удць чүссмэнь тёммесь ыень —
Тата
 кӯдтъе
 ёмьне альн!

Перевод С. Е. Якимович

Хочу остаться на земле

Хочу остаться на земле
Хотя бы искоркой в золе,
Хотя б в скупом рассвете дня,
Чтоб дети помнили меня.

Хочу остаться жить, любя,
В упрямом сердце у тебя,
В певучих голосах тайги,
В журчании живой реки.

Хочу остаться без оков
В прохладе легких облаков,
В чуть слышном шелесте травы,
В дороге, что избрали вы.

Хоть малым лучиком во мгле —
Хочу
 остаться
 на земле!

*Перевод В. А. Смирнова**

Эмм օз мунн сӑнньда
сӱйнэтӱ...

Эмм օз мунн сӑнньда сӱйнэтӱ,
Эмм коадч мунн йджьсан цӱрӱтэтӱ.
Касьт ли вуэссь, кӱнн баяс лӱвлэтӱ тыйй, —
Пугк сӑнньдӱй тулья мун пӱлесьт нӱрр?

Элля тоӱвврӱш, элля мунӱсьт кӱнньц.
Вӱйвӱнӱ тӱлльв поӱке вӱллкта вӱнца.
Тыйймья вӱззӱнӱ калльмад йӱк,
Пӱррӱ пугк уйтант, —
а кӱз?

Ноз сӑнньдӱй айтнӱв: оаннӱ сыйй,
Мӱнн пӱдцлущӱ?
Э пузресь пӱййв — элля мӱдт.
Ёлльмӱсьт-дӱдт лийенӱ эйй пай тоаськ
Я эйй ӱххт вӱдз,
ев лышшӱ кӱллмас...

Перевод А. А. Антоновой

Не ищу я заколдованной травы...

Не ищу я заколдованной травы,
Не зову к себе ни ведьм и ни чертей.
Где же счастье, о котором пели вы —
Все гадалки давней юности моей?

Ни товарища, ни друга у меня.
Голова, как склоны горные, седа.
Прошлогодним снегом душу леденя,
Все хорошее уходит, —
а куда?

Но гадалки утешают: ну и пусть.
Что печалиться?
И старость — не беда.
Ведь и в жизни-то была не только грусть
И не только снег,
не только холода...

*Перевод В. А. Смирнова**

Александра Антонова

(5.05.1932–8.10.2014)

Александра, где ты? Видно было,
как душа твоя поднялась ввысь,
кровушка твоя застыла в жилах,
ты держись за облака, держись.

Сверху видно все: и ложь, и правду,
много всякого случалось на земле,
мудрый человек не за награду
оставляет след в туманной мгле.

Жизнь твоя была совсем не гладкой,
то штормила, то текла в тиши,
иногда заканчивалась схваткой,
чтобы правду отделить (отстоять) от лжи.

Не грусти, пожалуйста, не надо,
Александра, ведь и там на небесах
для тебя всегда будет наградой
Память в дорогих тебе сердцах!

Иван Матрëхин

Посвящено Энн Педеро

А. Антонова.

Кудтённ нэм.

Мый уйинепь нэметь,
 Кудёк алын кырьях.
 Икя кужькенё лев.
 Цинк кунтач сийе
 Мян кёнылзеть, вртеть.
 Тёсьт пайенё кужьчев,
 Мылл эий вуал тёлдькье,
 Мёйт нидтё бламе
 Кудтёкеть кашкочев
 Нгесыт нгкя тонна пёрв.
 Ённё, ажь вуррьтов,
 Тёххтов блльменё
 Нагкресыт уйинё,
 Эфтесыт ёльсе сйнагуэим.
 Манна руэкхе, лухьксе:
 Лев сийи нур я мёдже.
 Мёйт хесс нидтё?
 Сийи пуаррса лийенё,
 Шёниётонё нүра вильедёсь?
 Вуэсста куллай:

"Тадт рунё лудт нуррвуд пине
 нуррвуд пине, кудё агас.

Всётамысь Илона

Мы видим илона,
 На камне написанно.
 Сидишь долеко оти.
 (можно, поелиши тот илона
 + инок)
 Ветер доносит до нас
 Наши слезы, душой, лети.
 Звезды сверху смотрят,
 (сидишь как они)
 Мир не жваитает покинуть,
 (или)
 Почему так тогда
 Сердце разрывалось
 Из года в года в этот день.
 Матери, сестры ходят,
 Хотят увидеть
 Про все услышать,
 Вместе поехали с ними.
 После прощания, не плакал,
 Красивая и молодая.
 Почему же так?
 Они старшие были,
 Сидели моими братьев?
 Сильнее отъезди:

"Эти фотографии были
 сохранены молодостью,
 которая сохранила, оставила
 на века."

1995

2009г

И. Антонова

Виталий

Духовный подвиг Александры Антоновой

Секретарь Мурманской писательской организации Виталий Маслов когда-то об Александре Антоновой сказал, что считает ее заслуженным, заслуженнейшим работником культуры, имеет она это звание или нет, да и звание ли оценивает любовь народа к своим избранникам? Как показывает история — нет. Порой при жизни человек каких только наград и званий не получит, а пройдет с десяток лет — его уже, кроме близких, никто не вспоминает... Так какие же награды человеку собирать при своей жизни?

То, что Александра Антонова вошла в историю созданием саамской письменности — факт бесспорный. Она — и никто другой — придумала и зафиксировала в буквах саамскую речь. Ее заслуга состоит в том, что на основе кириллицы ею были придуманы буквы, подчеркивающие особенности саамской речи. Она говорила: «Мы, саамы, друг с другом разговариваем, прекрасно понимаем смысл устной речи. А вот когда передо мной встала задача писать на родном языке, писала, но прочитать не могла — не „звучали“ по-саамски написанные слова. После упорных поисков стало ясно — букв русского алфавита недостаточно для воспроизведения на бумаге системы звуков саамского языка»²⁶. Так появились буквы с долготами: **ā ō ū ē ē̄ й̄ ю̄ я̄** и специальными знаками: **л̄ м̄ н̄ р̄ э̄**, полумягкий знак — **ь̄**. Заслуга в этом ее и только ее. Сегодня бы сказали, что именно она является обладательницей авторского права на эти буквы.

А вот слово о большом человеке — Александре Андреевне Антоновой — необходимо. Ученый, создатель саамского букваря, публицист, поэт, переводчик, ведущий курса саамского языка на радиостудии муниципального образования «Ловозерский район». А еще — «борец за сохранение саамской культуры»²⁷, как назвал ее председатель саамского

²⁶ Большакова Н. Жизнь, связанная с родным словом. К 70-летию Александры Андреевны Антоновой. // Ловозерская правда. От 26.04.2002.

²⁷ Лукин Геннадий. Выступление на 80-летию А. А. Антоновой в Ловозерском Доме Культуры. 05.05.2012.

отделения ОСМО (Организация саамов Мурманской области) Геннадий Петрович Лукин. Антонова — почетный житель села Ловозеро. Учитель с большой буквы, радеющий за сохранение родного материнского языка. Человек, которому судьба доверила сделать очень многое.

В 1949 году она — студентка Института Народов Севера. Первая из послевоенных саамов, приехавшая учиться в Ленинград. Работала учителем, была сотрудником НИИ национальных проблем образования Академии педагогических наук СССР. В 1979 году выходит в свет ее «Сāмь букварь»; в 1982 году — составленная совместно с Октябриной Вороновой и Екатериной Коркиной «Сāмь килл» — книга для чтения для 2-го класса; а затем «Āй сāннь» (2004) — букварь нового поколения. После смерти Антоновой теперь уже ученый-лингвист из Германии Элизабет Шеллер подготовила к выходу ее «Сāмь — рӯшш Сāнньнэххьк. Саамско-Русский словарь». В настоящее время Шеллер завершает работу над русско-саамским словарем.

Спустя годы Антонова скажет: «Букварь — мой большой труд, который я не могла не сделать, так как считаю себя ответственной и обязанной выполнить все намеченное. А потомки разберутся, что было верным, а что заблуждением»²⁸.

Создавая саамские учебники, она начала писать стихи сама — сначала робко, затем все увереннее. Рождались стихи и для самых маленьких, такие как «Грозовая семья»:

Вышла из вежи семейка моя:
Молния-мама, Гром-папа и я,
Маленький Громик, любимый сынок,
Сели на тучу и на небо — скок!

²⁸ Бакула В. Б. Антонова — учитель, поэт, ученый // Наука и бизнес на Мурмане. Языки и культура кольских саамов. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 2010. № 2 (69). С. 45.

Папа как грохнет о горы ведром!
Я в бубен ударил — вот это был гром!
Мама, потом позабавивши нас,
Молнии-стрелы пустила из глаз...
Как мы все вместе до слез хохотали!
Шуткой своей мы людей напугали.

Перевод Ю. Кудинова

Как и в стихах ее товарищей, Аскольда Бажанова и Октябрины Вороновой, у Александры Антоновой много строк, посвященных природе края. Каждое слово емко, недвусмысленно, конкретно:

Благодарю я заполярный лес!
И облака, и кроны мощных сосен;
Глядеться в зеркала озер —
Благая весть;
Идет гроза, но гром ее не грозен.
Течет река меж сопок и варак
То деловито, то резвится шало.
Целительное лето — добрый знак,
Болота от морошки жарко-алы.

Перевод А. Миланова

В 1983 году у нее новая «победа» — в эфир выходит первая передача саамского радио. И хотя она длилась всего пару минут, это было уже достижение. А с 1991 года десять лет подряд каждый четверг в 14 часов будут раздаваться позывные Ловозерского радио «для тех, кто владеет

саамским языком или учится этому языку»²⁹; вести эти передачи будет Александра Антонова. Затем перерыв три года — и вновь ее голос звучит на саамском радио.

И все же здесь, в этой статье, мне хочется в первую очередь рассказать о деятельности Александры Антоновой в качестве переводчика. С выходом ее первого букваря недоброжелатели Антоновой во всех своих выступлениях старалась принизить ее заслуги. Она же доказывала свою правоту только своим трудом, переведенными книгами и тем, что практически весь саамский народ читал и до сих пор читает и пишет на алфавите Антоновой. Ее букварь в свое время был представлен к серебряной медали ВДНХ.

Заслуги Александры Антоновой перед Отечеством и саамским народом неоспоримы. Днями и ночами сидела она над переводами, ценила и уважала людей творческих и работающих, хотя нельзя сказать, что была она человеком покладистым и мягким. Нет. Бывало, так резко начинала высказываться на совещаниях, конференциях, встречах в чей-нибудь адрес, что порой ее приходилось урезонивать. Открыто говорила все, что думала, и никакие «погоны» при этом ее не могли остановить. У нее на все имелось свое мнение, а работа для нее была на первом месте... В газете «Ловозерская правда» вышло более пятидесяти уроков саамского языка «Я говорю по-саамски», составленных Антоновой.

Она прекрасно понимала важность именно сегодня оставить будущему поколению как можно больше саамских слов, многими уже забытых. Много раз приходилось наблюдать, как радовалась она словарным находкам. Вот, например, для книги «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем» мне нужно было узнать, как по-саамски будет «жених». Александра Андреевна, не задумываясь, сказала: «Милса», а спустя год позвонила и сообщила: «Радость у меня, более старое слово для жениха

²⁹ Позывные Ловозерского радио. Эти слова А. А. Антонова произносила каждый раз, начиная свои передачи.

нашла — „вунхэй“, рассказ одной саамской бабушки записывала, оно в разговоре и всплыло».³⁰

Она отличалась огромным трудолюбием, целеустремленностью, деятельностью. Кипучая натура Александры постоянно искала дела. Красиво говорить научились многие, а вот вершить историю под силу единицам. Антонова была одной из тех, кто ее вершил.

Именно ее трудами переведено более двух десятков больших и малых произведений, вышедших полноценными книгами или вошедшими в авторские сборники: «Белый олень» А. Бажанова, «Подарок чайки», «Приключения мышонка Уздлесь Кебпля», «Правдинки Василия Селиванова» Н. Большаковой, стихи из книги «Поле жизни», «Сергей Есенин на саамском» О. Вороновой, «Слово о ливах» А. Волкова³¹, «Белый олень» И. Матрёхина, «Сказка о Ляйне» П. Юрьева, «Пеппи Длинный чулок» Астрид Линдгрэн. Она же была редактором саамских слов в книге Н. Большаковой «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем», в ее же романе «Адхалалалай», консультантом при работе над книгой «Сәмь сир» М. Медведевой. Переводила стихи А. Пушкина, Т. Шевченко, В. Маяковского, А. Твардовского, С. Михалкова, С. Маршака. Благодаря ее переводам саамы познакомились со стихами марийской поэтессы Татьяны Очеевой — стихи в сборнике «Душа в душу»³²; поэзией удмуртских поэтов Альшачи Оки, Андрея Самсонова, Алексея Ельцова; украинских — Владимира Сосюры и Степана Руданского; ненецкого — Василия Ледкова; произведениями И. Истомина, Э. Галкиной, В. Корчеганова, рассказов А. Гайдара, Саамского национального гимна Исака Саба и др.

В 1996 году в Финляндии выходит в свет ее перевод Библии для детей — «Йсус — пәррнэ кәннӧц». Тридцать две библейские притчи вошли в эту небольшую книжечку, снабженную красочными иллюстрациями. На отдельной страничке — перевод молитвы Отче наш:

334 ³⁰ Большакова Н. Саамской литературе — 15 лет. Боль сердца Александры Антоновой // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск : Мурманское книжное издательство, 2005. № 5. С. 16.

³¹ Антонова А. А. Саннь лйва баяс. // Волков А. Слово о ливах. Петрозаводск : Периодика, 2008. С. 54-58.

³² Очеева Т. Душа в душу / Чон гыч чоныш. Йошкор-Ола, 2010. С. 30-38

Аджь мйн

Аджь мйн, ёллей Альмесът!
святэ ляннч нэмм Тон;
оаннь пуадт Тон Ланнь;
оаннь ляннч вйгквудт Тон
э ёммьне альн, кōххт э альмесът;
Лейп, пэръмусс пёрк,
анът мыйе тәррмьенч пйййва;
Э проашшей мыйе мйн вйлькетъ,
кōххт э мыйй проашшьепь
вйллктуввьетъ мыйе;
Э ель анът мыйе мйгкьюввэ
мōджьтэ вуэсста,
ноа пёсьт мйнэтъ лухькесът;
Го Тон лй Ланнь
э вйгк э цысст агас.
Зоабэль.³³

Отче наш

Отче наш, сущий на небесах!
Да святится имя Твое;
да придет Царствие Твое;
да будет воля Твоя
и на земле, как на небе;
Хлеб наш насущный
дай нам на сей день;
И прости нам долги наши,
как и мы прощаем должникам нашим;
И не введи нас в искушение,
но избавь нас от лукавого.
Ибо Твое есть Царство
и сила и слава вовеки.
Аминь.

Спрашивала я ее, не столкнулась ли она с трудностями, ведь некоторых библейских понятий саамский язык не подразумевает вообще. Она говорила: «Найти новое слово — это ведь целое событие. В Библии постоянно встречается слово „пророк“. Как его обозначить по-саамски? Я нашла — ялмуж эвтэс уййнэй. С саамского „пророк“ — человек, видящий жизнь наперед, или вперед видящий»³⁴. Из духовной литературы еще перевела «Евангелие от Матфея» и «Житие Трифона Печенгского». На Кольском полуострове Антонова единственный человек, кто занимался переводом

³³ Йисус Пяррнэ канньц. / Библия нымьл кйлле пыйей. Институт Стокгольм-Хельсинки, 1996. С. 19.

³⁴ Большакова Н. Саамской литературе — 15 лет. Боль сердца Александры Антоновой // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск : Мурманское книжное издательство, 2005. № 5. С. 19.

духовной литературы на кильдинский диалект саамского языка.

Почему же Александра Антонова отдавала столько времени переводам произведений других поэтов и писателей, забывая подготовить подстрочники своих собственных стихов? Происходило это оттого, что темой всего ее творчества стала тема боли. Боли за саамский язык, за свой народ, за тундру, за оленей-кормильцев...

Да и для книги «Сергей Есенин на саамском», в которой тридцать одно стихотворение — переводы Антоновой, она брала те стихи, в которых в основном звучала боль поэта, или тексты, посвященные природе родного края, которыми проникнуто и ее собственное творчество.

Так, переводя произведения других поэтов, Александра Антонова не успевала пополнять список собственных, поэтому при жизни Антоновой свет увидели только три ее сборника: два на саамском языке — «Кўтк кэбп» и «Пйрас» и один на русском — «Струны сердца». Это настоящий подвижнический, духовный подвиг саамской женщины, поэтессы, чьи стихи вошли и в большой том Антологии «Поэзия. Современная литература народов России».

Александра Андреевна была и первой, кто поддержал Музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой. Делилась всем, что имела. Она, как никто другой, понимала значение этого музея и для саамского народа, и для развития его культуры и литературы в частности.

Человек редкой доброты и душевности, Антонова прожила интересную, наполненную творческими поисками жизнь, оставив своим последователям огромное достояние — учебники, стихи, переводы, архив аудиозаписей, собранный за пятнадцать лет работы на саамском радио. Стала лауреатом Премии северных стран за развитие саамского языка «Голлегиелла»³⁵ за работу по сохранению и развитию саамского языка. Саамская языковая

премия «Голлегиелла» была учреждена министрами Норвегии, Швеции и Финляндии, отвечающими за «саамские вопросы», и главами саамских парламентов этих стран. На 83 году жизни работала над переводом на саамский язык книги шведской писательницы Астрид Линдгрен «Пеппи Длинный чулок».

В 2019 году исполняется 5 лет со дня кончины Александры Андреевны.

Надежда Большакова

Еххк нёвэц

Йлленъ чърэсьт сѣмь
Ёмьне вўлленъ, куэдэсьт,
Кѳввесът, пэрътасът.
Э лийенъ сйнэнъ сѣм.

Ев тедтма лоаг,
Э лѳгкэ эллий мѣнн.
Еххк нёвэц ев лий пуадтма.
Ныдть э мѣннэнъ агъ.

Я эллмант чуввэнъ
Тэръбэръ сѣткэсьт.
Пудтэнъ нёвэц тѣт,
Ликбез пукэтъ ѣввэнъ.

Вузэррт сѣмь вуэпъсей,
Пуадтма шурр вѣрр турэсьт.
Кѣдт — кѣдтэ тирвхадт
Пукэтъ вуэпъсемь пѣррьтэ коаххчей.

Вѣннѣцев вуэйххьтэ тѣтэтъ
Аджь э ённъ, э тѳммтас
Книганъ карьнэль вўлленъ,
А букванъ кѳххченъ нёвцэтъ.

Незнакомые упрямы

Жили в тундре саамы —
В землянке, в веже,
В куваксе и тупе.
Были у них силы.

Они не знали счета,
Читать им было нечего.
Так шли века,
Чужих никогда не знали.

И засиял вдруг мир.
В Териберке, поселке,
Появились незнакомцы,
Ликбез всем двери открыл.

Учитель из саами,
Пришедший с войны кровавой,
Здоровается за руки,
Всех в школу приглашает.

Отец и мать, их знакомые
С книгами под мышкой
Идут гуськом упрямыцев одолеть.
А зовут тех упрямыцев буквами.

Незнакомые упрямы

Жили в тундре саамы —
Жили в землянке, в веже,
В куваксе, в тупе жили.
Осваивали побережье.

Не знали счета, читать не умели,
Да и не было в тундре книг.
Проходили века, пролетели,
Не знала тундра чужих.

И вдруг пришли незнакомцы
В поселок в Териберку их,
Ликбез саамам открыли,
В грамоту русскую посвятив.

Учитель с войны вернулся
Свой, из саамов, родной,
Здоровался со всеми за руку,
В школу звал приходиться, как домой.

Отец и мать, учебой влекомые,
Под мышкой с книгами шли
Буквы одолевать незнакомые,
Грамотными быть предпочли.

Пыммыге коаммлэннтэв сыйй поання,
Мудта вўлльга нийнэв,
Пэййнэв паййла поаллт син тйт.
Лōссэ, лōссэ, кўтък пай пōннев.

Ёадъхе эвтэс мугка лыгк,
Абей, абей, вальт я вуэлликедь.
Йнук эйй анът, э милл сōн туаррый.
Йжесь лавлэть кёзахч кўттък:

— Ыштэль соаннэ, харя кйдэсьт,
Выйель чāрр раст я чўлл,
Ённгэдтэ кеххьпся ае тўйй,
Куэссь лйшшькье мāтах нёвэц чўдзъесьт.

Тōнн тоаввса соннэ лйннчехь! —
Кōххт ли шйг!
Аджа кўтъкесь тённътэль,
Карндаж роабпъчей роаввса йжесь.

Цяррт пай роаввса ныдть
Ёххк титэть пāдцма,
Кёйн — ляннч сыйе пыххтма,
Вуэххьтэ нёвэц налла быдт.

Ложатся на бумагу они косо:
Одни вниз спускаются,
Иные вверх лезут смело.
Трудно, трудно дело продвигается.

Взять и бросить — уж так обидно.
Душа не соглашается.
Ум душу поддерживает.
Сердце свою песнь запело:

— Садись-ка в сани, хорей в руке,
Махни всю тундру вдоль и поперек,
Упрямца в стаде заарканишь.
Дело дедов от всякой скуки.

Душу приструнил отец,
Крепче зажал в руке карандаш
И чертит все увереннее, увереннее
Доставшиеся ему чужие знаки —

Как быка, осилить упрямца хочет.
Не привыкли мать и сват,
Земляки, сестра
Перед трудностями жизни унывать.

Вкривь и вкось эти буквы упрямые
На бумагу ложились у них,
То вниз они смело прыгали,
То вверх — желанию супротив.

Взять бы и бросить — уж очень муторно
Сааму за партой сидеть.
Ему б на упряжке просторы тундровые
В душу вобрать да лаввл-песню спеть.

Что медлишь, саам, хорей в руки бери,
Махни разом тундру вдоль-поперек,
Оленя-упрямца в стаде лови,
К солнцу твой взгляд — на восток.

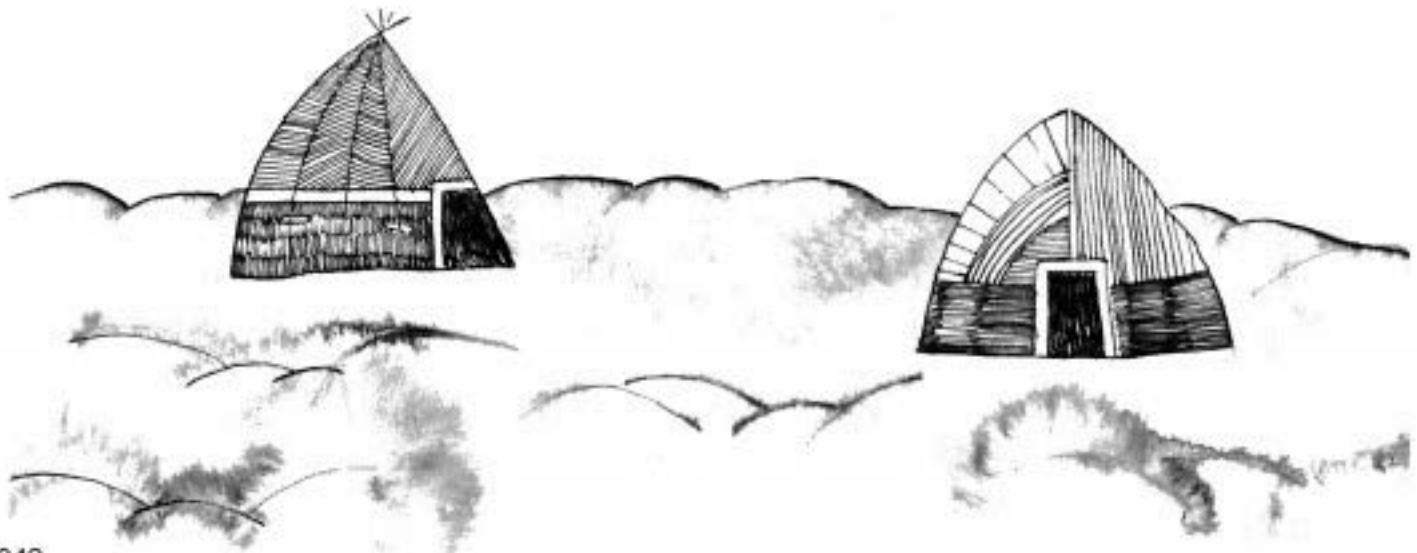
Ты приструнил хотенье свое — молодец!
Крепче зажал карандаш,
Как быка, заарканил букву отец,
Чужая, а все ж поддалась.

Не привык перед трудностью он пасовать,
В буквах стадо видит свое...
Рядом мать над буквой
с усердьем корпит,
После будет об том вспоминать.

Евла моаххтъя ённь я вуэррьпень,
Тэсьт шэ сваххт я тōммтас
Рыссьтэ кйдэдъ пыйнэ
Лосстэ эвтэсьт ёлльмень.

Пāррнэ вāннцмуж
Вузпсьсемь пāррьтэ
Эйй аньт мыйе окнушшэ,
А āнн сйн лыгкэтъ туаррьймуж.

Эньтэ ликбез суетъ агас,
Ёххк нёвцэтъ поае ныдть,
Ульянов-Ленин пирас баяс книга
Эйй лūштла кйдэсьт а ённь э ыяс.

Дети их в школу ходят,
Не хватало им
осрамиться перед ними,
Краснеть, в глаза не смотреть,
Руки опускать и сдаваться.

Окрылил ликбез на века:
К упрямым буквам
пристрастилась саамы,
Книгу «Семья Ульяновых»
Мать из рук не выпускала.

Авторский подстрочный перевод

Дети в школу пошли,
научились писать,
Книги читают давно,
Так разве дело родителям отставать,
Осрамиться для них грешно.

Так постигали саамы грамотность,
Окрылил их ликбез навек,
Стала книга «Семья Ульяновых»
Для мамы моей, что Ноев ковчег.

Перевод Н. П. Большаковой

Сāмь сāнъ пѣйив

Чўввэнь чārэсьт Пѣйив.
Кўффсэ райя руэкхэнь ъллмэ.
Мѡджесь Пѣйив —
Сāмь сāнъ Пѣйив.
Ённэ ыгке манн сѡнн
Виталий Маслов кїдэ вўльн,
Ѐввтма сѡнэнь, туаррьйма.
Ыгесьт ыгка тоаввса пѡдтал,
Коāххтал югке поāйнэгуэйм,
Гу воāфсхэсс сїрант альмэсьт.
Рыссьтэ мēнънэв агь
Э югке ѡллмэ сāнъ.
Я ѡллмэ кїл ёгк
Вāптэгклувэ вуаянъ ѡдт.
Чузэй моāнтар-āе йнн,
Ёллей, мїллвэсь, ёммьне альн.
Э выгк чārр Сāмь сāнъ —
Эй пѣйив, а Пїйивэть.
Э агас эхтэ Рўшш ёммьне ёгэнь
Рўшш ёммьне соāме сāннъ.
Э мїн агкса вїгэнь шэнтэ
Пуаррса вїльй тоавас кїдт.

День саамского слова

Расцвел в тундре День.
До зари проснулись люди.
Прекрасный день —
саамского Слова день.
Много лет проходит он
Под руководством Виталия Маслова,
Согретый им и поддержанный.
Из года в год все больше крепнет,
Покрывает разными красками,
Как северное сияние играет.
Перекрещиваются века
И разных людей речи.
Обогатился ручейком новым,
Звенит прадедов голос,
Живут мудрые люди на земле.
И ведет тундра Саамское слово
Не день, а дни.
И навеки соединился
Русской земли рекой,
Русской земли саамское слово.
И нашего навеки силой стала
Старшего брата сильная рука.

Авторский подстрочный перевод

День саамского слова

День проснулся в тундре... Тихо...
Только шелест ветерка...
День как день... Не знают лиха
Люди... Слово — на века!
На века саамской речи
В душах с Масловым дружить!
Без Виталия и не с чем
Жить и человеком быть!
Он согрел все наши души:
Завязался узелок.
Нашу дружбу не порушить:
Видим мы и видит Бог!
Будто северным сияньем,
Осветился целый век!
Наших прадедов молчанье —
Не молчанье: человек,
Этой мудростью согретый,
Словом веры и любви,
На земле — большой и светлой —
В счастье, в радости живи!
День за днем уходят в память
Ручейками той реки,
У которой вместе с нами
Живы души и стихи!

Перевод Н. П. Почтовалова

День саамской письменности

Расцвел в снегах полярной тундры,
Сорвав забвения оковы,
Смеющимся счастливым утром
Саамский праздник, праздник Слова.
И вот уже который год,
Обласканный отцом Витальем*,
День Слова крепнет и цветет,
Как радуга семью цветами.
Переплетаются века
И многие народы в Слове,
И человечества река
Ручьем обогатилась новым.
И голос прадедов звенит
Над Родиной свежо и мудро.
И празднуют не день,
А Дни Саамской письменности тундры.
Отныне и на все века
Саами — песнь в реке России.
И брата старшего рука —
Оплот надежд и нашей силы.

*Перевод Ю. Кудинова***

* Отец Виталий — имеется в виду председатель Мурманского отделения Союза писателей Виталий Семенович Маслов.
** Публикуется по изданию: Антонова А. А. Моя боль [Текст] : стихи : перевод с саамского / А. А. Антонова ; под ред. [и с предисл.] Ю. Кудинова ; Оленег. гор. лит. об-ние «Жемчуга». — Ловозеро (Мурманской области) ; Оленегорск : [б. и.], 1997.

Кырьхэй, кәнһц Шашка Ладэмыр Смирнов, нэмме

Коәллэш Ладэмыр Шашка аллык,
Сәрнэтъ — ёаммехъ тōнн.
Ёаме тэдт, кё нимәнн эйй лыххкма.
Тōнн шэ лях кэскэсьт мйнэ.
Э ныдтъ ляннч агесь
Пугк ёммьне альн.
Тōнн уйнах, мәнн вёрът кәнһце пӯдэ,
Кулах, кōххт кӯтък сйн лӯйххькэв.
Пугк тōнн кулах, уйнах,
Олма ныдтъ эйй ёамь.
Мыйй куллэпъ йн тōн, сиййнмуж,
Кōххт тōнн лōгах кырьетъ йжянт.
Сәрнах мыйе:
«Куллтлэгке кәнһц кәннцант,
Вёкхэгке кәнһц кәннцсант,
Туарье сйнэтъ лыгкэнь».
Нӯраш уххцэ лыгкэтъ лыххкэ...
Тōнн ённэ юррьтэхъ мйнэ баяс,
Подтлэхъ, мātъхехъ, балъедтэхъ,
Сыйнэхъ, шоабшэхъ мйнэтъ, мātъхехъ.
А ёммьянт кōххт тōнн шоабшэхъ!
Тэль коаммлэхъ соннэ коадцъеханна.
Лōссесь нагеръ чильмэтъ эйй анът әввьдэ,
Вильшхэ мйнэтъ я тӯетъ мйн.

Посвящается поэту, другу В. А. Смирнову

Дорогой Владимир Александрович,
Говорят, ты умер.
Умер тот, кто ничего не делал.
Ты же среди нас.
И так будет вечно
На всей земле нашей.
Ты видишь, сколько друзей собралось.
Слышишь, как их сердца плачут (*скорбят*).
Все ты слышишь, видишь.
Человек так не умирает.
Мы слышим твой голос, смех,
Как ты читаешь стихи свои,
Говоришь нам:
«Слушайте друг друга,
помогайте друг другу.
Поддерживайте их делами».
Ты много думал о нас,
Приходил, учил, шутил,
Смеялся, любил нас, обучал!
А землю свою как любил!
Вот лег в нее без просыпания.
Тяжелый сон глаза не позволяет открыть,
Взглянуть на нас и наши дела.
Будем читать произведения твои,

Аллыкель лөгкэ кырьеть тӧн.
Кйчах, кырьй тӧн лажьхэв мйл,
Вял вёкхассьтэв вүййк чүххкэ эл
Выйтэ, эле чоайдэ, кийеть эле кәдхэ тӧн.
Вуэдь, мйн шурьмусс кәннъц,
Йннькьесь, руэньсесь, шоабшэй Эллмант,
Юррьтэй, пядцлушшэй я лыххкешь.
Нагерь тӧн лйххч пэ шэбэсьт.
Вуэдтэь сайй лйххч сүбпэ, шйххтэль.

Глядишь, они добавят мудрость.
Помогут на правильную дорогу
Выйти, не блуждать, следов не потерять твоих.
Спи, наш большой друг.
Добрый, веселый, любящий весь Свет,
Думающий, заботливый и трудолюбивый.
Сон твой был бы в безопасности.
Постель была бы мягкой, удобной.

Авторский подстрочный перевод

Талльв

Талльв, гу авьтма вуэр, ньдть э адть
Ёадәххт йжесь лыгкэть, эй сьгкнэнт.
Пүдзэ кырьтэв — выммьдуввма...
Кйххчель коаммерьт карант суанндэ!

Ёссктэ сйнэть мунн эмм кйххчель.
Лоанньтэнь кырьтэв эвтэс —
кырьтхэв мун.
А мун йнук лыввтай, э сөнн лй сэгкесът.
А келля чүйев, йнэнь тьвтхэлнэв чяр!

Эххт талльв пырр аньса вэзэнь.
Я ньдть ённэ кёз-не лёссэ лй.
Вәппткэсь, чофта йнунькьесь ёллмэ-
налла,
Суэпант, эннтал пукэть вәптэгквудэсь.

Зима

Зима, как в первый раз, так и теперь
Начнет свои дела, не ошибается.
Олени мчат, набравши скорость...
Попробуй мчавшегося утихомирить!

Остановить их я не пытаюсь.
Птицей летят вперед — мчат меня.
А моя душа поет, и она в покое.
А колокольчики звенят,
звоном наполняя тундру!

Одна зима вокруг занята снегом.
И так много кому-то тяжело.
Богатый, как очень добрый человек,
Бросает, отдает всем свое богатство.

Авторский подстрочный перевод

Зима

Зима как будто бы застыла
В моем пространстве... Ну, дела...
Олени забегают с тыла...
Земля уже белым-бела...

Остановись хоть на мгновенье,
Осенний день... Олени мчат...
Душа поет почти весенне.
И колокольчики звенят.

Зима! Снега! Ветра! И тундра
Не умолкает: все же быть! ...
Зимой всегда, конечно, трудно,
Но... надо жить, но... надо жить!

Перевод Н. П. Почтовалова

Зима

Зима, зима. Она посеребрит
Деревья и кусты, и бок песцовый,
Моя душа тебя боготворит
За чистоту, порядок образцовый.

Зима, как в прошлый раз, так и теперь
Ведет свои дела, не ошибаясь...
Олени мчатся, ну-ка — бег умерь!
Остановить я их и не пытаюсь.

Доверилась я им, и пусть они несут,
Как в русской сказке ухарская тройка!
Душа поет, избавилась от пут,
И колокольчики по тундре только.

И лишь зима. В алмазах белый снег,
Его так много — тягостно иному.
Богатый, очень щедрый человек
Добро позволит так дарить другому.

*Перевод Е. Алексеева**

Мун кэбп

Ёмьне, коаллэш ёмьне,
Виллькесь чэпп!
Вуассъесь оллмэнь
Тоаххтэ шэнтэ,
Надъедтэ шэнтэм бай.
Юррэтэ, пугк лй мун:
Пйрас, пэртэнч,
Моантар-ае ёмьне,
Оассэ сэмь э ёллем нэлль,
Пугк коаллэш лийень мыннэ.
Кйл мунн тидтэ, тэда,
Моаххтэе логкэ, кырьхэ.
Ёль я роаммшэд!
Мэйт шэ куттк нидтэ поавчаст?
Мэйт йнк нидтэ пашшт?
Яла мунн эйй ае яллмуж.
Ёмьне кадэ юльке вўльн.
Коз сонн куэрьмецъ шэнтэ,
Ку шэнтэдъ мун?
Вйресь оллмэ пўдтэнь,
Воалльтэнь, аньсэнъ,
Роавас кйдэтъ кадцьсенъ,
Тўлльев коаллэш роаввсэнне.
Элля адтэ муст чэдзэ э ёгк,
Куэла, пўдзэ шэнтэнь вйресь.

Моя боль

Земля, дорогая земля,
Белая тундра!
Счастливым человеком
Желала (*хотела*) родиться.
Надеялась в течение жизни.
Думала, все мое: семья, домик,
Предков земля,
Саамская одежда и образ жизни.
Все дорого было мне.
Язык я знала, знаю,
Научилась читать, писать.
Живи, радуйся!
Почему же сердцу так больно?
Почему душу так печет?
Живу я не предков жизнь.
Земля исчезла (*потерялась*) под
ногами.
Куда она, кормилица, девалась?
Которая родила (*вырастила*) меня.
Чужие люди пришли,
Взяли, отобрали,
В крепкие руки захватили,
Держат дорогую крепко.
Нет теперь у меня воды и рек,
Рыбка, олени стали чужими,

Моя боль

Как хотелось на Земле
Быть счастливым человеком:
Снегом на ветру белеть
Вместе с человеческим веком,
Знать, что это все мое —
И семья, и дом, и предки...
Что и солнышко встает,
Чтобы знала я, что детки
Только в радости живут,
Что язык родной — подмога,
В доме — счастье и уют,
Жизнь от Бога и до Бога!
Почему же так темно?
Почему же сердцу больно?
Видно, предкам не дано
Помогать всем нам невольно...
Заметает ветром след —
Под ногами нет опоры...
Нет земли и счастья нет...
Люди пришлые не скоро
Примут боль мою... Лети,
Слово верное, к началу.
Рек, озер давно, прости,
Рыб, оленей стало мало...
Век не длинен мой — вдали

Моя боль

Ой, Отчизна-мать, тундра белая!
Я счастливой стать так надеялась.
Мне казалось, все есть для этого:
И семья, и дом, корни дедовы.
И обряды есть, и обычаи,
Дорогие мне и привычные,
А теперь еще есть и грамотность —
Стал язык родной вольным, радостным.
Мне казалось, вот лишь теперь и жить!
Почему ж мое сердце так болит?
Почему душа в муках корчится?
А счастливой быть так мне хочется!
Потому душа моя бедствует,
Что живу свой век не по-дедовски.
И хотела б я по-старинному,
Да земле моей быть чужбиною:
Ведь она, меня породившая,
Не моя давно — люди пришлые
Взяли все в свои руки крепкие,
Держат родину хваткой цепкою.
Нет у нас теперь ни земли, ни рек,
Вдалеке от тундр коротаем век.
Ни охоты нам, ни рыбалочки,
Остаются лишь с водкой шалости.
Ни оленьих стад нет, ни пастбища.

Чӯдзэ кӑрьксэв лоӑтткна,
Оаньхэла мунн аган
Куххькенъ чӑрэсьт кӑммьтэсь.
Кӑдэ мӑххьць э кӑль шылант.
Я кӑдтэй вӑрр эххт —
Яммье райя кӑсстэ.
Пуадтма ӑллмэ ев тӑт
Кӑб мун куллэ,
Вӑлльтэ ёррма:
Йлленъ югке чӑпъ
Э тӑетъ йлльксэлленъ,
Ёльхэнъ пӑррсэть,
Пӑррнэть шӑннтэнъ
Сӑн лыгкэть эвтэс выгкэ.
Адть ёлlepь роӑтткья
Ёммьненъ шаннт я чӑрэнъ.
Коӑдант кӑлл я оӑссэ.
Кӑ кӑб мун лыххц?
Кӑ пуадт вуэсслэ?

Стада бродят усталые (*изможденные*).
Укорачиваю я век свой
Вдали от просторной тундры.
Исчезли охота и рыболовство.
И остался путь один —
До могилы добраться.
Пришлые люди не желают (*не хотят*)
Боль мою почувствовать.
Взять в голову (*запомнить*):
Жили разные мастера,
Исполняли свои дела исправно,
Растили семьи, рожали детей (*смену*),
Их дела вперед вести.
Теперь живем отдельно
С родной землей и тундрой,
Исчезает речь и одежда.
Кто вылечит мою боль?
Кто придет ответить?

Авторский подстрочный перевод

Только путь, увы, к могиле...
Сердце не к добру болит.
А ведь люди жили, жили...
И детишек на веку
Было много — наша смена...
Все — родное: жизни круг,
Наших жизней ойкумена.
Исчезает в тишине
Связь с родной землей. Негоже
Быть не миру, а войне.
Все исчезнуть в мире может.
Боль забытая всегда
Выйдет все-таки наружу...
Кто-то лопнет от стыда...
Тот, кто нам в пути не нужен...

Перевод Н. П. Почтовалова

И один нам путь — лишь на кладбище.
Все у них в руках, людей временных.
А земля бедою беременна.
Только пришлым-то знать не хочется,
И земля моя в муках корчится.
А ведь есть у нас души смелые,
Мастера живут все умелые.
И не раз, не два удивлялся мир
Рукоделию, что творили мы.
Но когда оно так случилось,
Что с Отчизной мы разлучились?
У кого узнать, где найти ответ?
Все вокруг молчат.
Меркнет белый свет.

*Перевод Е. Алексеева**

Мунн шэ́нньтэ

Мунн шэ́нньтэ:

Яллхэ соāме ёммьне,

Уййнэ кё́зь я кыд,

Тāльв я чехч.

Мунн шэ́нньтэ:

Йнукэ́нь āввтэ о́ллмэть,

Парна шэ́нтченъ,

Вуззесь коāвнченъ.

Мунн шэ́нньтэ:

Эвтэс ёадъ́хэ кйл

Я āе тўетъ,

Кййе сйн ев кāдче,

Пэйель сўййн эйй шэ́нтче.

Мунн шэ́нньтэ:

Āе кййетъ мāтьхэ рāттъкэ,

Тōппцма ёррка, адть...

Мунн шэ́нньтэ...

Я родилась

Я родилась

Оживить саамскую землю,

Видеть лето и весну,

Зиму и осень.

Я родилась:

Души согревать людям.

Дети рождались,

Счастье свое нашли.

Я родилась:

Вперед развивать язык

И дедов рук дела,

Следы их не затерялись,

Не заросли травой.

Я родилась:

Дедов следы учить (*различать, отличать*).

Авторский подстрочный перевод

Я родилась

Я родилась:
Увидеть и весну,
И лето, и осеннее ненастье,
И зиму... Всю мою страну
Любить — какое это счастье!

Я родилась:
Согреется душа
Детьми моими, ведь они — подмога!
Они свою судьбу уже вершат!
А счастье — от любви
к земле и к Богу!

Я родилась:
Прадедовский язык
Я помню, и дела дедов, их руки...
Я знаю: след идет стык в стык —
Есть встречи, не бывать разлуке.

Я родилась:
У памяти в долгу,
Не забываю — есть одно начало!
Сумею все, и только не смогу
Ту позабыть, что колыбель качала!

Перевод Н. П. Почтовалова

Для чего я родилась

Для чего я родилась на свет?
Чтобы землю, где живут Саами,
Воспевать высокими словами.
И желания другого нет.
Для чего я в этот Мир пришла?
Чтобы, людям согревая души,
Их сердца и врачевать, и слушать —
В этом я призвание нашла.
Задаю вопрос себе опять:
Для чего живу на этом свете?
Чтоб рождались и выросли дети.
И сказали мне: «Спасибо, мать».

*Перевод И. Егорова**

Вэрр ёгк

Шўрр туарр — пукэ ма́дт,
Кўдтэй маңемь пельт.
Пель агке мэнэ,
А мушт пай пашшт.
Ыгка вуэдтэ́мь паль
Юввэ кышшк.
Йннэ оаллв Чечня баяс
Лань сōнн байя куллай,
Йн лўшштал аге чёд
Шўрр туар баяс, ку пўдэ.
Тэль пўдэ мудта ма́дт.
Кавказ поа́ке валас
Кōллкэв о́ллмэ вэр.
Шўрр па́гкьмушш кэскэсьт

Кровавая река

Большая война — всех беда —
Осталась позади.
Полвека прошло,
А память все жжет.
Ночью во время сна
Тишину разрывает.
Плач (*вопл*) матерей о Чечне
На всю страну слышен.
Голос пронизывает сквозь века
О войне, которая пришла,
Вот пришла другая беда.
С Кавказских гор вдоль (*вниз*)
Течет людская кровь.
Большая вражда между

Кровавая река

За войной всегда беда —
Сердце вдруг заныло...
За иконою медаль —
Стопка у могилы...
Ночью сон не в сон... в окне
Не сынок — вдогонку:
Похоронен сын в Чечне...
Только... похоронка.
Голоса едва слышны...
Горестны разлуки...
У войны нет тишины —
Жутковаты звуки...
Кровь людская не вода,
А — беда... Не слышно

Ёмьне Рӯшш — Чечня
Вагкенъ коаввсаннт шӯрр.
Эххт ёмьне пукэ гуэйке
Толлэнъ шурэльт пуэлл.
Йннэ кәннял чильмэнъ —
Мйн эххтса рёххък.
Эфт пйррсэсьт
Вйлльй вйлье вуэсста —
Ёадтэв мйн шэ альк.
Кёххт сорьметъ югке сйн
Нӯрр лёсск оаке эвтэсьт?
Э, Йммель, вуййк мйн аджь
Лыдц мйнэтъ
Кӯтэнъ соанэнъ шывв!

Россией — Чечней
В страх превращается большой.
Общая земля для всех
Костром большим горит.
Матерей слезы из глаз —
Наш общий грех.
В одной семье
Брат брата против
Идут наши же сыны.
Как их смерти поделить
Перед молодыми вдовами?
И, Бог, праведный наш Отец,
Исцели нас
Двумя словами важными (*главными*)!

Авторский подстрочный перевод

Страх от горя и стыда...
Где же ты, Всевышний?..
На Земле большой костер
Не горит, а тлеет...
Как же Мир на слезы скор...
Грех все злее, злее...
Ведь в одной семье, к стыду,
Брат идет на брата,
Накликав в жизнь беду:
Даты смерти, даты...
За смертями жизнь пуста —
Боже, дай мне силы...
Сдует ветер снег с креста
Сыновьей могилы...

Перевод Н. П. Почтовалова

Ажь с̄аннь
[С̄амь мо̄йнас]

Вэсьт яммедтэ аджь цильке аллкас:

— Оань одт я п̄ор няллкасэть. Тала эй шэнтэнч мэнн оаннэ я п̄оррэ.

Танна соннэ дедэсь с̄аррн:

— Йджянт кидэгуэйм пугк лыгк. Няллкас лйинченъ леййп я чадзь, оаннэ алках одт.

Зоабэль цильке соннэ дедэсь. Лыгкэ сонн адть пйвсэг райя. Няллкас шэнтэнь церствэ леййп я пусьт чадзь, ыдэшкудтэнь одт кавьн.

Кенъцесь, удць чалма.
[С̄амь мо̄йнас]

Рймын-каллсасьт чальм ев уйн. С̄онн ёадт, к̄офк-сувант вэсьт м̄урэ. Танна с̄онн эльке м̄урэнь аннэ чильметь. Педзь с̄аррн:

— Мун чальм тэрвенъ лев тйввтма.

К̄усс с̄аррн:

— Мун чильметь с̄яххтар коатэ.

Пёсс̄ьм̄урр с̄аррн:

— Кэжь чильметь мун пёссесьт.

Пёссь с̄аррн:

— Мун чальм лев кёнъц я удцьха.

Рймын-каллса цильке:

— Кёнъцесь чалма лев м̄оджесь чалма, а удць чалма кукас уййнэв.

Ныдть Рймын-каллса шэнтэ чильмегуэйм, пугк пырс уййн.

Завещание отца

Перед смертью отец сказал сыну: «Носи новое, ешь сладкое».

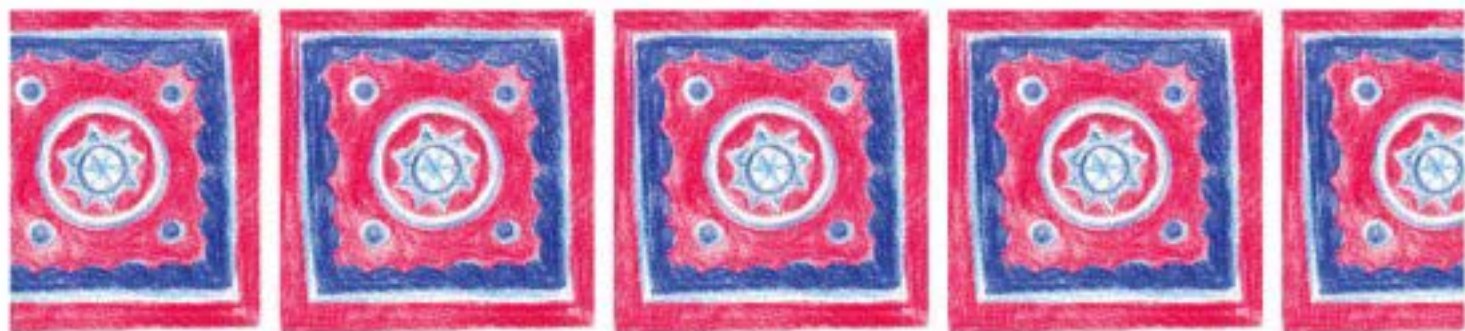
Сын носил новое и ел сладкое, но пришло время, когда нечего стало носить и есть, и он отправился к дяде. Рассказал о завете отца, о том, что, выполняя его, он совсем обнищал. И пришлось дяде объяснить племяннику слова его отца: «Своими руками все делай. Сладким будет и черствый хлеб, и простая вода, и носить будешь все новое, коль сошьешь себе».

Правду сказал дядя. Работал племянник теперь до пота и сладким был черствый хлеб и простая вода, стал шить себе — появились новые вещи.

Узкие, маленькие глаза

У старика-лиса глаза не видят. Он идет, запинаясь о деревья. И стал просить у деревьев глаза. Сосна говорит: «Мои глаза смолой залиты». Ель говорит: «Мои глаза мхом покрыты». Береза говорит: «Проси глаза у моей бересты». Береста говорит: «Мои глаза узенькие и маленькие». Старик-лис сказал: «Узенькие глазки — красивые глазки, а маленькие глазки далеко видят». Так береста дала лису свои глаза, и он стал все далеко видеть.

Аскольд Бажанов

(21.06.1934–15.10.2012)

Отшумел сквер у дома листвою,
Снег октябрьский засыпал округу,
С непокрытой иду головой,
Поклониться поэту и другу.

Как же хочется в небо кричать,
В смерть твою не хочу даже верить,
Вот бы день тот сначала начать,
Я б пришел, постучал в твои двери.

Обо всем бы с тобой говорил,
О стихах, об охоте, о прозе,
Ты бы жил, ты б и дальше творил,
Но сегодня цветы на морозе.

От друзей, ото всех, кто любил,
Кто души в тебе просто не чаял,
Не хочу говорить, что ты был,
Ты живешь, только снег не растаял,

На котором остались следы
С нашей скорбью, любовью, тревогой,
Нет страшнее на свете беды,
Чем идти этой трудной дорогой.

Отшумел сквер у дома листвою,
Снег октябрьский засыпал округу,
С непокрытой иду головой,
Поклониться поэту и другу.

Алексей Назаров

85-летний солнцепоклонник кольской тундры

В 2019 году исполняется 85 лет со дня рождения Аскольда Алексеевича Бажанова! В 1983 году выходом своего поэтического сборника на русском языке «Солнце над тундрой» ловозерский поэт Аскольд Бажанов первым открыл людям мир тундрового народа, запечатлив любовь к родной земле в «радужно-яркие краски», возникающие из воспоминаний детства, из сказок бабушки и деда.

В саамском нашем поселеньи,
смотрящим в двадцать первый век,
мальчишкам нравятся олени
и сам олений человек.
Мальчишкам нравятся, как прежде,
оленьи гонки и костер,
саамской вышивки одежда
и ветром меренный простор!
Недаром в нашем поселеньи,
идушим в двадцать первый век,
все больше ценятся олени
и сам олений человек!

Родился он в небольшом погосте Рестикент на Нотозере Мурманской области.

Поэт и прозаик. Писал на русском языке. Автор пяти книг: «Солнце над тундрой» (1983), «Стихи и поэмы о саамском крае» (2009) на английском и русском языках, повести «Белый олень» на саамском и северо-саамском

(1996), на русском языке (2007). Переведен на саамский (кильдинский диалект), северо-саамский, норвежский, шведский, финский, английский языки.

Сын потомственных оленеводов, он писал о том, как его деда и прадеды пасли оленей, мечтали видеть своих внуков пастухами, ловили рыбу, добывали пушнину, жили в домах в зимних и летних погостах. И главной темой его стихов вполне можно было бы назвать тему хозяина вечной тундры, которым и является герой бажановских стихотворений:

Прежде чем оставить след
на земле желанной,
в церковь свез меня мой дед
в люльке берестяной.
Дед, как честью, дорожил
верой поколений:
вместо пуха положил
в люльку мох олений.
Дед на ласку был не скуп,
мудр был от природы...
Как хотел он, чтобы внук
стал оленеводом,
чтоб охотиться умел,
мог закинуть сети,
чтоб удачлив был и смел,
да и быстр, как ветер!
Чтобы с тундрой в дружбе жил,
был ее полпредом

и захлеб ее любил —
как и наши деды!
(Обычай предков)

Бажанов высоко ставил дело пастуха, потому как с самого раннего детства саамским «мальчишкам нравятся олени и сам оленный человек»³⁶. Они приучались ходить за оленем, управлять им, участвовать в оленьих гонках. Об этом можно прочесть в повести Бажанова «Белый олень». Правда, в ней отец пока не пускает младшего сына участвовать в областных соревнованиях, оправдывая это словами: «...если бы ты, Данилка, на районном празднике точно занял первое место, то я Гришку стал бы просить остаться в стаде. Ты еще молод, будут у тебя Праздники Севера. А сейчас нам с тобой необходимо быть при стаде — выполнять главную заботу оленеводов»³⁷. Но мы верим, что у Данилки будут и свои старты, и свои победы, и своя первая медаль, блестящая, как «Солнце золотое»³⁸. Бажанов видит смысл жизни саамских мужчин в том, чтобы стать хорошим пастухом, жить мыслями о тундре, оленях, но и с радостью возвращаться домой:

Олени чуткие бегут стремительно
путем, не хоженным еще никем.
Им тундра белая неустойчива,
им горы дальние — невдалеке.
Восходы зимние косынкой розовой
ложатся трепетно на грудь Хибин.
Укрыто дымкою село Ловозеро
в одной из тысячи больших низин.

³⁶ Бажанов А. В саамском нашем поселенье // Бажанов А. А. Солнце над тундрой: стихи. Мурманск : Мурманское кн. изд-во, 1983. С. 50.

³⁷ Бажанов А. А. Белый олень. Мурманск : Север, 2007. С. 34.

³⁸ Бажанов А. День оленевода // Бажанов А. А. Солнце над тундрой: стихи. Мурманск : Мурманское кн. изд-во, 1983. С. 22.

Здесь даль холмистая березкой утана,
к широтам северным ее влечет.
А расстоянья здесь берутся сутками,
на километры здесь немыслим счет.
А ветры дикие морозом жалятся,
зима на Мурмане — крута вдвойне;
В добротных тоборках,
в просторной малице
пастух заведомо зимы сильней.
На сани легкие присев сноровисто,
домой — и нет пока других забот, —
где с ладной песнею, где с тихим посвистом
спешит в Ловозеро оленевод.
(Домой)

Однако в последние годы все меньше саамских ребят рвутся в тундру, да и немного найдется отцов-саамов, мечтающих о том, чтобы их сыновья пошли в оленеводы.

Сам Аскольд Алексеевич всю жизнь работал в поселке Ревда на горно-обогатительном комбинате. И с годами его, ребенка военного лихолетья, родившегося 21 июня 1934 года, все чаще посещали воспоминания о тех тяжелых днях, когда само слово «война» стало синонимом слова «смерть». У его бабушки было одиннадцать детей, в живых остались сын и две дочери, остальные погибли. Потому так сильна ненависть к войне у поэта, потому стихи его до сих пор пропитаны болью и обостренным чувством вины:

Я виноват, что нет в живых отца,
что стон войны всю жизнь за мной несется.
Я виноват, что не обрел крыльца,
которое родительским зовется.
Я виноват, что надорвалась мать
в сплошном послевоенном лихолетье.
Я виноват, что не сумел понять,
откуда дует смертоносный ветер...
Я виноват, что творческая грусть
дала мне шанс, окрепнув духом, выжить.
С ожесточеньем пробую и бьюсь,
как будто марафон бегу на лыжах!
Я виноват, что не могу устать,
остановиться, задохнувшись гонкой.
Душа моя, как в юности, чиста...
А сердце также молодо и звонко!³⁹

И все-таки тема хозяина тундры и тема войны не главные в стихах Бажанова. Главной темой его стихов является природа Севера и Солнце! Природа Заполярья у него вобрала в себя и «*Млечный путь волною пенною...*»⁴⁰, и «*Всполохи сияний над тундрой*»⁴¹, и «*...с неба серого бесконечный снегопад*»⁴², и «*опавших листьев огоньки*»⁴³, и «*ночи полярной душа*»⁴⁴, где «*январские ветры в Хибинах ревут*»⁴⁵ или «*хоть и нет тепла для Севера, все равно чему-то рад*»⁴⁶. Когда тундра стоит

³⁹Бажанов А. Стихи поэмы о саамском крае = Verses & poems on the Saami land / Аскольд Бажанов ; English translation by Naomi Caffee ; with an essay by Johanna Domokos. Berlin : Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität, 2009. С. 54

⁴⁰Бажанов А. Нет, луна не собеседница // Бажанов А. А. Солнце над тундрой: стихи. Мурманск : Мурманское кн. изд-во, 1983. С.14.

⁴¹Бажанов А. На белых оленях // Там же. С.15.

⁴²Бажанов А. Вот и май, а с неба серого // Там же. С.31.

⁴³Бажанов А. Осень // Там же. С.41.

⁴⁴Бажанов А. Ходит по тундре немой изваянием // Там же. С.51.

⁴⁵Бажанов А. Январские ветры в Хибинах ревут // Там же. С.8.

⁴⁶Бажанов А. Вот и май, а с неба серого // Там же. С.31.

«в снегу морошкового цвета»⁴⁷ поэт радуется, и это чувство радости входит и в нашу душу с его стихами:

Горы — будто пьедесталы,
Сейда — чаша, духов пир,
И вода здесь непростая:
Выпьешь — враз прибавит сил.
А пьянящий горный воздух —
Не скупись — дыши в запас,
Сядь к костру — ну чем не отдых,
Все курорты не про нас.
Я не спорю — здесь не Ницца,
Но зачем о ней скучать,
Только раз прийти — и сниться
Будет Сейда по ночам.
Будет звать красою горной,
Не стерпеть — придешь опять
К недоступной и покорной,
Скалы древние читать.
О волшебниках могучих
И о злющих колдунах,
Что, шутя, глотали тучи,
Камни плавил в руках.
О судьбе народа саами,
Корнем вросшей в тверди скал!

Был наш Север крайним самым —
Нынче край мой в центре скал!

Его вполне можно назвать своеобразным «солнцепоклонником», так как солнце или мечты о нем мы находим почти в каждом его стихотворении и прозаическом произведении, да и название книге — «Солнце над тундрой» — поэт дает не просто так. Открываем сборник и сразу становимся свидетелями зародившегося после полярной ночи белого дня. Ведь не могла родиться строчка «*В дверь Хибин ввалилось Солнце и — уселось на порог!*»⁴⁸ у человека, далекого от жизни Севера. И сразу Солнце в поэзии Бажанова становится для нас зримым, осязаемым, живым существом:

Ночью длинной, ночью темной
в седловине между гор
кто-то добрый и огромный
на снегу разжег костер.
И костер тот, разгораясь,
сыпал в тундру тучи искр,
ночь от сопок отрывая
и бросая клочья вниз.
Ставни туч сорвал с оконца
неба дерзкий ветерок!
В дверь Хибин ввалилось солнце
и — уселось на порог!
(*Первое солнце*)

И еще более одухотворенное: «*В первый день что у Солнца спросишь? —*

⁴⁸Бажанов А. Первое солнце // Бажанов А. А. Солнце над тундрой: стихи. Мурманск : Мурманское кн. изд-во, 1983. С.5

*поздороваться бы успеть»*⁴⁹. Рассказывая о ручейке, он пишет, что «*в нем все лето купалось солнце под журчанье и тихий всплеск»*⁵⁰, или уж совсем осязаемо: «*надо солнечный лучик детства, обжигаясь, носить в груди»*⁵¹. Все глаголы, относимые Бажановым к солнечному светилу, можно отнести и к любому саамскому человеку.

Интересно, что, даже описывая игру северного сияния, поэт находит и в нем отсветы солнца и с удивлением восклицает:

Глядите: ветер солнечный —
зеленое сияние,
подвижная бессонница,
холодное ласкание.
То светится, как занавес,
то быстрым вихрем взвинтится;
погаснув, вспыхнет заново,
играет — не насытится.
Подарок солнца яркого,
на Крайний Север посланный,
ласкать земную маковку
зеленым ветром космоса,
затмить мерцанье звездное
картиною диковинной,
светить с луною позднею
над тундрой, снегом скованной,
чтоб хоть немного скрашивать
характер неуступчивый
Полярной Ночи, ставшей

372 ⁴⁹Бажанов А. Радость // Там же. С.20

⁵⁰Бажанов А.А. Солнце над тундрой // Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н.П. Большакова, В.Б. Бакула, авт. вступ. Ст. Н.П. Большакова]. Мурманск: Опимах, 2012. С.83.

⁵¹Там же. С. 2

бессолнечной попутчицей
доверчивому Северу.
(Северное сияние)

И далее тут же объясняет, что северное сияние — это: «Подарок солнца яркого, / На Крайний Север посланный»⁵². В другом стихотворении он пишет о северном сиянии как об апогее, как об утверждении жизни:

Ходит по тундре немым изваянием,
будто куда-то спеша, возле луны
полыхает сиянием — Ночи Полярной душа.
Если в сиянье всмотреться внимательней,
можно подумать всерьез:
кто-то невидимый мажет старательно
черный, огромный холст.
Мажет и снова стирает —
не нравится что-то в картине ему,
из желанья до Солнца прославиться —
просто из творческих мук.
Есть в этом хаосе цвета и холода
что-то от солнечных дней,
если на сердце без всякого повода
стало заметно теплей.
Минут бесследно полярные сумерки,
вырастет день — и тогда
взойдет над замерзшею тундрой
Солнце — Большая Звезда.

⁵² Бажанов А. Северное сияние // Бажанов А. А. Солнце над тундрой: стихи. Мурманск : Мурманское кн. изд-во, 1983. С. 9

По поводу этих строк у мурманского поэта Александра Миланова в статье «Будет тундра вечно молодая» написано: «*В этих строчках улавливаешь природный такт, удивительное чувство слова. Только житель тундры может так сказать о солнце. Сравнение солнца с большой звездой в устах другого поэта едва ли выдержало бы критику, показалось бы натянутым, фальшивым. А здесь сравнение органично*»⁵³. Да, для жителей тундры сравнение Бажанова органично и образно, точно как «и весна — с грудного малыша».

В повести «Белый олень» поэт описывает то, как ждут люди появления солнца: «*Месяцами томится взор о первом солнечном луче. Блеснет он — чудо! Розовым област белизну весенних просторов, горы, будто древние старцы в ослепительных шапках, витые березки на холмах — чудо!*»⁵⁴.

Солнечные лучи у Бажанова, как и само солнце, выступают с разным назначением. То это был букет для женщин, а то появляется и «*наст из солнечных лучей*»⁵⁵, по которому поэт мечтает поехать в тундру на оленьих нартах.

Все начала в Заполярье и правда идут «иль с солнцем, иль со льдом». О льде поэт делает только легкий намек, но живущие-то здесь хорошо знают, что это такое. Не дай бог попасть в тундру зимой «цивилизованному» человеку, и она покажется ему жестокой и беспредельной, покрытой ледяным настом и обдуваемой злыми острыми ветрами. «Цивилизованному» человеку в ней не выжить, он сбежит отсюда с первыми же появлениями неудобств. А для Бажанова тундра — родная мать, формирующая в нем, как в поэте, своим скупым разнообразием красок настоящего художника, умеющего замечать даже самые неброские ее проявления, облакая их в совершенно неожиданные образы:

⁵³ Миланов А. Будет тундра вечно молодая // Мурманский вестник. 19 апреля 1995.

⁵⁴ Бажанов А. А. Белый олень. Мурманск: Север, 2007. С. 27

⁵⁵ Бажанов А. А. Дед собирал нехитрую поклажу // Там же. С. 30.

Апрель снега задорно стружит,
Рубанком Солнце возвенчав,
Губастый ветер морщит лужи,
Играет лезвием ручья.
Зима отныне осторожно
Шалит по тундре холодком...
А в том ручье — малыш дотошный
Катает солнышко совком.
(Апрель)

Как видим, опять любимое поэтом солнце играет здесь главенствующую роль. Тундра для него и дом, и уютное обиталище, где человек — борец, который противостоит всем превратностям погоды, одолевает мглу полярных ночей, снег и ветер. А сколько строк посвящено у Бажанова его друзьям-оленьям! *«Данилка шагнул из куваксы и залюбовался. Олень кормился, но, увидев человека, поднял красивую шею, потрянул головой, словно приветствуя. Сухарь он взял из рук с удовольствием, захрустел, потерся носом о ладонь. Данилке стало хорошо, и он присел на валежину рядом с другом. Солнце касалось пологих хребтов. Оно было красным и ярким. Вспомнил слова отца:*

— Последние дни видим, скоро уж не выкатится.

Да, прощается с тундрой надолго. Лишь отблески его лучей поиграют еще, порадуют ясной прозрачностью. Потом, затухая, отгорит и ярко-оранжевая полоска. Придет трудная, суровая пора»⁵⁶.

Судьба саамского народа и самой тундры в произведениях Бажанова укладывается в рамки традиционного саамского фольклора. Так, в сюжеты его стихов входит сказочный мифологический олень, вернувший людям

⁵⁶Бажанов А. А. Белый олень. Мурманск : Север, 2007. С. 25

тундры солнце. Сначала это только мечта:

В январе, ожидая чуда,
Лишь восток чуть светлел в снегах,
Ждали мы, что олень оттуда
Солнце вынесет на рогах.

затем — действительность:

Мглы январской следы распутав,
разогнав по ущелью тень,
рыжей лайкой вбежало утро,
упреждая Полярный День.
День пришел — и по тундре радость,
да такая — снегам цвести!
Самый сильный олень из стада
Солнце сопками покатыл.
В первый день что у Солнца спросишь?
поздороваться бы успеть.
А олень его враз подбросил
в заполярных ветров круговерть.
Хоть свети — до тепла далеко,
Ночь Полярную убеди:
пусть уходит своей дорогой —
с брошью звездною на груди.
(Радость)

Поэт не старается в точности воспроизводить сюжет древнего саамского сказания, его взгляд на мифологизм скорее направлен в глубину саамской

культуры, к утраченным ценностям, недоступному прошлому. В стихах сказание об олене приведено схематично, не то что в повести «Белый олень», где автор подробно, во всех красках рисует мир сказки о северном сиянии, утащившем на небо саамского парня, которого могла вернуть на землю только его невеста: «...маленькая девушка встала с кережи и пошла прямо к самой большой ели. Спросила:

— Большая ель, ты в последний раз видела моего жениха, так скажи, что с ним. На твоей хвое остался его взгляд, ни ветром его ни сдуть, ни снегом его не закрыть, ствол твой обвили его думы, а думы его были обо мне...»⁵⁷.

Так любовь саамской девушки помогает парню вернуться с неба на землю. Тут-то вновь и вспомнится строчка из стихотворения Аскольда Бажанова о том, кто сильнее в тундре: «...любовь или вьюга»⁵⁸.

В поэзии Бажанова северный край выглядит зримо, рельефно, убедительно, так, как о нем может рассказать только человек, родившийся здесь и горячо любящий его суровую красоту. Отсюда и столь оптимистичное восклицание: «Не прячься, Солнце! Больше света / Росистым травам поутру!»⁵⁹:

Березки вспыхнули стыдливо
душистой клейкою листвой.
В лесу запел комар пискливо,
отведав браги дождевой.
Зажглись на солнечных лужайках
костры густых зеленых трав.
И даже елям стало жарко
в своих игольчатых мехах.
А на болоте, меж кустами,

⁵⁷ Бажанов А. А. Белый олень. Мурманск : Север, 2007. С. 37

⁵⁸ Бажанов А. Январские ветры в Хибинах ревут // Бажанов А. А. Солнце над тундрой: стихи. Мурманск : Мурманское кн. изд-во, 1983. С. 8

⁵⁹ Бажанов А. Березки вспыхнули стыдливо // Там же. С. 39

среди буровато-рыжих мхов
морозка чувствует цветами
концерты первых куликов.
Не прячься, Солнце!
Больше света
росистым травам поутру!
Не то коротенькое лето
совсем застынет на ветру!

Как пишет Виктория Бакула: «Стихи Аскольда Бажанова глубоко лиричны, теплы, праздничны по цвету, проникнуты такой трогательной любовью к родному краю, что читающий их не может остаться равнодушным. Стихи саамского поэта по-прежнему становятся открытием и для тех, кто не знаком с Севером лично, и для тех, кто живет здесь давно. Слово драгоценный камень, сверкают они каждый раз разными гранями, открывая все новые и новые цвета родного для поэта заполярного Дома»⁶⁰. Стихи поэта переведены на саамский язык (кильдинский диалект), северо-саамский, норвежский, шведский, финский и английский языки.

Надежда Большакова

Очарованный тундрой*

Данилка принес свежей воды, потом еще и еще, пока не наполнил бидон. Раздул костер, подбросил несколько поленьев и налил чайник. Бодрое пламя лизнуло закопченные бока. Сколько в нем было горячей силы, беспокойства — как у Беляка.

Данилка шагнул из куваксы и залюбовался. Олень кормился, но, увидев человека, поднял красивую шею, потрянул головой, словно приветствуя. Сухарь он взял из рук с удовольствием, захрустел, потерся носом о ладонь. Данилке стало хорошо, и он присел на валежину рядом с другом. Солнце касалось пологих хребтов. Оно было красным и ярким.

Вспомнил слова отца:

— Последние дни видим, скоро уже не выкатится.

Да, прощается с тундрой надолго. Лишь отблески его лучей поиграют еще, порадуют ясной прозрачностью. Потом, затухая, отгорит и ярко-оранжевая полоска. Придет трудная, суровая пора.

В такую пору Данилка на школьном вечере впервые прочитал свои стихи. Слушателями были, кроме учеников, учителя, воспитатели. Одна из них, Александра Антоновна, преподавала литературу и знала — Данилка пробует писать. К ней и обратился. Разбирали стихи недолго, а доработка заняла у Данилки массу времени. Он изменял в них, убирал, переставлял слова, сочинял снова. И каждый раз волновался, принося исправленное к учителю. Что еще не так, умею ли работать над ошибками. Уже в то время Данилка усвоил: доработка, исправление — дело трудное, очень трудное.

Александра Антоновна посоветовала вступить в литературный клуб при школе. В «Современнике» было интересно — читали классиков и новых поэтов, обсуждали собственные пробы.

* Это произведение Аскольда Бажанова существует в нескольких вариантах перевода на саамский язык, один из которых был опубликован. А. Бажанов и автор перевода, А.А. Антонова, были настроены критически в отношении ряда редакторских решений и возражали против опубликованной редакции текста на саамском языке. Из уважения к ним, мы приняли решение представить этот текст только на русском языке.

Досталось тогда Данилке. Придирчиво разбирали каждое четверостишие, строку, да что там — каждое слово. Данилка отчаянно спорил, горячился, понимал, перерабатывал и снова отстаивал свое. Вспомнив о далеком уже времени, Данилка отметил для себя — редко берет на карандаш рифмы, которые зачастую приходят, которые проговаривает вслух. Незаписанные, они за сутолокой дел забывались, а значит — исчезали навсегда. Еще не стерлись воспоминания о первых, явно слабых стихах, прочитанных принародно. После сочинял и удачные, но первое публичное прочтение — словно прыжок через костер, потому и осталось в душе ярким трепетным отблеском, полетом.

Летать Данилке приходилось всего раз. Свежее, стойкое впечатление. Закроешь глаза и возникает необъятное голубое пространство, проплывающая внизу земля. Встрепенет сердце необъяснимо-тревожное ощущение. Именно такое состояние было при первом публичном прочтении стихов.

Сейчас, глядя на большое ярко-красное солнце, Данилка вдруг проговорил:

— Красивой бывает наша тундра. Много глубоких переживаний дарит. Месяцами томится взор о первом солнечном луче. Блеснет он — чудо! Розовым обдаст белизну весенних просторов, горы, будто древние старцы в ослепительных шапках, витые березки на холмах — чудо!

А пурпурного каления закат сверкал в глаза Данилке:

— Воспой, воспой красоту родной природы! Полярную ночь в темно-звездном платье, несмелый рассказ ручья о зиме, что провалилась в подтаявший сугроб и промочила выходные белые пимы.

Работая в стаде, Данилка не замечал и не слышал, чтобы братья вслух восхищались красотой природы. Чаще ворчали на бураны, морозы, дожди.

Изредка и солнцу говорили неласково. Бывали жаркие июльские недели, сохла тундра, леса занимались пожарами, выгорал ягельник — основной олений корм. Ученые пишут — только через тридцать лет восстанавливается. Даже не верится, что так медленно зарастает гарь седой кудренью ягеля. Но знал Данилка: братья чтут тундру, по-своему любят, не напоказ.

А каким я буду через тридцать лет? Вырастут сыновья, может, захотят остаться оленеводами? В такую даль трудно заглянуть. Может, переведутся за эти годы олени. Но как же люди, тундра? Нет, олени будут всегда. И оленеводы продолжают свою профессию. Надо растить смену заинтересованную, пристрастную, преданную. Охваченный смутной тревогой, Данилка встал и припал к сильной шее Беляка:

— Что взволновало меня, с кем спорю? Со временем?

Донесся звук снегохода, это Прошка заводил своего железного помощника.

Техника хороша. Все больше ее приспособливают для нашей профессии. Значит, в районе думают о дальней перспективе оленеводства, и нашему государству оленеводство необходимо.

Перестройка, ускорение — новые для пастухов слова. Крепкие, обнадеживающие. Данилка почувствовал, что неприятная тревога уходит. Он снова сел, достал из кармана блокнот и карандаш, набросал первые строки будущего стихотворения.

Кто сказал, что северных оленей
Скоро будет незачем пасти?
Дай, мол, срок... и техника заменит,
На нее лишь сесть да завести...

За этим занятием и застал его незаметно подошедший брат Григорий:

— Ты не слышал, я окликнул тебя? Опять размечтался над блокнотом, заканчивай, запрягай Беляка. Попробую его сноровистость.

Романю, к чему ищ
возврат
Шбушка с шилом
мне
Но разве тугоза
векласта
Что не косми я у иед!
Аскому Бансау

Пуазпынней*

Авта ёммыне воӱлхалл эбрьэнь.
Ёадтэв чудзэ ягкал мӱлт.
А эфтпаллса мунэнь Вӱсськэнч
Вӱтадт чӱдзье пастхэнь сӱнн.

Элля кӱххьпэсь сӱнэсьт рӱбэт,
Аббрьэнь, вӱдзэнь чӱрэсьт чуэннч.
Кукесь ыйень вуэдтӱ быдахч —
Тӱлльед, роазьнэд — пастэх лӱх.

Шӱрр лӱв чӱдзэ мӱн совхозэсьт,
Вӱл лӱ шуря пӱдзэсьт вӱллт.
Пастэх яллмушш пӱллвас альн лӱ,
Куххькэнь пукэ сӱйтэнь манн.

Кӱххт эгк шӱдтӱэль юлькэ вуэлла
Соннӱ ягклэнь сӱбпэсь кӱвьрэтӱ,
Ёгк шӱрр кӱшкэтӱ эле лӱйххэ,
Колле налла пуазпыннье.

Чӱрр сӱн гузйкэ тӱллъя кӱннӱц лӱ,
Тӱлэсьт лӱйнэсьт лӱ гу чӱрэсьт,
Коаль эй ялче чӱрэсьт пастэх,
Пуссьт ё лувач тула чӱрр.

Перевод А. А. Антоновой

Пастух

Вот опять дожди косые
побрели оленьим мхом,
а ровесник мой — Василий —
ходит в тундру пастухом.

Нелегка его работа:
дождь ли, снег ли — на посту,
ночью длинной спать охота, —
не ропщи, крепись, пастух.

Велики стада в колхозе,
волен северный олень,
жизнь пастушья — на полозьях,
вдалеке от деревень.

Как не стлать ему под ноги
дорогих ковров из мха,
речек бурные пороги
не дарить, как жемчуга!

Он для тундры — друг старинный,
ей обязан — как костру.
Тундра б сделалась пустынной,
коль не жил бы в ней пастух!

Кугкь вӯррэтэм кыдт*

Ента — май —
а вэдз лй нубпай,
суннтэ сōнн зйй тāt,
коамм пāль мўнне
сўррькхэнь кыд адть,
вӯррьтлассьтэ сōн быдт.
Самолётэнь
Кыртач мыйе
чофта вуэртма кыдт,
мимоза рāзь удць пучкагуэйм
авьтмуссе сōнн ыдт.

Перевод А. А. Антоновой

Весна

Завтра май, а снег упряма, не тает,
запугал весну полярный мороз.
К нам весна лишь самолетом летает
в виде маленьких букетов мимоз!

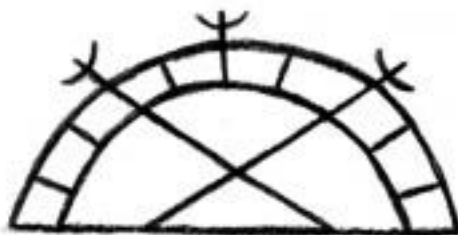
Чѣххч*

Чуввесь ёгк, таввял ёгк
Сыллп юдэсь альн
Оммпалльм чѣххч
Тула ё кўнтаххч
Кѣххчма лэстэ тоӧлять.
Сыйй вѣл ёммьне поӧххкас аннѣтэв,
Ноа лӧбпэ сыйй ё
Ев альк мўрэнѣ
Я сѣйима пѣссьмур
Рыссье альн.

Перевод А. А. Антоновой

Осень

Уж на серебряном подносе
прозрачной северной реки
разносит пасмурная осень
опавших листьев огоньки.
Они еще теплом лучатся,
но им уж больше не качаться
на ветках сгорбленных берез...

Моӱст

Каррэв пӱдзэ чӱххкэ мӱлльтэ,
касьт нике эйй вӱннцэнч вӱл.
Пӱдзэть чӱрр эйй коӱштэд лӱссэ,
ев коӱштэдъ куххькень кукесь пӱкъ.
Розовэ рыбпхань йнцэсь кӱффсэ
Хибина раньт эл кэдчнэв сыйй.
Кэскэсьт тоӱфант нӱррьмедтэ
эфт шӱрр нӱррьмесът
сӱнькесь сувян кӱххтма ли
мыйе коӱллэш Луяввьр сыййт.
Ыштла шӱххтла мунн кӱххьсесь соӱнэ эл,
кырт Луяввра тӱрьм пастэх пӱррьн,
кӱз лывьтэнь выяст сӱнн,
касьт мӱлкнесът нюрькасьт сӱнн —
мудта пӱццэль адть евла сост.

Перевод А. А. Антоновой

Домой

Олени чуткие бегут стремительно
путем, не хоженным еще никем.
Им тундра белая неустойчива,
им горы дальние — невдалеке.
Восходы зимние косынкой розовой
ложатся трепетно на грудь Хибин.
Укрыто дымкою село Ловозеро
в одной из тысячи больших низин.
Здесь даль холмистая березкой уткана,
к широтам северным ее влечет.
А расстоянья здесь берутся сутками,
на километры здесь немислим счет.
А ветры дикие морозом жалятся,
зима на Мурмане — крута вдвойне.
В добротных тоборках,
в просторной малице
пастух заведомо зимы сильней.
На сани легкие присев сноровисто,
домой — и нет пока других забот, —
где с ладной песнею, где с тихим посвистом
спешит в Ловозеро оленевод.

Сāмь сыйтэсьт

Сāмь мйн сыйтэсьт,
Кӯххтлоагь авьтмусс
Агка кйххчьесьт,
Парнать мйллтнэв пӯдзэ
Я йжя пуазнэгкь ѓллмэ.
Пāррнэть мйллэ мйлльтэ лёв,
Кōххт э эввтэль чāрэсьт.
Кэ́рхэллмуж я кōввас тōлэнь,
Оāссэ, руэскэнь кырйха сāммьясьт.
Я кōмьтэсь ёммьне,
мёррьда пйнкэнь
Сāмь мйн сыйтэсьт,
Ёадтъенч кӯххтолоагкь авьтмусс агка,
Эй тэль пусьтэльт
Цыстэсьт ёнамп пай лёв пӯдзэ
Я йжя пуазнэгкь ѓллмэ.

Перевод А. А. Антоновой

Саамское поселенье

В саамском нашем поселеньи,
смотрящим в двадцать первый век,
мальчишкам нравятся олени
и сам оленный человек.

Мальчишкам нравятся, как прежде,
оленьи гонки и костер,
саамской вышивки одежда
и ветром меренный простор!

Недаром в нашем поселеньи,
идушим в двадцать первый век,
все больше ценятся олени
и сам оленный человек!

Сāмь пāррна*

Югке вуэр, куэссь пōдтал лōссэ,
кулах — вйгхуввехь — элля вуаннче,
муштэй: эгк ля āянт лāффма пэрьта хозень,
а агкья чāр тōнн хōзень лях.

Перевод А. А. Антоновой

Саамскому парню

Всякий раз, когда бывает трудно,
чувствуешь — не выдержать борьбы,
вспомни: ты хозяин вечной тундры,
а не ветхой дедовской избы!

Софья Якимович

(23.04.1940–15.06.2006)

София

Саамская, мудрая...

Землю чтит, озера любила, в песне Север воспела родной.

Знала — в корнях сила рода саамского.

Мать!

Надежда Большакова

"Эли Вузйивь" - высокая гора.

Бркъя урвн Старинная гора
Эли Вузйивь Высокая гора
мон (э) тугра- за (твоя) медя
Имант пейивь самце ирагетсе

Принев Эли Вузйивь - Высокая гора
Эли Вузйивь - Высокая гора
мон тугра- за медя
Имант пейивь - самце ирагетсе

Урвта кэсэс - Среди гор
Мажисе явге красивое озеро
Всесэ масет Вечерняя звезда
Имант Вузрн отблает нас

Принев: озеро
Умане явгес - На (Умбозе)
Имант кэсэс среди волн
Кырьялт кубе переживаете кужа
Цодр кудм Царская рыба

Принев
Камсень мадрэ - Виталие гора
Кодмэн акко- (заботая)
каст ми мон (э) Дорогая старинная
мажисе кана где не твоя
красивая кама.

Принев:

© Якимович

Ефим Софья из рода Юрьевых

В 2019 году исполняется 20 лет со дня выхода первых книг саамской поэтессы, сказочницы, переводчицы Софьи Ефимовны Якимович. Это были книги «Праздник медведя» — стихи на русском языке и сказка «Моджесь Наст» — «Красивая Настя», вышедшая на саамском языке в издательстве «Северная книга» в Норвегии.

Свою родословную Софья Ефимовна Якимович ведет от старинных саамских родов: Галкиных по материнской линии, от Федоры Максимовны, и Юрьевых по отцу, от Ефима Исааковича. Семья у них большая, Софья родилась за год до войны 23 апреля 1940 года. Окончив семь классов, пошла трудиться и всю жизнь проработала на стройке в тяжелых условиях. Творчеством занялась только на пенсии. Помнила, как пели родители. Мать ее, Федора Максимовна, была молчаливой женщиной, и напевы ее, как вспоминала Софья, тоже были спокойные, грустные: «Редко от нее, бывало, слова дожدهшься, зато отец, Ефим Исаакович, — балагур, каких мало. Любил и посмеяться, и над родственниками подшутить, и уж если чего задумывал — обязательно добивался. И я вся в отца»⁶¹. В детстве она частенько слушала сказки своего дедушки Ильи. В детстве в ней и было заложено творческое начало будущей саамской сказительницы. Она автор книг «Праздник медведя», «Саамские напевы», «Моджесь Нăст», «Сергей Есенин на саамском», «Пеййв кэньял. Самь моаййнас. Саамские сказки». В «Антологии саамской литературы» (2012) опубликованы ее стихи и сказки в переводе на русский язык Н. Большаковой. Стихи напечатаны в Антологиях Современной литературы народов России «Поэзия» (2017) и «Детская литература» (2018). Стихи переведены на русский, северо-саамский, норвежский, шведский и финский языки.

Мне думалось: что же первоначально в творчестве Софьи? Если Бажанов солнцепоклонник, «*хозяин тундры*», для Октябрины Вороновой «*целый мир был нам домом*»⁶², у Александры Антоновой во всех стихах саднит боль за народ, природу, саамский язык, то какая главная тема у Софьи Якимович? Оказалось, это тема детства. Все ее стихи проникнуты воспоминанием о нем: «*Помню детство. В избушке я*»⁶³, или «*Все это видится. Дом мой родимый, свет негасимый в окне. Чульме киндиша*»⁶⁴, «*всем сердцем любима, я возвращаюсь к тебе*»⁶⁵. Помнит она себя еще «*...в сарафане невестой, молодость помню свою*»⁶⁶, вспоминает запахи детства: «*лесом пахнет в нашем доме — это запах из корзины*»⁶⁷, «*запахи рыбы, костра*»⁶⁸, и боль воспоминаний ложится на душу об острове «Чульме» — салме, родовом острове семьи Юрьевых. А вот первая саамская поэтесса Октябрина Воронова представляется ей ягодой брусники: «*Она ягодой скатилась, / Злые люди растоптали...*»⁶⁹.

И хоть Софья единственная из саамских литераторов оказалась без образования, ее же единственную сегодня можно назвать истинным кладезем саамской мудрости, изначальной, дедовской, не прошедшей шлифовку «цивилизацией», без примеси знаний других культур, унаследовавшей неповторимый, самобытный колорит саамской жизни. Именно к Софье многие из саамских авторов обращались за помощью, обогащая тем самым свой личный запас знаний саамского языка и саамского «жития-бытия».

В 1999 году у Софьи Ефимовны возник творческий союз с поэтом-моряком Викданом Синицыным, который и стал переводчиком ее стихов. А вскоре

⁶² Воронова О. Так у нас повелось... // Воронова О. В. Хочу остаться на земле: стихи : перевод с саамского. Мурманск : [б. и.], 1995. С. 29.

⁶³ Якимович С. Е. Пушкин // Якимович С. Е. Праздник медведя: стихи : (перевод с саамского) / Мурманск : [б. и.], 1999. С. 6.

⁶⁴ Чульме киндиша — Юрьевская салма (пролив).

⁶⁵ Якимович С. Е. Чульме Киндиша. // Якимович С. Е. Праздник медведя: стихи : (перевод с саамского) <...>. С. 7.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Якимович С. Е. Октябрине Вороновой // Там же. С. 8.

⁶⁸ Якимович С. Е. Чульме Киндиша // Там же. С. 7.

⁶⁹ Якимович С. Е. Октябрине Вороновой // Там же. С. 8.

и книга в Мурманске вышла — «Праздник медведя», а композитор Алексей Шамшура положил все ее стихи из этой книги на музыку.

Внучек сегодня услышал от деда,
Что у саамов был праздник медведя.
Старый и малый затеяли праздник,
Внучек медведя конфетою дразнит.

Дед опускается на четвереньки,
С громким рычаньем пятится к стенке.
Внук оседлал спину деда-медведя
И на медведе по комнате едет.

Дедушка прыгает — внуку не страшно,
Держится крепко за ворот рубашки.
Дед еще сильный, и крепкие руки
Вверх поднимают любимого внука.

Весело внуку, и весело деду.
Бабушкин голос: «Идите обедать.
Я наварила сегодня пельменей,
Сразу отпразднуем праздник оленя».
(Праздник медведя)

Вообще ее творчество началось с перевода саамских сказок для книги «Семилетний стрелок из лука», изданной на русском языке в далеких уже 70-х годах. Затем Софья стала сочинять сама. Братья и сестры — первые

слушатели, помощники. То словцо забытое подскажут, то расскажут сюжет какой. Пришел однажды к Софье брат Алексей, сидит, табак нюхает да мужу сестры, Василию, предлагает: «*Покури-ка моего, он не хуже твоего*». Услышала Софья, подивилась, как складно у брата вышло, вспомнила случай из детства. Отец у нее табак «Пчелка» курил, и в один момент тот кончился. В магазине тоже нет, и пошел Ефим Исаакович напрямик к председателю райисполкома А. П. Терентьеву. Несмотря на то, что у председателя шло совещание, вошел в кабинет. Тот спрашивает: «Зачем пришел, дедушка?» А отец Софьи в ответ: «Тобаку нет». «Как нет? — спрашивает председатель. — В магазине папирос любых сортов, бери — не хочу». Дед Ефим прищурил глаза: «Ты куришь „Казбек“, а я „Пчелку“ нюхаю, вот ее нет». Пообещал председатель посодействовать. И правда бежит на следующий день к Юрьевым бабка Аграфена, кричит: «Ефим, иди в магазин, специально для тебя „Пчелку“ завезли, сказали, пусть старик Юрьев приходит, выдадим». Вспомнила этот случай Софья и решила о табачке сказку написать, про «Лэн — мальчика-с-пальчик», который к детям в нос забирался и насморк вызывал, а старик-табачок с ним борьбу вел и всегда побеждал⁷⁰.

Другая сказка родилась, когда решила найти, как по-саамски будет «веснушка». Не помнила Софья слова, а оно уже покою не давало. Решила о веснушке сказку придумать и за саамским вариантом этого слова к старшей сестре пошла. Агафья, 1920 года рождения, и та не сразу вспомнила. Но слово все же нашлось: «чарьм» — «веснушка» по-саамски будет. И родилась сказка «Солнышкины слезки».

Еще одно слово у Софьи Ефимовны спросила Александра Антонова: как будет по-саамски «сосулька»? И опять поход к Агафье Ефимовне. И новая сказка — «Плач сосульки». По-саамски «сосулька» — «чуэльчем».

⁷⁰ Якимович С. Лэн-мальчик с пальчик. Саамские сказки // Наука и бизнес на Мурмане. 2007. № 5. (Культура саамского народа). С. 42.

Говоря о творчестве Софьи Якимович, которая знала мир тундры не понаслышке, отметим, что и образы ее в стихах и сказках органично вытекают из воспоминаний детства: «облака — расчесанные кудри»⁷¹, «как в упряжке гуси, облака белеют»⁷² и «чайка белым парусом по воде скользит»⁷³, а вот «лодка, словно уточка, в зеркале воды»⁷⁴, или «и горстями звезды на речную гладь... Золотые блесна, мне их не собрать»⁷⁵, «ветер гонит стадо туч, как пастух своих оленей»⁷⁶...

Но не только стихами и сказками богато творчество Софьи Ефимовны. Писала она и песни. А все началось с того, что организовали они с сестрой Анной Ефимовной Новохатько в Ревде ансамбль «Чузем». Чужие песни петь не будешь — пришлось свои писать. Так появилась красивая, напевная песня «Чърр нийта» о красивой девушке тундры:

Мунн чърр нийта сѹбпесь мӓльцень
Шэнньтэ лӓнньтэ сийтэ рѣвньэсьт.
Ель лыгкхэл мунэ, мунн тӓнн чӓххкла,
Вӓдзэ лӓгэнь апса мунн.

Сийна тоннэ, тӓӓвас оллмнэ;
Выльшэтъ манътэм мунн мӓджесь ля
Шйгъ лй мунэ вйлькесь ранньт
Чѹввесь пѣййвень сйнэтъӓввт.

Мунн чърр нийта сѹбпесь мӓльцень
Кыдт пайй пѣййвень мунэ ӓввт

⁷¹ Якимович С. Е. Весна // Северное сияние : Кн. для чтения для учащихся пед. училищ Крайн. Севера, Сибири и Дал. Востока : [Сборник] / Авт.-сост. И.Ф. Смольников; [Худож. Л.А. Яценко]. Л. : Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1987. С. 5.

⁷² Там же. С. 12.

⁷³ Якимович С. Е. Чайка // Якимович С. Е. Праздник медведя: стихи : (перевод с саамского) <...>. С. 15.

⁷⁴ Якимович С. Е. Весна // Северное сияние : Кн. для чтения для учащихся пед. училищ <...>. С. 5.

⁷⁵ Якимович С. Е. Длинная рука // Якимович С. Е. Праздник медведя: стихи : (перевод с саамского) <...>. С. 22.

⁷⁶ Якимович С. Е. Весенняя сказка // Там же. С. 23.

Эххтэш чōхкла тōн я мўца,
Пукэ пэрьмусс шэнта мунн.

Мунн чāрр ниййта сўбпесь мāльценъ
Шэнныйэ лōаннытэ сийтэ рёвнэсьт.
Ель лыгкхэл мунэ, мунн тōнн чōххкла,
Āвве лэгэнъ апса мунн.*

Или луввът: «Цёръха» о чайках Юрьевской салмы:

Пырр ёммьне алехь чўввесь алльм
Чўльме цёръха альмэсьт лāвлл.
Цик-цик, цик-цик, цик-цёръха.
Цик-цик, цик-цик, цик-цёръха.

Вйллькесь цёръха чāзесьт коабл,
Гу мōджесь кēххьпэсь вэйннса.
Цик-цик, цик-цик, цик-цёръха.
Цик-цик, цик-цик, цик-цёръха

Чўльмэ цёръха шōāбэтъ шылл,
Удць пўра вўррьтэв кйнтэсьт ённъ.
Цик-цик, цик-цик, цик-цёръха.
Цик-цик, цик-цик, цик-цёръха.*

А вот с песней «Аббрь ман» — о дожде — происходили чудеса. Исполнит ее, бывало, коллектив «Аббрь ман», и обязательно дождь пойдет, даже

* Корректурa E. H. Коркиной.

в декабре... Много раз замечено было, после чего Софья зимой уже боялась ее петь: после дождя гололед, а у нее ноги больные. Другой песней заменяла.

Аббър манн*

Аббър манн, аббър манн,
ёммне-ённь чазь югк.
Эхкан луйхькэв, эхкэн луйхькэв,
Цызга лавлэть ев лавл.

Кыдт пуадт, вэдз суннт,
ёммне вульн разь ыдт.
Кыррьтэв чуэнне, куррьтэв чуэнне
ённэсь пэрьтэ вәрне.

Лүэмман муррьй нялькесь муррьй
Рупьсесь пейивь синэтъяввт.
Роашкахт ламмьпь, роашкахт ламмьпь
Песь-мур кұшшеть сонн вуэррт.

Аббър манн, аббър манн,
Ёммне-ённь яллэй.
Нючкэв парна, нючкэв ниййтэ,
Пузресь олма сыййнэв.

Помимо песен, занималась Софья Ефимовна еще и переводами. Для есенинского сборника на саамский язык перевела более двадцати

пяти стихотворений русского поэта. Переводила любимшие стихи и мурманского поэта Николая Колычева, других.

Она была настоящим кладом саамской старины и мудрости. От своих родителей, бабушек и дедушек унаследовала не только песни предков, но и народные прибаутки, поговорки, приметы, считалки, которые затем перекладывала в стихотворные строки. Писала о том, о чем думала, о чем болела душа. Последние пять лет своей жизни пристрастилась рисовать. Человек с доброй и светлой душой, что всегда отражалось в ее творчестве.

Надежда Большакова

Вуззь*

Кѣ-лянч цялк: лй гэс мѳджесь!
Мудтэ цялк: лй гэс вуазлэш!
Мѳджесь вудт энѳдэ янна
Кѳаьллэш аджа вуззь эндэ.
Нэм эндэ мынэ аййя,
Моайнсэт моайнэсьт ѳхка,
Сѣсса йнна мѳтхень туйше,
ѳхпнуввэ мѳтэтъ вузрьпна.
Вильянгоаньц мунэн сиррень,
Муррэт пйлэм, суйнэтъ кѳзэм
Эфт шурр кѣслэс пйррсес
Лашькесь ѳлмэт сай эль ляй.

Счастье

Кто-то скажет: какая красивая!
Другой скажет: какая счастливая!
Красоту дала мне мать,
Дорогой отец счастье мне вложил,
Дедушка мне имя дал,
Рассказывала сказки бабушка.
Мастерству учили тетя, дядя,
Учиться в школе сестра помогала,
Старшие братья со мной играли:
Дрова пилили, сено косили.
В одной дружной семье
Не было места для ленивых людей.

Авторский подстрочный перевод

Счастье

Красота от родимой матери,
Трудолюбие дал отец,
А защитой были братья мне...
Согревали теплом сердец.
Сказки сказывала мне бабушка,
Дед любимый мне имя дал,
Называл невсерьез «Оладушкой»,
Рыбкой кумжею угощал.
Сестры, братья учили азбуке,
Тети, дяди — да вся родня
Говорили: «Живи не в праздности», —
И учили труду меня.

Перевод В. Сеницына

Счастье

Кто-то скажет: красавица — диво!
Кто-то вымолвит: счастьем полна!
Я от матери в жизни красива,
От отца своим счастьем сильна!
Имя дал мне мой дед! Ну, а пела
Сказки бабушка... Вышла пора:
Тети, дяди приладили к делу.
В школе мне помогала сестра.
Братья старшие жить научили:
Неумехой была, но они
И пилили дрова, и косили,
Вот, и я повзрослела при них.
За хорошей семьей и в ненастье
Будет жизнь и тепла, и ценна!
Быть со всеми в любви —
это счастье!
Я семье, как природе, верна!
И учили труду меня.

Перевод Н. П. Почтовалова

Сб̄айвь п̄нук*

Сб̄айвь п̄нук п̄нэть в̄зеть
М̄ур в̄нса н̄мбэть ядт
Валас к̄расст, нюнь паянт —
Сб̄айвь п̄нук, л̄й тост в̄йгк!

Н̄мьпе п̄яцка к̄ався в̄нса
К̄е л̄й т̄авса Йммель, в̄кеть!
В̄илльбялла — т̄авас п̄нук л̄й!
С̄эдэ туарьев — Йммель л̄й!

Южный ветер

Южный ветер, как кинжал,
Режет волны. Лодка в створе.
Южный ветер так прижал:
Не река, а... будто море...

Разверну я лодку на
Этот гребень... Ну же, Боже...
И за мной встает стена...
Только Бог помочь и сможет...

Перевод Н. П. Почтовалова

Южный ветер

Южный ветер зубы показал,
Деревянная лодка волны режет,
Скатится вниз, то нос подымет,
Южный ветер, есть у тебя сила.

Волне навстречу поверну я лодку,
Кто сильнее — Господь Бог, помоги!
Двоюродный брат — сильный ветер,
Духи оберегают — Бог есть!

Авторский подстрочный перевод

Южный ветер

В лодку врезался южный ветер.
Волны бьют, и трещит корма.
Все смешалось в стихии этой —
Твердь, и воды, и свет, и тьма...

Развернусь я волне навстречу
И сумею страх побороть.
Потому что еще не вечер,
Потому что со мной Господь.

*Перевод И. Егорова***

* Корректурa Е. Н. Коркиной.

** Публикуется по изданию: Большакова Н. П. Мир оленных людей [Текст] : стихи саамских поэтов в переводах на русский язык / авт.-соот. Надежда Большакова. Мурманск : Борей, 2015. С. 91.

Шашка Ладэмыр Смирнов нэмме*

Чүххксэ коапчнэдэ
Уксс коатэ
Чөххч āка выесът
Тунн алма уйтэдъ
Көн элл кудтэхъ?
Ижянт я мйн туетъ
Тон чильметъ коатэ.

Смирнову Владимиру Александровичу

В дорогу собрался,
Дверь закрыл.
Бабушка-осень подъехала,
На тот свет увезла.
На кого оставил все?
Свои дела и наши?
Холодной рукой осень
Глаза твои закрыла.

Авторский подстрочный перевод

Смирнову Владимиру Александровичу

Ты в дорогу собрался,
Дверь закрыл-затворил.
Бабушка-осень
С собой тебя позвала...
Холодной рукой
Закрыла твои глаза.
На кого оставил
Дела свои и наши?

Перевод Н. П. Большаковой

*Корректурa Е. Н. Коркиной.

Кыдт мань*

Мунн тӧн эмм тӧдта
Ӧлмэ кэскэс вӧанньцехь,
Адть иджан ӧлмэть ӧдзепь,
Гу кыдт маннӧть вӧресьт.
Мыйй вӧйветь пайнэмь,
Муштӧем ижян кӧлл.
Чильметь адть гӧс ӧӧввӧдӧмь
Рупсесь пӧртэсьт луввтӧе гузӧймь,
Муштӧепь пуарса — вӧйветь.
Ялмужесь выгкэ мӧӧххьтӧнӧь.
Сӧин чӧепесь вӧуд я мӧлл
Мӧин вуайва пуадченӧь.

Память

Я тебя не знала,
Среди людей ты ходила,
Теперь мы своих людей ищем,
Как весенние яйца в лесу.
Мы голову подняли,
Вспоминали свой язык.
Глаза теперь открыли,
В Доме культуры с песнями сидим,
Вспоминаем старых людей.
Они дела вести умели,
Их мастерство и ум
В наши головы бы зашло.

Авторский подстрочный перевод

*Посвящается Октябрине Вороновой,
первой саамской поэтессе*

Весенние яйца

Было б знать всегда честней,
Где же наша сила?..
Где же яйца по весне
Птичка отложила?
А когда и жизнь впритык,
И ушли печали,
Стали вспоминать язык,
И открылись дали...
Память есть и есть урок:
Не забудь дорогу.
Ты, хоть малый, но... приток,
А исток — от Бога!

Перевод Н. П. Почтовалова

Память

Я не знала тебя,
Ты жила среди нас,
Ищем теперь своих,
Как весенние яйца в лесу.
Голову подняли,
Язык вспоминаем свой,
Глаза открыли,
В Доме культуры поем.
Стариков вспоминаем —
Прежде умели жить,
Вот бы сейчас нам
Их мастерство и ум.

*Перевод И. Ермаковой**

Кӯхт кӯтък*

Альмэсьт шӯрр мәнн
Пырр ёмьне вәннц
Кӯхт кӯтък, кӯхт иңк
Ев вуэй уййтэ пэрьтэ тәръм.

Тәссьт кэ́хченъ ёмьне эл.
Иңк коашшк луэман мӯрьха.
Ныдть шэ суннтэв няльмэсьт
Ниййт нялькесь пэксэм.

Сыйй гу кӯхт пёссь-мурр суага,
Канъць канъцесь ассктэсьтэнь
Сыйй куэхтэсь тынна сыйтэсьт
А куалмант альмесът манн ли.

Двое влюбленных

На небе большая луна
Ходит вокруг земли,
Двое влюбленных, две души —
Нет сил сегодня расстаться.

Звезды упали на землю,
Иссохла душа по ягоде-морошке,
Также растаяли во рту
Девичьи сладкие губы.

Они, как две березы,
Обнявшись друг с другом,
В этом мире они вдвоем,
А третья на небе луна.

Авторский подстрочный перевод

Двое влюбленных

Одна луна двоим влюбленным.
На две души — одна луна,
Как будто в этом царстве сонном
Любви потворствует она.

Свидетелями две березы,
Но тайну им не рассказать.
То не роса, а счастья слезы
У девушки блестят в глазах.

Он прикоснулся осторожно
К ее зардевшейся щеке,
И привкус ягоды-морошки
Почувствовал на языке.

Перевод В. Сеницына

Двое влюбленных

По небу луна плывет,
Ты ее послушай:
Где там нечет, а где чет...
Будут наши души

Звезды на небе считать —
Сыплются горошком...
Губы сладкие под стать
Ягоде-морошке...

Две березки под окном —
Никого на свете,
Только мы с тобой вдвоем
И луна нам светит.

Перевод Н. П. Почтовалова

Сāмь радиво*

Нѣдтлесът эххътэшьт
Вуэннѣре Сāндрэ
Радиво мѣлльтэ
Сāмас сāррн.

Култэла, Вуагэшкa лыввтай,
Гу кѣлл чāрэсът чуэй.
Ѵфемь Аннѣ лыввът,
Гу чāдзь ѣгст коаллк.

Копчнэдтѣнѣ парна,
Ѵдт моѣйнас вѣррѣтэв.
Пуаррса ѳллмэ ѣнхуввень,
Увван Мāррѣй лыввтай.

Кула, Сымман Главьдэ моѣйнаст,
Тэль гэс лывът кѣзе,
Чильме эвтэсът Сымман чѣдза,
Гу шывв ѳллмэ кэскэсът ѳррэ.

Саамское радио

В неделю один раз
Антонова Сандрэ
По саамскому радио
Говорит, людей представляет.

Слушала, как сестра Агафья пела —
Точно колокольчик в тундре звенел.
Песня Новохатько Анны — сестры —
Водой в реке журчит.

Саамские ребяташки сказку ждут...
А Мария Ивановна Захарова
В своей луввье поет, что
Старые люди совсем безголосые.

Слушала, как Клавдия Семеновна
Рассказывала да луввът пела.
А перед глазами дядя Семен —
Сидит, с хорошими людьми говорит.

Перевод Н. П. Большаковой

Пушкин — мулл вуэйвь*

Куцерь чоафпесь
Пушкин вуэйвь
Тон мбайнас
Мйнэ кэскэс

Пушкин милл вуэйвь
Ке вял шант
Мугэ ше коххт тон
Одт агесь

Нэм пёййвень
Кбайллэш Пушкин
Тон Шашка нэм
Мйн нюххчемь кёжесь

Пушкин — умная голова

Голова Пушкина
В черных кудрях,
Сказки его живут
Среди нас.
Пушкин — умная голова,
Кто еще родится,
Подобный тебе,
В новом веке?
С днем рождения,
Дорогой Пушкин,
Твое имя — Александр —
У нас на кончике языка.

Авторский подстрочный перевод

Пушкин

Помню детство.
В избушке я.
Мир мне казался мудрым.
Слушаю сказки Пушкина,
Вижу черные кудри.

Воск оплывает на свечке.
Слышу дыхание ночи.
В Болдине звездная вечность.
А на бумаге — строчки.

Хочется в день рождения
Доброе слово сказать...
Пушкин — мое прозрение,
Слезы в моих глазах.

Перевод В. Сеницына

Пушкин — голова!

Ай да Пушкин! — Голова!
Голова и только!
В книгах можно проживать
Роль — отнюдь не рольку.

Кто же сможет быть тебе
Не слугой, а братом?
Есть поэты послабей...
Мы тобой богаты!

Твое имя наш язык
Навсегда скрепило,
Как и солнце — с нами встык:
Пеййв!* Ты — наша сила!

Перевод Н. П. Почтовалова

* Пеййв — «Солнце» по-саамски.

Аррьвэдь сәнъ* Загадки

Тәлльв бай кабрьрәнъ оарр,
Кыдт пуад кабрьр яккс. (*Мур чүүлт*)

Туэль альн рыххп оарр,
Мыйе коаммралл.
(*Виллькэсь чайник*)

Виллькэсь я пыррёррьпэсь,
Оммп мырра мйлсса. (*Тёгк*)

Пэртэсьт чуэнь шоагк,
Кё укс аввяд тэдт роаммгуадт.
(*Саммар*)

Тәлльва ёммыне мәлець цәгк,
Кыдт пуадт мәлець яккс.
(*Вэдз*)

Кәннъ-лоаннът манэть куэннт,
Йнцка мйлльтэ мйнэть цоаввн.
Тёдах манътэм лоаннът? (*Петтэх*)

Всю зиму с шапкой сидит,
Весна придет — шапку снимет. (*Пень*)

Куропатка сидит на столе
И нам кланяется.
(*Белочайник — заварной*)

Белый и круглый,
Всеми миру нравится. (*Хлеб белый*)

Дома гусь шипит,
Кто дверь откроет, тот ему и рад.
(*Вскипевший самовар*)

Зимой земля в малице ходит,
Весна придет — малицу снимет.
(*Тающий снег*)

Курица-птица яйца несет,
Другая по утрам будит.
Знаешь, какая птица? (*Петух*)

Перевод Н. П. Большаковой и Е. Н. Коркиной

Через век — к новому поколению людей

(Заметка о работе над переводом одного стихотворения)

Антоновой Сāндрэ

Тōпцлель пāйель пелл агкь
Тйрвас мйлл олмэ
Теввт мыййе рыййтэ
Маньтэмь букварь лōгкэ!
Рӯшэ кэскэс ёлlepь
Вуйхтэмь кӯххт кйлл
Пāррна сāмас лōгкэв
Антонова Сāндрэ букварь мйльтэ.

Текст С. Е. Якимович на саамском языке

в редакции Е. Н. Коркиной

Антоновой А. А.

Переступим через век,
Здоровые, умные люди.
Хватит нам делить,
Какой букварь читать.

Среди русских мы живем,
Одолели два языка.
Дети читают саамский
букварь, написанный Александрой.

Авторский подстрочный перевод

С. Е. Якимович

Катерина Николаевна Коркина, когда редактировала саамский текст с учетом правил орфографии, предположила, что Софья Ефимовна ошиблась в буквах и написала «*пулл дагь*» вместо «*пелл агь*», что в переводе на русский будет означать — «*полвека*». Вот как звучала первая строчка на саамском языке в авторской редакции:

Тõпцлепъ пэйель пулл дагь.

Мы внесли это исправление, и, уже исходя из этого, я сделала свой поэтический перевод на русский.

Александре Антоновой

Вот вошли мы в новый век,
Здоровые и умные.
Хватит нам делить уже,
Какой букварь читать?

Среди русских мы живем,
На их языке общаемся.
А саамский? Его дети учат
наши по букварю Антоновой.

Перевод Н. П. Большаковой

Через час раздался звонок от Катерины Николаевны. Она сказала, что ей не давало покоя словосочетание «*пулл дагь*», и наконец, она нашла перевод ему на русский язык — «*поколение*».

— Только непонятно, почему Софья применила его здесь... — размышляла Катерина Николаевна. — Не очень благозвучно получается — «*Переступим*

через поколение», «век»-то по-саамски — «агкь»...

Никак мы не могли понять, почему все же саамская поэтесса применила в своем саамском тексте слово «поколение», а в подстрочнике написала — «век». Откуда взялось расхождение? И тут меня осенило: в понятии Софьи Ефимовны «переступим через век» или через «поколение» — это значит «переступим» через тех людей, которые утратили свой родной саамский язык, и прекратим, наконец, спор, на каком букваре читать, он уже есть — изначальный — Антоновский. Ведь с 1979 года, после того, как начались споры о саамской графике, о том, на каком из вариантов алфавитов записывать саамский язык, выросло новое, еще одно, поколение людей, так и не выучившихся саамскому «материнскому» языку.

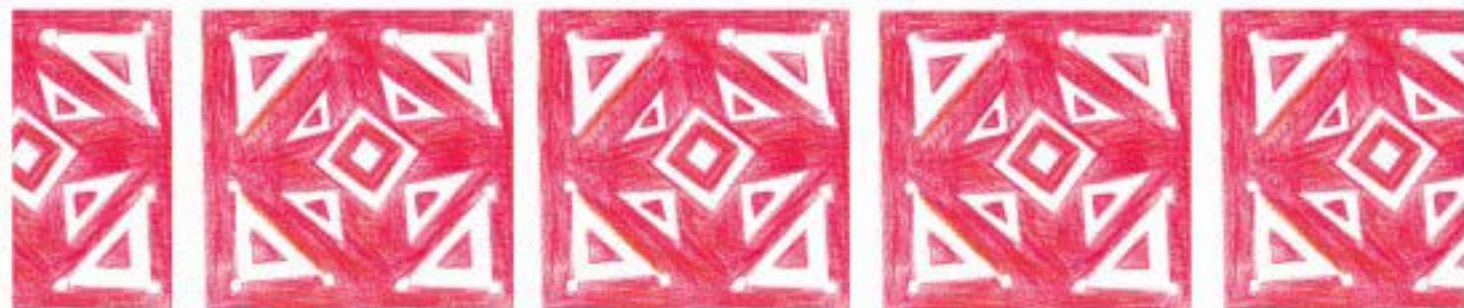
Из этих размышлений и родился мой новый перевод стихотворения Софьи Якимович:

Александре Антоновой

Переступим через поколение
Непомнящих свой материнский язык,
Мы — здоровые, умные люди —
Прекратим споры, на каком букваре читать!

Среди русских живем,
На их языке общаемся.
А саамский? Его дети учат наши
По букварю Александры Антоновой.

Перевод Н. П. Большаковой

Ираида Виноградова

(23.04.1940–15.06.2006)

Кто тайну судьбы смог постичь
поэтессы саамской,
В тревожное сердце ее
кто смог заглянуть?
Порою жила, как в детской
веселенькой сказке,
Стремясь, хоть на время
развеять душевную грусть.
Стройна и легка, грациозна
в саамском наряде,
Лебедушкой белой,
раскинувшей оба крыла,
И с детским весельем
и женским лукавством во взгляде,
На праздниках наших
она перед нами плыла.

Душевная боль, словно нож,
словно огненный шкворень,
Пронзила насквозь бедной женщины
хрупкую плоть.
Не в этом ли суть и причина —
трагический корень,
Сгубивший талант
и из сердца забравший тепло.
Он не возьмет,
не затянет зеленою ряской
Слова и дела,
что несут просветительный свет.
Закончена жизнь на земле
поэтессы саамской,
Осталась душа,
над которою времени нет.

Евгений Алексеев

15-летию памяти саамской поэтессы Ираиды Виноградовой посвящается

Ираида, или Ирина Владимировна Виноградова, родная сестра первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой, родилась 10 марта 1937 года в деревне Чальмны-Варрэ Мурманской области. После школы вслед за старшей сестрой Октябриной поехала учиться на химико-биологический факультет института Народов Севера в Ленинград. Будучи от природы пластичной и музыкальной девушкой, занималась танцами и спортивной гимнастикой. Освоила профессию преподавателя физкультуры. В 1957 году на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве стала лауреатом в танцевальных программах. С танцами «Оленья упряжка», «Рыбки», «Тюлень» выступала в ансамбле «Северное сияние».

Известный фотограф Мурманска Александр Степаненко, автор книги «Расстрелянная семья», писал об Ираиде Виноградовой, что ее таланты многообразны. Она и народная целительница, и педагог, и исследователь йоканьгского диалекта саамского языка, и поэтесса, продолжательница дела родной сестры, которой посвящала свои стихи:

Ока, Ока, Октябрина,
Здравствуй, милая моя!
Это я, твоя Ирина.
Слышишь ли, сестра, меня?

Знаю, слышишь меня, слышишь
И ведешь, ведешь, любя,

По судьбе все выше, выше,
Поднимая до себя.

Ты поешь, не умолкая,
На сторонке на родной,
И спасибо, дорогая,
Что была и есть со мной.

Лучиком во мгле остаться
Ты хотела на земле,
А сама, как солнце, встала
И согрела всех в селе.

Тихим словом, лаской нежной
Тешишь ты всю жизнь мою,
Потому я вновь, как прежде,
Рядышком с тобой стою.

И идут, идут потоком
Люди добрые к тебе,
И земли живые соки
Стих твой дарит мне везде.

Дай-то Бог, родная Ока,
Быть тебе живой водой...
Только как мне одиноко
Так вот — без тебя с тобой...

После института работала преподавателем физкультуры в Зелено-борской школе-интернате Кандалакшского района, в Мончегорске, в Череповце, Оленегорске. Заслужила звание мастера спорта по спортивной гимнастике.

Еще в институте Ирина баловалась сочинительством и нередко в студенческих газетах печатала свои стихи. В основном это были стихи-поздравления, посвящения.

После творческого вечера Октябрины ей пришла мысль: а почему бы и самой не попробовать заниматься литературным творчеством серьезно, как сестра, которая не раз подталкивала ее к этому. И стала Ирина рассказывать своему народу о жизни, любви к родному краю, делиться своими радостями и горестями:

Помню я свою деревню —
Чальмны-Варрэ и Поной,
Родники округи древней
С чистою живой водой.
Нет и не было им счета,
Светлым лучикам добра,
И всегда они в почете
Были. Помню, как вчера —
Родники оберегали,
И за каждым был пригляд:
Их камнями обрамляли
Все саамы — стар и млад.
И за нашею водицей
Приезжали с дальних мест.
Пьешь ее — и не напиться!

Это знали все окрест.
Каневцы и краснощельцы
К нам съезжались гурьбой
Только лишь с одною целью —
За живительной водой.
На свое здоровье пили
Соки матери-земли,
Потому так долго жили
Наши предки, как могли...
И сейчас стоит деревня —
Три избы на все село,
Да и те настолько древни —
Стены мохом обнесло.
Но стоит, стоит покуда,
Хоть пытались погубить...
Вновь съезжаются тут люди,
Чтоб водицы пригубить.
И зовут все по старинке
Чальмны-Варрэ те края.
Удержалася, былинка,
В снежной тундре затаясь,
На последнем-то дыханье
Принимает пришлый люд,
Исполняя все желанья —
Все, какие ни дадут.
И рыбак здесь, и охотник,
Травник, ягодник, косарь —

Все, кто до даров охотник,
Кому времени не жаль.
Нетели пасутся, кони,
Овцы лето напролет.
Осень лишь деревья тронет —
Всех отсюда увезут.
И опять уснет деревня
До весны спокойным сном,
И ключи, лишь Богу внемля,
Вспомнят снова о былом.
Часто-часто я тоскую
По заветным тем местам:
Мне б водицу ключевую
Поднести к своим губам.
Лишь глоточек родниковой,
Той, живительной воды,
Чтоб та нежною рукою
Отвела вновь от беды.
Я бегу, лечу на крыльях
К ним, любимым родникам,
Каюсь им во всем, что было,
Припадая к их волнам.
И потом веду беседу
Долго с ними тет-а-тет,
Радости свои и беды
Расскажу — и жду ответ.
В отражении зеркальном

И они нашепчут вновь
О годах мне, про усталость,
И о тайнах вещих снов...
И я пью без передышки
Ту водицу из ключа,
Обжигаясь, до одышки —
Так морозно горяча!
Я целую ее вечность,
Память девичью мою:
— Вы бегите бесконечно
В даль далекую свою,
Струйки благодатной влаги!
Напоите тундру-мать,
Ведь для этого отваги,
Знаю, вам не занимать!
Пусть целебными вновь будут
Солнце, ветер и земля!..
И вода не часто студит,
Холодком своим меня...
Он течет, бежит куда-то
Светлой струйкой, ручеек.
Свидимся ли вновь когда-то?
Слишком путь к тебе далек...
(Чистые родники)

В 1991 году в Мурманске выходит в свет первый сборник ее стихов для детей на саамском языке «Мун кӓньц». Затем ее детские стихи появляются

на русском языке в переводе Александра Миланова в коллективном сборнике «Дары тундры» (1993). И, наконец, в Норвегии в издательстве «Северная книга» дублируется «Мун кáньц», за которую от Союза саамов Ираида Виноградова получает литературную премию.

Ее стихи искренние, теплом в душу входят:

Бабушка-бабуля, милая моя!
Что же ты, бабуля, бросила меня?
Трудно мне, бабуля, без тебя одной,
Где же ты, родная? Приходи домой.

Напеку блинов я. Закипает чай —
Посидели б снова тихо при свечах,
Отогрели б чаем душеньки свои...
В двери постучали — может, это ты?

Нет, мне показалось — тихо все кругом,
Я сижу, печалюсь думой об одном:
Если ты не в силах до меня прийти,
Я бы навестила — только позови!

Я бы пригодилась — многое могу:
У тебя училась, значит, помогу.
Пожила б немножко рядышком с тобой...
Где ты? Ради Бога, отзовись, друг мой!
(Бабуля)

Она автор семи книг: «Мун кáньц», «Чйллк Кáйв» и «Мйнькай» на саамском и северо-саамском языках и «Стихи. Избранное» на русском. Оленегорское литературное объединение «Жемчуга» выпускает ее авторские сборники «Чистые родники» (1997) и «Азбуку в стихах» (1997). Стихи Виноградовой входят также в коллективные сборники «Дары тундры» (1993); «Стихи для детей» (1997), «О жизни» (1997) в переводах Юрия Кудинова, «Здесь начинаются дороги» (2001). Произведения Виноградовой переведены на русский, северо-саамский, норвежский, шведский, финский языки.

Из всех стихов Ираиды наиболее образными являются стихи, посвященные природе, родным поэтесса... Галина Дворецкая в статье «Без тебя с тобой» отметила, что: «Тундра, родные просторы представлены в ее стихах кружащимися в небе вольными птицами, быстроногими оленями, родниками округи древней, речкой детства, черничным морем, красной смородиной, белой лилией... Образы природы смело использует в метафорах. И как точно и сильно это у нее получается: „В том болотистом ягодном крае моя юность морошкой сгорает“, или женские руки сравнивает она с белыми крылышками чайки, порхающими в вечной заботе», «Образ птицы, парящей в небе, у Виноградовой один из любимых. И поэтесса силой воображения взмывает вместе с ней вверх, чтобы оттуда взглянуть „на леса, на далекие сопки и горы, на знакомые с детства озера, где когда-то мы рыбу ловили...“»⁷⁷.

В 2003 году краеведческим отделом Мурманской областной детско-юношеской библиотеки была выпущена книга переводов поэта Владимира Смирнова «Стихи для детей», куда вошли и три перевода стихов Ираиды Виноградовой: «Настенька», «Котенок» и «Мой дед». Оговорюсь, что переводить с саамского на русский язык чрезвычайно сложно. Структура построения предложений, возникающих образов многообразна, если только для одного слова «снег» у саамов имеется сорок синонимов. Надо

быть тонким лириком, хорошо чувствующим состояние души пишущего, таким, как был Владимир Смирнов, переводчик Октябрины Вороновой, чтобы не сфальшивить, не заменить саамское восприятие мира русским, донести до читателя мудрость древнего народа, передаваемую потомкам. Переводит стихи Ираиды Виноградовой оленегорский поэт Юрий Кудинов. Для детей особо хороши и легко запоминаются его переводы на русский язык четверостиший Виноградовой из «Азбуки в стихах». Приведем здесь некоторые:

Буква **А**, как чум, стоит,
Вход в тот чум для всех открыт.
Приглашают в гости нас
В нем **арбуз** и **ананас**.

Радость в доме иль беда —
С нами буква **Д** всегда,
Как Полярная звезда,
Душу греет в холода.

Мы на новогодней **Е**ли
Букву эту разглядели,
А настал полярный **день** —
Эту букву съел **олень**.

Радость светлая и **мудрость**
С солнышком приходит в **тундры**,
На земле моей **родной**

Буква **Р** всегда со мной!
Много слов на букву **С**:
Солнце, **с**ети, **с**вет и лес,
Сон, сапог, сосиска, слово...
Вы продолжить их готовы?

Эта буква любит Труд,
Потому ее все чтут.
В тундре надобно трудиться —
С ней иначе не ужиться.

Дедушка мне сделал сани,
Легкий смастерил Хорей,
Жаль, что снежного бурана
Нету в комнате моей.

У саамов слов немало,
Но как долго я искала
Букву **Ща** — и вот нашла:
Щель и **щ**епку назвала.

Помимо увлечения стихами, Ираида Владимировна Виноградова серьезно занималась составлением словаря йоканьгского диалекта и еще при жизни признавалась, что, работая над ним, открыла для себя новый, отличный от йоканьгского, так называемый понойский саамский говор, на котором говорила мать Ираиды Владимировны — Клавдия Григорьевна Матрехина, многие другие саамы, выходцы из Поноя.

Составлены ею саамско-русский и русско-саамский словарь для детей начальных классов на кильдинском диалекте, правда, к сожалению, пока в единственном экземпляре.

В 2019 году исполняется 15 лет со дня кончины Ираиды Виноградовой.

Надежда Большакова

Нина — вѣххьк*

Мѣнн лыхк Мѣррѣй оѣххка?
Мѣррѣй оѣххка уххц ѣххкэв:
Лѣй Нинасѣт шув нѣххьп —
Нѣпъ, Нина, тѣллье матъ!

Нина ли шувв вѣххьк,
Пай шэ сѣнэсѣт вѣйтэ рѣххьк!
Эххт нѣххьп мурртѣй.
Мѣнн Нина юрѣтъэ?

Нина — помощница

Бабушка Мария Нине говорила:
— Крепко в рученьки свои
Кружку, внученька возьми:
Если кружку разобьешь,
Чай с вареньем не попьешь.

Хочет чай с вареньем Нина,
Только кружечка, как мыло,
Вдруг из рук и — и прямо на пол...
— Нина, старших слушать надо!

*Перевод Ю. Кудинова***

Лӧгктэдтмушш*

Эххт, кӱххт, кӧллм, нӧлльй —
Ыдӧ вӧресьт вӧллькесь нюэммель.
Тыйй сӧн елле коанньтӧ!
Кӱххче, сӧнн лӱ мӧджесь маньтӧ!

Сӧнн чофта ӧллмӧнӧ палл,
Уштӧ олма сӧн вӧллт.
Удла нюччк кӱссе —
Кӱссе, гудӧль вӱссе.

Считалочка

Раз, два, три, четыре —
Становитесь в круг пошире.
Только зайцев не пугайте,
Дружно их оберегайте.
Потому что зайцы — мы.
Нам бежать, а вада — ты...

*Перевод Ю. Кудинова***

* Корректурa А. А. Антоновой.

** Публикуется по изданию: Стихи саамских авторов для детей [Текст] / Оленег. гор. лит. об-ние «Жемчуга». Ловозеро ; Оленегорск (Мурманской области), 1997. С. 38.

Мун айй*

Мунэсьт лй шувв айй.
Сõнн ённэ тўеть лы'кэ вуайй.
Мā'т пўдзэтъ вōдтэ,
Ляшшкэм нўрь лōдтэ.

Мā'т лы'кэ харя,
Соанэтъ тўййшэ пэря.
Шоабша йджян ай —
Сõнн ённэ тўеть лы'кэ вуайй.

Мой дед

У меня чудесный дед,
Видел он немало бед,
Но сломать, как ни хотели,
Они деда не сумели,
Дедка — труженик большой,
С тундрой сросся всей душой.
Он пасет оленей ловко —
Опыт есть и есть сноровка,
Он аркан сплести мастак,
Все горит в его руках.
Я люблю всем сердцем деда,
Добротой его согрета.

*Перевод Ю. Кудинова***

* Здесь и далее произведения Ираиды Виноградовой на саамском языке публикуются в редакции Р. Д. Куруч. Впервые опубликованы в издании: Виноградова И. В. Мои друзья = Мун каньц: [стихи для детей] / Ираида Виноградова ; [ред. Куруч Р. Д. ; худож. Паранин Д. В. ; Фонд возрождения кол. саамов]. Мурманск : Север, 1992 (обл. 1991).

** Публикуется по изданию: Антология саамской литературы [Текст] / [авт.-сост. Н. П. Большакова, В. Б. Бакула, авт. вступ. Ст. Н. П. Большакова]. Мурманск : Олимах, 2012. С. 163.

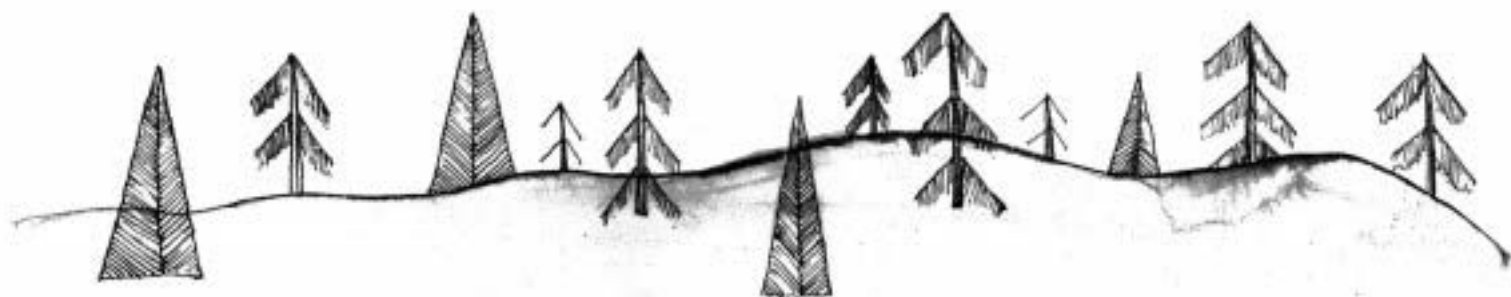
Нāця

Мйн Нāця оарр.
Мэ́нн сōнн куарр?
Куарр чēлесь Нāця
Пāррнэ гуэйкэ воацэтъ.

Настенька

Села Настя у окна.
Чем так занята она?
Наша Настя — мастерица,
Шьет детишкам рукавицы.

*Перевод В. Смирнова**

Вāресът ёада ...

Мунн вāресът ёада,
Рўппьсесь ёнэтъ ѓза.
Ённэ уза ённэ —
Танна алка вуэңнэ.

В лесу

Мне брусничные поляны
Вновь лукошко наполняют.
Мне бы ягод поднабрать...
После буду отдыхать!

*Перевод Ю. Кудинова***

* Публикуется по изданию: Большакова Н. П. Мир оленных людей [Текст] : стихи саамских поэтов в переводах на русский язык / авт.-сост. Надежда Большакова, Мурманск : Борей, 2015. С.120.

** Публикуется по изданию: Антология саамской литературы [Текст] / [авт.-сост. Н. П. Большакова, В. Б. Бакула, авт. вступ. Ст. Н. П. Большакова]. Мурманск : Опимах, 2012. С. 164.

Лазарь Дмитриевич Яковлев
(1918–1993)

Учитель!

Его любили, уважали, радовались общению с ним.

Сказки-мудрость оставил людям.

Творец!

Надежда Большакова

Сказки Лазаря Дмитриевича Яковлева

Яковлев Лазарь Дмитриевич — саамский учитель. Родился в поселке Шонгуй Мурманской области. Окончил саамское отделение Мурманского педагогического техникума. С ноября 1940 по декабрь 1945 — в Красной Армии. В сентябре 1941 служил в 185 штурмовом Авиационном полку в должности мастера электрооборудования самолетов. Командир отделения 162 гвардейского стрелкового полка 54 стрелковой дивизии 3 Украинского фронта. Участвовал в боевых действиях на Сталинградском фронте, на 3 Украинском фронте. Награжден орденом Славы III ст., орденом «Красной Звезды» и орденом Отечественной войны II ст. Имел два легких ранения и одно тяжелое. Работал учителем начальных классов в селе Воронье, селе Ловозеро.

Традиция устного сказывания сказок сохранялась у российских саамов еще в XX веке. Об этом упоминает в своих рассказах М. Медведева⁷⁸, С. Якимович⁷⁹, Е. Коркина⁸⁰. Многие саамские писатели продолжают эту традицию и сегодня, записывая свои пересказы фольклорных произведений. Это характерно для С. Якимович (*Красивая Настя*)⁸¹, Э. Галкиной (*Почему Аццы с людьми не живет?, О том, почему нельзя бросать щепки в воду*)⁸², А. Антоновой (*Узкие, маленькие глаза*)⁸³. В этом ряду можно назвать и имя Лазаря Дмитриевича Яковлева.

Устное народное творчество саамов представлено разнообразными жанрами: мифами, сказками, пословицами и поговорками, загадками, приметами, песнями. Отсутствие письменности у саамов до конца XX века не позволило зафиксировать в чистом виде наиболее древние жанры фольклора, которые в наши дни существуют в измененной форме или исчезли совсем. Единой и четкой классификации саамского фольклора

⁷⁸ Медведева М. Г. Легче жить станут // Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н. П. Большакова, В. Б. Бакула, авт. вступ. Ст. Н. П. Большакова]. Мурманск : Олимах, 2012. С. 247.

⁷⁹ Большакова Н. П. Стихи и сказки Ефим Софьи // Антология саамской литературы «<...>» С. 350.

⁸⁰ Коркина Е. Н. Детство // Антология саамской литературы «<...>» С. 203-204.

⁸¹ Якимович С. Е. Красивая Настя // Антология саамской литературы «<...>» С. 370.

⁸² Галкина Э. А. // Антология саамской литературы «<...>» С. 184, 185.

⁸³ Антонова А. А. Узкие, маленькие глаза // Антология саамской литературы «<...>» С. 68

в фольклористике и лапонистике нет, так как «в устном народном творчестве саамов в одну сказку объединяются несколько сюжетов из различных жанров»⁸⁴, что создает определенные трудности. Не всегда отдельно выделен жанр мифа.

Сказки Лазаря Дмитриевича по тематике можно отнести к сказкам о животных. Героями их являются не только водоплавающие птицы (*Как Бог раздавал птицам носы и ноги*), но и рыбы — семга и морской окунь (*Как рыбы в воде стали жить*), лесные звери — лось, олень, лиса и заяц (*Сказка о лисе и зайце*). Сказки «Как Бог раздавал птицам носы и ноги», «Как Бог рога и уши зверям раздавал», «Как рыбы в воде стали жить» имеют мифологическую основу. С мифами их роднит «символическое описание модели мира посредством рассказа о происхождении различных элементов современного мироустройства»⁸⁵. В них объясняется происхождение внешнего вида животных, их повадки, место обитания. «Сказка о лисе и зайце» относится к традиционным сказкам о животных. Во всех четырех сказках звери антропоморфны: ведут себя и разговаривают, как люди.

Ряд сказок саамов содержит тонкий юмор, что замечали исследователи саамского фольклора⁸⁶. Примером может служить «Сказка о лисе и зайце», в которой звери шутят друг с другом.

Примечательно, что действующим лицом в первых двух сказках является Бог, он создает внешний вид животных, определяет среду их обитания, выполняет просьбы и даже терпит капризы (как, например, в случае с гагарой). В саамском тексте имя Бога Йммель. В дохристианскую эпоху Йммель (Юбмел, Ибмел) был верховным Богом, общим для финно-угорской мифологии (ср. название небесного божества: финского Юмала, Йомаля коми, марийского Юмо, саамского Юбмела)⁸⁷. Это могло бы говорить

⁸⁴ Пация Е. Я. Сказки саамов Кольского края // Саамские сказки. Мурманск : Кн. изд-во, 1980. С. 6.

⁸⁵ Мелетинский Е. Миф и историческая поэтика фольклора URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet10/01.php. (дата обращения 14.03.2014).

⁸⁶ Пация Е. Я. Сказки саамов Кольского края // Саамские сказки. Мурманск : Кн. изд-во, 1980. С. 9 ; Чарно-луский В. В. О саамах и их сказках // Саамские сказки / Обр. В. В. Чарнолуского. М.: Художественная литература, 1952. С. 15.

⁸⁷ Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 78, 155.

в пользу более древнего происхождения этих сказок, тем более, что наряду с именем Йммель в саамском языке существует слово *Осподт* (Господь), заимствованное из русского под влиянием христианских представлений о Боге-отце и Иисусе. Однако надо учесть, что с распространением христианства этим же словом — Йммель — саамы стали называть и верховного христианского Бога⁸⁸.

Традиция пересказа сказок, а также обращение к мифологии и фольклору в своих произведениях говорит о глубинной связи саамских писателей с устным народным творчеством своего народа.

Лазарь Дмитриевич Яковлев стоял у истоков зарождения саамской письменности. По его воспоминаниям руководителем фольклорного ансамбля «Ойяр» Марией Гавриловной Медведевой был поставлен «Танец глухарей». В 2008 году вышла его книга сказок «Лăээр кăллса моаййнас» под редакцией Н. Афанасьевой и М. Рисслера, четыре сказки из которой мы и предлагаем в Альманахе.

Виктория Бакула

Внук Лазаря Дмитриевича Яковлева продолжает традиции деда и тоже занимается литературным творчеством, поэтому здесь мы бы хотели привести одно из его поэтических произведений. Стихотворение «Многострадальный саамский народ...» публикуется впервые.

Многострадальный саамский народ.
Издrevле и поныне.
Хозяева тундры, озёр и лесов,
Безмолвной белой пустыни.

⁸⁸ Харузин Н. Н. Русские Лопари (Очерки прошлого и современного быта). М. : Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсонъ, 1890. С. 141.

С природой на "Ты" — это в крови —
Я чувствовал это с детства,
Глядя с окошка своей конуры
Кирпичных домов по соседству.

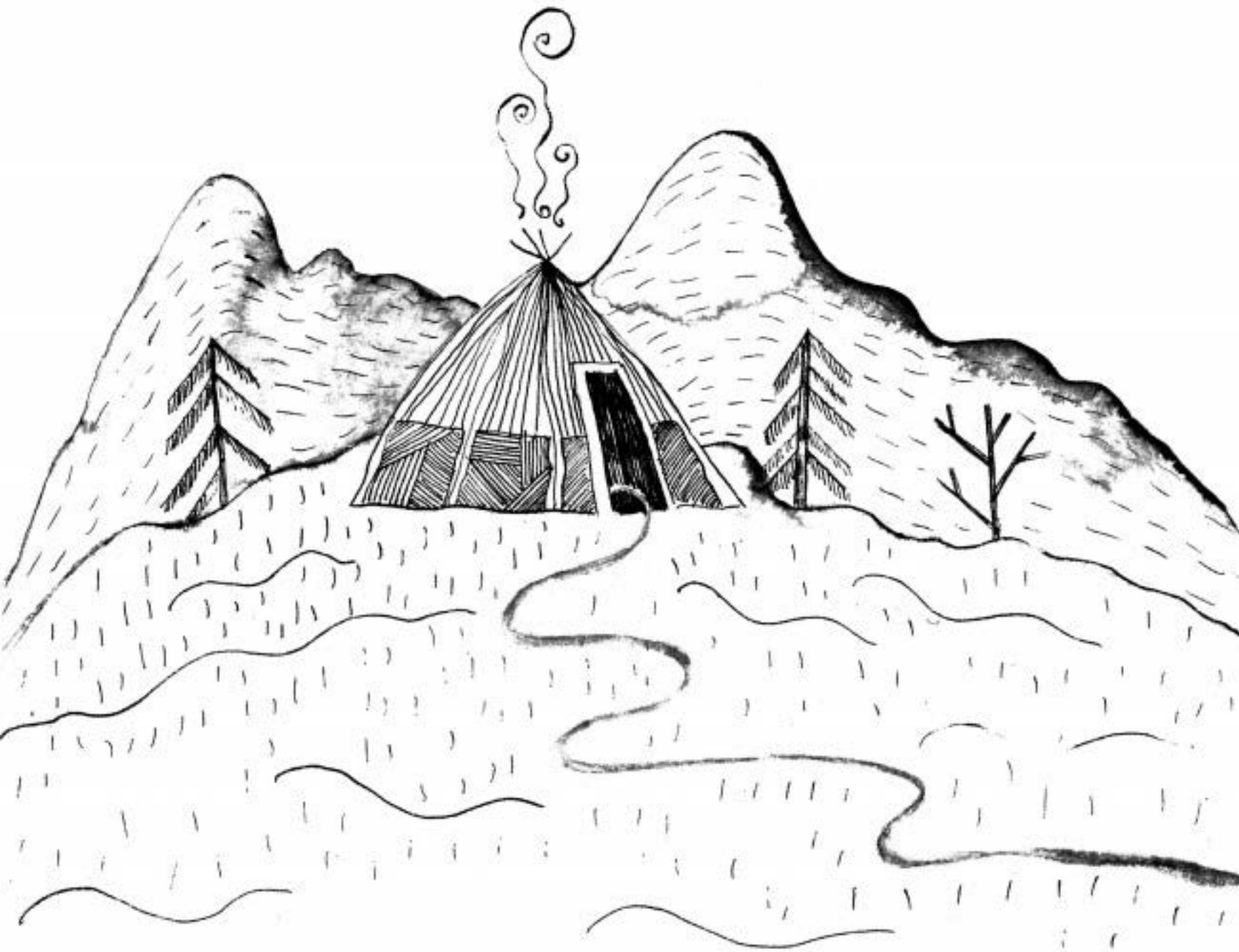
Мой дом — это чум, стоящий в лесу
Под взглядом прекрасной Авроры.
Мой дом — это тундра в бескрайней дали.
Мой дом — это сопки и горы.

Музыка ветра ласкала мой слух
Приятной гармонией звука.
Меня охранял солнечный Дух
Молодого стрелка из лука.

В вечном движенье, кочевная жизнь.
Мы — дети восьми сезонов.
Лишь за керёжу крепче держись,
И нет ни границ, ни законов.

Я призываю древний свой род,
Как никогда нуждаясь в защите:
Избавьте от тяжести горьких невзгод,
Спасите и сохраните.

Роман Яковлев

Иммель айя

Кõххт Иммель энътэ лõнътэтъ нюнэтъ я юлькэтъ. Чуэннь пӯдэ, Иммельесът кэже мõджесь нюнь я юлькэтъ. Иммель, анът мыннэ рӯппьсэсь руэчкэдъ. Йджь чуэннь лй сёрэ, чоапесь нюнэнь, рӯппьсэсь руэчкэгуэйм. Чуэннь лй мõджесь лоаннът.

Мауна пӯдэ нюххч, Иммельесът кэже юлькэтъ я нюнь. Иммель энътэ нюххча чоапесь юлькэтъ, чоапесь нюнь, оанъхэсь пэдтша, роавас суеть я вйлькэсь понцэтъ. Нюххч лй шӯрр вйлькэсь лоаннът, сõнэсьт палл чадзь-чуххч. Нюххч куэннт нёлльй маннэ.

Тõххт пӯдэ Иммельесът кэдже мõджесь кыррьй понцэтъ, чогк нюнь я рӯппьсэсь юлькэтъ, гӯ чуэнньгэсьт. Иммель саррн: «Тõххт, мунн тоннэ анта мõджесь кыррьй понцэтъ, чоапесь чогк пасьтлэсь нюнь, а рӯппьсэсь юльк еввла». Тõххт сённтэль: «Мугка чоапесь юлькэтъ эмм вальт», — я кыррьтэль юлькэха. Иммель кыртхэмушшэ õйкэй кудтъ пяла пэдтша чоапесь юлькэтъ. Адтъ тõххт эйй мātъ вāнньцэ ёмьнэ мйльтьэ, сонэсьт юльк лёв мауень. Тõххт пуэраст вуайй чазесьт я кугкь нуэһк чазь вульн. Тõххт куэннт эфт мань, кӯһт мань, кõллм мань.

Югке ыгка сõнн луэшшт чадза эфт мань пуфч гуэйкэ. Куэссь тõххт куэннт эфт мань, сõнэсьт эйй лйннче тõххтэ — алка. Куэссь куэннт куһт мань, сõнэсьт куэдтай эххт алкэнч. Куэссь куэннт кõллм мань, сõнн элкадъ кӯһт мань. Танна сõнэсьт лёв кӯһт тõххтэ — алка. Тõххт лыһк пёссь яввра, явьр рыннта. Коашшык ыгенъ сõнн куэннт рыннт поавьн эл, пёссь гурре сõнн пуадт лõсстэнне. Вуэйй рынт гурре, нюнэнь чогкаст ёмьнэ я роаңкэсь кясс алльтла я нюнэнь чогкаст эвтэсьт, ньдтъ сõнн пёзант пёссь райя. Моайнас пугк.

Как бог раздавал птицам носы и ноги

Пришел к Богу гусь, попросил: «Бог, я весь серый, нос у меня черный, дай мне красивые красные ноги и клюв». Дал Бог гусю то, что тот просил, и стал гусь красивой птицей.

Прилетел лебедь и тоже стал просить себе ноги и клюв. Лебедю Бог дал черно-желтый клюв, короткие ноги и хвост, крепкие крылья и белые перья. Превратился лебедь в большую грациозную птицу. А лебедушка начала по три-четыре яйца откладывать.

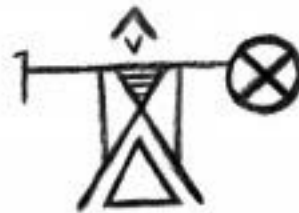
На очереди гагара была. Попросила себе острый клюв и лапы красные, как у гуся. Бог сказал: «Для тебя у меня оперенье с красивым рисунком припасено. Просишь острый клюв — пожалуйста, только красных лап не осталось совсем». Сильно гагара обиделась, бросив Богу, мол, а черные мне не нужны. Выкрикнула и в небо взвилась. Второпях Бог только и успел ей две черные лапки сзади сунуть, как же птице совсем-то без них? С тех пор гагара может долгое время жить на воде, в воде, за рыбой глубоко нырять, в воде и спаривается она. Несет по два яйца, только гнездо свое строит уже не в воде, а на берегу или на кочках... По суше передвигается тяжело, вся ее жизнь с водой связана.

Перевод Н. П. Большаковой и Е. Н. Коркиной

Кōххт кӯль эллькәнъ чāзесът ёлле

Кӯль пӯдтәнъ Иммьле, кәджьләнъ, касът Иммель поаһк сыйетъ ёлле? Авьтмусса пӯдә Иммьле лӯсс я сārрн: «Иммель, лӯшът мун мёрр чāзесът я соавый чāзесът ёлле. Мёрэсът мунн алка шәннтэ, э соавый чāдза алка мийнэтъ кōдтэ. Соавый чāзесът аллькэв шәннтэ лӯз — алка. Мауна сыйй кйррсэв соавый ёгэ мйллътэ мёрре. Мёрэсът сыйй шәннтэв шӯрр кӯль райя. Иммель лыгкэ ныдтъ, кōххт кэже лӯсс. Лӯсс лй мōджесь тоавас мёрр кӯлль, чӯввесь чӯмэгуэйм, рӯппьсэсь вӯйй цӯпәнъ. Соавый ёгәнъ лӯсс пыннь йжесь алкатъ, тәнн гуэйкэ сōнн поабпхалл вӯнӯкэ.

Вуэсск лй лӯз вйлльй. Вуэсск йлл соавый чāзесът ыгегуэйм, вуэсск лй мōджесь кӯлль, чӯм лёв руэнн — чоаһпесь чуаягуэйм. Иммель знътэ соннә мугка кыррьй коавь. Вуэсскан лй пāннь я чӯлльявьр кӯлль. Кыдта вуэсск коадт сӯйн лӯһтэ сьзнъ. Ныдтъ Иммель сядэ вӯсскнэ ёлле. Моайнас пугк.

Как рыбы в воде стали жить

Пришли рыбы к Богу с вопросом, где им жить? Первой с предложением выступила семга:

— Бог, позволь мне в морской воде жить. В море я икру буду нагуливать, а затем по весне в воде речной метать ее и детей-семжат своих выводить. Подрастут в реке и в море возвратятся, в большую красивую рыбу превратятся.

Бог сделал, как семга просила. И стала семга большой красной мясистой рыбой со светлой чешуей.

А вот брат семги — окунь — с плавниками красными, полосками черными, да зеленоватой чешуей — тот годами в речной воде живет. Бог дал ему такой окрас. А для защиты еще и колючками наградил. Как Бог повелел, так и живут. Вот и сказ весь.

Перевод Н. П. Большаковой и Е. Н. Коркиной

Моайнас рїмьн я нюэммель баяс

Рїмьн я нюэммель коавншуввень в̄аресът. Нюэммель с̄аррн: «Рїмьн, аллькэпъ эфтэсът ч̄ўнкэ мїлльтэ ёадтэ». Рїмьн вуагк, вуагк я ескант, маґас к̄яґч, куллталл. Нюэммель кадзь: «Рїмьн, мэййт т̄онн ескнак я куллтэлак»? Рїмьн с̄аррн: «Мунэсът пэдэсът еввла чальм», — я сїйн̄нэшкӯдэ. Нюэммель юррт: мунн ныдть шэ тїшшладта с̄он. Нюэммель карр ч̄ўнкэ мїлльтэ раст-раст ч̄ўнкэ. Тэнн п̄ялла ч̄ўнка карр, ескант, куллталл. Нымьп п̄ялла ч̄ўнка карр, куллталл. Рїмьн с̄аррн: «Мэййт т̄онн, нюэммель, раст-раст ч̄ўнка карак я куллтэлак»? Нюэммель с̄аррн: «Ч̄ўнка в̄ўлленъ элля чуэкас» — я сїйн̄нэшкӯдэ. Мунн ныдть шэ рїмьн тїшшлэґтэ. К̄ўґта сїйнэнь. Нюэммель сїйнэньт, штэ рїмьнэсът пэдэсът еввла чальм, э рїмьн сїйнэньт, штэ ч̄ўнка в̄ўлленъ элля чуэкас, тэнн гуэйкэ карр нюэммель раст-раст ч̄ўнка.

Сказка о лисе и зайце

Повстречались как-то лиса и заяц в лесу, заяц говорит:

— Лиса, а давай по лесу вместе бегать.

Лиса бежит-бежит, остановится, назад посмотрит. Заяц спрашивает ее:

— Лиса, а чего ты бежишь-бежишь, остановишься и смотришь назад?

Лиса отвечает:

— Так у меня на попе глаз нет.

Сказала и засмеялась. Заяц тоже решил ее чем-нибудь насмешить и давай бегать по тропинке туда-сюда, пересекая ее по несколько раз. Перебежит, остановится и слушает. Затем опять бежит. Теперь лиса спрашивает его:

— А ты чего это, заяц, то в одну, то в другую сторону бегаешь и все прислушиваешься?

Заяц отвечает:

— Так ведь под дорожкой нет дорожки.

И они оба засмеялись. Заяц смеялся над тем, что у лисы на попе глаз нет, а лиса, что под дорожкой нет дорожки. Вот откуда в лесу столько путанных заячьих следов.

Перевод Н. П. Большаковой и Е. Н. Коркиной

Кōххт Иммель энѣтэ ноавѣтѣтѣ чѣрьвѣтѣ я пѣльетѣ

Сѣррв пѣдѣ Иммѣле я сѣррн: «Анѣт мыннѣ шѣрр чѣрьвѣтѣ кōммѣтѣсь лоабпѣгуѣйм я сѣрркмѣгуѣйм». Иммель энѣтэ соннѣ шѣрр мōдѣжесѣ чѣрьвѣтѣ. Сѣррв кѣже Иммѣлесѣт кугкесѣ пѣльетѣ, штобѣ пуѣраст куллѣ. Иммель энѣтэ соннѣ кугкесѣ пѣльетѣ.

Пѣдзѣе Иммель энѣтэ эѣй шѣрр пѣльетѣ я мōдѣжесѣ сѣррк чѣрьвѣтѣ я оанѣхѣсѣ пѣдчнѣ, гѣ сѣрвѣсѣт. Иммель энѣтэ пѣдзѣе югкѣ — налшѣм сѣксмѣтѣ: вѣллькѣсѣ, чоапѣсѣ, руччкесѣ, кыррѣй.

Нюѣммель пѣдѣ, кѣже Иммѣлесѣт шѣрр чѣрьвѣтѣ, манѣтэ сѣрвѣсѣт лѣв. Иммель энѣтэ соннѣ шѣрр чѣрьвѣтѣ, я нюѣммѣля каррѣль сѣнѣтѣ кѣнчлѣнѣт. Карр, вусѣт мѣрѣ пашшнѣнт, ѣрѣ шѣрр чѣрьвѣгуѣйм, пōнншѣдт, пѣѣйнѣ эѣй вуѣй. Иммель уѣйн, штѣ нюѣммель эѣй вуѣѣт сѣнѣгуѣйм шѣлцхуввѣ я сѣррн: «Нюѣммель, эѣй бѣдтѣ тоннѣ шѣрр чѣрьвѣтѣ. Мунн тоннѣ антѣ кугкесѣ куллѣсѣ пѣльетѣ. Тѣгк лѣннчѣнѣ пѣрямп, мѣнн шѣрр чуѣрѣв». Нѣдтѣ нюѣммель элѣкѣ ѣлле кугкесѣ пѣльѣгуѣйм, оанѣхѣсѣ пѣджѣнѣнѣ, удлѣсс ѣлѣкѣгуѣйм, вѣллькѣсѣ вѣгкесѣ сѣксмѣнѣ тѣлльвѣ я кѣсѣ пѣль сѣра сѣксмѣнѣ. Моѣйнас пугк.

Как Бог рога и уши зверям раздавал

Пришел к Богу лось и говорит:

— Бог, дай мне большие широкие рога.

И дал ему Бог большие красивые широкие рога и не только их, но еще и уши длинные, чтобы лучше слышать мог.

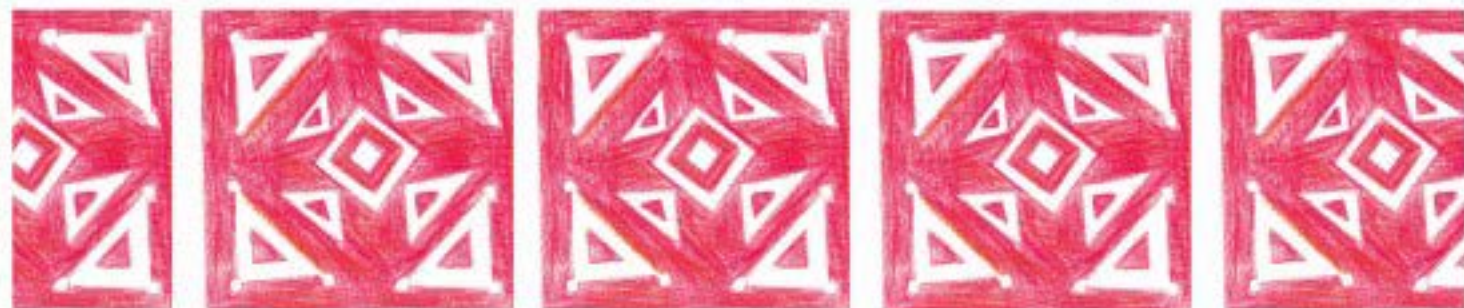
Олень тоже Бог красивыми ветвистыми рогами одарил да маленьким хвостиком в придачу. Подумав немного, в довесок еще и разный окрас шерсти подбросил: белый, черный, коричневый и серый. Олень животное стадное, чтоб глаз радовался на них смотреть.

Тут к Богу заяц прибежал да такие же большие рога, как у лося, попросил. Бог в просьбе не отказал. И побежал заяц по лесу с ними. Бежать-то бежит, да только за каждое дерево ими цепляется. Видит Бог, что никак зайцу с рогами не справиться, и говорит:

— Не нужны тебе, заяц, такие большие рога, давай лучше я тебе длинные уши дам, с ними тебе куда как спокойнее будет.

Так лось остался жить с большими рогами, а заяц — с длинными ушами, быстрыми лапами и коротким хвостом. Зимой цвет шубки был белый, как снег, а летом серый, как земля.

Перевод Н. П. Большаковой и Е. Н. Коркиной

Михаил Филиппов

(1960–2007)

Художник...

Мечтал, писал, рисовал...

Счастье — когда тебя понимают —

Не о нем...

Надежда Большакова

Мир поэзии Михаила Филиппова — мир ощущений и душевных состояний

Филиппов Михаил Николаевич — художник-график, живописец, поэт, писатель. Автор более восьмисот стихов, трех неопубликованных книг, более двухсот графических и живописных работ. Участник Областного семинара молодых писателей (1993).

Михаил родился в селе Ловозеро в семье саами и коми. Мать — бухгалтер, отец и брат — художники. Служил в армии в Кронштадте. В 1986 году окончил художественно-графический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

Ленинградский период жизни, как рассказывала Т. П. Милицкая, «первооткрыватель» таланта Филиппова, которой мать поэта доверила дневники и рукописи сына, был «самым ярким и счастливым» в его жизни: это и знакомство с уникальной культурой города, и встречи с интересными людьми, общение с которыми, конечно же, повлияло на мировосприятие молодого человека. Так, его другом стал Виктор Цой. Для Михаила открылся мир, неведомый до этого, и мысль, стремясь постичь бескрайнее, погрузилась в него, наслаждаясь свободой полета. «Интеллектуальная планка» была задана высокой.

То было время, когда вдруг открылись горизонты возможностей и казалось, что каждый стал свободен в выборе жизненного пути, направления мысли, в возможности самовыражения. Духовная почва, обретенная в Ленинграде, должна была стать той плодотворной основой, на которой возможны были и творческие всходы. Образованный, думающий и талантливый, Михаил стал пробовать себя в поэзии, прозе. Круг его интересов был широк: живопись, архитектура, технические открытия, образование, наука о высшей

энергетике — разуме, новое направление в изобразительном искусстве — энергетическая пластика... Казалось, что настало время перестройки не только экономики и политики страны, но и собственных душ, интеллекта... Как знать, что могло ожидать начинающего художника, останься он в Ленинграде, в кругу одинаковых с ним интересов людей...

Но судьба распорядилась по-своему: Михаил вернулся в родное село Ловозеро, где был обречен на духовное одиночество. Оставалась одна возможность выражать себя — живопись и стихи.

Работа в художественных школах Оленегорска, Ревды, Ловозера давала возможность какой-то финансовой независимости, но катастрофически не хватало общения с людьми одного уровня, одних интересов. Не спасала даже напряженная работа: в это время было написано множество картин, стихов. Михаил очень любил свой край, его волновала судьба саамского народа: с болью наблюдал он за разрушением уникальной саамской культуры, не желал мириться с бездействием тех, кто мог, но не хотел что-то изменить, — в голове рождались смелые проекты по спасению родного края, но... он не был услышан. Трагедия не востребованности неординарно мыслящего человека, заточенного в собственное одиночество, живущего в богатом образном мире, которым он не мог ни с кем поделиться, стена непонимания и зачастую невосприятия — кто может выдержать такое?

В 1992 году Михаил остался без работы, а значит, без средств к существованию, приходилось как-то перебиваться на деньги, вырученные от продажи за бесценок картин иностранцам. И в какой-то момент пришла болезнь, с которой Михаил боролся 7 лет. Что создает талант и что его разрушает? Полное непонимание в «среде обитания» уж точно не способствует раскрытию творческих способностей, исполнению замыслов, зато приводит сначала к духовной, а потом и физической гибели.

Михаил прожил свою жизнь на родине непонятым. Его творчество, вызывающее самые разные суждения и отклики, и сегодня неизвестно широкому кругу читателей. Поэзия Филиппова метафорична, но, как сказал Борис Пастернак, «...метафоризм — стенография большой личности, скоропись ее духа»⁸⁹ Метафоры нанизываются одна на другую и часто звучат диссонансом. В некоторых стихах ощущается боль, надломленность, вызов, эпатаж. Образы стихов поражают экстравагантностью, они требуют разгадки смысла. Но за всем этим чувствуется пронзительный лиризм.

Стихи Михаила — это непривычное видение мира и нетрадиционное для саамской поэзии воплощение этого видения. Хотя почему непривычное и нетрадиционное? Должна же быть какая-то почва, которая подготовила появление такого поэта? Экспериментаторство, обилие сложных метафор, непривычных синтаксических конструкций, за которыми скрывается глубинный смысл текста, — все это роднит стихи Филиппова со стихами Маяковского:

Угрюмый дождь скосил глаза.
А за
решеткой
четкой
железной мысли проводов —
перина.
И на
нее
встающих звезд
легко оперлись ноги.
(«Утро»)

⁸⁹ См. об этом: Тарасова О. И. Феномен метафоры и развитие функциональной неграмотности молодежи: точки возможного пересечения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. №1-1. С. 203.

А вы
Ноктюрн сыграть
Могли бы
На флейте водосточных труб?
(«А вы могли бы?» В. Маяковский)

Однако если у Маяковского важная особенность ранней лирики — разрыв поэта и действительности, то о филипповских стихах такого сказать нельзя. Да, поэт чувствует себя ненужным, одиноким, так как окружающий его в своем отторжении поэта мир жесток и духовно нищ, но в стихах его отсутствует трагическое мировосприятие, нет ярко выраженного пессимизма. Мир поэзии Филиппова — это мир ощущений, душевных состояний, перетекающих одно в другое, рисующих зыбкость человеческого настроения. Возможно, это и есть та самая «энергетическая пластика», о которой он писал и автором которой себя заявлял. Чего стоит только одно его стихотворение «Полет невесомый от свежести ветра...»⁹⁰! И совсем уж по-фетовски звучит стихотворение «Лето»:

Шепот набега волны на песок,
Звонко обрадованный голосок,
Яркий загар,
Отдохнувшие плечи,
В ходе движения —
Разные встречи...
Зелень, дающая воздух живой,
Звук, излучающий дальний прибой,

Легкость прохлады и писк комара,
Сном утонувшая в тени жара...⁹¹

Сравните:

Шепот, робкое дыханье,
Трепи соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца.
Ряд волшебных изменений
Милого лица.
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!
(Фет А. А.)

Без поэзии этого неординарного человека современная саамская поэзия была бы неполной, в чем-то даже ущербной. Сегодня ее нельзя отрицать, отторгать и замалчивать, как нельзя отрицать, отторгать и замалчивать существование в этом бренном мире самого Михаила.

Его стихи неизбитые, иногда какие-то туманные; они заставляют разгадывать тайну мысли, плетут кружево слов. Конечно, не все они простые и понятные, возможно, требуют обработки. Жаль, что уже сам поэт этого сделать не сможет. Жаль. Даже не верится: неужели ни в ком не нашел

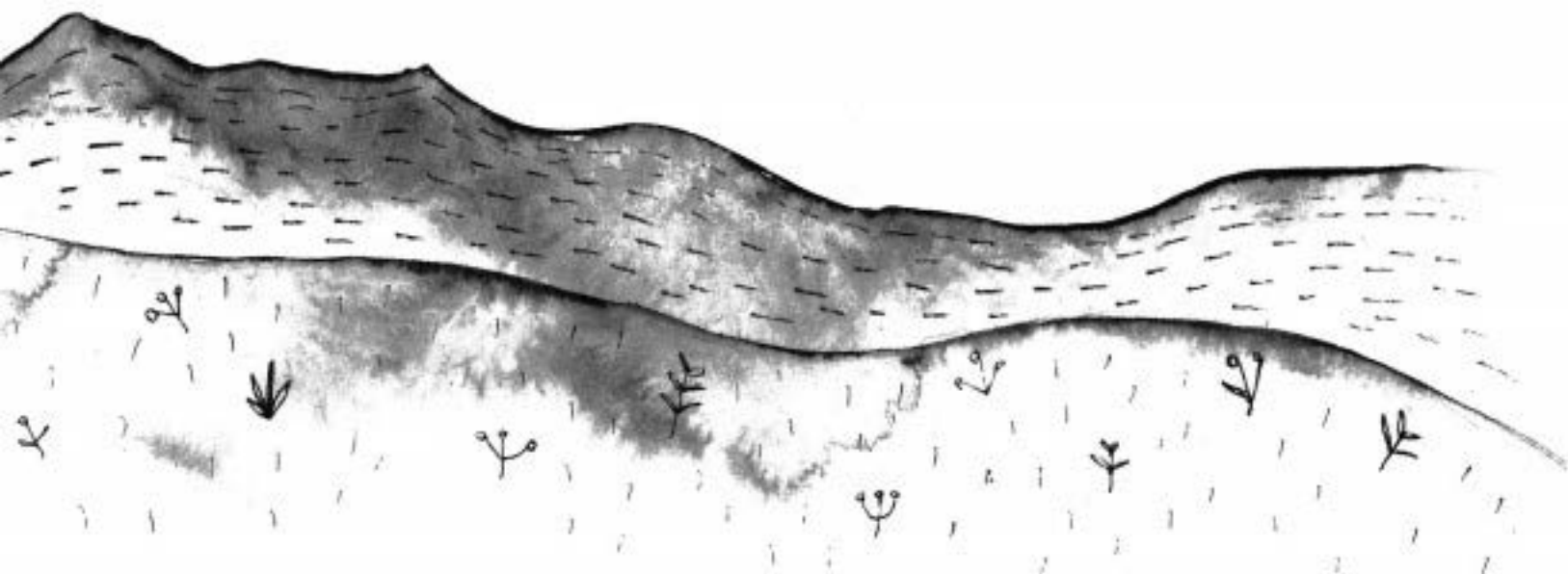
⁹¹ Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н. П. Большакова, В.Б. Бакула, авт. вступ. Ст. Н. П. Большакова]. Мурманск : Олимах, 2012. С. 291.

хоть каплю понимания? Эпиграфом к жизненному и творческому пути поэта Филиппова по праву могут служить слова Маяковского:

Нет людей,
Понимаете
Крик тысячедневных мук?
Душа не хочет немая идти,
А сказать кому?

Без сомнения, в Михаиле Филиппове была заложена искра Божия. Зачем? Возможно, кто-то когда-нибудь ответит на этот вопрос. А сегодня каждому предоставляется возможность познакомиться с поэтом Филипповым, составить собственное мнение о его поэтическом творчестве.

Виктория Бакула

Прогулка внутри осени

Дыханье осень пьет
Из золотой посуды,
Восторгом насыщая свет
Прозрачных далей.
Ветряк на облаках пластичных,
Пересуды,
Прокручивает ось движение
Педалей.
Как встарь, кроится день
В круговороте года,
Ритмично выткав песни
В пространстве ритма года.
В себе любится природа,
Беря на отдых бюллетень.

Вечер на реке

Отшлифованный камень откоса,
Полировкой сверкает волна,
На пространстве воздушного плеса
Песню снов напевает Луна.
За дремотной проблемой столетней —
Свет в взволнованном шепоте струй,
Говорящий нарцисс междометный
И небес небольшой сабантуй.

Снегопад

Удивительным простором форм гармоний
нежная снежинка разодета.
Снегопада строй классических симфоний
льет движенья хрупкого рассвета.
Роща обнаженных тополей
с легкостью вуалью снежной кружит.
Тон полотен убранных полей
цветом взгляду от восхода служит.

Лето

Шепот набега волны на песок,
Звонко обрадованный голосок,
Яркий загар,
Отдохнувшие плечи,
В ходе движения —
Разные встречи...
Зелень, дающая воздух живой,
Звук, излучающий дальний прибой,
Легкость прохлады и писк комара,
Сном утонувшая в тени жара...

Ошибки поколений

С самим собой играя в прятки,
Сомнений ищет человек,
Мозолями украсив пятки.
Свет пятится в жестокий век,
Себя в себе не понимая;
Боль глупостью ненужной
Глушит
Ошибки бреда поколений;
Мысль тяжестью похмельной
Сушит,
В ад направляя все живое.
Глухие раздражители скользят,
Сминая состояние жилое —
Чесоткой над опрятностью
Корпят.

Виктор Чернышихин

(30.05.1962–13.02.2008)

Виктор —
Интересный, вдумчивый...
Любил, писал, творил...
В рассказах оставил суть.
Преодоление!

Надежда Большакова

Рассказы Виктора Чернышихина

К сожалению, о Викторе Чернышихине известны только краткие биографические данные. Родился он в мае 1962 года в городе Мурманске. В два года заболел диабетом, который перешел в экзему в тяжелой форме, так что врачи посоветовали сменить климат. В 1966 году родители Виктора переехали в город Липецк, на родину отца. Нелегко было привыкать к новому краю, часто вспоминался Мурманск, суровый, но такой прекрасный и родной Кольский полуостров. В 1969 году Виктор пошел в школу. В пятом классе волею судьбы он начал посещать литературный кружок, который вел известный в то время в крае писатель В. Добряков. Это определило литературные интересы мальчика, но самое главное — пробудило в нем тягу к литературному творчеству, желание писать уже не оставляло Виктора всю жизнь. Именно тогда мальчик полюбил литературу, начал

много читать, написал несколько рассказов, которые обсуждались в кружке.

В 1979 году Виктор окончил среднюю школу и в 1980 поступил в техникум по специальности «ремонт и обслуживание ЭВМ». Техникум окончил с красным дипломом и устроился работать по специальности на Новолипецком металлургическом комбинате. В 1985 году он уже в экспериментальном отделе по разработке микропроцессорных ЭВМ предприятия Черметавтоматика, с 1995 организовал частное предприятие по ремонту и обслуживанию ЭВМ. Пять лет проучился в начальной школе при Московской Академии Йоги, параллельно работал внештатным корреспондентом в молодежной газете.

Широта интересов, предприимчивость и занятость не убили в нем желание творить на

литературном поприще — время от времени Виктор публикует свои рассказы в местных газетах. Однако из-за тяжелой болезни суставов он получает инвалидность. И теперь уже литература становится тем спасательным кругом, который помогает оставаться творчески одаренному человеку на плаву, не терять самого себя, не замыкаться в несчастье.

Через всю свою жизнь пронес Чернышихин трогательную любовь к своей матери, заботу о ней, желание увековечить родной образ. Два рассказа посвящает он ей, повествуя о жизни, полной горестей. Судьба подарила маленькой саамской девочке шанс учиться в Ленинграде в Академии Художеств, но начавшаяся война, блокада Ленинграда, жизнь в Самарканде, наконец, возвращение в Колу не дали осуществиться мечте Асе Голых стать настоящим художником. Из Колы райком комсомола направил Анисью Голых на работу

в Умбу, откуда, получив повышение, она уезжает работать в Мурманское МВД. Замуж вышла поздно, в 1961 году, и в 39 лет родила сына Виктора.

Рассказ Виктора Васильевича Чернышихина прислала Роза Ивановна Яковлева (Собакина). Написан он о ее двоюродной сестре Анисье Николаевне Чернышихиной (Голых) сыном Виктором Чернышихиным, которого уже нет в живых.

Возвращение к истокам — вот главный мотив творчества саамских писателей, и творчество Чернышихина не является в этом смысле исключением. Почему про- лое так притягивает? Почему пишут о нем больше, чем о сегодняшнем дне? Почему не заглядывают в будущее? Наверное, так надо. Потому что неумолимо бежит время, заставляя не только забывать, но и не знать своих истоков. Откуда молодежь будет знать, какого она «роду-племени»? Духовные силы саамского народа природа словно направила на то, чтобы запечатлеть

ускользающую историю предков. Появилось печатное слово — и сразу стало ясно: надо сохранить культурное наследие. Сколько уже не помнится сказок, песен, бывальщин? И саамы стали торопиться записывать. Дабы запечатлеть услышанное и пережитое. Поэтому, вероятно, так ярко выражена мемуарная направленность саамской литературы.

Два первых рассказа Виктора Чернышихина посвящены маме. Но за судьбой Анисьи Голых — судьбы других саамских женщин в потоке истории всей страны, преломленные в суровых бытовых условиях жизни на побережье, в тундре, судьбы тех, кто перенес блокаду Ленинграда и чудом остался жив. И если первый рассказ Чернышихина биографичен, писатель сам ведет повествование о родном человеке, то во втором — «Долгие часы бессонницы» — он пытается художественно осмыслить судьбу матери от ее лица.

По рассказу мамы записан

и третий рассказ — «Копейка». Тонкий лиризм в нем переплетается с мягким юмором. Вроде бы и обыкновенный сюжет — подумашь, покупка машины! — но за этим — осмысление секрета простого человеческого счастья, секрета, который состоит в банальной истине: важно, чтобы мечта исполнилась. И не важно, что мечта у всех разная — разные ведь и сами люди. Важно то ощущение, которое и называется счастьем. А еще автор размышляет над тем, по каким дорогам к этому самому счастью идти.

Рассказ «Сочинение» с полным правом можно отнести к философской прозе. Старый учитель литературы Евгений Иванович в тишине тихого зимнего вечера над стопкой сочинений размышляет над судьбами своих учеников. Вместе с автором, который предлагает нам заглянуть в тетради через плечо старого учителя, мы заглядываем в них и понимаем, что каждое сочинение — окно в жизнь ученика,

за которым свои трагедии, тщательно скрываемые от чужого взгляда, свои проблемы, не решаемые никем, свои мечты, которые, возможно, никогда не исполнятся... Как угадывается в каждом подростке все то, что заложено в его родителях! Каждый молодой человек — слепок матери или отца, и не надо придумывать объяснения, почему тот или иной ученик ведет себя так, а не иначе. Все понятно старенькому учителю, а вместе с ним и нам. Философия жизни. Но так не хочется мириться с тем, что «самые лучшие в мире отцы уходят на опасные задания.... Навсегда...». Так мало счастливых по-настоящему детей, а потом и взрослых! Вместе с учителем мы понимаем, что ничего не остается, как только принять это как данное и продолжать дарить детям хотя бы свое тепло и ласку, свое доброе сердце, которое понимает так много. Грустный рассказ о жизни.

Литературное творчество Виктора

Чернышихина представлено жанрами малой формы, он пишет в гоголевских и зощенковских традициях. За внешней непритязательностью рассказов, которые на первый взгляд могут показаться мелкими по теме и пустяковыми по мысли, на самом деле таится живая проблема дня. Сюжеты рассказов несложны. Это всегда какая-то типичная жизненная история, рассказанная вроде бы в беззаботно-шутливом тоне, но тон этот является фоном для нот горечи и боли за то, что мир, в котором недостижимой и самой заветной становится мечта о насущном, несовершенен. Именно в таком мире обитают герои Чернышихина — романтичные, благородные, немного наивные со своей верой в идеалы добра и справедливости, чуть старомодные в мире перевернутых ценностей, где правит бал мещанство, грубость, бездушие «новых хозяев жизни». Чернышихин пишет о людях, которые живут в век

высоких технологий, а мечтать им приходится о самом необходимом в быту — о телефоне, по которому некому звонить, замке, который защитит только от честных людей, а для воров — не помеха, о машине, пусть она будет хоть самой разбитой «копейкой». Оказывается, прогресс не для таких людей. Мир изменился только внешне, суть осталась прежней. Гоголевские башмачкины и ионычи уже в наше время испытывают равнодушие лиц, в чьи прямые обязанности входит забота о благоустройстве и защите людей, они страдают от административных перегибов, волокиты и беспредела, они заброшены и забыты, не нужны собственной стране. И если Михаил Зощенко высмеивал обывательские черты в человеке и своими рассказами призывал помогать таким людям от этих черт избавляться, то Чернышихин видит причину обывательщины в устройстве самой системы. Системы, которая так и не дала главного каждому

члену общества — ощущения себя человеком. Маленький человек так и остался маленьким. Не в людях видит писатель нелепое и уродливое, но в самой среде, которая рождает таких людей. О людях Чернышихин пишет с человеколюбием и желанием помочь. Возможно, поэтому такими неправдоподобными могут показаться финалы его рассказов: словно добрый волшебник устраивает жизнь главных героев в «Телефоне»⁹², «Замке»⁹³, отводит от них беды и ненастья в «Алмазе»⁹⁴. Чернышихин будит в нас неприимимость к глупости, злобе и пошлости, учит уважению друг к другу, внушает веру в то, что счастья достоин каждый, и счастье это — в недалеком будущем.

Что же помогает человеку в таких условиях? Конечно же, любовь. Любовь и мечта. Любовь в рассказах неожиданна, она приходит к героям уже немолодым и дает им силы радоваться жизни, пусть даже такой, какая досталась. Любовь в рассказах

⁹² Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н. П. Большакова, В. Б. Бакула, авт. вступ. Ст. Н. П. Большакова]. Мурманск : Олимах, 2012. С. 315.

⁹³ Там же. С. 336.

⁹⁴ Там же. С. 329.

даже немного сказочна, и веришь, и не веришь в ее счастливый исход. Но автор будто нарочно наделяет своих героев таким чудом, давая понять, что каждый достоин счастья. Чернышихин пишет о любви окрыляющей, способной поднять к небу и звездам даже человека, мечта которого далеко не звездная. Обыкновенность мечты и типичность ситуации, в которой оказываются персонажи, подчеркивают названия рассказов.

Чернышихину удается заставить читателя сочувствовать и сопереживать героям так, как если бы он был непосредственным участником происходящего, что достигается эффектом присутствия автора-повествователя, его мягким и доверительным к нам обращением.

В рассказах не ощущается трагического конфликта между грезой и реальностью. Сама действительность — это и есть тот мир, среда обитания героев, которую они не воспринимают враждебно.

Они вполне вписываются в этот реальный мир, не всегда добрый к героям, и не конфликтуют с ним, а находят смысл жизни в мечте, поэтому и вознаграждены ее исполнением, встречей с любовью, способностью радоваться жизни в ее обыкновенности. В этом философия жизни героев Чернышихина. В этом, надо думать, и философия жизни самого писателя.

Виктория Бакула

Маме моей посвящается

(Рассказ, записанный по воспоминаниям и от лица матери Виктора —

Анисьи Николаевны Чернышихиной (Голых))

За окном в предутренней дымке виднеются очертания домов. Уличные фонари уже погасли. Из подъездов выходят люди, спешащие на работу. Город просыпается и готовится к трудовому дню.

Еще одна ночь прошла без сна. В такие часы человек остается наедине с самим собой и ему становятся близки воспоминания о далеком прошлом, о детстве, юности. Когда все было еще только впереди и жизнь казалась бесконечной.

Память возвращает меня на Родину, где прошло мое детство. Суровый край Кольского полуострова, деревня Пулозеро. Своей страшной поступью в наш дом пришла смерть: от тяжелой болезни умер мой отец. Нас у мамы осталось трое. Последние сбережения, которые были в доме, ушли на лечение, а потом и на похороны отца.

Чтобы как-то облегчить нашу жизнь, из деревни Белокаменка приехал брат мамы — дядя Ваня. Он был женат, росла дочь Любаша, и все же он предложил моей маме, чтобы я какое-то время пожила у него.

В Белокаменке преимущественно жили саамы и финны. Многие содержали целые стада оленей, и, пока эту деревню не коснулась коллективизация, люди в ней были очень богаты. Там я пошла в школу, в которой все предметы преподавали на финском языке, помогала по дому тете Марусе и дяде Ване. Работы было много, и иногда мне приходилось пропускать занятия. Зная, как я люблю рисовать, дядя Ваня подарил мне альбом с красками, и в свободное время я приходила на берег Кольского залива и рисовала целыми часами: залив, проплывающие корабли, сопки, скудную

природу крайнего севера.

Как-то учитель рисования, увидев мой рисунок, похвалил меня. Я тогда не знала, что уже по инициативе Сергея Мироновича Кирова в Ленинграде была организована единственная в СССР школа для одаренных детей при Академии художеств.

Однажды к нам в деревню приехали двое художников, они пришли в школу и попросили нас показать свои рисунки. Мой альбом они рассматривали дольше всего, и даже некоторые рисунки взяли с собой, и уехали в Ленинград.

Через некоторое время мне, двенадцатилетней, пришел вызов для поступления в школу при Академии художеств. Шел 1937 год. И хотя было страшно уезжать так далеко от дома — беспокоились родные, но больше всего на свете мне хотелось научиться рисовать, и я поехала.

Никогда раньше я не бывала в больших городах, и потому первые впечатления об этом Великом городе остались у меня на всю жизнь: Невский проспект, набережная, Васильевский остров, Адмиралтейство, Эрмитаж. В Ленинграде каждая ограда, каждый фонтан, каждый дом были произведением искусства, и любовь к этому городу осталась в сердце навсегда.

С большим волнением мы с дядей Ваней вошли в большое серое здание на Университетской набережной, поднялись на третий этаж, где находилась художественная школа. Мне никак не верилось, что я, саамская девочка с далекого Севера, здесь буду жить и учиться. Не верилось даже тогда, когда воспитатель привел меня в общежитие и показал мою комнату и кровать. Дядя Ваня простился со мной и стал собираться в обратный путь. Так началась моя новая жизнь.

Я быстро познакомилась с ребятами по школе и общежитию. Сейчас уже всех не вспомнить, но с некоторыми подружилась на всю жизнь.

В комнате со мной жили еще пять девочек: Зоя Гулина и Зина Маркова из-под Ленинграда, Валя Щульц с Украины, Ара Манжелез из Иркутска, Нора Артузова из Москвы. Я поступила в пятый общеобразовательный класс и первый специальный класс по искусству.

Многие ребята, которые учились в нашей школе, были необычайно талантливы и увлечены живописью, но не выдерживали нагрузок: программа обучения была очень насыщена. С утра до обеда шли обычные уроки, как в обычной школе, потом в огромной мастерской — уроки по специальности. Помню, как тяжело мне давался рисунок и как легко живопись. Преподаватель живописи даже сказал, что такое умение подбирать краски присуще только зрелым мастерам. Преподавателям также нравилось, как смело я относилась к своим работам. В основном мои композиции были о севере: олени гонки, северное сияние, рыбаки, тянущие огромный невод.

Но когда нам дали контрамарки для посещения выставок, музеев, Эрмитажа, когда я увидела полотна великих мастеров, перед которыми простаивала часами и которые каждый раз открывались мне по-новому, смелости, с которой я относилась к своим работам, у меня поубавилось. Я поняла: великие мастера много работали, прежде чем создать шедевры, ставшие достоянием всего мира. Только талант и огромный труд способны на что-то стоящее. Рембрант, Рубенс, Серов, Врубель стали моими учителями.

И все же мне было очень тяжело переходить из класса в класс, сдавать экзамены. Я отставала по многим общеобразовательным предметам и только благодаря своей природной закалке не отставала от других ребят.

Однажды преподаватель живописи, рассматривая мои новые работы, задумчиво сказал: «Знаешь, Асенька, что главное в искусстве да и вообще

в жизни? Иметь свое лицо, иметь свой взгляд на мир, тогда творчество интересно для людей. Путь к этому может длиться всю жизнь, но мне кажется, ты уже нашла что-то свое!»

Несмотря на очень большой объем занятий, мы все же успевали заниматься, ходили в походы, организовывали самодеятельный театр, где я часто играла главные роли. Были встречи с известными художниками, писателями, поэтами. Все это было очень интересно и запомнилось на всю жизнь.

Я очень подружилась со своими одноклассниками: Неллей Лебедевой, Борей Николаевым, Игорем Королевым. В выходные дни мы собирались у Нелли. Папа у нее был из старинного дворянского рода, архитектор, они жили на Литейном проспекте. Мы увлекались живописью, музыкой, театром, и нам очень было интересно друг с другом.

Однажды я заметила, что Боря Николаев ухаживает за мной... Мы были счастливы... Мы думали: скоро станут счастливы все люди во всех странах, впереди долгая и прекрасная жизнь.

Мы не знали, что 18 декабря 1940 года Гитлер приказал начать подготовку к осуществлению плана «Барбаросса», молниеносной войны против Советского Союза.

После того, как сдали экзамены, Зина Маркова предложила мне поехать в деревню Кукуй, что находилась под Ленинградом. Она вздохнула рассказывала, какие там красивые места, как мы будем там отдыхать и писать этюды.

21 июня 1941 года мы с Зиной заработались над этюдами и домой пришли поздно. Наскоро поужинав, легли спать. Утром нас разбудил плач Кати, сестры Зины, которая и принесла нам страшную весть о начале войны.

Какое-то время я еще жила у Зины, но, когда мы узнали, что немцы

находятся в пятнадцати километрах от деревни, в военном эшелоне я поехала в Ленинград. Ехать было страшно, каждую минуту могла налететь вражеская авиация и разбомбить эшелон. Но, слава Богу, до города мы доехали целыми и невредимыми. Потом от Зины я узнала, что вскоре после моего отъезда в деревню ворвались немцы. Издевались над мирными жителями, расстреливали сочувствующих советской власти. Сама Зина успела убежать из деревни в последний момент.

Немцы рвались к Ленинграду. Гитлер хотел сровнять этот город с землей, что было бы огромной психологической победой над русскими. 9 сентября на севере Ленинград полностью был блокирован финскими войсками, а на западе и юге — немецкими. Но немцы так и не ворвались в город, благодаря мужеству его защитников. Каждый день город подвергался страшным бомбардировкам и артобстрелам.

Несмотря на это, в нашей школе начались занятия, которые часто прерывались «воздушной тревогой». И без того тревожный сон прерывала «воздушная тревога» и ночью. Ученики и преподаватели, быстро собираясь, брали самое необходимое и спускались в бомбоубежище. Однажды ночью, когда мы были особенно измотаны частыми спусками, во время очередного налета Зоя предложила остаться в общежитии. Забрались под кровать. Сначала было очень тихо, затем неожиданно совсем рядом разорвалась бомба, со звоном посыпались разбитые стекла, потом еще одна и еще. Где-то начался пожар, слышались крики людей. Пережив этот страх, мы решили более уже здесь не оставаться, а спуститься в бомбоубежище.

Уже в конце сентября в магазинах и столовых стало очень плохо с продуктами. На обед нам давали соевые бобы и чечевицу.

Студенты и старшеклассники выехали на подступы Ленинграда рыть противотанковые рвы. Многие студенты добровольно шли на фронт. При

Академии художеств была организована медико-санитарная команда, которая оказывала всяческую помощь пострадавшим при обстреле и бомбардировках. Так мы пытались хоть чем-то помочь фронту.

Вскоре после очередного налета вражеской авиации мы увидели огромное зарево пожара — это были разбомблены Бадаевские склады. Последние продовольственные запасы Ленинграда были уничтожены.

После этого ввели карточки, по которым выдавали продукты. К началу зимы норма хлеба в день на человека составляла 125 граммов. Начался голод. Квартиры не отапливались, и от голода и холода люди стали умирать. Улицы Ленинграда не убирались, повсюду росли сугробы, по проложенным тропинкам с огромным трудом пробирались горожане, похожие на тени. Некоторые из них, выбившись из сил, садились прямо в снег и больше не вставали. Лица у них были спокойные, как будто они радовались последнему своему пристанищу.

В школе занятия проводить перестали — учителя ослабли. Не было света, тепла, воды. У кого оставались силы, ходили за водой на Неву. Грязные, голодные, заросшие, мы перестали узнавать друг друга, так всех изуродовали голод и блокада.

Вера Ивановна, руководитель медико-санитарной команды в Академии, предложила совсем ослабевших людей поить хвойным отваром, чтобы хоть как-то приободрить.

На одной кровати лежал обросший, жутко исхудалый мужчина, жизнь в котором едва теплилась, я едва узнала его. Это был директор школы и преподаватель живописи Владимир Александрович.

— Владимир Александрович, выпейте, это вам поможет, — сказала я.

Владимир Александрович открыл глаза, но встать не мог, на его лице засветилась вымученная улыбка:

— Асенька, это ты, я рад, что ты жива, — тихо сказал он.

Выпив хвойный отвар, Владимир Александрович вновь забылся своим тревожным сном.

Как-то я решила сходить на Литейный проспект к своей подруге Нелле, проведать ее и, может, чем-то помочь. Город, мой любимый Ленинград, был страшен: жуткие глазницы разбомбленных домов, высокие непролазные сугробы, которые никто не убирал, люди, везущие на санках завернутые в одеяла трупы умерших родственников — все это было похоже на ужасный сон.

Возле булочной стояла длинная очередь за хлебом, который и хлебом назвать трудно. К тем, кто хлеб уже получил, подходили люди, предлагали золото, бриллианты за маленький кусочек хлеба. Но люди, получившие хлеб, только сильнее прижимали его к себе и спешили к своим умирающим, голодным детям.

Дома у Нелли мне обрадовались: «Слава Богу, Асенька, ты жива, проходи, мы сейчас будем обедать», — сказала Неллина мама. Оказывается, Неллин папа сумел перед блокадой запасти немного крупы — это и спасло их от голода. Крупы было не так много, и впереди были долгие дни блокады, и все же они поделились со мной самым ценным, что было у них. Они спасли меня от голодной смерти. Неллин папа разломал несколько стульев из гостиной и растопил печку-буржуйку. Мы сидели с Неллей возле теплой печки и вспоминали мирную жизнь, учебу в школе, преподавателей, друзей.

Наши воспоминания прервали звуки «воздушной тревоги», которые даже после войны часто снились мне. Перед тем, как спуститься в бомбоубежище, Неллина мама дала нам по кусочку печенья. В бомбоубежище я не выдержала, достала печенье и стала есть. На меня устремились десятки голодных глаз. Заплакали голодные дети: «Мама я хочу, есть, есть, смотри

у тети печенье, мама...»

Не помня себя, я выскочила на улицу, слезы лились у меня из глаз. Мне было безумно жаль этих детей. И страшно от бессилия чем-то помочь.

Воротившись в общежитие, я приготовила хвойный отвар и стала разносить его по комнатам. Комнаты были холодные, на кроватях лежали обессиленные, истощенные люди. На одной я едва узнала старшеклассника Васю Соснова. Он был моим партнером по танцам. Как его изуродовал голод! Но, несмотря на это, он в ослабевших руках держал альбом и карандаш. Я дала ему немного хвойного отвара, он улыбнулся мне и сказал:

— Асенька, помнишь, как мы с тобой танцевали вальсы и танго? Жаль, что этого больше никогда не будет. Асенька, я умираю.

Я закричала, что было сил:

— Вася, не думай так, мы будем с тобой жить и потанцуем еще, лучше всех будем танцевать!

— Договорились, — сказал грустно Вася. — Только ты ни с кем не танцуй, Ася, ладно?

На следующий день, когда я пришла проведать Васю, его уже не стало. Рядом с ним лежал альбом с неоконченным рисунком. Море, солнце, на берегу пальмы и двое людей, протягивающих руки к солнцу... Вася совсем немного не дожид до сильных морозов, накрепко сковавших льдом Ладожское озеро, когда по нему была проложена трасса и колонны грузовиков повезли в Ленинград продукты. Эта «Дорога жизни» спасла многих людей, но к тому времени почти миллион его жителей и защитников уже умерли от голода, холода, непрерывных обстрелов и бомбардировок.

В феврале 1942-го пришел приказ эвакуировать школу и Академию Художеств. 17 февраля нас на пригородном поезде везли до Ладожского озера, где пересадили на грузовики и переправили на «Большую землю».

На середине пути немецкий снаряд угодил во впереди идущую машину, которая тут же с людьми и грузом ушла под лед. Водитель нашей машины еле успел затормозить, чтобы не въехать в полынью. Руки его дрожали, лицо сделалось мертвенно бледным. Он никак не решался ехать дальше. Тогда военный регулировщик, который дежурил на трассе, выхватил пистолет, приставил его к виску водителя и скомандовал: «Ну, давай, браток, трогай, иначе погибнем все!»

Медленно мы тронулись дальше. Я раньше никогда не молилась, но в этот миг перед лицом смерти обратилась к Богу, слова шли из глубины души: «Отче наш, да святится имя твое, да будет царствие твое, спаси и сохрани нас, Господи, спаси и сохрани...»

Когда мы переправились через озеро, нас повели в столовую, где дали жидкую кашу на растительном масле. После длительного голода нам нельзя было есть грубую пищу, и лишь постепенно мы стали привыкать, наедаться досыта.

Вскоре сели на поезд и поехали в Узбекистан, подальше от холода, голода, бомбежек, обстрелов. По пути на каждой станции люди, узнавая, что в поезде едут ленинградцы, подходили к вагонам и совали нам в руки хлеб и другие продукты. При виде нас у многих наворачивались слезы. Грязные, обросшие, полуголодные, мы все же постепенно приходили в себя.

Наконец, поезд прибыл в Узбекистан, в город Самарканд. Ласково светило солнце, было очень тепло, не слышны разрывы бомб и снарядов. Там мы начали привыкать к нормальной, мирной жизни, и лишь иногда во сне ужасы войны возвращались ко мне. И уже утром нас будила не сирена «воздушной тревоги», а ласковое солнце и песни птиц, и я, наконец, поверила, что выжила в страшном аду под названием Блокада. Жизнь продолжалась.

Матриархальность саамской литературы

Во все века мир интересовала Лапландия — маленький «кусоч» девственной земли с таинственными жителями — лопью, которые считались колдунами, способными управлять явлениями природы. Это пробуждало интерес к земле за Полярным кругом: этнографы, историки и другие исследователи ехали сюда, чтобы собственными глазами увидеть сказочную Лапландию и ее обитателей. Отзывы о ней разноречивы, но в том, что край уникальный — сходятся все. Один из таких любопытствующих путешественников Г. Гёбель в начале XX века заносчиво написал, что «даже последний из лопарей едва ли найдет себе поэта, который прославил бы его; он не будет окружен поэтическим ореолом; в один прекрасный и неизбежно близкий день он исчезнет совершенно незаметно». Однако путешественник ошибался. Саамский народ не только не исчез, но нашел себе и поэтов, и писателей⁹⁵, способных оценить его культуру, и сам щедро передавал поэтические предания своей старины ученым и этнографам XVIII–XX веков. Фольклорный материал саамов собран в достаточном количестве, чтобы дать представление о жизни и верованиях этого древнего народа, а также послужить толчком к рождению своих собственных саамских поэтов и писателей.

Мы хотим предложить посмотреть на саамских литераторов с гендерной точки зрения. Из представленных в настоящем Альманaxe двадцати шести авторов девятнадцать — женщины. Пожалуй, можно говорить о том, что саамская литература имеет ярко выраженный матриархальный характер. Неоспорим и тот факт, что саамские женщины намного активнее мужчин и в жизни. Они пишут не удовольствия ради, а выражая боль за судьбу народа и подчеркивая его идентичность. У Александры Антоновой

одно из стихотворений так и называется «Моя боль». Сначала она в нем пишет о мечте: «Ой, Отчизна-мать, тундра белая! / Я счастливой стать так надеялась», затем обращается с упреком: «Почему ж мое сердце так болит? / Почему душа в муках корчится?..» И, наконец, приходит осознание: беды на саамов сыпятся оттого, что живут они свой век «не по-дедовски». Хотели бы «по-старинному», да земля их стала «чужбиною». Все в руках «людей временных. / А земля бедою беременна...»⁹⁶.

В другом стихотворении Антоновой чувствуется что-то от древнего плача... Причитание в ее стихах становится новым видением колыбельной, в которой мать неосознанно начинает обращаться к Богу, к людям, рассказывать о своих бедах и бедах своего народа. Она не рассчитывает на то, что ребенок будет вникать в произносимые ею слова — под колыбельные дети спят — эти слова, эта вербализованная ею боль, важны для нее самой:

Спи, мой сыночек, травинки росточек,
Глазки скорее закрывай.
С вечера злобная вьюга хохочет —
Холоден северный край.

Я ж тебя, дитяtko, сердцем согрею,
Песню о тундре спою.
Только расти, вырастай поскорее,
Баюшки, баю, баю.

После метелей горят ярче звезды,
Девницей красной — луна.

⁹⁶ Антонова А. А. Моя боль // Антонова А.А. Струны сердца : стихотворения. Мурманск : Книжное издательство, 2007. С. 22.

Пусть навевают прекрасные грезы
На моего шалуна.

Утро придет — все живое согреет
Солнышко в нашем краю.
Спи, мой сыночек, расти поскорее.
Баюшки, баю, баю.

Ждет тебя очень пострел-олененок,
Чтобы в упряжке бежать.
Мы научились, саамы, с пеленок
Вожжи оленье держать.

Снег за упряжкою радугой реет.
Песнь запоешь ты свою...
Ну, а пока засыпай поскорее.
Баюшки, баю, баю.

Знаешь, врагов, вроде, нет и не видно,
Волен саамский народ.
Только вот жизнь у него — незавидная,
Просто обида берет.

Наши мужчины — кто пьет, кто стареет, —
Я их не очень браню.
Ты — мой защитник, расти поскорее,
Баюшки, баю, баю.

Ставить с отцом ты научишься сети,
Станешь и зверя стрелять.
И, как все грешные люди на свете,
Будешь любить и страдать.

В лихо-ненастье мне руки согреешь,
Старость утетишь мою...
Спи же — во сне вырастай поскорее.
Баюшки, баю, баю.⁹⁷

Перевод Е. Алексеева

Саамская поэзия, особенно женская, — поэзия песенная. И не мудрено, ведь раньше саамы стихов вообще не писали, а сочиненные ловты⁹⁸ и луввты⁹⁹ пропевали, как песни. Мурманскими композиторами написано немало песен на стихи и Октябрины Вороновой, и Софьи Якимович. Эльвира Галкина многие свои стихи сама перекладывает на музыку и поет под гитару. Она вспоминает, как любила в детстве бродить по лесу, разговаривать с птицами, деревьями. Отсюда позже появится ее стихотворение «Эхо предков» с налетом своеобразной древности, в которой живет завораживающая тайна:

Звуки бубнов, предков зов,
В тундру древнюю влекут,
Где в погостах староверов
Лыввты саамские поют.

⁹⁷ Антонова А. А. Колыбельная // Антонова А.А. Струны сердца : стихотворения. — Мурманск : Книжное издательство, 2007. С. 31. 475

⁹⁸ Ловта — легенда, быль.

⁹⁹ Луввты — голос предков, идущий из глубины веков, музыкальная импровизация, луввты — песня-судьба, легенда, настроение, размышление.

По горам мотивы мчатся
И порывами пурги
Там поземкою ложатся
На заметанные льды.

Их гласа в озерных всплесках,
В крике утки или сойки;
И в лесах, и в перелесках
Слышу эхо саамской йойки¹⁰⁰.

Звуки бубнов, предков зов,
В тундру древнюю влекут,
Где в погостах староверов
Лыввьты саамские поют.¹⁰¹

Свои стихи Эльвира не просто читает, она их озвучивает «голосами» тундры, саамским лыввьт. Это напоминает моноспектакль. Говорит, что, задумываясь, откуда это у нее берется, приходит к выводу, что истоки творчества идут от ее любимых деда и бабушки. Это они привили внучке своими рассказами, саамскими легендами и мифами крепкую привязанность к родовым корням своего народа, к своей малой Родине:

Закрыв глаза,
Ударю в бубен —
И гортанный лыввьт
Куропаткой белошубой
Вырвется из губ.

И, задевая пузом сопки
Кроны ели и сосны,
Застрянет вдруг
Болотом топким
Ждать
Кратковременной
Весны.¹⁰²

А еще одна саамская поэтесса Екатерина Коркина, чтобы не прервать связь времен, исполняет напев матери, наполнив его картинами своего детства:

Слышу я, как за окном,
Будто кто-то за окном,
Песнь протяжную поет,
Может, лес прошелестел,
Песнь заветную пропел,
Прозвенел густой листвою.
То не ветер за окном,
И не эхо, и не гром,
То не навеялось во сне;
Тот напев, что пела мать,
Мог слезою заблестать
Или в горе дать мне сил.
Тот напев — забытый нами,
Отзвучал в краю саами,
Подпевали ему сани.¹⁰³

¹⁰²Галкина Э. Лыввэт. // Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н.П. Большакова, В.Б. Бакула, авт. вступ. ст. Н.П. Большакова]. Мурманск: Олимах, 2012.С. 179.

¹⁰³Стихи для самых маленьких // Там же. С. 202.

Так мы узнаем, что мама и бабушка Катерины Николаевны сказки тоже не рассказывали, а пропевали: *«...приходили женщины и все брали с собой рукоделие, всем ведь свою семью одевать надо: мужей, детей, себя. Сначала новостями делились, обменивались своими думками, а потом пели луввът. Луввът — это традиционное саамское пение со словами или без слов. Пока пели — или полрукавицы связали, или тапок кто-то сшил»*¹⁰⁴.

Девочки всегда находились подле матерей, бабушек, тетушек, обучаясь рукоделию, слушали пение, играли с кусочками сукна, пытались шить. Принуждения не было, но если девочка хотела, то ей могли дать старое изделие, где сукно уже пришло в негодность, и бисер с него нужно снять. Распуская такие изделия, девочки учились, запоминали рисунок, традиционные саамские цвета, узоры. По этому поводу у Эльвиры Галкиной есть замечательное стихотворение «Орнамент», которое можно назвать лучшим саамским стихотворением, посвященным декоративно-прикладному искусству народа:

Бусинка к бусинке в вышивке ляжет,
Выявив четкий узор на сукне,
Каждый из них непременно расскажет
О мастерстве на снегу, при луне.
Цвета четыре — шамшура готова.
Красный — цвет крови и очага,
Рядом крупинками цвет голубого —
Озеро это, море, река.
Желтый ласкает и радует глаз —
Лучики солнца пробились сквозь щели.

Все завершает белый алмаз,
Коим лучатся березы и ели.
Предки не знали язык букварей,
Ум их и опыт остались в узорах.
Жизнь, красота и судьба лопарей —
Сколько в них света!
Сколько простора!¹⁰⁵

В соответствии с мировоззрением саамов возникновению жизни на земле мир обязан женщине — продолжательнице человеческого рода, главе в семье. И земля у саамов — Мать-Земля — женского рода. И вода — мать. Огонь — тоже «мать», особо покровительствующий женщинам, которые являлись хранительницами семейного очага. Огонь предупреждал хозяйку о надвигающейся беде, помогал при родах. Солнце у саамов также отождествляется с женщиной. Южный ветер саамы называли «Сбӱйв пӱнук» — матерью, а северный — «Таввял пӱнук» — мачехой. Есть у саамов даже сказка о том, как женщина на небе звезды зажгла. Вот, что рассказывается в ней:

Жили на небе Звезда-лопинка и Звезда-пастух, но их разделяла небесная река. Они очень сильно любили друг друга, но не решались перейти небесную реку. Тогда олени и куропатки, видя их любовь, построили через небесную реку из своих тел мост, по которому влюбленные и прошли на встречу друг другу. И скоро все увидели, как на небе стали загораться звезды. «От кого эти звезды?» — спрашивали друг друга олени и куропатки. Оказалось, своей любовью их зажгла женщина. Она родила Звезде-пастуху дочку — и на небе заискрилась звездочка, сына — и вспыхнула новая звезда.¹⁰⁶

¹⁰⁵ Сказочно-песенное творчество Эльвиры Галкиной // Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н. П. Большакова, В. Б. Бакула, авт. вступ. ст. Н. П. Большакова]. Мурманск: Олимах, 2012. С. 173.

¹⁰⁶ Саамская сказка, записанная П. П. Юрьевым в редакции автора. Цит. по Большакова Н. П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем / Надежда Большакова ; [науч. ред. И. Б. Циркунов ; ред. саам. текста А. А. Антонова ; ред. саам. фольклора Е. С. Посангер ; ил. Г. А. Купинченко]. Мурманск : Мурманское книжное издательство, 2005. С. 332.

Роль женщины в саамской истории, мифологии, семье, литературе очень велика. Сам род саамский произошел, по преданиям саамов, от оленя Мяндаша и саамской женщины Матрены — род Матрехиных (девичья фамилия О. Вороновой).

Много легенд и преданий дошло до нас о подвигах саамских женщин в борьбе с захватчиками. Слышанное в детстве трансформировалось в поэзии — например, в поэме «Тайна бабьего озера»¹⁰⁷.

В сказках найдется немало сведений о женщинах «нуэйттах» — колдуньях. Поэтому главными образами в творчестве саамских литераторов-женщин прежде всего являются Мать-хранительница очага, Мать-природа, Мать-продолжательница рода, Мать-Земля. В стихотворении Софьи Якимович «Весенняя сказка» весна выступает в роли хозяйки:

С крыш закапала вода,
Бабу снежную размыла.
И весна в свои права
Как хозяйка в дом вступила.

И северное сияние у нее же несет женское начало — девушки-невесты:

Васткиваз¹⁰⁸ в красивом сарафане,
Как невеста с лентой расписной,
Повела лучистыми глазами
И заморозила красотой...¹⁰⁹

Осень у Якимович — «бабка злая», зима — «невеста в платье белом»... У Александры Антоновой в посвящении Владимиру Смирнову¹¹⁰ читаем

¹⁰⁷ Воронова О. В. Хочу остаться на земле: стихи : перевод с саамского. Мурманск : [б. и.], 1995. С. 165.

¹⁰⁸ Вастикваз — «северное сияние».

¹⁰⁹ Якимович С. Е. Праздник медведя: стихи : (перевод с саамского). Мурманск : [б. и.], 1999. С. 5.

¹¹⁰ Антонова А. А. Памяти поэта и друга Смирнова Владимира Александровича // Антонова А.А. Струны сердца : стихотворения. Мурманск : Книжное издательство, 2007. С. 26.

о матушке-земле, которая тяжелою рукой навеки укрыла поэта от саамских людей. А в стихотворении «Ручеек»¹¹¹ в роли матушки уже выступает река. У Ираиды Виноградовой в стихотворении «Чистые родники» говорится, что ее земляки — чальмныварцы «...пили соки матери-земли. Потому так долго жили...»¹¹². У Эльвиры Галкиной, как и в стихах Софьи Якимович, есть бабушка-осень, а река Вирма в Ловозере выступает уже в качестве юной девы.

Раньше практически у всех северных народов женщина была носителем высоких моральных качеств: трудолюбия, глубины и чистоты чувств. Но на смену матриархату пришел патриархат. Мужчина захватил бразды правления в доме, превратив жену почти в рабыню, главное назначение которой — деторождение. Со временем интерес к былинам и сказаниям малочисленных народов стал угасать. Образ женщины все больше терял свою поэтичность и одухотворенность. И если в сказаниях еще упоминаются красота, доброта и нежность невест, то после замужества роль женщины сводится к обыденным домашним обязанностям. Такое положение вещей характерно для всех, но не для саамов.

Соотношение ролей мужчины и женщины в саамской жизни определялось матриархатом, который, как я уже отметила, сохраняется и по сей день. Мужчина в семье работник, женщина — управительница, хранительница рода. Выгоднее было рожать девочек, так как за них дарили важенку¹¹³. Мужчина высоко ценил женщину, поэтому в саамских семьях не было разводов, ссор, ругани. Для внутрисемейных отношений саамов характерны мир, согласие, уважение к женщине.

Октябрина Воронова пророчески писала, что «поняла: жилище не ослепнет / До той поры, пока в золе и пепле / Хранится хоть крупинка теплоты...»¹¹⁴.

Тематика саамской литературы выстраивается вокруг таких понятий,

¹¹¹ Антонова А. А. Ручеек // Там же. С. 28.

¹¹² Виноградова И. Чистые родники // Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н.П. Большакова, В. Б. Бакула, авт. вступ. ст. Н.П. Большакова]. Мурманск: Олимах, 2012. С. 164.

¹¹³ Важенка — олениха, дарящаяся родителям на первенца-девочку.

¹¹⁴ Воронова О. Который год // Воронова О. В. Хочу остаться на земле: стихи : перевод с саамского. Мурманск : [б. и.], 1995. С. 55.

как: *любовь* — к месту рождения, к своим корням, к природе; *почитание* — старины глубокой, матери, дома; *переживание* — за утраченные традиции, за молодежь, оторванную от дедовских ремесел, за погибших родственников, за родной саамский язык; *трагизм*. При этом восхищение родным краем, людьми сквозит в каждом произведении.

В литературе любого народа есть свои особенности. Одной из таких особенностей саамской литературы является «возрастной» характер — саамских литераторов не назовешь молодыми. Ушли уже из жизни пришедшие в саамскую литературу после Октябрины Вороновой поэтессы Александра Антонова, Ираида Виноградова, Софья Якимович. Жаль, что перестала писать стихи Полина Данилова, теперь уже Медведева Полина Владимировна. А в начале 90-х годов ее стихи публиковались не только в районной газете «Ловозерская правда», они вошли в сборник саамских авторов «Дары тундры», а в 2012 году — в «Антологию саамской литературы»¹¹⁵. Их можно и сегодня читать малышам, потому что такие незатейливые стихи не старятся, они будут интересны северным ребятишкам, потому что открывают мир, увиденный глазами ребенка.

Лето

Летит, спешит зеленая карета,
А в ней сидит в зеленом кресле лето.
Оно мне дарит теплые деньки,
И яркие, как солнышко — цветки.

По лужам

Я бегу по лужам,
Мне это очень нужно.
Я отраженьё вижу в них,
Как будто в зеркалах моих.

Медвежонок

Медвежонок,
медвежонок,
Ты совсем еще
ребенок.
Измазюкал носик,
лапки,
Разорвал штаны
на тряпки.
Вот тебя я накажу —
Спать в кроватку
положу.

* * *

Вот родился малыш,
Толстый маленький
крепыш.

Я ему дала катушку,
А он просит
погремушку.

Я его учу словам,
А он в ответ все:
«Ам да ам».

Мой олень

Мой олень бежит по тундре,
По красивой белой тундре, —
Тундра, будто серебром,
Покрывается снежком.
Мчится мой олень на праздник,
На веселый детский праздник,
Праздник Солнца!
Праздник Света!
Этот праздник лучше лета!

Забытый пес

Чей ты, песик — черный носик?
Почему, скажи, хромаешь?
И о чем так горько лаешь?
Скорей пошли ко мне домой,
Ты ничей, а будешь мой.

Малыш

Капают капли с деревянных крыш.
Спит в коляске сладко крохотный малыш.
Ветерок, как мама, песенку поет,
А малыш в ответ лишь открывает рот.

Чайка

Низко над водою чайка опустилась,
Громко закричала, крыльями забила,
Что-то, видно, мне сказать она хотела.
Только не решилась — молча улетела.
А я сижу — не ухожу,
Я жду ее, все жду и жду.

Весна

На деревьях оживают почки,
Словно живые комочки.
А на небе кружатся птицы.
Будто привязаны спицей.

Зима

Меня навестила подруга зима.
Подарки ее — снежинки на мне.
И я прокатилась на горке сама
По ее скользкой и гладкой спине.

Другая особенность саамской литературы заключается в том, что все саамские литераторы относятся к представителям поколения, которое ощутило на себе еще традиционные особенности саамской этнической педагогики. Их рождение и взросление пришлось на годы, когда оленеводство и рыболовство являлось основным традиционным занятием саамов. Родители, бабушки и дедушки саамских писателей были пастухами, оленеводами, трудились в рыболовецких бригадах, то есть, так или иначе, оставались тесно связанными с культурой и традициями саамского народа. Поэтому и большая часть саамских авторов пишет все же на своем родном саамском языке.

Важную роль в изучении саамской литературы сыграл созданный в 1994 году в поселке Ревда Мурманской области Музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой, работа которого строится на тесном

взаимном сотрудничестве с учебными учреждениями и библиотечными системами Мурманской области. С 1998 года Музей становится филиалом Центральной библиотеки поселка Ревда. Возможно, в Заполярье учащиеся и студенты довольно неплохо знают саамскую литературу и саамских авторов именно потому, что в школах и других учебных заведениях на уроках литературы в рамках регионального компонента ими изучается саамский фольклор и творчество саамских писателей.

*Надежда Большакова,
писатель, создатель и хранитель музея саамской литературы
и письменности им. О. Вороновой. Ревда, Мурманская область*

Саамская литература
Канонизация

Саамская литература в Европе. Краткое введение *

История саамской литературы прослеживается с начала XVII века, и ход этой истории можно рассматривать в контексте значимых национальных и международных саамских общественно-политических движений. Под саамской литературой понимается литература, написанная авторами, являющимися представителями саамского народа. Саамы — коренной народ Северной Европы, населяющий регион Лапландия, который простирается на территории Норвегии, Швеции, Финляндии и России. Насчитывается около 50 000 представителей саамского народа. Однако назвать конкретную цифру сложно. В этой небольшой заметке мы проиллюстрируем социально-политическое развитие саамов и то, какое выражение нашел независимый саамский голос в литературе ¹¹⁶.

Саамская литература в мире

Первые образцы литературы, написанные на саамском языке, были опубликованы в Швеции, на территории расселения южных саамов. Развитие письменного саамского языка началось в этой части региона в XVII веке, когда священники и миссионеры начали писать о саамах и переводить религиозные тексты на саамский язык ¹¹⁷. Развитие саамской литературы и саамского письменного языка при этом было обусловлено политическими интересами тех, кто находился у власти ¹¹⁸. В 1673 году была издана книга *Lapponia* ¹¹⁹ авторства немецкого профессора Йоханеса Шефферуса. Шведы хотели опровергнуть слух о том, что они одержали победы в ряде важных сражений Тридцатилетней войны якобы благодаря помощи саамского

* Перевод с англ. Дарьи Балакиной.

¹¹⁶ Эта статья является переработанной версией статьи "Sámi Literature In Motion". In: Marit Anne Hauan (ed.). Sámi Stories. Art and Identity of an Arctic People. Orkana forlag AS, pp. 57–65. (Прим. автора).

¹¹⁷ Hirvonen, V. (2008). Voices from Sápmi: sámi women's path to authorship, Guovdageaidnu: DAT, p. 52

¹¹⁸ Hirvonen, V. (2008). Voices from Sápmi: sámi women's path to authorship, Guovdageaidnu: DAT, p. 56

¹¹⁹ Последнее издание на русском: Шеффер И. Лапландия / Иоганн Шеффер; [пер. с лат.: В. С. Золотилова, А. Ю. Зверева]. Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М.: У Никитских ворот, 2008. (440 с.). (Прим. переводчика).

шамана¹²⁰. В книге были представлены материалы и данные, собранные священниками и их помощниками со всей территории Лапландии. В нее также вошли два стихотворения о любви (йойка) *Guldnasaš* (*Гулднасаш*) и *Moarsi fávrrot* (*Моарси фаавррот*), написанные саамским семинаристом Олаусом Сирма. Это были первые художественные произведения, опубликованные на саамском языке. Книгу перевели на немецкий, английский, французский и голландский языки, и поэтому она смогла охватить широкую европейскую аудиторию. Считается, что эти произведения вдохновили Гёте на написание стихотворения «Близость любовников» (*Nähe des Geliebten*)¹²¹.

В XIX веке священники, служившие на территориях проживания саамов, записывали эпические йойки о первых жителях Лапландии и об их противостоянии колонизации¹²². Миф о происхождении саамского народа, согласно которому саамы являются детьми Сына Солнца, был записан саамским священником Андершом Фйелльнэром в середине XIX века. В тексте рассказывается о том, как Сын Солнца совершил путешествие на земли, населенные великанами, чтобы жениться на дочери одного из них, и о том, как три их сына после смерти Сына Солнца стали звездами на небе в поясе Ориона¹²³.

Развитию саамского письменного языка с середины 1800-х годов препятствовал социальный дарвинизм и акцентирование государственными властями внимания на ассимиляции саамского народа. В Норвегии ассимиляции способствовала государственная политика норвегизации, включавшая принятие в 1898 году постановления о запрете на использование и преподавание саамского языка в школах¹²⁴.

¹²⁰ Hagen, R. B. (2013). 'Lapponia'. <<http://snl.no/Lapponia>> [27.02.2019]

¹²¹ Gaski, H. (1987). Meddordskaltvvene fordrives:om samenes episk poetiske diktning. Karasjok: Davvi media, p. 18

¹²² Gaski, H. (2004). When the Thieves Became Masters in the Land of the Sha-mans. <<http://septentrio.uit.no/index.php/nordlit/article/view/1906>> [27.02.2019]

¹²³ Gaski, H. (2003). Biejjen baernie – Sámi Son of the Sun – Bealvi bárdni: Anders Fjellner, Kárásjohka: Davvi girji.

¹²⁴ Об этом см.: Hansen, L. I. (1992). 'Just K Qvigstad's Contribution to the Study of Sámi Culture'. In Acta borealia. 1992:2; Jernsletten, R.; Mákká Regnor (1993). 'Dáruiduhtin'. In Aa.Solbakk (red.): Sápmelaččat. Sámi instituhtta/Davvi girji o.s.p.119-120.; Minda, H. (2005). 'Assimilation of the Sámi. – Implementation and Consequences'. In Gáldu Čála. Journal of Indigenous Peoples Rights. No. 3. <<http://www.galdud.org/govat/doc/mindeengelsk.pdf>> [27.02.2019].

Саамская литературная мобилизация

Саамское политическое движение, в которое вошли известные саамские политики, возникло в начале XX века, когда эпоха национального романтизма в Норвегии и Финляндии подошла к концу¹²⁵. Политическая мобилизация началась в самых южных районах — на шведской территории Лапландии. Пожалуй, наиболее известным саамским политиком этого периода была Эльза Лаула (1877-1931). В 1904 году она опубликовала памфлет «*Сталкиваемся мы с жизнью или смертью? Слова правды о саамской ситуации*» (*Inför Lif eller Död? Sanningsord i de Lappska förhållandena*) и, таким образом, стала одной из первых представительниц саамского народа, опубликовавшей собственное произведение. Эльза Лаула (впоследствии Эльза Лаула Ренберг) хотела донести до шведских властей информацию о тяжелых условиях, в которых находится саамский народ. Эльза Лаула Ренберг стала ключевой фигурой саамского движения начала XX века и одной из организаторов первого национального собрания саамов, прошедшего в Тронхейме 6 февраля 1917 года¹²⁶. Сейчас этот день является Международным днем саамского народа, праздником, который отмечается на всей территории Лапландии.

Йохан Тури (1854–1936) был саамским оленеводом, жившим в Шведской Лапландии. В 1910 году он опубликовал книгу «*Рассказ о жизни саамов*» (*Muittalus sámiid birra*), ставшую первой светской книгой, написанной представителем саамского народа на саамском языке. Йохан Тури тоже хотел рассказать властям о саамском народе и саамской культуре¹²⁷. По словам самого Тури:

Я думал, что было бы лучше, если бы существовала книга, в которой будет описано все, связанное с жизнью саамов и условиями

¹²⁵Об этом см.: Jernsletten, R.; Mákká Regnor (1993). 'Dáruiduhttin'. In Aa.Solbakk (red.) : Sápmelaččat. Sámi instituhtta / Davvi girji o.s. p.119-120. ;Minde, H. (2005). 'Assimilation of the Sámi. – Implementation and Consequences'. In Gáldu Čála. Journal of Indigenous Peoples Rights. No. 3. <<http://www.galdu.org/govat/doc/mindeengelsk.pdf>> [27.02.2019]

¹²⁶Borgen, P. (1997). Samenes første landsmøte. Grunnlaget for Samefolkets dag 6. februar. Trondheim: Tapir.

¹²⁷Svonni, M. (2011). 'Johan Turi. A Centennial Reflection'. In Scandinavian Studies. Volume 83 Number 4. p. 486

их проживания, чтобы люди не задавали вопрос о том, каковы эти условия, и чтобы люди не истолковывали ситуацию неверно. Особенно те из них, кто хочет оболгать саамов и утверждает, что в возникающих спорах между поселенцами и саамами в Норвегии и Швеции виноваты только саамы¹²⁸.

Muitalus sámiid birra была переведена на одиннадцать языков. Это самое большое количество переводов среди всех саамских книг¹²⁹.

В 1912 году был опубликован небольшой социально-критический роман «Рассвет» (*Væivve-Alggo*). Его написал учитель и редактор Андерс Ларсен (1870-1949) из северной части провинции Тромс в Норвегии. Это был первый роман, написанный саамом на саамском языке. Андерс Ларсен в 1904–1911 годах издавал газету на саамском языке *Sagai Muitalægje* (*Сагай Муїталэгье*). Его приверженность общему делу напрямую повлияла на то, что Исак Микал Саба стал первым саамом, избранным в Парламент Норвегии от Норвежской рабочей партии на два срока — с 1906 по 1912 гг. Исак Саба также был автором первого национального гимна саамов — «Песня саамского народа» (*Sámi soga lávlla*), который впервые опубликовали в 1906 году в газете *Sagai Muitalægje*. Первым сборником стихов на саамском языке стала книга «Снежинки» (*Muohtačalmmit*), написанная Ялви Педаром из муниципалитета Утсйоки на севере Финляндии.

Эти авторы являются пионерами саамской литературы. С 1914 года вплоть до начала 1970-х годов было опубликовано всего несколько саамских книг.

¹²⁸ Turi, J. (2012). An account of the Sámi. Translated by Thomas A. DuBois. Karasjok: ČálliidLágádus. p. 11

¹²⁹ Gaski, H. (2013). 'Indigenism and Cosmopolitanism. A Pan-Sámi view of the Indigenous perspective in Sámi culture and research'. In *AlterNative. An International Journal of Indigenous Peoples*. Vol. 9, Issue 2. p. 9

Этнополитическое возрождение

Новое саамское движение, родившееся из общемирового протестного движения, возникло в 1970-е годы.

Меньшинства и коренные народы требовали политических, культурных и экономических прав¹³⁰. Первый семинар по саамской литературе состоялся в небольшом саамском поселении Сирбма в норвежской провинции Финнмарк в 1972 году. Результатом встречи стало издание сборника *Čállagat (Чааллагат)*, в котором были впервые опубликованы тексты многих саамских авторов. В это же время было основано первое саамское издательство, что привело к росту числа публикаций на саамском языке.

Уникальной чертой 1970-х годов стало то, что многие женщины разных поколений начали писать книги. Саамским женщинам в этот период были даны большие возможности для образования за пределами начальной и средней школы. Те, кто начал заниматься литературой на саамском языке в 1970-е годы, посещали курсы, чтобы научиться писать на нем. Одна из них — Кирсти Палтто (род. 1947) из Утсйоки на севере Финляндии, стала первой саамской женщиной, опубликовавшей книгу на саамском языке. Ее сборник рассказов *«Ухаживания» (Soagŋi)* вышел в свет в 1971 году.

Первая саамская книга для детей была написана Марри А. Сомби (род. 1953) из Сирбмы (в коммуне Тана норвежской провинции Финнмарк). Книга опубликована в 1976 году под названием *«Аммул и синяя кузина» (Ámmul ja alit oarbmaelle / Ammul og den blå kusinen)*¹³¹.

Наиболее известным саамским автором является Нильс-Аслак Валкеапя (1943-2001) из Энонтекиё в Финляндии. Он был талантлив во многих областях творчества — поэзии, музыке. Валкеапя в 1991 году получил Литературную

¹³⁰ Hirvonen, V. (2008).Voices from Sápmi:sámi women's path to authorship, Guovdageaidnu:DAT. p. 24

¹³¹ Hirvonen, V. (2008).Voices from Sápmi:sámi women's path to authorship, Guovdageaidnu:DAT. p. 91

премию Северного Совета за поэтический сборник «*Мой отец Солнце*» (*Solen, min far*). Саамский оригинал — *Beaivi áhčážan* — включал в себя стихи и серии исторических фотографий саамов со всей территории Лапландии. Валкеапя и многие другие саамские авторы используют многообразие возможностей художественного выражения в своих литературных произведениях.

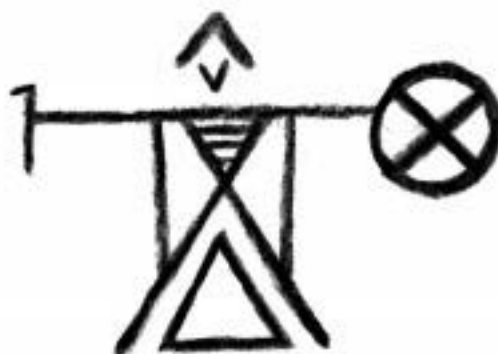
Другие авторы этого поколения — Рауни Магга Луккари, Йовнна-Анде Вест и Синнев Персен. Некоторые из стихов Луккари, как и стихи Карэн Аннэ Бульйо, представленные в этой книге, были положены на музыку и спеты известной саамской артисткой Мари Бойне и, таким образом, стали известны широкой аудитории.

Саамские авторы, родившиеся в 1960-е годы и позднее, представляют поколение саамов, которое не несет на себе бремени предыдущих поколений, пожиная плоды общественно-политического движения, начавшегося еще в 1900-х годах. Кроме того, именно они имели возможность учиться читать и писать на саамском с юного возраста. Многие представители этого поколения, не учившие родной язык, сейчас стремятся изучать саамский, и прогресс в этом направлении произошел по большей части благодаря рядовому школьному законодательству, преподаванию саамского в школах, появлению общего самосознания коренных народов, а также саамскому политическому движению. Это поколение представляют такие авторы, как Ингер-Мари Айкио-Арианайк, Сири Брех Йохансен, Сигбйорн Скодэн, Анн-Хелен Лестадиус, Марет Анне Сара и Ниилас Холмберг.

В отличие от многих других коренных народов мира, саамы пишут на родном языке. Наш язык представляется нам главным носителем традиций и знаний, он также играет важную роль в рамках исследований саамской литературы¹³². Язык во многом является источником силы

и самоидентификации и может, согласно лирическому стихотворению Синнуве Персен, использоваться автором как средство, дающее силу затронуть внутренний мир читателя. Он дает возможность чувствовать себя саамом и испытывать коллективное чувство принадлежности к народу, что и является ключевым фактором расцвета саамской литературы.

*Лилль Товэ Фредриксэн (Lill Tove Fredriksen),
доцент кафедры саамской литературы Департамента культуры и языка
Университета Тромсё (Арктического университета Норвегии)*

Karen Anne Buljo Карэн Аннэ Бульйо

Карэн Аннэ Бульйо — саамский автор из небольшого саамского городка Масе в Норвегии. Член Ассоциации саамских писателей (Sámi Girječálliid Searvi), Ассоциации саамских исполнителей йойка (Juoigiid Searvi), Ассоциации норвежских детских и юношеских писателей и Ассоциации писателей Северной Норвегии.

Родилась в 1964 году. Карэн Аннэ писательница и поэтесса, но также занимается написанием музыки и традиционным саамским пением — йойком. Она пишет стихи для некоторых саамских музыкантов, переводит поэтические произведения, занимается состав-

лением учебных материалов и пособий по изучению саамского языка. Помимо этого Карэн Аннэ консультирует представителей киноиндустрии Норвегии по вопросам саамской культуры при съемках новых фильмов о саамах.

Карэн Аннэ принимала участие в проекте «Кочевая поэзия» Анны Толкачевой, который был представлен на I Международном поэтическом фестивале «Табуретка», прошедшем в городе Мончегорске в августе 2016 года.

В Альманах вошли произведения Карэн Аннэ, которые исполняет известная саамская певица из Норвегии — Мари Бойне. Кроме того,

здесь представлено стихотворение Mánnu (Луна), вошедшее в репертуар знаменитого саамского музыканта Йохана Сара Мл.

Большинство произведений Карэн Аннэ написано для детей и молодежи, однако среди ее работ есть и тексты, предназначенные для взрослой аудитории. Она является

автором десятков книг, среди которых: «Pelle Njoammil» — пьеса для детей, созданная для саамского театра, премьера которой состоится в апреле 2019 года; «Ábifruvvá» — CD с йойками, написанными Карэн Аннэ; и многие другие.

Сейчас живет в городе Алта, Норвегия.

Произведения, представленные в Альманахе, написаны на северо-саамском языке.

Davvi bávttiin

Guhkes vuovttat noaidi nieida
guođoha girjjágiid ja gáppaid
davvibávttiin dego dološ govas
oadđá adjagasas noaidi nieida

Guhkesvuovttat noaidi nieida
guođoha girjjágiid ja gáppaid
davvibávttiin dego dološ govas
davvibávttiid gájanasain
juoiga nieida
juoiga

Davvi bávttiin galbma goržžiin
basada noaidi nieida
ánuha arvvis gatnjaliid
basada ija arvegatnjaliin
vuhtoda ija galbmon giedkamáná

На сопках севера

Длинноволосая дочка шамана
пасет оленей пятнистых и белых
на сопках севера, как на картине старой,
спит долго и крепко дочка шамана.

Длинноволосая дочка шамана
пасет оленей пятнистых и белых
на сопках севера, как на картине старой,
на северных сопках, крутых утесах
йойкает дочка шамана,
йойкает.

На сопках севера, в струе водопада
купается дочка шамана,
слез у дождя просит,
умывается ночными дождя слезами,
смотрит ночью за колыбелью с замерзшим ребенком.

Davvi bávttiin galbma goržžiin
basada noaidi nieida
guhkesvuovttaidis doidá goržžis
Davvibávttiid gájanasain
juoigá nieida
juoigá
gamuidis doidá goržžis

.... oadđá adjágasas noaidi nieida
.... basada
.... vuhtoda galbmon gietkamáná

На сопках севера, в струе водопада
купается дочка шамана,
длинные волосы в воде распуская,
на северных сопках, крутых утесах
йойкает дочка шамана,
йойкает,
предчувствия в воде распуская...

Спит долго и крепко дочка шамана...
Купается в водопаде...
Смотрит за колыбелью
с замерзшим ребенком...

Поэтический перевод Д. А. Григорьева

Mánnu

Oidnen mánus lei ráigi
Viggen suotnjalit suonarin

Oidnen mánus lei áigi
Viggen báhtarit baluiguin

Áigon girdilit lotti fámuin
Viggen ramsut duolvvaid eret

Áigon moriid dutnje fállat
Viggen báhtarit báhkasis

Devden áiggi mánu ráiggiin
Viggen loktanit badjelii

Oidnen mánoheahpen hámi
Viggen doapmalit su suoivvanii

Dovden mánus lei fápmu
Viggen seivvodit suoivvanii

Go oidnen mánoheahpen hámi
Oidnen čázis suokhariid

Viggen buokčalit čiekŋalii
Go oidnen botnis lei čuovga

Луна

Видела я дыру на луне,
от ее луча пыталась лететь.

Видела время я на луне,
От страхов своих пыталсь уйти.

Хотела, как птица, крылами взмахнуть,
Чтобы отбросить всю грязь.

Хотела искрою быстрою стать,
Чтобы уйти от огня.

Время уходит в дыру на луне,
Пыталась подняться ввысь.

Видела я силуэт луны,
Пыталась войти в ее тень.

Ощущала силу луны,
Пыталась проникнуть в тень.

Когда видела я силуэт луны
На глади спокойной воды,

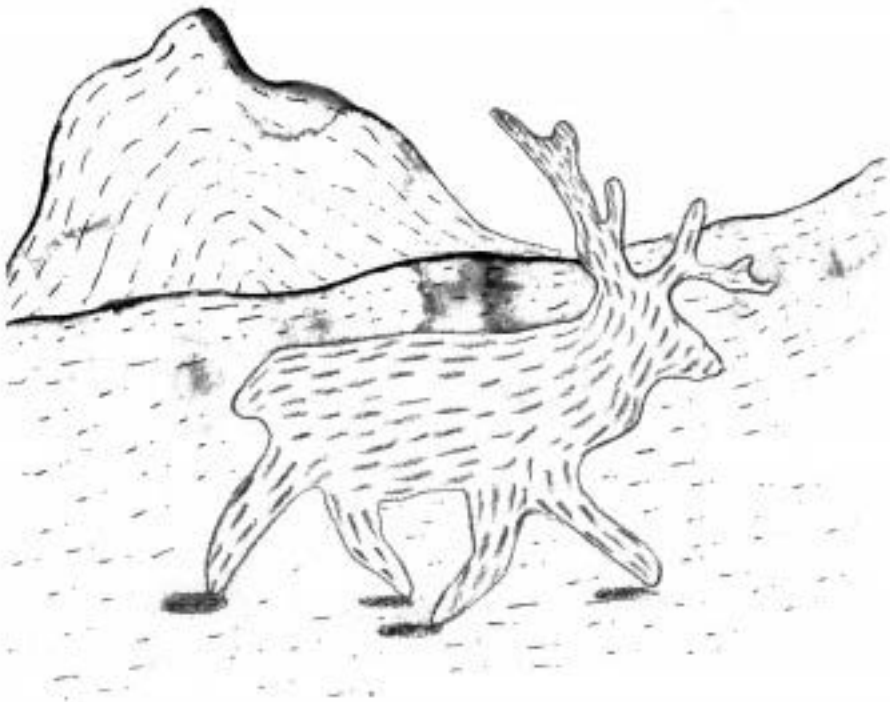
Пыталась нырнуть в ее глубину,
Когда видела свет на дне.

Diamánttaspáillit

Stuorra ruovde stálut leat ollen deike
Sii ruvget ja boltot ja boltot
Ohcet min diamántta spáilliha

Stuorra ruovde stálut leat ollen deike

Čiehkát diamántta spáillit
Čiehkát diamántta spáillit
Čiehkkat čiehkát ulddaid ellui

Алмазные олени

Пришли большие железные звери-тролли
вгрызаются в землю, копают, копают,
ищут наших алмазных оленей.

Пришли чужие железные звери-тролли,

прячьтесь алмазные олени,
прячьтесь чудесные олени,
прячьтесь, прячьтесь, священные стада!

Поэтический перевод Д. А. Григорьева

Áfruvvá

Čáppa čeavlas áfruvvá čájeha geainnu geasa dáhttu
Čáppa čeavlas ábi biigá čorgeda čiekŋala gokko dáhttu

Bosádehkos davádat báruid

Čáppa čeavlas áfruvvá čilge nieguid geasa dáhttu
Čáppa čeavlas ábi biigá čorgeda čiekŋala gokko dáhttu

Belkos baján geđggiid guovdat
Bossos jorribiegga báruid bákttin
li ludde baján mearrabotne geađggi
li lokte jorribiegga mearrabotne čeavlli

Русалка

Гордая красавица-русалка укажет путь тому, кто приглянется ей.
Гордая красивая подруга океана знает глубину любых морей.

Нырять в северные волны!

Гордая красавица-русалка покажет сны тому, кто приглянется ей.
Гордая красивая подруга океана знает глубину любых морей.

Гроза ударит по камням повсюду,
Закрутит ветер волны вокруг скал,
Но не достать грозе камней морского дна,
И ветру не сломить русалки гордость.

Поэтический перевод Д. А. Григорьева

Uldda nieida

Dán ija áiggun Leahket du uldda nieida
Áiggun leat rievddalmas fávr
Dán ija áiggun leat du áidna illu
Áiggun leat du uldda nieida

Dán ija áiggun ihttit iežan ivnniin
Áiggun gávdnot du nieiguin
Dán ija áiggun leat du uldda nieida
Áiggun leat du idja dorvu
Jos...

Jos it iđit rukses vara
It ge iđit silba boalu
De leat don mu agi beaivái

Divtte mu leat du uldda nieida
Áiggun leat rievddalmas fávr
Divtte mu leat du áidna illu
Áiggun leat du uldda nieida

Jos it iđit rukses vara
It ge iđit silba boalu
De leat don mu agibeaivái
Jos it iđit silbaboalu

Улда-девушка

Этой ночью хочу быть твоей улда*,
Хочу быть красотой вечной,
Хочу быть радостью только твоей,
Хочу быть твоей улда.

Хочу быть всеми цветами для тебя,
Хочу войти во все в твои сны,
Этой ночью хочу быть твоей улда,
Хочу тебя укрывать от всех бед.

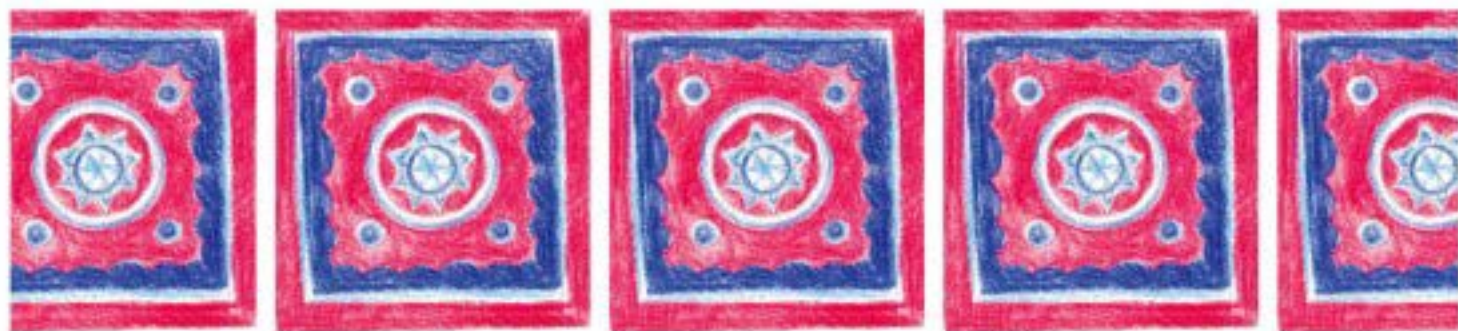
Ты станешь моим навсегда,
Если...
Я не увижу капли крови твоей
И серебряного амулета.

Позволь мне быть твоей улда,
Быть красотой вечной,
Быть радостью только твоей,
Хочу быть твоей улда.

Ты станешь моим навсегда,
Если...
Я не увижу капли крови твоей
И амулета из серебряной пуговицы.

Поэтический перевод Д. А. Григорьева

* Улда — добрый дух.

Лене Е. Вестерос Lene E. Westerås

Саамская и норвежская писательница и фотограф.

Родилась в 1969 году.

Ее авторству принадлежат три детские книги, поэтический сборник, переводы, пьесы и многое другое. Поэзия Лене Е. Вестерос выстраивается вокруг стихийных элементов. Персонажами ее произведений часто становятся, например, вода и огонь.

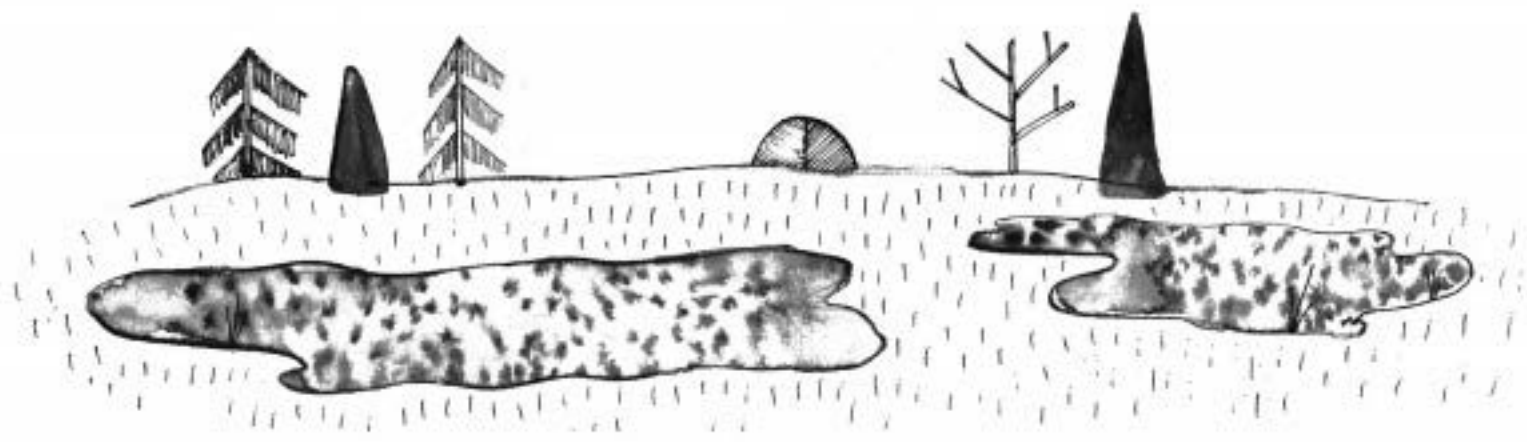
Лене Е. Вестерос занимается борьбой с несправедливостью и угнетением, в течение последних десяти лет совершая поездки на

Ближний Восток и организуя мастер-классы по творческому письму в лагерях для беженцев.

Ее новая книга для детей на северо-саамском и норвежском языках выйдет в ноябре 2019 года.

Являясь саамским автором, Лене Е. Вестерос пишет только на норвежском языке. В данный момент она занимается изучением северо-саамского языка. Такая ситуация характерна для норвежских саамов и связана, прежде всего, с норвегизацией* населения XIX–XX вв.

* С 1850-х годов вплоть до второй половины XX века власти Норвегии проводили политику так называемой норвегизации коренного населения страны. Это касалось, главным образом, саамского народа. Политика искоренения самобытных культур коренных народов Севера выражалась в их угнетении государством, запрете на изучение и, часто, на использование родного языка. Политика норвегизации привела к частичному исчезновению саамской культуры и в частности саамского языка. Последствия норвегизации ощущаются и по сей день. С ними, к примеру, связано незнание саамского языка некоторыми представителями народа.

I

Det står en snøkvit rein på bardisken
og den snakker
den snakker
den spør

Vet du om du er i live
Vet du om du puster
Vet du om du tenker
resonnerer
har en klarhet

Vet du om du spiste frokost i dag
Vet du om du henta posten, så i været
Vet du om du gikk på egne bein til byen
Vet du det?

Kanskje er du allerede borte
Kanskje er du allerede lagt i jord
Kanskje har meitemark allerede begynt å knytte sammen øyeepler
har et festmåltid
Kanskje er det slik at vi to ikke er her i dag
Kanskje har vi begge to forlatt

Du skal bli til lav og lav blir spist
Du skal bli til jord og jorda er støv
Du skal bli til støv og støvet børstes av et skulderblad
så kommer stormen

I

Стойка бара. Олень белоснежный стоит —
говорит,
говорит,
спрашивает.

Что ты жив — ты знаешь?
Что ты дышишь — знаешь?
Что ты мыслишь — знаешь?
Рассуждаешь,
понимаешь.

Что ты завтракал — знаешь?
Что в небо глядишь, что почту свою забираешь?
Что в город своими ногами пришел —
знаешь ли ты хорошо?

Может, уже и не стало тебя,
тело твое укрывает земля,
черви глаза твои жадно едят,
славно пируют.
Может, обоих нас нету сейчас,
может, мы оба исчезли.

Ты мхом обернешься — мох этот съедят,
ты станешь землей, а потом будешь пылью,
и будет она сметена,
и нахлынет шторм.

Ville du bli overraska om
det grønneste støvet
i den gule enga
var du?

Det kvite reinsdyret
står ikke lengre på bardisken
det står i den gule enga

sier
kanskje hadde vi ei god tid
kanskje hadde vi ei god tid
vi
to

En solskinnsregistrator
har stått hundre år midt på gressplena
Hver eneste dag har sola skint, sier den
Også i dag da du kom, sier reinen

Skal vi gå resten av veien i lag
vi
to

Eller skal vi ta en runde til?

Удивишься тому,
что зеленая пыль
на желтой поляне —
это ты?

И больше не в баре —
на желтой поляне
стоит белоснежный олень,

и он говорит —
может, хватило нам времени,
может, хватило нам времени,
нам
двоим.

Солнечная батарея
на лужайке уже сотню лет —
она говорит, что солнце горит каждый день.
— И когда ты пришла, — отвечает олень.

Может, вместе пройти нам остаток пути,
нам
двоим?

Или сделать еще один круг?

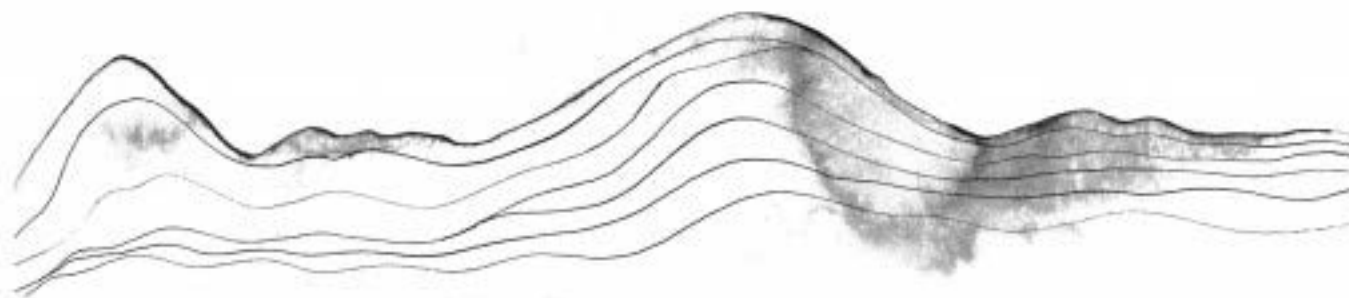
Перевод О. А. Сухановой

||

vi reiste i snø den natta
elskende innover skogen
den kalde trekken fra ruta

du sitter lik en spurv
rister i takt
høsten følger vognene

det er ingen mellomrom mellom trærne
husa smelter sammen
dyra smelter sammen
bare sola er seg sjøl
speiler vårfargen på kinnet ditt gjennom vinduer i fart

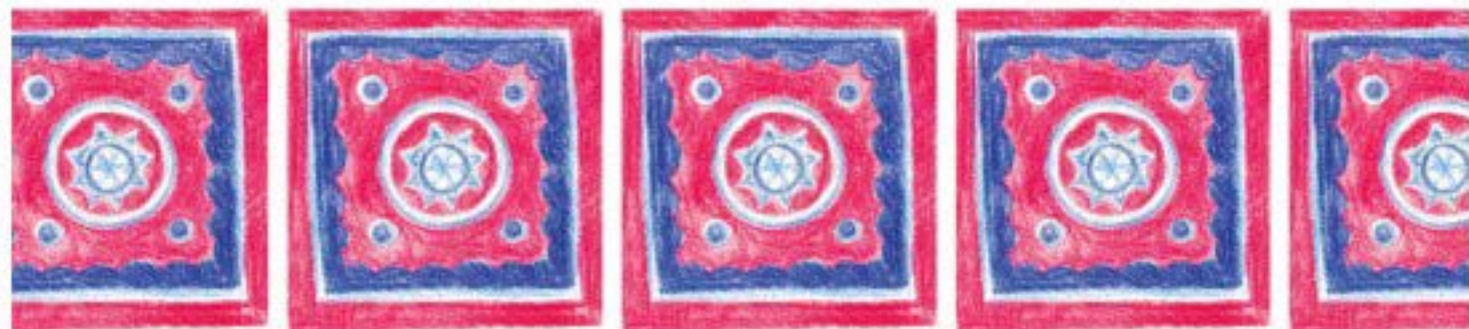
II

мы едем ночью через снег
сквозь лес
влюбленные друг в друга
и тянет холодом с дороги

а ты нахохлившись сидишь
киваешь в такт
и осень мчится за вагоном

деревья здесь сплошной стеной
и никакого нет просвета
дома сливаются друг с другом
зверье сливается друг с другом
и только солнце остается
самим собой
и на щеке твоей бликует весенним светом сквозь стекло

Перевод О. А. Сухановой

Кирси-Марет Палтто Kirsi-Máret Paltto

Родилась в Фьерранйохке, в долине лине реки Деатну, Финляндия.

Она пишет стихи, песни и рассказы на северо-саамском языке. Весной этого года будет опубликована ее первая книга для детей. Кирси-Марет — управляющий директор E-skuvla — саамского издательства и платформы для онлайн-обучения. Помимо прочего, она занимается созданием креативных веб-страниц и приложений для детей. Кроме того, Кирси-Марет занимается переводами детских книг на северо-саамский язык.

Среди ее произведений: рассказы «Vilbealli», «Skohtervuoddji», вышедшие в составе сборников саамской литературы в 2017 и 2019 годах; переводы серии книг о Дуомма и Эмме, а также известных детских повестей о Финдусе и Петсоне шведского писателя Свена Нурдквиста.

Сейчас Кирси-Марет живет в Норвегии, в городе Карасйок.

Произведение, представленное в Альманахе, написано на северо-саамском языке.

Jos mat de

Oabbá, oabbá! Gosa don šaddet?, mu jurdagat čurvot.
Apáhtalažžan don čohkkát beavdeguoras, šoavkadin,
váštádalat oanehaččat mu gažaldagaide:
— Já. Jo. Nu fal.

Jávkan lea movttegis reaškkas, gilljasat, šnjeazistemit.
Dego suoivvan ovddežis don orodat okto,
áhkkorohki stobus, searvvakeahtta masage.
Mo dás ná geavai?

Nuorabun don maid ellet, muhto fáhkka don heitet.
Buo. Oktii don láhttestit:
— Mus mannet buot fámut du geahččat.
Čaimmihit vel ala.
Dan maŋŋá in muitte du gullan čaibmamin.

Sáhttago nu leat? Leago vejolaš?
Mun lean gal oalle jorribiegga, mielde juohke sajis gos sáhtán,
fáhkka gávnadan viđain ja heaitalan guđain.
Eallin lea nu dievva suohtasiid, muhto seammás,
leago mange veara, jos dutnje ii báze miykkige?
Amma guoktása ovddas ii sáhte eallit?

Ближе

Сестра! Сестра! Куда ушла ты?
Внутри себя я кричу, когда вижу тебя.
Ты безучастно сидишь за столом, бледная,
Отвечаешь односложно:
— Да. Ну. Конечно.

Исчез твой веселый смех, энергичный голос, насмешки.
Ты как тень прежней себя,
Живешь одиноко в старом бабушкином доме,
Не принимая участия ни в чем...
Как это произошло?

Ты ведь жила, когда была молода,
А сейчас все остановилось.
Однажды ты сказала:
— Все мои силы перешли тебе.

Ты сдержанно рассмеялась.
После этого я не слышала твоего смеха.

Как это может быть? Как это возможно?
Конечно, я сама не упускаю никаких возможностей,
Внезапно сталкиваюсь с новым
И снова быстро иду дальше — жизнь полна приключений!
Но все же, стоит ли это того,

Oaivvis jorragohtá ja ferten velledit soffái.
Fáhkka orru buot mu eallimis liigi,
dego livččen suoládan visot.
Čotta buđđosa.

Fáhkka don čuožžilat ja huradišgoađát oahpes luođi. Luođi!
Don gii it leat juoigan dan maŋŋá go heitet kulturskuvllas!
Veallán ja dovddan olles goruda stirdumin.
Dákkár dovdugo dus láve leat?
Leango ožžon du noađi iežan ala?

Don ain juoiggadat ja livžžodat gievkkanis,
ja du šovkes muođuide ihtá čáppa rukses ivdni,
ja... fáhkka... don... MODDJÁT.
Golmma jahkái in leat oaidnán du moddjámin,
ja dál don báittát gilvvu iđitbeaivvážiin, mii gulul ligge dálu.

Veallán ain suffás ja dovddan iežan gárvvisin hávdái.
Amma mun lean suola, rievtti mielde in galggaše eallit?
Muittán du dálkasiid, hivssegis, jos daid visot válddán,
de don gal oaččut mu fámuid, beasat eallit.
Máilbmi jorragohtá mu čalmmiin ja visot čáhpoda.
Go gullán fas, don čohkkát mu bálldas, doalat mu gieda.
Don geahčat munnje, dego oainnášit mu čađa:
— li leat nu. Don leat niegadan.

Если от тебя самой ничего не остается?
Могу ли я жить за двоих?

Все кружится в моей голове,
И я должна прилечь на диван.
Неожиданно понимаю, что в жизни
Слишком много всего неважного,
Как будто это все не мое.
Не могу вздохнуть.

И посреди этого ты поднимаешься
И запеваешь знакомый йойк. Йойк!
Ты, которая не йойкала с тех самых пор,
Как закончила школу искусств
В пятом классе.
Я лежу и чувствую, как мое тело
Становится жестким.
Неужели ты также себя чувствуешь?
Я получила всю твою тяжесть?

Ты продолжаешь йойкать,
И на твоём лице появляется красивый румянец.
Внезапно ты улыбаешься.
Три года я не видела твоей улыбки.
А теперь ты излучаешь утреннее солнце,
Постепенно согревающее дом.

Čohkkedan suolggaid.
Mas don dieđát?
Makkár máilmmis don jođát?

Vehážiidda dovddan fas buot lahtuid, juolgesuorpmaid rájes.
Čuožžilan lossadit ja manan gievkkanii, vieččan čázi.
Oabbá vellea mu sadjai suffái, ja gidde čalmmiid.

Mo jos liikká lea nu?
Ahte olmmoš ii leat okto?

Oabbá orru nohkan, son vuoigná lossadit.
Nu mo mángii eará háve maid, ráhkkanišgoađán vuolgit,
go don leat váiban munno sánehis servvoštallamis, ja nohkat.

Čohkohalan busses ja fáhkka mearridan ealligoahtit ráfáleappot.
Orru oba jallas jurdda, muhto jos mat de dutnje juollu vehá eambo.
Jos ean livčče guokte vuostegeaži,
muhto boađášeimme lagabui nubbi nuppi.
Jos mat de.

Я лежу на диване и чувствую себя
Готовой к погребению.
Я вор, который не должен жить.
Я думаю о твоих лекарствах
В шкафчике в ванной комнате.
Если я приму их все,
Тогда ты вернешь свою силу
И будешь жить.
Мир кружится перед глазами,
И все темнеет.

Я очнулась,
Ты сидишь рядом и держишь мою руку.
Ты смотришь на меня так,
Будто можешь заглянуть внутрь меня.
— Все не так. Тебе приснилось.

Я медленно сажусь...
Откуда ты знаешь?
В каком мире ты блуждаешь?

Чувства медленно возвращаются в мое тело,
Вплоть до кончиков пальцев.
Я встаю, как в замедленной съемке,
Иду на кухню, беру стакан воды.
Сестра ложится на мое место на диване
И закрывает глаза.

В любом случае, что это было?
Было ли что-то еще?

Сестра уснула, она тяжело дышит.
Я собираю свои вещи,
Как делала уже много раз, и уйду,
Когда ты устала от нашего бессловесного разговора.

Я сажусь в автобус и решаю
Жить спокойной жизнью.
Не понимаю, возможно ли это, но все же...
Если мы закончим противостояние
И станем ближе друг к другу.
Если мы сможем дышать
Вместе...

Перевод со шведского Ю. В. Лариной

Inga Marie Risvik Инга Мари Рисвик

Инга Мари Рисвик родилась в 1980 году в Карасйоке, Норвегия. Ее детство и юность прошли там же.

Она провела несколько лет в Осло, Норвегии и Великобритании. Инга Мари пишет стихи и рассказы на северо-саамском языке. Также была автором короткометражного фильма. Получила образование по классу балета, а сейчас изучает искусство в Школе искусств Карасйока.

Произведения, представленные в Альманахе, написаны на северо-саамском языке и публикуются впервые. Кроме того, это первая публикация Инги Мари Рисвик.

Jaskes ija

Dán jaskes ija.
Mun smiehtan.
Gii lean mun?
Gos mun lean.
Gos letne.

Dán jaskes ija in lean okto.
Váillahán du, dušše don.

ТИХОЙ НОЧЬЮ

Этой тихой ночью
Я задумываюсь (размышляю),
Кто я?
Где я?
Где мы? (с тобой)
Этой тихой ночью я не один (одна)
Скучаю по тебе, только ты.

Подстрочный перевод А. Пауля

ТИХОЙ НОЧЬЮ

Тихой ночью, темной ночью
Размышляю, кто я, где я?
И с тобой ли этой ночью
Провожу я свое время?

Тихой ночью, светлой ночью
Не одна я в этом мире,
В мыслях я с тобой, любимый,
Незаметно летит время?

Перевод Н. П. Большаковой

* Letne — это мы вдвоем.

Mun hálidan du.

Mun ohcalan du
hálidan du.
Hálidan dus jearrat.
Hálidat mu?

Mun áibbašan du,
go smiehtan du birra.
Niegadan du
juohke ija.

Mun návddašan du,
danin go mun ráhkistan du.

Я желаю тебя

Я ищу тебя,
Желаю тебя.
Хочу у тебя спросить,
Желаешь ли меня?

Я тоскую по тебе,
Когда думаю о тебе.
Мечтаю о тебе
Каждую ночь.

Я зову тебя,
Потому что я люблю тебя.

Подстрочный перевод А. Пауля

Я желаю тебя

В мыслях я ищу тебя,
Я зову, кричу, желаю,
Ночи все я напролет
То тоскую, то мечтаю.

Так мне хочется спросить:
А тебе-то я нужна ли?..
Без любви мне не прожить,
Той, что скальды* воспевали.

Перевод Н. П. Большаковой

* Скальд — древнескандинавский поэт-певец.

Женщины

Анфиса Агеева

Антонина
Антонова (Юрьева)

Надежда
Большакова

Эльвира Галкина

Полина Медведева
(Данилова)

Ольга Перепелица

Анна
Сапельникова

Домна Хомюк

Марина Юрьева

Аскольд Бажанов

Софья Якимович

Ираида
Виноградова

Лазарь Яковлев

Михаил Филиппов

Светлана
Заборщикова

Екатерина Кор-
кина

Геннадий Лукин

Иван Матрехин

Мария Медведева

Павел Юрьев

Надя Фенина

Нина Миронова

Октябрина
Воронова

Александра
Антонова

Виктор
Чернышихин

Карэн Аннз
Бульё

Лене Е. Вестерос

Кирси-Марет
Палтто

Инга Мари Рисвик

БИБЛИОГРАФИЯ

Надежда Большакова

- Большакова Н. П. *Алхалалалай* [Текст] : роман-эссе / Н. П. Большакова. — Мурманск : Книжное издательство, 2003. — 384 с.
- Большакова Н. П. *Два романа*. [Текст] — Мурманск: Торелл, 2016. — 672 с., ил.
- Большакова Н. П. *Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем* [Текст] / Надежда Большакова ; [науч. ред. И. Б. Циркунов ; ред. саам. текста А. А. Антонова ; ред. саам. фольклора Е. С. Посангер ; ил. Г. А. Кулинченко]. — Мурманск : Мурманское книжное издательство, 2005. — 414, [1] с., [8] л. ил. : ил., карты.
- Большакова Н. П. *Колокольный перезвон : колокола в литературе, музыке и живописи* [Текст] / Надежда Большакова. — Мурманск : Опимах, 2011. — 486, [1] с. : ил., портр.
- Большакова Н. П. *Лапландия — Мурман: палль, мэннмуж, оллмэ (время, события, люди)* [Текст] : [Литературно-краеведческая календарная летопись на каждый день] / Надежда Павловна Большакова. — Мурманск : [б. и.], 2018. — 288 с.
- Большакова Н. П. *Летопись души* [Текст] : в 2 книгах : к 15-летию Мурманской и Мончегорской епархии. Кн. 1: Время встреч. Кн. 2: Дороги жизни. / Надежда Большакова. — Мурманск : Опимах, 2010. — 273, [30] с. : ил.
- Большакова Н. П. *Мой Маслов* [Текст] : книга-дневник / Надежда Большакова. — Мурманск : Опимах, 2011. — 253, [2] с., [10] л. ил., портр. : ил.
- Большакова Н. П. *Октябрина* [Текст] : повествование о первой саамской поэтессе Октябрине Вороновой / Надежда Большакова. — Мурманск : Опимах : Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера, 2012. — 110, [1] с. : ил., портр., факс. ; 20 см. + 1 отд. л. генеалог. табл.
- Большакова Н. П. *Подарок чайки* [Текст] : сказки о Лапландии / Надежда Большакова. — Мурманск : Русский Север, 1994. — 158 с.
- Большакова Н. П. *Кәйе ләйххь : Куэзнэгк соәме ёммьне баяс моәййнас* / Подарок чайки [Текст] : сказки о Лапландии / Надежда Большакова ; [рис. авт. ; пер. на саам. яз.

- А. А. Антоновой]. — Мурманск : Мурманское книжное издательство, 2003. — 173, [1] с. : ил. — Обл., текст саам.
- Большакова Н. П. *Правдинки Василия Селиванова [Текст] : рассказы* / Надежда Большакова. — Мурманск : АНО «Арктический центр научных исследований и экспертиз», 2014. — 35 с. : ил.
- Большакова Н. П. *Приключения мышонка Удлэсь Кебляля* / Надежда Большакова ; [худож.: Ларина Юлия Владимировна]. — Москва : Медхимплюс, 2015. — 26 с. : ил.
- Большакова Н. П. Рассказы [Текст] : [Шрифт Брайля] / Н. П. Большакова; Мурман. гос. обл. спец. б-ка для слепых и слабовидящих; [ред. по Брайлю Л. И. Яковлева]. — Мурманск, МГОСБСС. — 2013. — 27 брайл.л.
- Большакова Н. П. *Тирре по-саамски — здравствуй!* (Рассказы о ловозерском детстве) [Текст] / Н. П. Большакова. — Мурманск : Лит. об-ние при Мурман. Орг. Союза писателей России, 2000. — 50 с.
- Большакова Н. П. *Хлебные горбушки: (рассказы) [Текст]* / Надежда Большакова ; [Мурм. отд-ние Союза писателей России ; худож. обл. Т. А. Шорохова]. — Мурманск : Мурманское отделение Союза писателей России, 2005. — 83 с.
- И повернуть в обратное нельзя... Викдан Синицьш. Воспоминания. Размышления. Неопубликованное [Текст]* : сборник / авт.-сост. Н. Большакова, В. Бакула. — Мурманск : Опимах, 2014. — 256 с., ил.

Эльвира Галкина

- Галкина Э. А. *Пяйви [Текст]: повесть* / Эльвира Галкина. — Мурманск : [б. и.], 2010. — 84, [1] с. : ил., портр.
- Галкина Э. А. *Сандра [Текст] : рассказы* / Эльвира Галкина ; [Гос. обл. бюджет. учреждение «Мурм. обл. центр корен. малочисл. народов Севера»; рис. авт.]. — Мурманск : Опимах, 2012. — 46, [1] с. : ил.
- Галкина Э. А. *Солнечный день = Пёййвьесь пёййв* [Текст] : [детские стихи : материалы для дополнительного чтения в саамской национальной школе] / Эля Галкина. Москва ; Мурманск : Издательство ОК КПСС, 1991. — [17] с. : ил.

Галкина Э. А. [Звезда девочка] *Tássyt nájta : moajnas = Nástenieida [Текст] : sámí máinnas* / Эля Галкина, Яковлев Ёак. — [Б. м.] : Таввял Кырьй в. а.: Davvi Girji OS, 1998. — 24 с. : ил.

Галкина Э. А. *Путь домой* [Текст] : стихи / Эльвира Галкина. — Мурманск : [б. и.], 200. — 40 с.

Галкина Э. А. *Тáшш пáллъ* [Саамские анекдоты] / Эльвира Галкина. — Ловозеро : «Самиздат», 2007. — 29 с.

СВЕТЛАНА ЗАБОРЩИКОВА

Весна сменяет зиму [Текст] : стихи и проза для детей [на русском, английском и саамских языках] / [сост.: Светлана Егоровна Заборщикова]. — Мурманск : Лема, 2014. — 21 с. : цв. ил. ; 30 см. — Библиогр.: с. 22 (10 назв.)

Eallinvuorbbit. Ёллем вузъ. — Kárašjohka : Davvi Girji, 2010. — 80 с. : цв. ил.

ЕКАТЕРИНА КОРКИНА

Коркина Е. Н. *Поющий ветер тундры [Текст] : сборник саам. сказок и стихов : [пер с саам.]* / Екатерина Коркина. — Мурманск : [б. и.], 2010. — 47 с. : ил., цв. ил., портр.

Коркина Е. Н. *Чуррпа-Уррпа [Текст] : Саам, стихи для детей* / [Пер. Н. М. Голя, А. А. Миланова ; Всерос. фонд культуры, Мурман. отд-ние; Худож. Я.С. Яковлев]. Мурманск : [б. и.], 1994. — 19, 1. с.

ГЕННАДИЙ ЛУКИН

Лукин Г. П. *Рассказы, легенды и мифы о древних обычаях жизни саамов Кольского полуострова* [Аудиокнига] / Оця Лукин. Ёррка моайнас Куэлнэгк неарк соаметъ ёллем баяс. — Электрон. данные. — Ловозеро, 2015.

ИВАН МАТРЕХИН

- Матрехин И. Я. *Белый олень = Виллькесь пуаз [Текст] : стихи и песни / Иван Матрехин Матрехин.* — Мурманск : Мурманское книжное издательство, 2004. — 44 с. : ил., портр.
- Матрехин И. Я. *Здравствуй, северный народ [Звукозапись]* — Мурманск : [б. и.], 2005. — Загл. с этикетки диска.
- Матрехин И. Я. *С любовью к Северу! [Электронный ресурс] : мультимедиа альбом / авт.-исполн. Иван Матрехин ; фот. Александра Степаненко.* — Электрон. данные. — Мурманск : [б. и.], 2012.
- Матрехин И. Я. *Солнце над тундрой [Звукозапись]* — Ловозеро : Ловозерский районный национальный культурный центр, 2016. — Загл. с этикетки диска.
- Матрехин И. Я. *Здравствуй, северный народ [Звукозапись]* — Мурманск : [б. и.], 2005. — Загл. с этикетки диска.

МАРИЯ МЕДВЕДЕВА

- Медведева М. Г. *Саамские игры = Сәмь сйр [Текст] / М. Г. Медведева.* — Мурманск : Ракета, 2011. — 31, [1] с. : ил.

ОЛЬГА ПЕРЕПЕЛИЦА

- Перепелица О. В. *Вот диво какое! [Текст] : стихи : [перевод с саамского] / Ольга Перепелица.* — Мурманск : [б. и.], 2010. — 24 с. : ил., портр.
- Перепелица О. В. *Ожидание [Текст] / О. В. Перепелица ; Оленег. гор. лит. об-ние «Жемчуга» ; переводы с саам. Ю. Кудинова.* — Оленегорск (Мурманской области), 1997. — 22 с.
- Перепелица О. В. *Помним о вас, матери наши [Текст] : сб. материалов о жизни саамских женщин Кольского полуострова / О. Перепелица.* — Оленегорск : [б. и.], 2001. — 62 с.
- Перепелица О. В. *Сборник стихов. О природе, людях, жизни... [Текст] / О. Перепелица; пер. с саам. М. Игнатьева, Ю. Кудинова, А. Рыжова.* — Оленегорск : [б. и.], 2007. — 23 с.

МАРИНА ЮРЬЕВА И ПАВЕЛ ЮРЬЕВ

Богатырь Ляйне : саамские сказки [Текст] / [пересказ. для детей С. А. Панкратов ; по записи П. П. Юрьева ; рис. Н. Ковалева]. — Мурманск : Книжное издательство, 1978. — 35, [1] с. : ил.

Юрьев П. П. *Богатырь Ляйне : саамские сказки* / Павел Юрьев ; [худож. Яковлев]. — Мурманск : ИПП «Север», 2002. — 53, [1] с. : ил.

Юрьев П. П. *Богатырь Ляйне = Тоавас Олма Ляйнэ : книга на саамском языке* : [сборник саамских сказок и преданий] / Юрьева Марина Поликарповна. — Мурманск : РУСМА, 2010. — 51 с. : цв. ил.

Юрьев П. П. *Богатырь Ляйнэ = Тоавас олма Ляйнэ [Текст]* : [саамские сказки и предания: 0+] / П. П. Юрьев, М. П. Юрьева. — [б. м.], 2017. — 85 с.: ил.

НАДЯ ФЕНИНА

Фенина Н. *Сказка о Севере [Текст] : философская сказка* / Надя Фенина ; [ил. авт.]. — Мурманск : Мурманский центр научно-технической информации, 2011. — 27, [1] с. : ил.

Фенина Н. *Вначале был дан путь [Текст]* / Н. Фенина. — Мурманск : [б. и.], 2012. — 43, [1] с. : ил., цв. ил.

НИНА МИРОНОВА

Миронова Н. Н. *Йоканьга [Текст]* / Н. Н. Миронова. — Мурманск : [б. и.], 2009. — 39 с. : ил., портр., табл. ; 21 см.

Миронова Н. Н. *Йоканьга [Текст]* : ч.2. / Н. Н. Миронова. — Мурманск: Баренц-пресс, 2017. — 64 с.: ил., фото.

ОКТАБРИНА ВОРОНОВА

Воронова О. В. *Вольная птица [Текст] : стихи* / Октябрина Воронова ; пер. с саам.

- Владимира Смирнова. — Москва : Современник, 1987. — 62, [1] с. : цв. ил. — (Новинки «Современника»).
- Воронова О. В. *Лапландия — любовь моя... [Текст] : избранное* / Октябрьина Воронова; [авт. проекта Т. Милицкая ; пер. с саам. В. Смирнова ; худож. Т. Шорохова]. — Мурманск : [Фонд сохранения и поддержки культуры Севера «Варзуга»], 2014. — 31, [1] с. : ил, портр.
- Воронова О. В. *Поле жизни [Текст] : стихи* / Октябрьина Воронова ; пер. с саам. и вступ. ст. Владимира Смирнова ; Мурман. обл. науч.-метод. центр системы образования. — Мурманск : [б. и.], 1995. — 78, [1] с. : портр.
- Воронова О. В. *Снежница [Текст] : стихи* / Октябрьина Воронова ; пер. с саам. Владимира Смирнова. — Мурманск : Мурманское книжное издательство, 1986. — 116, [3] с. : ил.
- Воронова О. В. *Тайна Бабьего озера [Текст]* / Октябрьина Воронова ; [предисл., рис., подгот. к изд. Н. Большаковой ; пер. с саам. Т. Сухорукова и др.]. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1995. — 67 с. : ил., портр.
- Воронова О. В. *Хочу остаться на земле [Текст] : стихи* : перевод с саамского / Октябрьина Воронова ; [сост., авт. вступ. ст. и пер. стихов В. Смирнов ; Мурман. обл. науч. б-ка]. — Мурманск : [б. и.], 1995. — 222, [1] с. : ил., портр.
- Воронова О. В. *Чахкли [Текст] : стихи* : перевод с саамского : [для младшего школьного
- Воронова О. В. *Чем ты притягиваешь, Родина... [Текст] : к юбилею* / Октябрьина Воронова ; [предисл. Н. Большаковой]. — Мурманск : [Север, 1999]. — [34] с.
- Воронова О. В. *Ялла = Жизнь [Текст] : первая поэтическая книга на саамском языке* / Октябрьина Воронова ; Всерос. фонд культуры, Мурман. отд-ние ; [пер. на рус. яз. В. А. Смирнов]. — Мурманск, 1989. — [37] с.
- Воронова О. В. *Ялла = Жизнь [Текст]* / О. В. Воронова; Пер. на рус. В. Смирнов; Пер. на ненец. П. Явтысый. — Мурманск : Мурман. отделение Всерос. фонда культуры, 1996. — 39 с.
- Воронова О. В. *Ялла = Олом [Текст] : первая поэтическая книга на саамском языке с переводом на язык коми* / Октябрьина Воронова ; Всерос. фонд культуры, Мурман. отд-ние. — Мурманск, 1993. — 40 с.

Аскольд Бажанов

- Бажанов А. А. *Белый олень [Текст] : повесть / А. Бажанов ; Сред. шк. № 10. — Мурманск : [б. и.], 1996. — 15 с., [8] л. ил.*
- Бажанов А. А. *Белый олень = Виллькесь пуаз [Текст] : Повесть. / Пер. на саам. яз. А. Антоновой; ред. Н. Афанасьева; худож. Я. Яковлев. — Кара-шегк : Таввял Кыррь в.а., 1996. — 67 с.*
- Бажанов А. А. *Белый олень [Текст] : [повесть] / Аскольд Бажанов. — Мурманск : Север, 2007. — 39, [1] с. : ил.*
- Бажанов А. А. *Букет из солнечных лучей [Текст] : избранное / Аскольд Бажанов ; [авт. проекта Т. Милицкая; худож. Т. Шорохова]. — Мурманск : Фонд сохранения и поддержки культуры Севера «Варзуга», 2015. — 31, [1] с. : ил.*
- Бажанов А. А. *Солнце над тундрой [Текст] : стихи / А. А. Бажанов. — Мурманск : Мурманское кн. изд-во, 1983. — 54, [1] с.: ил.*
- Бажанов А. А. *Стихи и поэмы о саамском крае = Verses & poems on the Saami land [Текст] / АскольдБажанов ; English translation by Naomi Caffee ; with an essay by Johanna Domokos. — Berlin : Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität, 2009. — 205 с. : ил., портр.*

Александра Антонова

- Антонова А. А. *Моя боль [Текст] : стихи : перевод с саамского / А. А. Антонова ; под ред. [и с предисл.] Ю. Кудинова ; Оленег. гор. лит. об-ние «Жемчуга». — Ловозеро (Мурманской области) ; Оленегорск : [б. и.], 1997. — 26, [1] с.*
- Антонова А. А. *Ялл [Текст] : стихи для детей / А. А. Антонова ; Оленег. гор. лит. об-ние «Жемчуга» ; переводы с саам. Ю. Кудинова. — Ловозеро ; Оленегорск (Мурманской области), 1997. — 30, [1] с.*
- Антонова А. А. *Самь букварь (для 1 класса саамских школ) [Текст] / 2-е изд., доработанное. — Ленинград : Просвещение, 1990. — 127 с.*
- Антонова А. А. *Самь кйлл : учебник и книга для чтения [Текст] : для 2-го класса / А. А. Антонова, О. В. Воронова Е. Н. Коркина. — Ленинград : Просвещение. Ленинградское отделение, 1990. — 254, [1] с. : ил.*

- Сергей Есенин на саамском [Текст]* : стихотворения / перевод А. А. Антоновой и С. Е. Якимович. — Мурманск : Кн. изд-во, 2008. — 152 с.
- Антонова А. А. *Струны сердца [Текст]* : стихотворения / Сергей Есенин са́мас: стиха / А. А. Антонова. — Мурманск : Книжное издательство, 2007. — 34, [2] с.
- Йисус Пáррнэ кáннъц [Текст]* / Библия нымьп кýлле пыйей. — Институт Стокгольм-Хельсинки, 1996.
- Линдгрэн А. *[Пеппи Длинный чулок] — Тáрьенч Кукесьсуххк [Текст]* : [на саамском языке] / Астрид Линдгрэн ; перевод на саамский язык А. А. Антоновой. — Мурманск : Рекорд, 2013. — 288 с. : ил.
- Antonova, S. *Пáрас : Стиха кыррýй паррнэ гузýкэ / Bearas: Mánáid diktagirji* / Sandra Antonova ; davvisámegillii jorgalan Jelena Porsanger ; diktahápmái heivehan Issát Sámmol Haetta. — Kárásjohka : Davvi Girji, 2004. — 51 s. : kuv.
- Antonova, S. *Кýтýк кзбп: Стиха кыррýй ённ бллмэ гузýкэ / Váimmu moras : Diktagirji ollesolbmuid várás* / Sandra Antonova ; davvisámegillii jorgalan Jelena Porsanger ; diktahápmái heivehan Inga Ravna Eira. — Kárásjohka : Davvi Girji, 2004. — 38 s. : kuv.

Софья Якимович

- Якимович С. Е. *Красивая Настя = Мбджесь Нáст [Текст]* : [сказка : на саамском языке] / Ёфемь Софья. — Б. м. : Таввял Кырьй в.а., 1999. — 30 с. : ил.
- Якимович С. Е. *Пéййв кэ́ннял : сáмь моáййнас [Текст]* : саамские сказки / Якимович Софья Ефимовна ; [худож.: Ларина Юлия]. — Москва : Медхимплюс, 2015. — 99 с. : ил., портр.
- Якимович С. Е. *Праздник медведя [Текст]* : стихи : (перевод с саамского) / Софья Якимович ; [лит. об-ние при Мурман. орг. Союза писателей России] ; пер. с саам. [и сост. Синицын В. В. ; вступ. ст. В. Тимофеева]. — Мурманск : [б. и.], 1999. — 30 с., [1] л. портр.
- Якимович С. Е. *Саамские напевы [Ноты]* : песни на стихи саамской поэтессы Софьи Якимович / Алексей Шамшура ; пер., [вступ. ст.] Викдана Синицына. — Мурманск : [б. и.], 2000. — [20] с.
- Сергей Есенин на саамском [Текст]* : стихотворения / перевод А. А. Антоновой и С. Е. Якимович. — Мурманск: Кн. изд-во, 2008. — 152 с.

Якимович С. Е. *Сказки Софьи Якимович [Аудиокнига]* / читает Нина Елисеевна Афанасьева. — Электрон. данные. — (Мурманск : МГОУНБ, 2017). — Режим доступа: сайт Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки. — Загл. с этикетки диска.

Ираида Виноградова

Виноградова И. *Мйннькай : Пáррнэ гуэйтэ стиха кнйга [Текст]* : книга стихов / И. Виноградова ; худож. В. Совкина. — Норвегия: Таввял Кыррь, 2003. — 32 с.

Виноградова И. В. *Мои друзья = Мун каньц [Текст]* : [стихи для детей : материалы для дополнительного чтения в начальной саамской школе] / Ираида Виноградова ; [Мурм. сектор Ин-та языкознания Акад. наук СССР]. — Мурманск : Изд-во ОК КПСС, 1991. — 22 с. : ил.

Виноградова И. В. *Мои друзья = Мун каньц [Текст]* : [стихи для детей] / Ираида Виноградова ; [ред. Куруч Р. Д. ; худож. Паранин Д. В. ; Фонд возрождения кол. саамов]. — Мурманск : Север, 1992 (обл. 1991). — [22] с., включ. обл. : ил.

Виноградова И. *Солнечный день [Текст]* : стихотворения / И. Виноградова, Э. Галкина; пер. с саам. Ю. Кудинова. — Оленегорск, 1994. — 12 с.

Виноградова И. В. *Стихи [Текст]* : избранное / Ираида Виноградова ; [Фонд сохранения и поддержки культуры Севера «Варзуга», сост. Т. Милицкая]. — Мурманск : Мурманский центр научно-технической информации, 2012. — 28 с. : ил.

Виноградова И. *Чистые родники [Текст]* : сб. стихов / И. Виноградова. — Оленегорск : [б. и.], 1997. — 38 с.

Виноградова И. *Чйллк Кáйв : Ённ бллма гуйтэ стиха кнйга / Чистые родники [Текст]* : книга стихов / И. Виноградова ; худож. В. Совкина. — Норвегия: Таввял Кыррь, 2003. — 72 с.

Лазарь Яковлев

Яковлев Л. Д. *Лáзэр кáллса моаййнас. Кыррьха лй Ёльцэ Нйна [Текст]* / Л. Яковлев, Н. Афанасьева, М. Рисслер (ред.). — Berlin: Nordeuropa-Institut der Humboldt — Universität, 2008. — 38 с.: ил., портр. — (Kleine saamische schriften)

Михаил Филиппов

Филиппов М. Н. *Пространство воздушного плеса [Текст]* / М. Н. Филиппов. — Мурманск : Фонд сохранения и поддержки культуры Севера «Варзуга», 2015. — 31 с. : ил., портр.

Сборники

Антология саамской литературы [Текст] / [авт.-сост. Н. П. Большакова, В. Б. Бакула, авт. вступ. Ст. Н. П. Большакова]. — Мурманск : Опимах, 2012. — 315 с.

Близок Крайний Север [Текст] : Сб. произведений молодых писателей народностей Севера и Дальнего Востока / [Составитель И. Буркова; Вступ. ст. В. Санги]. — М. : Современник, 1982. — 431 с. ; 21 см

Выходите, оленята! [Текст] : стихи поэтов Сибири и Крайнего Севера для детей в переводах Михаила Яснова : [составитель: Михаил Яснов] / художник: Геннадий Кузов. — Санкт-Петербург : Дом Детской Книги, 2018. — 58, [6] с. : цв. ил. ; 30 см.

Дары тундры [Текст] : сборник стихотворений саамских поэтов. — Мурманск : Фонд культуры, 1993. — 24 с.

В синем залесье [Текст] : творчество финно-угорских писателей = Симсы шыр-гышты: финн. — угр. Писательвлан съшны шаяшты: на горномарийском языке / [пер. М. Кудряшова]. — Йошкар-Ола : [б. и.], 2007 — 98 с.

Здесь начинаются дороги [Текст] : антология писателей Баренц-региона / ред. Валерий Лемесов. — Архангельск : Правда Севера, 2001. — 303, [1] с. : ил. — (Антология современной литературы Баренц-региона).

Литература Кольской земли [Текст] : В 2 ч. : хрестоматия для 9-11 классов общеобразовательных учреждений Мурманской области / под общ. ред. Л. Т. Пантелеевой. — Мурманск : МОИПКРО, 2004.

Большакова Н. П. *Мир оленных людей [Текст] : стихи саамских поэтов в переводах на русский язык* / авт.-сост. Надежда Большакова. — Мурманск : Борей, 2015. — 136 с. : ил., фот.

- Морошковая поляна [Текст] : рассказы, стихи и сказки писателей Баренцева региона /* Сост.: В. Лемесов, Г. Х. Линдскуг ; [Ил. Б.Маракатт-Лабба]. — LULEA : BARENSFÖRLAGET, 1997. — 160 с.
- На семи ветрах [Текст] : рассказы, стихи, сказки писателей народов Крайнего Севера и Дальнего Востока /* Сост. и предисл. И. Бурковой; Рис. В. Сальникова. — Москва : Детская литература, 1984. — 158 с., ил.
- О жизни [Текст] : стихи саамских авторов /* Оленег. гор. лит. об-ние «Жемчуга» ; переводы с саам. и ред. Ю. Кудинова. — Ловозеро ; Оленегорск (Мурманской области), 1997. — 60 с.
- Олененок [Текст] : стихи для детей /* Е. Коркина, О. Перепелица ; Оленег. гор. лит. об-ние «Жемчуга» ; переводы с саам. Ю. Кудинова. — Оленегорск (Мурманской области), 1998. — 20 с., ил.
- Последнее пришествие [Текст] : Сб. произведений писателей коренных народов Севера : [По итогам работы Междунар. конф. писателей народов Севера «Слово в духов. возрождении народа» /* Сост. Е. Д. Айпин]. — М. : ИД «Прибой», 1998. — 431 с. : ил. ; 21 см
- Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России [Текст] : [Сборник : Для сред. и ст. шк. возраста /* Ред.-сост. А. А. Бурыкин, Е. Р. Акбальян; Вступ. ст. и общ. ред. А. В. Преловского; Рис. В. Мельниченко]. — Москва : Сев. просторы, 2002. — 383 с. : ил. ; 21 см. — (Северная библиотека школьника : В 4 кн. / Президент. прогр. «Дети России», Федер. целевая программа «Дети Севера» ; Кн. 4).
- Саамские песни и сказки [Аудиокнига] : [В 2 вып.]. Вып. 1 /* Ком. по культуре и искусству Мурман. обл., Мурман. обл. Дом нар. творчества ; сост.: Перминов Т. В. ; ред.: Аникина М. М. — Электрон. данные. — Мурманск : Мурманский областной Дом народного творчества, 2010. — 1 зв. диск.
- Саамские песни и сказки [Аудиокнига] : [В 2 вып.]. Вып. 2 /* Ком. по культуре и искусству Мурман. обл., Мурман. обл. Дом нар. творчества ; сост.: Перминов Т. В. ; ред.: Аникина М. М. — Электрон. данные. — Мурманск : Мурманский областной Дом народного творчества, 2012. — 1 зв. диск.
- Саамские сказки [Текст] : для детей /* вступ. статья и подготовка текста А. Ермолова. — Мурманск : Кн. изд-во, 1959. — 135 с.
- Саамские сказки [Текст] /* обр. В. В. Чарнолуцкого. — Москва : Худ. лит-ра, 1962. — 304 с.

- Саамские сказки* [Текст] / сост. Е. Я. Пация. — Мурманск : Кн. изд-во, 1980. — 320 с.
- Самь* [Рассказы для взрослых] / Е. Н. Коркина, Э. А. Галкина, С. С. Данилова, В. И. Демко. — Ловозеро : [б. и.], 2005. — 30 с.
- Сборник саамских песен* [Аудиокнига] / ГОБУ «Мурм. обл. центр малочисл. народов Севера» ; исполн.: Хомюк Д. М., Агеева А. М., Носова З. М., Медведева М. Г., Громова В. В. — Электро. данные. — (Мурманск : МГОУНБ, 2017). — Режим доступа: сайт Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки.
- Сборник саамских сказок* [Аудиокнига] / ГОБУ «Мурм. обл. центр малочисл. народов Севера» ; исп.: А. М. Агеева, Д. М. Хомюк, А. М. Сапельникова] — Электрон. данные. — Мурманск, 2015. — 1 электрон. опт. диск
- Свет Слова в Заполярье* [Текст] : антология литературы Мурманска: к 30-летию Мурманской писательской организации / [ред. М. Чистоногова]. — Мурманск, 2008.
- Северное сияние* [Текст] : Кн. для чтения для учащихся пед. училищ Крайн. Севера, Сибири и Дал. Востока : [Сборник] / Авт.-сост. И. Ф. Смольников; [Худож. Л. А. Яценко]. — Ленинград : Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1987. — 400 с. : ил. ; 21 см
- Современная литература народов России. Детская литература* [Текст] : антология / [Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации]. — Москва : Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. — 605, [1] с. : цв. ил. ; 30 см.
- Современная литература народов России. Поэзия* [Текст] : антология / [Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации]. — Москва : Объединенное гуманитарное изд-во, 2016. — 565, [1] с. ; 30 см.
- Современная литература народов России. Проза* [Текст] : антология / [Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации]. — Москва : Объединенное гуманитарное изд-во, 2018. — 753 с. ; ил. ; 30 см.
- Современная литература народов России* [Текст] : Т. 4, кн. 2: , Проза / [сост. Инна Борисова]. — 2005. — 476, [3] с. : факс. ; 22 см
- Спешит в Ловозеро оленевод* [Текст] : сборник песен на стихи саамских поэтов / сост. Е. А. Лобанова. — Мончегорск : Издательский сектор МУ ЦБС, 2007. — 28 с. Der-veienetartil : enantologimedforfatterefraBarentsregionen / red.: ValeryLemesov. — Stamsund :

- Огкана, 1999. — 304 с. : ил., портр.
- Смирнов В. *Стихи для детей [Текст] [пер. с саам.]* / Э. Галкина, И. Виноградова; МГОДЮБ; переводы с саамского В. Смирнова. — Мурманск: [б. и.], 2003. — 12 с. — МГОДЮБ : Серия : Край Н+Н — Вып. 2.
- Ступени [Текст]* : стихи и рассказы молодых литераторов Мурманска. — Мурманск : Книжное издательство, 1979. — 112 с.
- Стихи саамских авторов для детей [Текст]* / Оленег. гор. лит. об-ние «Жемчуга». — Ловозеро ; Оленегорск (Мурманской области), 1997. — 46 с.
- Писатели Заполярья: к 30-летию Мурманской писательской организации [Текст]* : библиографический справочник / Мурман. гос. обл. универс. науч. б-ка. — Мурманск, 2008. — 176 с.
- Площадь первоучителей [Текст]* : литературно-художественный и общественно-политический альманах / Гл. ред. В. Тимофеев. — Мурманск : Правда Севера. — N 2 : Очерки и рассказы / В. Маслов. — 2000. — 317,[3] с.
- Площадь первоучителей [Текст]* : литературно-художественный и общественно-политический альманах / Мурманск. орг. Союза писат. России, Админ. г. Мурманска, Мурманск. гор. совет ; гл. ред. В. Тимофеев. — Мурманск : Север. — Вып. 3. — 2003. — 292 с.
- Площадь первоучителей [Текст]* : литературно-художественный и общественно-политический альманах / сост. М. В. Чистоногова. — Мурманск : Север, 2004. — 395, [1] с.: ил. — Юбилейный номер: 25 лет Мурманскому отделению Союза писателей России.
- Площадь первоучителей [Текст]* : литературно-художественный и общественно-политический альманах Мурманск. отд. союза писат. России / сост., ред. М. Чистоногова. — Мурманск : Мурманская областная общественная организация Союза писателей России. — Вып. 6. — 2006. — 264 с.
- Проза народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России [Текст]* : [Для детей сред. и ст. шк. возраста / Президент. прогр. «Дети России», Федер. целевая прогр. «Дети Севера»; Ред.-сост. А. А. Бурыкин; Под общ. ред. А. В. Преловского]. — Москва : Сев. просторы, 2002. — 21 см. — (Северная библиотека школьника : В 4 кн.)

Общие работы

- Антонова А. А. *Саамско-русский словарь = Сәмь-рүшш сәннӧнэххьк* [Текст] : около 7500 саамских слов и 10600 словосочетаний / Александра Андреевна Антонова ; [ред. работа: А. М. Агеева и др.]. — Мурманск : АНО «Арктический центр научных исследований и экспертиз», 2014. — 376 с.
- Афанасьева Н. Е. *Саамско-русский разговорник = Сәмь-рүшш соӧгнэһкь* [Текст] / Н. Е. Афанасьева. — Мурманск : [б. и.], 2010. — 51 с.
- Афанасьева Н. Е. *Саамско-русский словарь* [Текст] / Н. Е. Афанасьева, Р. Д. Куруч, Е. И. Мечкина и др.; Под ред. Р. Д. Куруч. — Москва : Рус. яз., 1985. — 568 с.
- Бакула В. Б. *Фольклор и литература российских саамов* [Текст] : учебно-методическое пособие / В. В. Бакула ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Мурман. аркт. гос. ун-т. — Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2016. — 100, [1] с. : портр.
- Бакула В. Б. *Духовная культура саамов и ее отражение в языке* [Текст] : [монография] / В. Б. Бакула. — Мурманск : Принт-2, 2017. — 288 с.
- Керт Г. М. *Образцы саамской речи* [Текст] / Г. М. Керт. — Москва : АН СССР, 1961. — 359 с.
- Керт Г. М. *Саамский язык (кильдинский диалект)* [Текст] : Монография / Г. М. Керт. Ленинград : Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1971. — 355 с.
- Керт Г. М. *Словарь саамско-русский и русско-саамский : Фонетика, Морфология, Синтаксис* [Текст] : пособие для уч-ся нач. шк. / Г. М. Керт. — Ленинград : Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1986. — 247 с.
- Киселев А. А. *Очерки этнической истории Кольского Севера.*[Текст] / А. А. Киселев. Мурманск : МГПУ, 2009. — 145 с.
- Киселев А. А., Киселева Т. А. *Советские саамы: история, экономика, культура* [Текст] / А. А. Киселев. — Мурманск : Кн. изд-во, 1987. — 208 с.
- Травина И. К. *Саамские народные песни* [Текст] / И. К. Травина. — Москва : Советский композитор, 1987. — 144 с.
- Харузин Н. Н. *Русские лопари : (очерки прошлого и современного быта)* [Текст] / Нико-

лая Харузина. — Москва : Высочайше утвержденное Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. — 472 с., [1] л. карт. - (Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии, состоящего при Императорском Московском университете ; Т. 66. Труды этнографического отдела ; Т. 10).

Хомич Л. В. *Саамы [Текст]* / Л. В. Хомич. Санкт-Петербург : Отд-ние изд-ва Просвещение», 1999. — 135 с.

Черняков З. Е. *Очерки этнографии саамов [Текст]* / З. Е. Черняков. Рованиemi : Университет Лапландии, 1998. — 129 с.

Шеллер Э. *Ситуация саамских языков в России [Текст]* // Наука и бизнес на Мурмане. — 2010. № 2. — С. 18-20; Scheller E. Kola Sami language revitalization — opportunities and challenges, 2013. — С. 396.

Шеффер И. *Лапландия / Иоганн Шеффер ; [пер. с лат.: В. С. Золотилова, А. Ю. Зверева]* Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М. : У Никитских ворот, 2008. — 440 с.

Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России [Текст] : учеб. пособие / сост. и науч. ред. Е. И. Маркова. — Петро-заводск : Карельский Центр гендерных исследований, 2005. — 210 с.

Гражданин и подвижник Севера [Текст] : Памяти В. С. Маслова : [Сб.]. — Мурманск : Кн. изд-во, 2002. — 84 с. : ил. ; 29 см. — (Наука и бизнес на Мурмане : Науч.-практ. журн.. Серия «Духовная практика» ; № 6 (33) Т. 5 [1684-7466]).

Кольские саамы на рубеже тысячелетий [Текст] // Наука и бизнес на Мурмане. История и право : научно-практический журнал. — 2000. — № 4 (19).

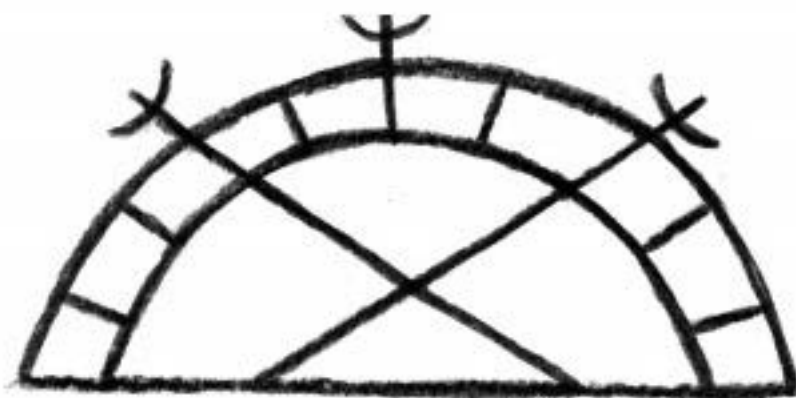
Саамской литература — 15 лет [Текст] // Наука и бизнес на Мурмане. Язык, сознание, общество : научно-практический журнал. — 2005. — № 5 (50).

Культура саамского народа [Текст] // Наука и бизнес на Мурмане : научно-практический журнал. — 2007. — № 5 (62).

Языки и культура кольских народов [Текст] // Наука и бизнес на Мурмане : научно-практический журнал. — Мурманское книжное издательство, 2010. — № 2 (69).

Поморы на Кольском Севере: история, культура, этнография [Текст] : научно-вспомогательный библиографический указатель / [сост. : Дячок С. А. и др. ; худож. Шо-

- рохова Т. А. ; науч. консультант П. В. Федоров]. — Мурманск : Милори, 2007. — 151 с.
- Предания Монче-тундры [Текст] /* Муницип. бюджет. учреждение культуры «Музей истории г. Мончегорска», Обществ. орг. «Мончег. нац.-культур. автономия корен. малочисл. народа саами». — Апатиты : «КаэМ», 2018. — 63 с. : *Саамская библиография [Текст] : лит. на рус. и саам, яз.: (1776-1996) /* сост.: Ю.Г. Земская, Е. Р. Михайлова. — Мурманск : Мурман. гос. обл. универс. науч. б-ка, 2005. — 175 с.
- Саамская литература [Текст] : материалы и исследования : [сборник] /* сост. Вячеслав Огрызко. — Москва : Литературная Россия, 2010. — 238, [1] с.
- Словарь лексики духовной культуры кольских саами [Текст] /* М-во образования и науки Рос. Федерации, Мурман. гос. гуманитар. ун-т ; [авт.-сост.: О. Н. Иванищева, В. Б. Бакула]. — Мурманск: Мурманский государственный гуманитарный университет, 2013. — 222 с.
- Sammallahti Pekka, Хворостухина Анастасия. *Unna sám̄i-sám̄, sám̄-sám̄i sátnegirjjas / Удць sám̄-sám̄i, sám̄-sám̄i соагкнэга [маленький словарь между кильдинским-саамским и северо-саамским языками].* — Girjegiisá Oy, Ohcejohka, 1991. — 94 с.

Альманах саамской литературы

Иллюстратор Л. И. Куршук

Технический редактор Л. И. Куршук

Составители: Балакина Д. С., Большакова Н. П.

Редакторы: Балакина Д. С., Романова А. В.

Корректоры: Романова А. В., Шеллер Э.

НОРНИКЕЛЬ

Живая классика
международный конкурс юных талантов

ААА ЗАМЕТОК

ΑΑΘ ΖΑΗΜΕΤΟΚ

